

Министерство образования Республики Беларусь

Учреждение образования
«Брестский государственный технический
университет»

УЧЁНЫЕ ЗАПИСКИ
Брестского государственного
технического университета:
гуманитарные науки

Сборник научных трудов
Выпуск II

SCIENTIFIC PROCEEDING

Of Brest State Technical University:
The Humanities Sciences

Collection of Scientific Works

Issue II

Брест 2020

УДК 93/94(476)
ББК 6/8(4Бей)я43
У91

Рецензент: **Зданович** Владимир Васильевич, доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой истории Беларуси Учреждения образования «Брестский государственный университет имени А. С. Пушкина»

СЕРИЯ ОСНОВАНА В 2019 г.

Главный редактор – **Стрелец** Михаил Васильевич, профессор кафедры гуманитарных наук, доктор исторических наук, профессор.

Зам. главного редактора – **Лисовская** Татьяна Витальевна, заведующий кафедрой гуманитарных наук, доцент кафедры гуманитарных наук, кандидат исторических наук, доцент.

Технический редактор – **Боровикова** Елена Александровна, начальник редакционно-издательского отдела.

Ответственный секретарь – **Малыхина** Людмила Юрьевна, доцент кафедры гуманитарных наук, кандидат исторических наук, доцент.

Редакционная коллегия:

Мошук Анатолий Васильевич, ректор Государственного учреждения образования «Брестский областной институт развития образования» кандидат исторических наук, доцент (по согласованию).

Сушко Виктория Владимировна, начальник управления воспитательной работы с молодежью, доцент кафедры гуманитарных наук, кандидат исторических наук, доцент.

Рахуба Валерий Иванович, заведующий кафедрой иностранных языков, кандидат филологических наук, доцент.

Борсук Нина Николаевна, заведующий кафедрой белорусского и русского языков, кандидат филологических наук, доцент.

Ковалёва Наталья Николаевна, доцент кафедры гуманитарных наук, кандидат исторических наук, доцент.

Варич Вероника Николаевна, доцент кафедры гуманитарных наук, кандидат философских наук, доцент.

Зозуля Оксана Леонтьевна, доцент кафедры иностранных языков, кандидат филологических наук, доцент.

Учёные записки Брестского государственного технического университета: гуманитарные науки. Сборник научных трудов. Выпуск II / Под ред. М. В. Стрельца, Т. В. Лисовской. – Брест : Издательство БрГТУ, 2020. –191 с.

ISBN 978-985-493-505-8.

Второй выпуск сборника научных трудов «Учёные записки Брестского государственного технического университета: гуманитарные науки» включает исследования по истории, политологии, философии, праву, педагогике и другим наукам гуманитарного цикла.

УДК 93/94(476)
ББК 6/8(4Бей)я43

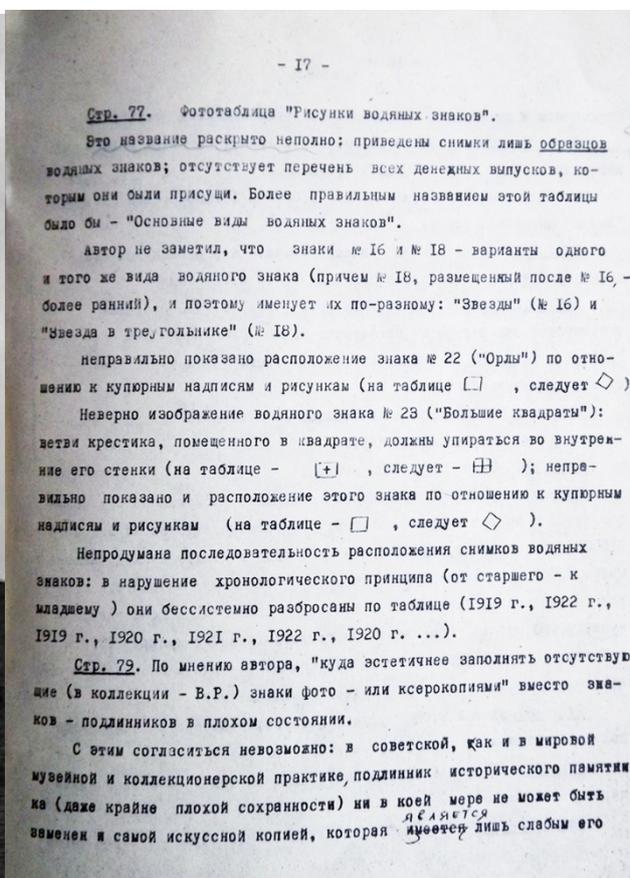
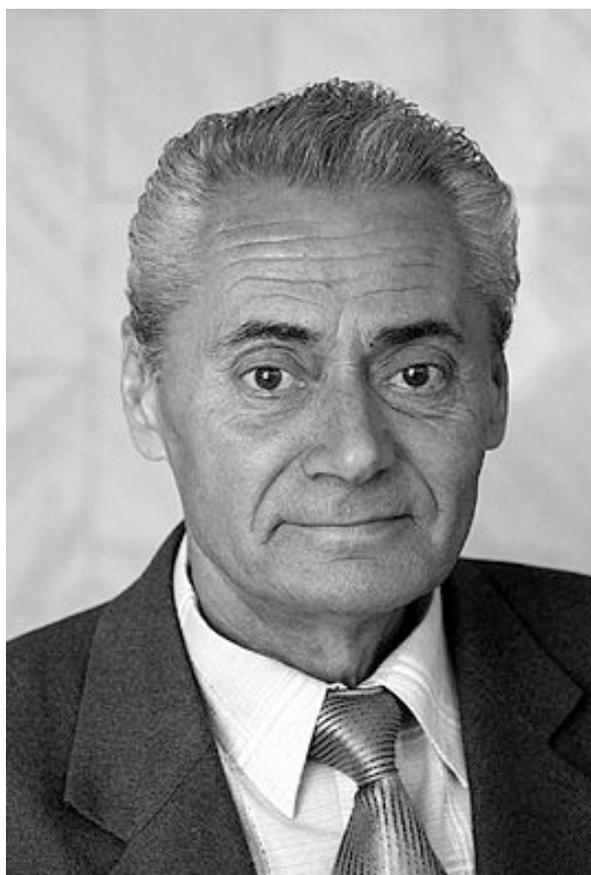
ISBN 978-985-493-505-8

© Издательство БрГТУ, 2020

От редакции

Белорусский учёный В. Н. Рябцевич (1934–2008) известен как нумизмат, однако осталась рукопись, свидетельствующая о его небезразличном отношении к бонистике – вспомогательной исторической дисциплине, предметом изучения которой являются бумажные денежные знаки. Машинопись 1984 г. – Валентин Наумович обычно писал на машинке – из личного архива белорусского историка И. И. Синчука представляет собой подготовленный для редакции отзыв на книгу А. А. Щёлокова «Денежные знаки Советской власти». К сожалению, этой затерявшейся на десятилетия работе, представляющей ныне уже историографический интерес как этап развития белорусской науки, не нашлось места на страницах материалов конференций, посвященных учёному. Наше издание с удовольствием восполняет это упущение, увеличивая количество публикаций Валентина Наумовича ещё на одну единицу.

Главный редактор «Учёных записок Брестского государственного технического университета: гуманитарные науки» **Стрелец М. В.**

**РЕЦЕНЗИЯ НА РАБОТУ А. ЩЕЛОКОВА «ДЕНЕЖНЫЕ ЗНАКИ
СОВЕТСКОЙ ВЛАСТИ. ОПРЕДЕЛИТЕЛЬ-КАТАЛОГ».
6,5 + 4,5 Л. МАШИНОПИСЬ**

Проблемы истории бумажноденежных эмиссий Советского государства достаточно обстоятельно рассмотрены в специальной научно-исследовательской литературе; в плане же научно-популярном сложилось крайне неудовлетворительное положение: превосходное, но тем не менее сильно устаревшее руководство для бонистов, вышедшее под редакцией Ф. Г. Чучина [1], и большинство фрагментарных публикаций, разбросанных по самого различного рода изданиям, практически недоступны или же, более того, даже неизвестны массовому читателю. Именно поэтому попытка автора рассматриваемой работы заполнить эту досадную лакуну в нашей историографии вполне правомерна.

Внимательно ознакомившись с трудом А. Щелокова, вынужден, к сожалению, констатировать непомерно большое число погрешностей и шероховатостей. Полагаю, нет необходимости перечислять все, и тем более систематизировать их, поэтому буду излагать лишь основные замечания «по ходу» авторского текста.

Стр. 13. «Уже через четыре дня после начала войны (1-й мировой – В.Р.) был прекращён обмен кредитных билетов на золото».

Это решение было принято 27 июля 1914 г., т.е. за 4 дня до вступления России в войну (1 августа).

Стр. 16. «... землевладельцы, *субсидировавшие* (выделение мое – В.Р.) дворянский банк, в виде процентов со ссуд получили за 1886–1910 годы 1 миллиард 260 миллионов рублей».

В Советской исторической энциклопедии, на которую (т. 15, стб. 137) дается ссылка, сказано следующее: «Продолжалось кредитование (государством – В.Р.) помещиков и буржуазии. Так, помещики получили от государства за 1886–1910 в счёт ссуд Дворянскому банку 1 260 млн. р.»

Автор, во-первых, совершенно необоснованно синхронизирует два принципиально различных понятия – «помещики» (крупные землевладельцы) и «землевладельцы» вообще; во-вторых, не помещики субсидировали Дворянский банк (существование банка, «живущего» лишь за счёт субсидий, попросту невозможно), а, напротив, последний, пользуясь дотациями государственной казны, субсидировал крупных землевладельцев» (используя при этом, естественно, и не востребованные вклады).

Стр. 30. «С 11 января 1919 года была введена продовольственная развёрстка», – утверждает автор, но тут же противоречит себе: «В 1918 – 1919 гг. продразверстка дала...».

Ссылка дается на Советскую историческую энциклопедию (т. 11, стб. 598), где совершенно чётко указано, что разверсточная система заготовок сельскохозяйственной продукции начала осуществляться со второй половины 1918 г. (Тульская, Вятская, Калужская, Витебская и др. губернии). Что же касается даты 11.1.1913 г., то в этот день декретом СНК она распространилась на ряд «производящих губерний» РСФСР.

Стр. 31. «... по карточкам первой категории выдавалось в день (во 2-й половине 1918 г. – В.Р.) не больше 1/3 фунта хлеба, по карточкам 2-й категории – около 1/16фунта».

Последняя цифра представляется крайне сомнительной!

Стр. 31. «... к 1921 г. (правильнее – в 1921 г. – В.Р.) в обращение были пущены «Обязательства Российской Социалистической Федеративной Советской Республики» достоинством в 10 миллионов рублей.

В обращение были введены номиналы не только в 10 млн. руб., но и в 1, и 5 млн. руб. Попутно отмечу, что автор ссылается на книгу Г. В. Елизаветина «Деньги», выпущенную издательством «Детская литература»; она пестрит грубыми ошибками и поэтому не заслуживает того, чтобы использоваться как источник сведений для работы по истории денежного обращения.

Стр. 36. «... уполномоченный Якутского товарищества розничной торговли А. Семенов выпустил денежные квитанции на винных этикетках. Решение, как видим, находилось *буквально на грани хулиганства* (выделение мое – В.Р.)».

Алексей Алексеевич Семенов с 1904 г. до кончины своей (1938) жил и работал в Якутии. До революции основал первую газету на якутском языке (1907), местные музей и библиотеку, организовывал отправку грузов через Берингов пролив и т. д. В послереволюционное время его кипучая энергия находит еще более широкое применение: он спасает от вымирания (в буквальном смысле этого слова) якутское племя аламутов, открывает месторождения золота, свинца и других полезных ископаемых, организует материальную помощь столичным учёным в тяжелом 1921 г., по его инициативе и проекту на пустом месте основывается город Томмот, горная метеорологическая станция, строятся новые дороги.

В 1912 г. А. А. Семенов познакомился на о. Капри с А. М. Горьким. Великий пролетарский писатель с глубоким уважением относился к своему другу. В посвященной А. А. Семенову статье «О единице» он характеризует его следующим образом: «Он – один из самых бескорыстных людей, встреченных мною за всю мою жизнь. К деньгам и вещам у него органическое презрение, он любит только книги, а больше их – работу... У меня к людям, подобным Семенову, с юности горит, не угасая, чувство глубокого уважения и – не скрою – зависти. Хорошо они умеют жить. Это – потому, что радостно и неутомимо умеют работать».

В письме А. М. Горькому (5.X.1925) А. А. Семенов вспоминает: «В 1922 году основалась Якутская республика (Якутская АССР в составе РСФСР – В.Р.). Я очутился в новой должности – Наркома Финансов в самый трудный момент перехода от натурального товарообмена к денежному обращению. Наклепав в одно из воскресений денег на 30 млн. руб., мы сносно вышли из положения». О своей работе в должности Наркома А. А. Семенов пишет в более раннем (20.VI.1923) письме А. М. Горькому: «Вот уж скоро год, как занимаю высокий пост Наркома финансов..., «читаю циркуляры, измышляю, как достать денег на неотложные нужды, расклеиваю самолично плакаты о займе, уговариваю недовольных. Лето отдам на создание бюджета Якутской республики... На должности Наркома я тоже проявлял самостоятельность ... печатали деньги на 30 миллионов. Москва за это мне шею намылила, но в результате польза для Якутии была огромная».

А. М. Горький («О единице») следующим образом рассказывает о «деньготворчестве» А. А. Семенова: «Из всех бумажных денег, которые выпускались в оборот на безграничном пространстве Союза Советов, самые оригинальные выпустил Алексей (Семенов – В.Р.): он взял разноцветные этикетки для бутылок вина, своей рукой написал на «Мадере» – 1 рубль, на «Кагоре» – 3 рубля, «Портвейне» – 10 рублей, «Хересе» – 25 рублей, приложил печать Наркомфина, и якуты, тунгусы очень хорошо принимали эти деньги, как заработную плату или как цену продуктов. Когда Советская власть *погасила* (выделение мое – В.Р.) эти своеобразные квитанции, Семенов прислал мне их образцы [2].

Профессор З. В. Атлас, общепризнанный авторитет в области истории финансов СССР, в своей фундаментальной монографии отмечает: «В Якутской ССР местный Нарком финансов (А. А. Семенов – В.Р.) в качестве бумажных бон выпустил в обращение ... винные этикетки, *успешно функционировавшие* (выделение мое – В.Р.) некоторое время в хозяйственном обороте» [3, с. 208].

Уже то, что эти этикетки-обязательства были выкуплены государством у населения – несомненное доказательство того, что действия А. А. Семенова (несмотря на то, что «Москва /ему/... шею намылила») в конечном итоге, действительно, принесли «огромную пользу» Якутии, и поэтому были признаны оправданными.

Я не случайно уделил столько места вопросу о «винных деньгах» А. А. Семенова. Авторская квалификация этого интереснейшего эпизода из истории становления советского денежного хозяйства вызывает чувство недоумения и обиды на оскорбительно-пренебрежительное отношение к памяти замечательного человека. А. А. Семенов в невероятно сложных условиях (в архиотдаленной, по тем временам, окраине Советской страны) сумел найти правильное при всей его необычности решение в, казалось бы, безвыходной ситуации [4].

В заключение считаю уместным привести высказывание многолетнего Министра финансов СССР А. Г. Зверева. Вспоминая 20-е годы, он замечает, что на прошлое «... нужно смотреть не только глазами сегодняшнего дня, но и переноситься в былое. Такое «двойное зрение» ... просто необходимо, если кто-нибудь хочет вжиться в эпоху и постичь внутреннюю логику её событий. Ныне советские люди думают иначе, чем в 1922 году. Не та жизнь, не та эпоха» [5, с. 43].

Стр. 36. «Никакого «общегосударственного» эмиссионного права *не существует* (выделение мое – В.Р.). Единственным учреждением в нашей стране, которое осуществляет выпуск и изъятие денег из обращения, является Государственный банк».

Совершенно верна вторая фраза этого высказывания, чего нельзя сказать о первой: без существования общегосударственной эмиссионной регалии вообще невозможны сколько-нибудь упорядоченные эмиссии и организация денежного обращения. Следовало бы лишь отметить абсолютно-монопольное право на неё Государственного банка и отсутствие такового у кого бы то ни было ещё.

Стр. 36. «... в народе за годы гражданской войны произошло изменение того взгляда на деньги, который долгое время воспитывался миром капитала. Миллион рублей, обладание которым теперь вовсе не означало большого количества (?! – В.Р.), в просторечии без почтения именовался лимоном».

Кстати, ассигнации в тысячу рублей именовались «кусками», миллиардные суммы – «лимонардами» или «лимардами» [6].

Речь может идти отнюдь не об «изменении ... взгляда на деньги», т. е. об отказе (в невероятно короткий – всего несколько лет! – срок) от векового отношения к деньгам, а о вполне естественном отклике лексики народных масс на достаточно непривычные для неё слова-понятия, которые ранее широко практически не бытовали в ней.

Стр. 41. «Первыми в обращение (в 1922 г. – В.Р.) попали билеты в 5 и 10 червонцев, позже (когда? – В.Р.) – 1 и 3 и, наконец, уже в начале 1923 г. – 25 червонцев».

Ссылка дается на сб. материалов «Наше денежное обращение» (с. 135). В помещенной на этой странице Таблице № 87 («Количество билетов Государственного банка, переданных в кассу «Правления банка...») в графе «декабрь (1922)» фигурируют все, кроме 25 червонцев, номиналы (1, 2, 5, 10 червонцев) [7].

Стр. 42. «В 1701 г. Петр I начал выпуск монеты с содержанием 4,3 г золота».

Золотое содержание этой монеты (червонца) не 4,3, а 3,4 г (стандарт западноевропейского золотого дуката).

Стр. 44. «Чеканка золотых червонцев (1923 г. – В.Р.) и выпуск их в обращение параллельно с бумажными (червонцами – В. Р.)...».

Золотые червонцы с гербом РСФСР, отчеканенные в 1923 г., с самого начала были предназначены для внешних платежей, а не для внутреннего обращения, и поэтому никак не могли обращаться «параллельно» со своими бумажными «тёзками».

Стр. 46. «Возникали моменты, когда начинал «покачиваться» и бумажный червонец, но его паритет быстро стабилизировался *выпуском в обращение значительной массы золотой монеты* (выделение мое – В.Р.)».

Как уже отмечалось, червонцы РСФСР (1923) были использованы для международных платежей. Попутно заметим, что тираж их выпуска был далеко не «массовый»; что же касается червонца СССР (1925), то дальше его пробной чеканки дело не пошло. О какой же «массовой» эмиссии золотой монеты может идти речь?

Стр. 66. Начав с рассказа о нападении фашистской Германии на Советский Союз, автор внезапно обращается к характеристике развала финансов царской России в 1-ю мировую войну и сопоставлению их состояния с финансами стран Антанты; затем столь же неожиданно возвращается к начальному этапу Великой Отечественной войны. В результате нарушается логическая последовательность изложения. Место рассказу о финансовом крахе царизма – в начале работы (раздел «Крах финансовой системы старой России» – с. 13 и след.).

Стр. 69. «В ходе реформы (1947 г. – В.Р.) произведен обмен *всех* (выделение мое – В.Р.) имевшихся в обращении денег по соотношению 10 рублей в деньгах старого образца на рубль в деньгах образца 1947 г.

По этому же курсу был произведён перерасчёт ... денежных вкладов в сберегательных кассах и т. д.»

Обмену подлежали лишь бумажные деньги; металлические же (монеты) не только остались в обращении, но и продолжали, как и прежде, выпускаться по типу, введенному ещё в 1935 г.

Вклады в сберегательных кассах на сумму до 3 000 рублей перерасчету не подлежали; вклады свыше 3 000 рублей (но не более 10 000 рублей) переоценивались по соотношению 3:2 (3 рубля старого образца на 2 рубля новых), свыше 10 000 рублей – по соотношению 2:1 (два рубля старого образца на 1 рубль новый).

Облигации массовых государственных займов обменивались на облигации нового 2-х процентного займа 1948 г. по соотношению 3:1 облигации свободного займа 1938 г. – по соотношению 5:1; облигации займа 1947 г. переоценке не подлежали.

Не переоценивались денежные фонды государственных организаций и предприятий. Что же касается денежных сумм расчётных и текущих счетов колхозов, кооперативных предприятий и организаций, то они переоценивались как 5:4 (5 старых рублей на 4 рубля новых).

Таким образом, льготные условия переоценки вкладов граждан в государственных сберегательных кассах и облигаций государственных займов, фондов государственных и кооперативных учреждений были направлены на защиту частных трудовых и государственных сбережений, в то время как спекулятивные накопления, сокрытые в «кубышках» и «чулках», в значительной мере обесценивались.

Стр. 69. «Денежные знаки и старая монета подлежали замене на новые знаки и монету (с 1 января 1961 г. – В. Р.)...».

В обращении были оставлены (и участвуют в ней ныне) монетные номиналы в 1, 2 и 3 копейки старых образцов.

Стр. 70. «Московский Кремль на советских денежных знаках и (подчеркнуто мною – В.Р.) металлических монетах».

Приводятся фото пяти бумажных денежных знаков и двух мемориальных монет – 10 и 1 рублевых достоинств, посвященных XXIX Олимпийским играм в Москве.

В приведенном выше заглавии таблицы монеты выступают как нечто отличное от денежных знаков. Между тем, к последним, как представителям действительных денег, относятся все находящиеся ныне во внутреннем обращении СССР номиналы от 1 копейки до 1 рубля (в числе их и 6 разновидностей «олимпийских» рублевиков, выбитых в медноникелевом сплаве). Что же касается десятирублевой монеты, то она – не денежный знак: серии посвященных Олимпиаде монет номиналами от 5 до 150 рублей (серебро, золото, платина) являются деньгами».

Стр. 71. «... белые и (подчёркнуто мною – В.Р.) контрреволюционные правительства».

Из буквального смысла этого выражения следует, что белогвардейские правительства и правительства контрреволюционные – явления разного порядка. Полагаю, нет необходимости доказывать, что белогвардейцы – органическая часть лагеря контрреволюции, более того – её «ударная сила».

Следовало бы – «белые и другие контрреволюционные правительства» или же просто – «контрреволюционные правительства».

Стр. 72–74. Рассматривается вопрос о выпуске в 1919 г. серии кредитных билетов с датой «1918», несущих на себе изображение лишнегоимператорских регалий двуглавого российского орла.

Этому событию предшествовал декрет СНК РСФСР от 15 мая 1919 г., отрывок которого цитируется в работе. «...В целях постепенной замены имеющихся в обращении кредитных билетов ныне существующего образца, как совершенно не соответствующего по своей форме началам нового государственного строя России, а также извлечения из оборота разного рода денежных суррогатов ... Совет Народных Комиссаров постановляет выпустить в обращение кредитные билеты нового образца 1918 года.

По мнению автора, эмиссия рассматриваемой серии билетов явилась грубым нарушением сути и духа майского постановления Советского Правительства. Инициатором и исполнителем её он считает тогдашнего Управляющего Народным Банком РСФСР Г. Пятакова, который «без государственной ответственности..., проявив поразительную беспринципность, санкционировал выпуск денег с атрибутами Временного правительства». И в другом месте эта эмиссия именуется автором «злополучной серией кредитных билетов».

Отнюдь не пытаясь «реабилитировать» Г. Пятакова, деятельность которого на государственных постах получила предельно чёткую, недвусмысленную оценку В. И. Ленина, должен тем не менее высказать противоположную точку зрения; бесспорным «виновником» этого денежного выпуска 1919 г. был Совет Народных Комиссаров РСФСР.

Обратимся к анализу приведённого выше декрета. Речь в нём – о необходимости изгнания с рынков денег старых выпусков, а также различного рода денежных суррогатов. Эта задача должна быть разрешена эмитированием кредитных билетов «нового образца 1918 года».

Почему же этот новый вид денежных знаков датирован уже прошедшим, 1918 годом? Ведь сама собой напрашивается дата «1919»!

Дело объясняется просто: орудием запланированной эмиссии были заранее избраны клише, заготовленные «впрок» Временным правительством, не ведавшим, естественно, что «время» его кончится в том же году, что и началось ...

Именно это обстоятельство и позволяло в фантастически сжатые сроки (в мае этого же года – т. е. менее чем за две недели!) претворить декрет СНК в жизнь – не только отпечатать, но и бросить в обращение действительно новые, неведомые рынкам денежные знаки десяти (!) номиналов (1, 3, 5, 10, 25, 50, 100, 250, 500, 1 000 рублей) на сумму в 6 726,9 миллиона рублей! [7, с. 98. Таблицы № 58, 54].

«Вся серия 1918 г. [8] – порождение беспринципности и государственной безответственности», – вновь заявляет автор. Обосновывая свое мнение, он указывает на то, что герб РСФСР, утвержденный в 1918 г., отсутствует на названных выше денежных знаках.

Герб Советской республики был утверждён менее чем за год до осуществления рассматриваемой эмиссии [9]. Следует напомнить то, что выработка проектов рисунков новых денежных знаков и изготовление их клише – чрезвычайно сложная, трудоёмкая и деятельная операция. Советская власть приступила к ней в первые же месяцы своего существования. Уже 8 апреля 1918 г. специальное жюри рассмотрело представленные рядом крупнейших художников конкурсные эскизы купюр, но признало их неудовлетворительными [10, с. 212–213].

В марте 1919 г. во исполнение декрета СНК от 4 февраля всё же начат выпуск «Расчетных знаков» с гербом РСФСР достоинством в 1, 2 и 3 рубля. Выполненные на низком полиграфическом уровне, уступая по размерам (34 x 43 мм) даже печально известным керенкам, они напоминали скорее почтовые марки, чем денежные купюры и, естественно, не могли сыграть существенной роли в денежном обращении.

А между тем огромные суммы требовались стране безотлагательно: резко обострившаяся гражданская война и иностранная военная интервенция выдвинули на первый план активную оборону, которую практически нечем было субсидировать. Советское Правительство вынуждено было принять решение о срочной эмиссии денежных знаков по имевшимся клише 1918 г.

На них, уже отмечалось, помещено изображение декоративного двуглавого орла, долженствующего олицетворять собой «демократическую», антимонархистскую Россию. К 1919 г., когда были сделаны лишь первые шаги по пути к выработке стабильной советской государственной эмблематики, этот герб не выражал, в принципе, ничего откровенно враждебного советскому строю, и потому в сложившейся ситуации оказался приемлемым в денежном производстве.

З. В. Атлас совершенно справедливо определяет билеты образца 1918 г. как «переходный вид денежных знаков..., которые не имели реквизитов дореволюционных знаков (имеются в виду эмиссии царского правительства – В.Р.), но ещё не обладали и специфической формой советских денежных знаков» [3, с. 120].

Лишь в декабре 1919 г. оказалось возможным выпустить «Расчётные знаки» с гербом РСФСР достоинством в 15, 30 и 60 рублей, а в марте–августе 1920 г. – в 100, 250, 500, 1 000, 5 000 и 10 000 рублей. К концу 1919 г. эти (от 1 до 60 рублей) знаки составили лишь 2 % эмиссионных тиражей, в то время как кредитные билеты образца 1918 г. – 74,8 % [3, с. 120]. Следовательно, выпуск последних полностью оправдал себя, и поэтому был продолжен.

Какие же денежные знаки, подлежащие изъятию на обращения, имел в виду майский декрет СНК? Это, прежде всего, купюры монархической России [11] и выпуски разномастных контрреволюционных «правительств».

Таким образом, если согласиться с авторской трактовкой обстоятельств осуществления эмиссии билетов образца 1918 г., то остается признать очевидно – невероятное: то, что Совет Народных Комиссаров РСФСР разработал и утвердил декрет 15 мая с государственной безответственностью, не определив конкретных форм его претворения в жизнь; то, что предоставил бесконтрольное право осу-

ществления своего решения инициативе одного человека [12]; то, что позже (декретом от 21 октября 1919 г. усугубил свое упущение, постановив, в дополнение к майскому решению, начать выпуск двух последних номиналов серии образца 1918 г. – 5 000 и 10 000 рублей [13] наконец то, что совершив эти ошибки, так и не понял их в последующие годы, когда тиражирование денежных знаков образца 1916 г. продолжалось в широких масштабах, а изъятие их из обращения (путём обмена на дензнаки образца 1922 г.) было проведено лишь в октябре 1922 г. [14].

- «В результате (санкционирования Г. Пятаковым эмиссии кредитных билетов образца 1918 г. – В.Р.) на знаках, снабженных подписями должностных лиц Народного банка РСФСР, мы видим двуглавый герб (?! – В.Р.) Временного правительства (*правда, без императорских корон [15] и губернских гербов на груди и даже знака свастики*)» (выделение мое – В.Р.).

В одной этой фразе содержится четыре существенных ошибки:

а) на груди двуглавого орла царской России помещалось только одно гербовое изображение – св. Георгий Победоносец на коне, поражающий копьём змия;

б) на крыльях орла размещались (по четыре на каждом) гербы семи царств» (Казанского, Польского и др.) и одного «княжества» (Финляндского);

в) гербы губерний никогда не являлись атрибутами общероссийского государственного герба;

г) на кредитных билетах образца 1918 г., пущенных в обращение в 1919 г. (номиналы от 1 до 1 000 рублей) знака свастики нет. Он появляется на двух высших купюрах этой серии (5 000 и 10 000 рублей), поступивших в обращение лишь в январе 1920 г. [16].

Свастика на денежных знаках была всё же хорошо известна в это время. Она находилась на «думских» кредитных билетах образца 1917 г. достоинством в 250 рублей [17] (именно с ними, очевидно, автор смешивает билеты образца 1918 г.).

Автор справедливо указывает, что изображение этой свастики нельзя ассоциировать со свастикой фашистской Германии. Однако читатель остается в неведении о добром изначальном смысле этого древнего символа; о том, что он в демагогических целях был использован Временным правительством; наконец, о том, что, будучи взята на вооружение германским фашизмом, свастика именно им была превращена в один из самых зловещих в истории человечества символов.

- «Слабые стороны денег образца 1918 г. быстро подметили враги революции. Белогвардейская контрразведывательная пропагандистская организация «Осваг» делала на этих знаках надпечатки издевательских стишков и лозунгов».

Автор глубоко заблуждается. Отнюдь не «слабые стороны» знаков 1916 г. вызвали истерию осваговских писак: нелепо и предполагать, что вывело их из равновесия отсутствие на билетах советской символики [18].

Напротив, вспышку бессильно-злобного «творчества» в лагере контрреволюционного отребья породили сильные стороны этого выпуска. Деньги – своеобразные политические плакаты, прокламирующие независимость государства, эмитировавшего их. Именно таковыми (благодаря размещению на факсимиле подписей официальных представителей Народного Банка РСФСР –управляющего и кассира) стали в 1919 г. билеты образца 1918 г. [19].

В целом, эта эмиссия явилась эффективнейшим политико-экономическим ударом по врагам молодого Советского государства.

- «Вполне понятно, что не имеющие свидетельств советской принадлежности знаки с датой «1918» (а подписи управляющего и кассира? – В.Р.) нет оснований ставить в общий ряд с регулярными советскими деньгами (следует: «с регулярно выпускавшимися советскими деньгами» – В.Р.)».

Напротив, серию билетов образца 1918 г. следует рассматривать как первую регулярную эмиссию РСФСР. В подтверждение сошлюсь на предыдущее замечание к этой странице и на сноску [17].

Стр. 77. Фототаблица «Рисунки водяных знаков». Это название раскрыто не полно: приведены снимки лишь образцов водяных знаков; отсутствует перечень всех денежных выпусков, которым они были присущи. Более правильным названием этой таблицы было бы – «Основные виды водяных знаков».

Автор не заметил, что знаки № 16 и № 18 – варианты одного и того же вида водяного знака (причём № 18, размещённый после № 16, – более ранний), и поэтому именуется их по-разному: «Звезды» (№ 16) и «Звезда в треугольнике» (№ 18).

Неправильно показано расположение знака № 22 («Орлы») по отношению к купюрным надписям и рисункам (на таблице – □, следует – ◇).

Неверно изображение водяного знака № 23 («Большие квадраты»): ветви крестика, помещенного в квадрате, должны упираться во внутренние его стенки (на таблице – [+], следует – [⊕]); неправильно показано и расположение этого знака по отношению к купюрным надписям и рисункам (на таблице – □, следует – ◇).

Не продумана последовательность расположения снимков водяных знаков: в нарушение хронологического принципа (от старшего – к младшему) они бессистемно разбросаны по таблице (1919 г., 1922 г., 1919 г., 1920 г., 1921 г., 1922 г., 1920 г. ...).

Стр. 79. По мнению автора, «куда эстетичнее заполнять отсутствующие (в коллекции – В.Р.) знаки фото – или ксерокопиями» вместо знаков – подлинников в плохом состоянии.

С этим согласиться невозможно: в советской, как и в мировой музейной и коллекционерской практике подлинник исторического памятника (даже крайне плохой сохранности) ни в коей мере не может быть заменен и самой искусной копией, которая является лишь слабым его отражением и никогда не включается в основной фонд собрания.

Стр. 81. Водяные знаки на расчётных знаках номинала в 1 000 рублей – не только «Звезды», но и «Уголки».

На водяных знаках номиналов в 5 000 и 10 000 рублей следует различать «Волны» широкие и узкие.

Стр. 82. На расчётном знаке номиналом в 5 рублей водяные знаки представлены не только «Уголками», но и «Грибами».

Стр. 84. Важно отметить, что среди купюр в 5 000 рублей встречаются экземпляры с опечаткой: «PROLETAPIER» вместо «PROLETARIER» (в немецком тексте-призыве «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!»).

Купюры в 50 000 рублей печатались на бумаге не только с водяными знаками «Звезды», но и со знаками «Креста».

Стр. 85. Фото № 40 – 500 рублей.

Крупные цифры «500» обозначения номинала, расположенные у центров левой и правой сторон картуша, переделаны автором на цифры «1 000», им же зачёркнуто слово «пятьсот» в центре купюры (мелкие цифры «500» в углах картуша и по центрам верхней и нижней его сторон оставлены нетронутыми). Непонятна цель этих «исправлений»: купюра в 500 рублей от этого не стала похожей на купюру 1 000-рублевого достоинства, от которой (помимо разницы в обозначении номиналов) отличается рядом существенных деталей.

Стр. 86. Знак в 5.000 рублей, фотография которого приводится под № 41, относится не к 1922, а к 1921 г.

Стр. 94. 1 рубль золотом выпускался не только с обозначением серии, но и без него.

Стр. 102–108. Раздел «Серия 1918 г.» (следует – «Серия образца 1918 г.») содержит перечень кредитных билетов образца 1918 г., выпускавшихся с мая 1919 г. Повторяется утверждение, прозвучавшее в начале работы (стр. 25), что купюра достоинством в 1 рубль, будучи отпечатанной, «в обращение не поступала».

К 1 декабря 1919 г. в обращении находился 81 миллион экземпляров этих купюр, к 1 декабря 1920 г. – 81,1 миллиона, к 1 декабря 1921 г. – 80,4 миллиона, к 1 октября 1922 г. – 56,7 миллиона [7, с. 98–101. Таблицы № 54, 56, 58, 60].

Стр. 104–128. Содержание этих страниц, по существу, противоречит теме работы. Приводится подробнейший перечень разнообразных эмиссий царского и Временного правительств с 1860-х гг. по 1917 г. – кредитных билетов, облигаций, краткосрочных обязательств, купонов государственных ценных бумаг, закладных листов Дворянского и Крестьянского банков, облигаций городского и земского кредита..., подписей управляющих банком и кассиров, буквенных и цифровых обозначений серий, цветов и их оттенков на купюрах. Всё это выполнено гораздо обстоятельнее, чем описание советских денежных эмиссий.

Представляется, что рассказ об обращении в советское время образцов дореволюционных эмиссий следовало ограничить лишь их общей характеристикой.

Стр. 112. Приводится перечень кредитных (250 и 1 000 рублей) и казначейских (20 и 40 рублей) билетов Временного правительства.

В этот перечень включены (в виде подразделов) и выпуски номиналов в 250 и 1 000 рублей, осуществленные финансовыми органами РСФСР.

Таким образом, под общей шапкой «Кредитные билеты временного правительства» оказалась эмиссия буржуазной и Советской России. Последние, думается, следовало бы вынести в начало каталога под грифом «Кредитные билеты образца 1917 г., выпускавшиеся Советской властью».

Стр. 133. При описании денежных выпусков Северо-Кавказской ССР следовало указать, что были не только двусторонние (25, 50 и 100 рублей) бонны, датированные 1918 г., но и недатированные односторонние (50 и 100 рублей).

Последние не упомянуты автором, а между тем представляют особый интерес. Это «табачные деньги», эмитированные Екатеринодарским Отделением Государственного Банка (50 рублей – на 10-ти копеечной, 100 рублей – на 15-ти копеечной вексельной бумаге) в 1918 г., с надписью «Бон обеспечен обязательством Северо-Кавказской Советской Социалистической республики под поступления табачного акциза» [20].

Стр. 139. В перечне денежных знаков Грузинской ССР пропущен номинал в 5 000 рублей, выпущенный 11 декабря 1922 г. на толстой и тонкой бумаге в четырёх вариантах.

Стр. 145–154. Описание денежных выпусков Бухарской Народной Советской республики.

Многочисленные грубые ошибки в прорисовке легенд, выполненных арабским шрифтом (рис. 118, 120, 123, 124, 126 и т.д.); в результате многие слова превращены в невразумительный набор букв, написанных как правильно, так и искаженных до неузнаваемости.

Стр. 145. Приводится фотография (№ 117) круговой трехдольной легенды на первых денежных выпусках республики (1339 год хиджры – осень 1920 г.).

Автор указывает, что эта легенда присутствует на всех номиналах от 50 до 3 000 теньгов. Это не так: она имеется на лицевой стороне лишь 50, 100 и 200 теньгов, но отсутствует на купюрах в **200** [так в оригинале – И.С.], 500, 1 000, 2 000, 3 000 теньгов.

Опущено описание оборотной стороны, легенда которой особенно интересна, так как свидетельствует об использовании в первых эмиссиях Советской Бухары дореволюционных эмирских клише (ср. с выпусками РСФСР билетов образца 1917 г. в 1918 г. и образца 1918 г. в 1919 г.). Трехстрочная оборотная легенда гласит: «Сделаны по великому августейшему повелению /произведший подделку этого карается согласно священному шариату/ печатано в благородной Бухаре».

Стр. 146. Рис. 118: 5 000 теньгов.

Неполный перевод (в скобках привожу его недостающую часть, вне скобок – перевод, расположенный при рисунке): «Печатано в благородной Бухаре. Кто сделает подделку этого, подвергнется наказанию (согласно священному шариату)».

Опущено описание каплеобразного картуша, размещенного над приведенной выше легендой. На первом выпуске этого номинала в этом картуше помещена надпись времени эмира – «Сделаны по великому августейшему поселению» (использовано старое клише), на следующем выпуске – уже эмблема советской Бухары – серп («урак») и молот, обрамленные двумя ветками с коробочками хлопка.

Стр. 147. Рис. 127: 3 000 рублей.

Грубое искажение эмблемы лицевой стороны:

а) неверно передано изображение звезды (в центре неё должен быть незаретушированный кружок), б) неправильная прорисовка растительного орнамента (ветки с цветами) справа и слева, в) в центре изображены скрещенные лопаты (?), в то время как должны быть две скрещенные веточки хлопка.

Стр. 155–158. Эмиссии Туркестанской Советской республики. Автор определяет большинство из них как одноцветные, в то время они многоцветные.

Например: цвет кредитного билета в 10 рублей определен как «красный», а на нём имеются черный и синий шрифты; «голубой» билет в 50 рублей имеет черный, красный и синий шрифты; «желтый» билет в 50 рублей имеет шрифты синий и черный.

Стр. 160. Хорезмская Народная Советская республика.

Искажение легенд при прорисовках.

В перечне денежных знаков 1920 г. (1338 г. хиджры) пропущены шелковые 250 рублей.

Стр. 161. В перечне денежных знаков 1921 г. (1339 г. хиджры) пропущены 750 и 5 000 рублей бумажные, 1 000 рублей шелковые.

Стр. 171–180. Перечень связанных с финансами решений Советского правительства (в виде одних названий) не может дать читателю сколько-нибудь конкретную информацию. Целесообразно было бы рекомендовать литературу, в которой они рассматриваются.

Стр. 181. Раздел «Наш герб на денежных знаках» непонятно почему завершает работу; совершенно очевидно, что он должен находиться в разделах, посвящённых непосредственно советскому денежному производству.

Общие замечания

1) Крайне непродумано название работы «Денежные знаки Советской власти. Определитель-каталог».

а) Речь идёт о денежных знаках Советского государства. Авторская же формулировка темы попросту непонятна.

б) Поставив перед собой цель рассказать о советских денежных знаках вообще, следует рассматривать не только бумажноденежное, но и монетное производство: ведь монеты, выбитые в неблагородных металлах – денежные знаки в той же мере, что и бумажные номиналы!

в) Принято писать не «Определитель-каталог», а «Каталог-определитель».

2) Не может не вызвать удивления небрежность отношения автора к ссылкам на источники и литературу (мною, естественно, проведена выверка лишь незначительной их части, ибо это входит в обязанности редактора, а не рецензента).

Приходится сталкиваться со случаями не только искажения цитируемого источника (см. замечания к стр. 18, 30, 41), но и приписывания им данных, которые отсутствуют в них (стр. 13 – ссылка на Советскую историческую энциклопедию, т. 15, стб. 138).

3) Полностью проигнорирован такой важнейший вопрос, как непрерывное укрепление позиции советского рубля по отношению к иностранным валютам (исчисление его курса на базе французского франка до 1937 г., перевод его исчисления на долларовую основу в 1937 г. и отказ от нее в 1950 г.) перевод его на золотую основу в 1950 г., укрепление этой основы в 1961 г., возникновение переводного рубля как коллективной валюты стран СЭВ.

4) Судя по работе, автор не знаком с основными специальными исследованиями (как прошлых лет, так и настоящего времени) по теме, список которых достаточно обширен.

5) Крайне сумбурна структура работы (в рецензии она не анализируется, так как вызывает слишком много возражений).

В заключение – о введении к работе А. Щелокова («Об этой книге», автор – И. Гаретовский).

Стр. 2. Деноминация 1947 г. не «пятая» в истории нашей страны, а четвертая.

Слишком поверхностно изложение механизма обмена денег при реформе 1947 г. – см. замечание этой рецензии к стр. 69.

Стр. 4, 5, 8. Автор считает, что денежные выпуски белогвардейских и прочих контрреволюционных правительств, различные денежные «курьюзы» не представляют собой исторической ценности. С этим нельзя согласиться: этот материал требует серьезного отношения к себе, ибо во многом благодаря ему становится понятным, в каких невероятно трудных условиях возникла и становилась на ноги советская денежная система.

Стр. 9. «Она (советская денежная система – В.Р.) возникла как результат объективной потребности обеспечить ускоренное развитие экономики ранее крайне отсталых национальных окраин». Разве только этой потребностью объясняется создание первой в мире социалистической денежной системы?

Стр. 11. О губернских гербах на государственном гербе царской России – см. замечание к стр. 72–74.

Стр. 11-12. «Появление его (двуглавого орла на кредитных билетах образца 1918 г., выпущенных в 1919 г. – В.Р.) не вызывалось ни обстановкой, ни необходимостью» – см. замечание к стр. 72–74.

Считаю издание работы А. Щелокова «Денежные знаки Советской власти. Определитель-каталог» нецелесообразным.

Доцент кафедры археологии, этнографии и вспомогательных исторических дисциплин Белорусского ордена Трудового Красного Знамени государственного университета им. В. И. Ленина

Подпись В.РЯБЦЕВИЧ

24.IX.84

Штамп отдела кадров

1. Бумажные денежные знаки, выпущенные на территории быв. Российской империи за время с 1769 по 1924 гг. – 1925; Каталог бон и дензнаков России, РСФСР, СССР, окраин и образований (1769 – 1927) – 1927.

2. В письме А. А. Семенову (Неаполь, 17.XII.1925) А. М. Горький пишет: «... в грустные минуты я люблю вспоминать о Вас и рассказываю Вашу жизнь другим. У меня сохранились Ваши «Деньги», этикетки с бутылок вина... Это – редкость... Хочется назвать Вас героем». (В настоящее время эти «деньги» хранятся в музее А. М. Горького).

3. *Атлас*, З. В. Социалистическая денежная система : Проблемы социалистического преобразования и развития денежной системы СССР / З. В. *Атлас*. – М. : Финансы, 1969. – 384 с.

4. Подробнее о А. А. Семенове см.: Горький, А. М. О единице // *Новый мир*. – 1960. – № 11; Семенов, А. На Капри у М. Горького – Там же; Из переписки А. М. Горького и А. А. Семенова – Там же; Розенберг, Л. Винные деньги Якутии // «Советский коллекционер». – 1964. – № 2.

5. *Зверев, А. Г.* Записки Министра / *А. Г. Зверев*. – М. : Политиздат, 1973. – 270 с.

6. См., напр., *Паустовский, К.* Повесть о жизни. – М., 1962, кн. 2. – С. 231; Кольцов, М. Избранные произведения в 3-х томах. – М., 1957. – Т. 1, – С. 81.

7. Наше денежное обращение : Сборник материалов по истории денежного обращения в 1914 – 1923 гг. / Под ред. проф. Л.Н. Юровского. – М. : Финансовое издательство НКФ СССР, 1926. – 354 с.

8. Следует – «Серия образца 1918 г., эмитированная в 1919 г.» или «Серия 1919 г., эмитированная по образцам 1918 г.».

9. 18 июня 1918 г. проект герба на государственной печати утверждён В.И. Лениным; первое описание он получил в Конституции РСФСР, принятой 5 Всероссийским съездом Советов 10 июля 1918 г.

10. *Конёнков, С.Т.* Мой век : Воспоминания / *С. Т. Конёнков*. – М. : Политиздат, 1971. – 368 с.

11. Впрочем, они продолжали удерживать высокую рыночную котировку, и поэтому Советская власть вынужденно продолжала, используя имевшиеся клише, их эмиссию вплоть по июль 1922 г. Из денежного обращения они были изъяты лишь в октябре 1922 г.».

12. В компетенцию лица, возглавляющего Государственный банк любой страны, входит лишь претворение в жизнь правительственных решений в эмиссионной области и контроль за их буквальным выполнением.

13. На них как и ранее выпущенных номиналах (от 1 до 1 000 рублей подпись Г. Пятакова как Управляющего Народным Банком РСФСР).

14. В 1919 г. в обращение пущено кредитных билетов образца 1918 г. на сумму 123 065,6, в 1920 – на 339 438, в 1921 – на 37 476,2 миллиона рублей (см. «Наше денежное обращение...», с. 97–100 – Таблицы № 53, 55, 57).

15. Следовало бы добавить – «без скипетра и державы».

16. Отпечатаны, во исполнение октябрьского декрета СНК в декабре 1919 г.

17. Как и 1000 «думских» рублей, выпускалась на основе клише Временного правительства по июль 1921 г. Изъяты из обращения в октябре 1922 г.

18. Характерная деталь – кредитные билеты образца 1917 г., несшие на себе того же двуглавого орла, что и билеты образца 1918 г. и эмитировавшиеся Народным Банком РСФСР параллельно с последними, не прельстили антисоветчиков как материал для пропагандистских надпечаток (это понятно: на них были оставлены факсимиле подписей управляющего и кассира Государственного Банка Временного правительства!).

19. В надпечатках на всех их номиналах (от 1 до 1 000 рублей) фигурируют такие понятия, как «большевики», «коммунисты», «комиссары», «Чрезвычайка» (ЧК); содержатся призывы к низвержению Советской власти; билеты эти именуются «фальшивыми», «пятакскими» (по имени Главного Комиссара Народного Банка РСФСР) и даже... «ленинскими». Это ли не доказательство успеха эмиссии 1919 г.?

20. На двусторонних болах – «Бон обеспечен общим достоянием Северо-Кавказской Советской Социалистической республики».

Материал подготовил к печати **И. И. Синчук**

Подстрочные сноски и ссылки сохранены в соответствии с оригиналом подстрочными. Оформление ссылок оставлено авторское. Разрядка заменена полужирным курсивом. Исправлены очевидные описки. Подчеркивания в тексте авторские. Унифицировано выделение разрядов многозначных чисел.

ГЕОПОЛИТИЧЕСКИЙ ПОДХОД В ИЗУЧЕНИИ ИСТОРИИ

В статье сделана попытка обосновать необходимость применения геополитических подходов в изучении мировой истории. Автор анализирует генезис отечественной парадигмы исторического образования с точки зрения её соответствия современным тенденциям цивилизационного развития. Обосновывается тезис о поступательном возрастании роли геополитики в современном мире, которое объективно вызывает необходимость изменения традиционных подходов при изучении всеобщей истории.

В работе предлагаются некоторые фрагменты новой геополитически ориентированной концепции содержания исторического образования, которые позволяют более детально определить существующие и перспективные модели мироустройства и взвешенно осмысливать в них свою национально-государственную и историческую идентичность.

В отечественной исторической науке обращение к геополитической теории приняло более или менее устойчивый характер только в 80-е – 90-е годы XX столетия. Но и тогда данный подход использовался крайне избирательно и касался прежде всего вопросов, связанных с политикой экспансионизма.

С 90-х годов геополитические концепции стали более активно применяться в качестве ключа к пониманию важнейших исторических процессов, происходящих в мире. Однако и тогда они использовались при описании лишь отдельных закономерностей, тенденций и факторов, текущих международных политических преобразований. В отдельных случаях – как единственно возможный и эффективный инструмент для раскрытия объективных причин конкретных исторических событий.

Одним словом, в обозначенный период в исторической науке были сделаны только первые серьёзные шаги к пониманию мирового порядка как контролируемого пространства. На это указывает и тот факт, что геополитика, как цельная самостоятельная учебная дисциплина, появилась в высших учебных заведениях только в эти годы.

Современная парадигма исторического образования не может быть полноценной без преодоления ограниченности традиционного географического детерминизма и перехода к использованию новейших теоретических изысканий в области геополитики и международных отношений.

Существовавшая в 40-е – 90-е годы XX века связь геополитики с историческим процессом базировалась на фундаментальных и неоспариваемых положениях, вытекающих из идеологического противостояния двух глобальных систем во главе с СССР и США. Исторический процесс, если и описывался при помощи геополитических категорий, рассматривался исходя из наличия фундаментальных политических констант:

— противостояния Запада и Востока не только как идеологических противников, но и как соперничающих друг с другом цивилизационных начал;

— объективной необходимости постоянного роста мощи государства как фактора обеспечения его выживания в этом соперничестве.

Само государство при таком подходе рассматривалось как территориально-пространственный феномен, у которого главной целью развития выступает обеспечение надёжного контроля над своими границами (а при возможности и расширения их), т. к. считалось, что простое географическое расширение контролируемого пространства автоматически приводит к возрастанию геополитического потенциала и всех его составляющих: военной, экономической, демографической, технологической и иных. Мощь государства рассматривалась в традициях

органистической геополитики Ф. Ратцеля и Р. Челлена, утверждавших в своих трудах объективную обусловленность политического могущества стран размерами их территории, ландшафтом, климатическими условиями, уровнем развития транспортных коммуникаций, плодородием почв и богатством геологических ресурсов. Соответственно, геостратегия государства выстраивалась исключительно в концепциях и категориях агрессии, завоевания, милитаризма, т. е. таких, которые отражают содержание деятельности и прогнозы по установлению (расширению) прямого военно-политического контроля над территориями. По сути, продолжавшаяся около полувека «холодная война» вполне достоверно иллюстрирует данный подход.

Следует признать, что в отечественной исторической науке конца XX – начала XXI веков все ещё продолжала господствовать без каких бы то ни было существенных изменений доктрина географического детерминизма, разработанная и получившая популярность ещё в конце XIX века. Предложенный в названии новой науки Р. Челленом префикс «гео-» выполнял роль своеобразного ориентира для исследователей и политиков-практиков на изучение прежде всего территориально-пространственного фактора, как определяющего не только ведущую роль государства в системе международных отношений, но и вообще в мировой истории.

Индивид при таком понимании рассматривался исключительно как пространственный феномен, сформированный под воздействием тех же пространственных факторов. Главным актором в геополитике считались государства, этносы, культуры, цивилизации. При изучении истории методологически это выглядело примерно так: чтобы установить зависимость конкретного человека от пространственно-территориальных детерминант, необходимо было прежде всего обратить внимание на характеристики сообществ, к которым он принадлежит ментально, и в рамках каких человеческих суперагломерациях он действует. Главной такой суперагломерацией, как и в прошлые исторические эпохи, позиционировалось именно государство.

Следует признать, что и сейчас, по прошествии уже довольно значительного времени после завершения «холодной войны», при рассмотрении современных исторических процессов многие авторы ещё по инерции исходят из дуалистических представлений о конфигурации мирового порядка. Более того, во многих работах продолжает доминировать мысль о том, что существующая система международных отношений проникнута и определяется противостоянием двух антагонистических, локализованных по геофакторам, начал – талассократического и теллурократического. К ним совершенно неуместно для современного цивилизационного этапа привязываются генетические свойства и характеристики народов и этносов. Для первых – это способность к адаптации, склонность к динамизму в развитии, инновациям, позиционирование в качестве приоритетов индивидуализма, автаркии, предпринимательства, свободной торговли. Как и в конце XIX века теллурократическим (сухопутным) державам, приписываются склонность к консерватизму, приоритет сомнительной стабильности над процветанием, традиционализма, иерархичности и коллективизма. На рубеже тысячелетий данная трактовка становится очевидно несовершенной и недостаточной, хотя роль самого геополитического подхода к объяснению исторических событий и тенденций стремительно растёт, а его использование становится объективно необходимым.

В XXI веке необходимо учитывать не только и не столько территориально-пространственные факторы, сколько возможности государств по диверсификации своих внутренних интересов и противостоящих им претензий на доминирование со стороны над- и транснациональных акторов мировой политики. Это позволит уйти в историческом анализе и от использования устаревшего принципа географического детерминизма, и от описательной методологии осмысления исторической реальности с преобладанием количественных характеристик.

Не претендуя на всеобъемлющий анализ, данный эффект можно наглядно продемонстрировать на примере геоэкономики – одного из основных компонентов обеспечения геополитического доминирования и структурного элемента геополитики как науки. Сегодня при изучении истории важно учить понимать не только общие роль и содержание экономических факторов, но и видеть, как они влияют на неэкономические процессы.

Убедительным подтверждением данного вывода представляется тот факт, что в настоящее время достижение целей в международной политике обеспечивается в большинстве случаев не военными или собственно политическими методами и средствами, а экономическими (блокадами, санкциями, разнообразными по сценариям и технологиям осуществления ограничениями по торговле и т. п.). Имеются все основания предполагать, что в будущем использование таких средств будет только расширяться (количественно) и развиваться (качественно). Уже сегодня можно наблюдать картину, когда ряд государств провозглашает экономическую деятельность важнейшим ресурсом для реализации своих политических интересов и практически реализует это в самых разных уголках земного шара. Одним словом, содержание и роль современной геоэкономики состоит в том, что она, изменяясь, становясь всё агрессивнее и разнообразнее по средствам и технологиям, начинает активно теснить само государство, всегда воспринимавшееся ранее как основной субъект международных отношений.

Доказательством также может служить и однозначное признание всеми акторами мировой политики ведущей роли военных, технологических, информационных достижений. Существенно изменяется понимание демографического фактора, который в настоящее время преобразуется в реальную политическую не за счёт численности и темпов роста народонаселения, а за счёт возрастания качественных характеристик народов: культурно-образовательного уровня, способности эффективно адаптироваться к динамично меняющейся социальной, экономической, культурно-духовной реальности.

В современной истории геоэкономический принцип становится всё более объединяющим и доминирующим принципом, смещая с этих позиций принцип государствоцентризма. Этот переход нельзя считать чем-то принципиально новым. В истории можно найти достаточно много примеров, когда геополитические коллизии определялись не только государственной властью, но и иными субъектами. Например, таковыми в средние века были храмовые общины и торговые ассоциации. Все они управлялись собственными неогосударственными и надгосударственными органами власти, которые определяли структуру, функции и задачи данных объединений. В их и только их распоряжении находилась казна и вооруженные формирования, способные решать стратегические для своего времени задачи. Принцип же государствоцентризма в истории всегда незаслуженно слишком скромно оценивал роль и место негосударственных институтов в системе международных отношений, в том числе тех, которые способны были реализовывать геоэкономические функции.

Рассматривая роль геоэкономики в современном историческом процессе, естественным образом затрагиваются вопросы этногеополитики и проблемы границ между государствами. Согласно ратцелевской традиции, «движение» границ всегда служило индикатором геополитического могущества. Не отрицая данного вывода, имеются все основания полагать, что на данный момент проблема границ должна рассматриваться не столько в территориально-политическом аспекте, а сколько с точки зрения исторической и культурно-духовной совместимости этносов, способности их к нахождению и реализации эффективных, безопасных и взаимовыгодных практик комплементарности, функционирующих по принципу взаимодополняемости. Суть данного подхода лаконично выражена Ю. Бородаем: «...национальные границы призваны разъединять искрящиеся контакты, объединяя то, что совместимо, хотя бы в обозримой перспективе...» [1, с. 131–132].

Из него естественным образом выделяется ещё один параметр геополитического подхода – этногеополитический. Используя его при изучении истории, этносы могут рассматриваться не только как субъекты, занимающие определенную территорию, но и в разрезе их целенаправленной, мотивированной и структурированной деятельности в этом пространстве [2, с. 11]. В данном контексте этногеоцентризм становится преобладающим над принципом государственноцентризма: человек выступает главным фактором всего цивилизационного развития, а не только политики, носителем и создателем определённой культуры со своей уникальной идентичностью. Её критериями выступают явления и традиции, формирующиеся в условиях длительного взаимодействия целого ряда акторов – политических элит, институтов гражданского общества, частных инициативных ассоциаций. Таковыми, по мнению С. Хантингтона, являются:

— культурная самоидентификация – совокупность характеристик, воспринимаемых в обществе как признаки нации;

— языковые особенности, обеспечивающие внутри- и межэтнические коммуникации;

— государственно-политический статус территории;

— легитимация конституционно-правовых отношений;

— особенности экономического потенциала и его возможности по обеспечению автономного развития этноса [3, с. 236].

Важно учитывать, что как в истории, так и в геополитике проблема этнической идентичности относится к числу наиболее сложных и требует комплексного подхода. Здесь необходимо учитывать и факторы, которые на первый взгляд непосредственно не связаны с вопросами этнополитики: технологические, конфессиональные, миграционные, социально-профессиональные и другие.

Таким образом, геополитический подход в изучении истории, который включает в себя в том числе геоэкономический и этногеополитический компоненты, позволяет существенно расширить научный потенциал исторического образования, совместить и гармонизировать собственно геополитический анализ с хронологическим и политическим, учесть и объективно оценить особенности генезиса этносов, государств и их союзов, надгосударственных объединений в рамках пространственно-временного континуума. Кроме того, у исследователей появляется возможность использовать принципиально новые теоретико-методологические инструменты для изучения даже исторически отдаленных эпох, а также этносов, которые в рамках цивилизационного подхода остаются «незамеченными».

1. *Бородай, Ю.* Пути становления национального единства / *Ю. Бородай* // Наш современник. – 1995. – № 1. – С. 112–132.

2. *Платонов, Ю. П.* Этнический фактор. Геополитика и психология / *Ю. П. Платонов*. – СПб., 2002 ; Российская наука международных отношений: новые направления / под ред. *П. А. Цыганкова, А. П. Цыганкова*. – М., 2005.

3. *Хантингтон, С.* Столкновение цивилизаций / *С. Хантингтон* // Полис. – 1994. – № 4. – С. 33–48.

Danilov Y. D. Geopolitical Approach to the Historical Studies

The article attempts to justify the need for the use of geopolitical approaches in the study of world history. The author analyzes the genesis of the domestic paradigm of historical education from the point of view of its correspondence to modern trends of civilizational development. The thesis of the gradual increase in the role of geopolitics in the modern world is substantiated, which objectively causes the need to change traditional approaches in the study of universal history.

The work offers some fragments of a new geopolitically oriented concept of the content of historical education, which allow us to define in more detail the existing and future models of the world order and to carefully consider their national-state and historical identity in them.

СОЮЗНОЕ ГОСУДАРСТВО РОССИИ И БЕЛАРУСИ В ИНТЕРЬЕРЕ ИНТЕГРАЦИОННЫХ РЕАЛИЙ СОВРЕМЕННОГО МИРА

Авторы статьи доказывают, что конфедеративная модель, прописанная в Договоре о создании Союзного государства России и Беларуси, по большому счёту не состоялась. Главная причина такого положения дел состоит в противоречии между стремлением правящих политических элит РФ и РБ набирать пропагандистские очки за счёт заявлений о твёрдой приверженности курсу на интеграцию и их фактическим нежеланием делегировать значительный объём полномочий наднациональным органам. Союзное строительство явно сдерживается нестыковкой политических и социально-экономических систем, незаинтересованностью белорусского руководства в проведении структурных реформ, неудовлетворительными темпами унификации законодательства.

Ключевые слова: *безопасность, законодательство, интеграция, конфедерация, наднациональные органы, политика, Союзное государство, суверенитет, экономика.*

Авторы настоящей статьи задались целью комплексного анализа факторов, которые сдерживают белорусско-российскую интеграцию. На суд читателей выносятся авторское видение достижения корреляции организационно-правового, концептуального, практического аспектов союзного строительства. При этом они используют историко-генетический, историко-сравнительный, историко-системный, историко-типологический методы.

Общее сравнение Союзного государства России и Беларуси с Европейским Союзом.

8 декабря 1999 года был подписан Договор о создании Союзного государства России и Беларуси. Что мы имеем спустя 20 лет? Надгосударственность Российской Федерации и Республики Беларусь, которая не может не сопоставляться и на уровне экспертов, и на уровне массового общественного сознания с опытом функционирования всевозможных интеграционных группировок в современном мире. Есть все основания считать, что перед нами самое продвинутое интеграционное объединение на пространстве, совпадающем с Содружеством Независимых Государств.

Накоплен богатый опыт, который вполне может быть учтён государствами, занятыми поисками эффективной модели взаимоотношений с различными партнёрами на международной политической сцене [1–3]. Со своей стороны, Союзному государству по многим позициям ещё предстоит пройти путь, который прошёл Европейский Союз. Там завершилось формирование следующих единых пространств: политического, экономического, таможенного, валютного, юридического, гуманитарного, культурного, образовательного. На разных уровнях обсуждается идея создания европейской армии [4]. Что касается Союзного государства, то здесь нет ни одного единого пространства, поэтапная организация которого стала бы достоянием истории. Вместе с тем следует обратить внимание читателей статьи на неоднозначность сложившегося положения дел.

На современном этапе союзное строительство наиболее успешно в образовательной, гуманитарной, культурной сферах. Эти сферы вглубь и вширь подпитываются народной дипломатией.

Нормально отлажена координация внешнеполитической деятельности. В основном совпадают подходы субъектов Союзного государства к международным проблемам. Конечно, не всё в позиции официального Минска устраивает российских внешнеполитических стратегов. Интересам России противоречат участие РБ в проекте ЕС «Восточное партнёрство», её нежелание однозначно, без всяких туманных формулировок признать Крым в качестве неотъемлемой составной части РФ, а также категорический отказ белорусского союзника пойти на установление дипломатических отношений с Абхазией и Южной Осетией [1].

Заслуживает быть отмеченным и такой момент. За 20 лет в Союзном государстве так и не появился аналог дипломатической службы Европейского Союза, известной как Европейская Служба Внешних Связей (ЕСВС). Это было бы более значимо, чем регулярно практикуемые совместные заседания коллегий Министерств иностранных дел РФ и РБ [4].

Единое таможенное пространство весьма динамично формируется с учётом базовых нормативно-правовых актов как Союзного государства, так и Евразийского Экономического Союза (ЕАЭС). Поистине, прорывным стало принятие Таможенного кодекса ЕАЭС. Вступление Республики Беларусь во Всемирную торговую организацию (ВТО), которое активнейшим образом лоббирует Москва, расставит все точки над «и» в процессе формирования единого таможенного пространства. Конечно, пока в мире свирепствует пандемия коронавируса, невозможно назвать ориентировочные сроки подобного вступления [3]. Принципиально важно отметить, что все 27 государств-членов ЕС являются членами ВТО [4].

Интеграция в сфере военной безопасности.

Созданы фундаментальные предпосылки гарантированного обеспечения военной безопасности Союзного государства. Региональная группировка войск Беларуси и России неизменно оценивается экспертным сообществом как удачный проект. Высокий уровень её боеготовности традиционно подтверждается совместными военными учениями. В Республике Беларусь функционируют два стратегически важных объекта Вооружённых Сил Российской Федерации. Радиолокационная станция (далее РЛС) «Волга» является неотъемлемой составной частью системы предупреждения о ракетном нападении. Размещена под Барановичами (Брестская область). Постановка на боевое дежурство произошла 16 лет назад. Это РЛС дециметрового диапазона. Судя по способности РЛС отслеживать пуски межконтинентальных баллистических ракет на северо-западном ракетоопасном направлении, российская сторона со всей серьёзностью воспринимала тот факт, что 6 июня 2020 года истекал срок действия соглашений, в которых прописана передача ей в пользование всего недвижимого имущества и занимаемого «Волгой» и её инфраструктурой земельного участка. Можно смело прогнозировать их продление на новый срок. Российские военные моряки постоянно ассоциируют с райцентром Вилейка (Минская область) 43-й узел связи ВМФ. Его функциональная нагрузка хорошо известна: обеспечение связи на частотах сверхдлинных волн Главного штаба ВМФ России с тем сегментом атомных подводных лодок, которые выступают субъектами боевого дежурства в районах Атлантического, Индийского и частично Тихого океанов. Глубоко зашла интеграция оборонно-промышленных комплексов (ОПК). Если иметь в виду объёмы поставок оружия и военной техники для Вооружённых Сил РБ, то роль российского ОПК в этом деле будет главной, решающей, определяющей [1].

Судьба Конституционного Акта Союзного государства.

К сожалению, до сих пор дело так и не дошло до принятия Конституционного Акта Союзного государства. Это создаёт главное препятствие на пути формирования единого юридического пространства. Несущей конструкцией данного пространства является конституционное закрепление формирования и функционирования наднациональных органов управления. Пока не принят Конституционный Акт, весьма и весьма скромно проявляется наднациональный характер в деятельности Постоянного комитета, Парламента, Суда Союзного государства. Перечисленные органы, не имея достаточно широких наднациональных полномочий, не способны преодолеть правовые тупики, сопряжённые с системными сбоями в союзном строительстве [2, 3].

Проблемы формирования единого экономического пространства.

Единое экономическое пространство выступает фундаментом Союзного государства. Поэтому на нём стоит остановиться особо. Много сделано и делается

для его формирования. В Беларуси задействованы 2616 организаций с российским капиталом. В территориальных пределах Республики Беларусь прошли процесс регистрации 1512 совместных белорусско-российских предприятий. В Российской Федерации в экономическом ландшафте представлены 57 совместных сборочных производств и 168 субъектов товаропроводящей сети белорусских производителей с белорусским уставным капиталом. С момента подписания Договора о создании Союзного государства российские субъекты хозяйствования инвестировали в народнохозяйственный комплекс (НХК) РБ \$14,2 млрд. За это время доля России в объёме прямых иностранных инвестиций в НХК РБ никогда не опускалась ниже 30 %. Беларусь занимает пятое место среди внешнеторговых партнёров России. Если принять белорусский экспорт и импорт за 100 %, то доля Российской Федерации составит соответственно 39 % и 59 %. Вопросы экономического сотрудничества постоянно обсуждаются на Форумах регионов Беларуси и России. Они проводятся ежегодно с 2014 года. С 2015 года настоящие мероприятия регулярно посещают главы государств В.В. Путин и А.Г. Лукашенко. На всех Форумах заключались важные экономические соглашения на уровне глав регионов, руководителей субъектов хозяйствования. В настоящее время 81 субъект Российской Федерации имеет в своём активе экономическое соглашение с высшим органом исполнительной власти Республики Беларусь [7].

Авторы этих строк полностью присоединяются к следующему заявлению белорусского политолога Петра Петровского: «В стратегической перспективе официальный Минск, прежде всего, заинтересован в использовании интеграционного потенциала Союзного государства для модернизации белорусской промышленности, что критически нужно белорусской социально-экономической модели. Именно на это направлен проект Мясниковича-Семашко по созданию союзных холдингов. Преодоление периферийности экономик двух стран, переход на индустрию 4.0 является для Минска первоочередной задачей.

Российский ВПК и космическая индустрия критически зависят от белорусской продукции. В частности, продукция Минского завода колёсных тягачей (МЗКТ) является стратегически важной для перевозки ядерных боеголовок и не имеет аналогов в России. То же самое следует сказать и о продукции оптики, поставляемой минским предприятием «Интеграл» [5].

А сейчас суммируем подводные камни.

Стороны ещё не подошли к реализации в полном объёме проекта Мясниковича-Семашко по созданию союзных холдингов. Образовался целый проблемный комплекс, связанный с широко разрекламированными проектами создания скоростного треугольника автострад и ж/д магистралей Санкт-Петербург–Минск–Москва. Отсутствует системность в процессе реализации принципов «зеленой» экономики в рамках совместных проектов. Есть ряд неиспользованных резервов в плане интенсификации кооперационных связей между белорусским и российскими предприятиями. Оставляет желать лучшего выход союзных научно-технических программ на коммерческое применение. Нет оснований для высокой оценки совместной работы по внедрению в промышленность принципов Индустрии 4.0. За последние 20 лет было осуществлено 65 научно-технических программ. Из них лишь менее половины внедрены в реальный сектор экономики. Заместитель Госсекретаря Союзного государства Алексей Кубрин с сожалением констатирует: «Мы выполняем частные программы. Мы делаем некую основу, но завершающие этапы идут в рамках своих целевых программ в двух наших странах. Логика подсказывает, что должно быть по-другому. Мы должны были бы иметь какую-то общую идеологию в рамках единой структурной промышленной политики. И тогда мы бы знали, какую часть в общей идеологии занимают наши разработки» [6].

Сальдо экспорта/импорта между РБ и РФ касательно белорусской стороны неизменно отрицательное, причём во внушительном объёме. Белорусская сторона постоянно прилагает усилия по исправлению ситуации. Но как говорится, воз и ныне там. Также белорусская сторона требует компенсации белорусским НПЗ их издержек вследствие перевода их в ближайшей перспективе на мировые закупочные цены. Москва твёрдо придерживается неприемлемой для Минска позиции в данном вопросе.

Существует большая разница в условиях хозяйствования предприятий Беларуси и России. В Минске убеждены, что настало время для неотложных кардинальных изменений касательно поставок российского природного газа в Беларусь. По мнению белорусского руководства, есть резон в том, чтобы цена этого углеводорода для белорусов ничем не отличалась от цены для российских потребителей, представляющих Смоленскую область. Россияне не готовы на это пойти ранее 2025 года.

Пока же стороны подписывают контракты на предмет указанных поставок на каждый конкретный год без учёта фактора Смоленской области. На 2019 год была согласована цена, равная 127 долларов за тысячу кубометров. Это полностью совпадает с ценой на 2020 год, прописанной в контракте, скреплённом подписями представителей РБ и «Газпрома». Обращаем внимание проницательного читателя на то, что тогда на календаре был февраль 2020 года и не было вспышки пандемии коронавируса в тех больших масштабах, которые наблюдаются сейчас.

Пройдёт всего лишь несколько недель, и эта пандемия существенно повлияет на рыночную конъюнктуру. Произошло весьма и весьма чувствительное снижение мировых цен на газ и на нефть. Они, короче говоря, рухнули. Минск сразу же поставил перед Москвой вопрос о пересмотре контракта. В качестве ориентира используется следующее обстоятельство. Сейчас «Газпром» продаёт Германии природный газ из расчёта \$ 70 за тысячу кубометров. В Минске задаются вопросом: «Чем мы хуже немцев?» При этом Президент РБ А. Лукашенко специально подчёркивает, что всё это происходит в год 75-летия Великой Победы. Однако российская сторона категорически отказывается пересматривать указанный контракт [3].

Совместные сборочные производства на российской территории лишены возможности на равных конкурировать с техникой сугубо российских субъектов хозяйствования. В этой связи белорусская сторона обращает внимание партнёров на то, что ещё пять лет назад Путин и Лукашенко твёрдо согласовали условия признания достигнутого уровня локализации производства техники для предоставления государственной поддержки. В Минске надеются, что Москва будет оценивать как модельный указ Президента РБ от 2 апреля 2015 года № 146. Его суть в справочных изданиях подаётся следующим образом: «Установлены равные условия приобретения белорусскими субъектами хозяйствования с государственной поддержкой по договорам финансовой аренды (лизинга) современной техники, произведённой на территории всех государств Евразийского Экономического Союза» [7]. Конечно, одного подобного указа главы российского государства было бы достаточно. Его-то пока нет. А есть 60(!) нормативно-правовых актов на предмет регулирования сбыта техники. При этом одни такие акты нередко противоречат другим [1].

В Минске недовольны и отсутствием общего аграрного рынка Союзного государства, считают, что надо сдвигать с мёртвой точки выстраивание совместной аграрной политики на рынках третьих стран.

Многие российские эксперты считают, что главным препятствием на пути формирования единого экономического пространства является факт отсутствия структурных реформ в Республике Беларусь. Автор этих строк присоединяется к ним в той части, которая касается введения частной собственности на землю.

Отсутствие частной собственности на землю замедляет рост белорусской экономики. Сделать такой шаг диктуют объективные потребности социально-экономического развития. Пока же белорусский производитель конечной про-

дукции в системе агропрома имеет меньше стимулов для высокопроизводительного труда, чем частный собственник земли, типичный для постиндустриальной цивилизации. Налицо явное отставание Беларуси в ликвидности земель сельскохозяйственного назначения. В таких условиях вряд ли стоит ждать, что в белорусский АПК гурьбой потянутся российские инвесторы.

Мимо российских деловых людей не проходит незамеченным следующее обстоятельство. Экономисты белорусского АПК оказываются в тупике, когда возникает необходимость фундаментально разобраться с ценой земли. Отсутствие органически связанного с частной собственностью рынка земли резко ограничивает возможности этих экономистов, побуждает их действовать наугад.

Приходится констатировать неравенство стартовых позиций субъектов хозяйствования аграрного и неаграрного секторов, относящихся к частным предприятиям. И те, и другие имеют активы, но при формировании содержательной части активов у первых за скобки выносятся стоимость земли, а у вторых равнозначные изъятия никак не просматриваются [8].

Формирование общего экономического пространства тормозится и вследствие отсутствия единого Налогового кодекса. В ходе его разработки на передний план выдвигается преодоление целого блока существенных отличий. Пока несовместимы налоги на прибыль, ставки акцизов, отчисления в Фонд социальной защиты населения. Немалую головоломку в переговорный процесс добавил и факт наличия весьма чувствительных налоговых послаблений для резидентов наиболее известных свободных экономических зон в Республике Беларусь. Речь идёт об индустриальном парке «Великий камень» и Парке высоких технологий [1].

О введении единой валюты.

Несколько слов стоит сказать о введении единой валюты Союзного государства. Механизм её введения пока не запущен. Сторонники единой валюты заявляют о положительных последствиях для экономики государств – членов Союзного государства. На наш взгляд, есть основания для подобных заявлений. Например, у экономических субъектов (предприятий и граждан) во многих случаях отпадет необходимость проводить валютнообменные операции, а, следовательно, снизятся расходы на уплату банковской комиссии, снизятся риски, связанные с колебаниями курсов национальных валют.

Можно будет говорить о создании единой автоматической системы расчётов, позволяющей повысить скорость прохождения платежей между финансовыми институтами Союзного государства. По-настоящему свободным станет движение капиталов, товаров, услуг, рабочей силы. Повысится ликвидность рынка капитала, он станет более ёмким. Есть надежда и на то, что инвесторы отреагируют активизацией финансовых вложений в народно-хозяйственный комплекс. Введение единой валюты может ускорить выравнивание цен на рынке Союзного государства. Белорусы, привыкшие к более высокой инфляции, чем в соседних странах, могут рассчитывать на скорейшее обуздание цен. Деньги перестанут обесцениваться привычными для них темпами. Стабилизация валютного рынка будет способствовать смягчению денежно-кредитной политики, в частности подешевеют кредиты. Бизнесу будет проще развивать промышленные проекты.

Вместе с тем следует учесть, что появлению единой валюты на союзном пространстве должны предшествовать макроэкономическая стабилизация национальных экономик и формирование механизмов для минимизации воздействия внешних шоков [9, 10].

Таким образом, конфедеративная модель, прописанная в Договоре о создании Союзного государства России и Беларуси, по большому счёту не состоялась.

Главная причина такого положения дел состоит в противоречии между стремлением правящих политических элит РФ и РБ набирать пропагандистские очки за счёт заявлений о твёрдой приверженности курсу на интеграцию и их фактическим нежеланием делегировать значительный объём полномочий наднациональным органам. Союзное строительство явно сдерживается нестыковкой политических и социально-экономических систем, незаинтересованностью белорусского руководства в проведении структурных реформ, неудовлетворительными темпами унификации законодательства.

1. Союзное государство – Википедия [Электронный ресурс] – 2020. – Режим доступа : [ru.wikipedia.org > wiki > Союзное_государство](http://ru.wikipedia.org/wiki/Союзное_государство). – Дата доступа : 25.05.2020.

2. Договор о создании Союзного государства [Электронный ресурс] – 2020. – Режим доступа : [soyuz.by > dogovor-o-sozdanii-soyuznogo-gosudarstva](http://soyuz.by/dogovor-o-sozdanii-soyuznogo-gosudarstva). – Дата доступа : 27.05.2020.

3. Информационно-аналитический портал Союзного... [Электронный ресурс] – 2020. – Режим доступа : soyuz.by. – Дата доступа : 26.05.2020.

4. Европейский союз – Википедия [Электронный ресурс] – 2020. – Режим доступа : [ru.wikipedia.org > wiki > Европейский_союз](http://ru.wikipedia.org/wiki/Европейский_союз). – Дата доступа : 29.03.2020.

5. Углубление интеграции Беларуси и России : прогноз на [Электронный ресурс] – 2020. – Режим доступа : [eurasia.expert > uglublenie-integratsii-belarusi-i-rossii-p](http://eurasia.expert/uglublenie-integratsii-belarusi-i-rossii-p). – Дата доступа : 29.05.2020.

6. От «хотелок» к инновациям : Алексей Кубрин рассказал о [Электронный ресурс] – 2020. – Режим доступа : [soyuz.by > realizaciya-soyuznyh-programm-i-proektov](http://soyuz.by/realizaciya-soyuznyh-programm-i-proektov). – Дата доступа : 14.05.2020.

7. Новости – Актуально – Посольство Беларуси в России [Электронный ресурс] – 2020. – Режим доступа : [www.embassybel.ru > Новости > Актуально](http://www.embassybel.ru/Новости/Актуально). – Дата доступа : 25.05.2020.

8. Землю – крестьянам, земле – цену | belmarket.by [Электронный ресурс] – 2020. – Режим доступа : [www.belmarket.by > zemlyu-krestyanam-zemle-cenu](http://www.belmarket.by/zemlyu-krestyanam-zemle-cenu). – Дата доступа : 28.05.2020.

9. Единая валюта Союзного государства имеет все шансы [Электронный ресурс] – 2020. – Режим доступа : [www.postkomsg.com > news > monitoring_smi](http://www.postkomsg.com/news/monitoring_smi). – Дата доступа : 24.05.2020.

10. В Госдуме рассказали, когда можно ожидать введения ... [Электронный ресурс] – 2020. – Режим доступа : [belsat.eu > news > v-gosdume-rasskazali-kogda-mozhn](http://belsat.eu/news/v-gosdume-rasskazali-kogda-mozhn)... – Дата доступа : 24.04.2020.

Ipatova O.V., Strelets M.V. Union State of Russia and Belarus in the interior of integration reality of the modern world

The authors of this article set out to analyze the complex factors which hold back Belarusian-Russian integration. For readers, the author's vision of achieving the correlation of the organizational, legal, conceptual, practical aspects of union building is presented. The authors use historical-genetic, historical-comparative, historical-systemic, historical-typological methods.

The authors argue that the confederate model prescribed in the Treaty on the Creation of the Union State of Russia and Belarus did not take place. The main reason is the contradiction between the desire of the Russian Federation and the Republic of Belarus of the ruling political elite to gain propaganda points due to allegations of a firm commitment to integration course and their actual unwillingness to delegate a significant amount of authority to supranational bodies. Union building is constrained by the mismatch of political and socio-economic systems, disinterest of the Belarusian leadership in the implementation of structural reforms, unsatisfactory pace of unification of legislation.

Keywords: *security, legislation, integration, confederation, supranational bodies, politics, Union State, sovereignty, economy.*

ЛАТИНОАМЕРИКАНСКАЯ ПОЛИТИКА США В ПЕРИОД ПРЕЗИДЕНТСТВА ДЖ. БУША-МЛ.

В статье представлен анализ латиноамериканского вектора внешней политики США в начале XXI века, после того как в Белый дом пришла администрация Буша-мл. Рассмотрены концептуальные основы избранного республиканцами курса на построение однополярного миропорядка по-американски. Центральное место отведено изучению специфики отношений Вашингтона с латиноамериканскими странами. Проведенный в статье анализ позволяет проследить основные подходы и механизмы достижения Соединенными Штатами своих целей в латиноамериканском регионе. В частности, подчеркивается, что США в отношениях с государствами Латинской Америки использовали элементы сотрудничества и конфронтации. Однако Дж. Бушу-мл. так и не удалось добиться существенных результатов на латиноамериканском направлении.

США и страны Латинской Америки имеют долгую историю взаимоотношений. Их сближает географическое положение, общее колониальное прошлое и принадлежность к Новому Свету. Однако по мере возвышения Соединенных Штатов межамериканские связи приобрели асимметричный характер. Согласно провозглашенной в 1823 г. доктрине Монро, латиноамериканский регион был объявлен сферой исключительного влияния Вашингтона. За прошедшие два столетия страны Латинской Америки неоднократно становились объектом экспансии со стороны северного соседа. В годы «холодной войны» регион, как, впрочем, и вся планета, стал ареной противоборства двух сверхдержав. После её окончания в межамериканских отношениях началась новая эпоха с большими ожиданиями и надеждами. В июне 1990 г. Дж. Буш-ст. провозгласил так называемую «Инициативу для Америк», предусматривавшую практическую реализацию «нового партнерства» Соединенных Штатов со странами Латинской Америки. Однако в 1990-е гг. латиноамериканское направление не приобрело приоритетного значения во внешней политике США.

В историографии латиноамериканская политика США после окончания «холодной войны» стала предметом исследования многих учёных [1; 2]. Предложенная статья посвящена осмыслению внешнеполитических подходов Вашингтона к Латинской Америке в 2001–2008 гг.

Латиноамериканская стратегия Дж. Буша-мл. в Латинской Америке.

Приход в 2001 г. в Белый дом Дж. Буша-мл. должен был вывести межамериканские отношения из состояния застоя. Дело в том, что в его предвыборной риторике регион фигурировал среди главных внешнеполитических приоритетов [3, с. 8]. Так, выступая в августе 2000 г. на предвыборном митинге в Майами, он заявил о том, что XXI век станет веком Америк [3, с. 93]. Республиканцы раскритиковали подходы администрации Б. Клинтона к Латинской Америке. Главной причиной латиноамериканской неудачи США в 1990-е гг. стало падение привлекательности неолиберальных идей Вашингтона, уповавшего на безальтернативность мирового развития [4, с. 5]. Результатом провала неолиберальной модели развития «Вашингтонского консенсуса», которую активно насаждали в регионе США, стал так называемый «левый поворот» – приход к власти левоориентированных правительств в Венесуэле, Боливии, Никарагуа, Аргентине, Бразилии. В качестве приоритета национального развития ими были выдвинуты задачи снижения зависимости от США и диверсификации внешнеполитических и внешнеторговых связей.

Теракты 11 сентября 2001 г. привели к заметным корректировкам во внешне-политической стратегии Буша-мл. После данных событий регион вообще оказался на периферии национальных интересов Соединенных Штатов. Конечно, географическая близость, тесные торгово-экономические связи, а также ряд вызовов в сфере безопасности, в частности, преступность, наркотрафик, незаконная миграция и др. не позволили США полностью игнорировать своих южных соседей. В частности, учитывая такие угрозы для национальной безопасности Америки, как терроризм, наркотрафик, торговля оружием, коррупция, преступность, нелегальная миграция и др., в марте 2002 г. накануне своего латиноамериканского турне Дж. Буш-мл. заявил: «Будущее нашей страны тесно связано с благополучием и безопасностью наших южных соседей» [5, с. 286]. Правда, подходы Вашингтона к латиноамериканским странам во многом оказались неэффективными. Стратегия первой администрации Буша-мл. была достаточно жёсткой и односторонней, но часто имела эффект бумеранга. Американская политика сама породила мощную реакцию отторжения и противодействия со стороны государств Латинской Америки. После 11 сентября Вашингтон во многом смотрел на отношения с латиноамериканскими странами сквозь призму борьбы с международным терроризмом, применяя тактику продавливания своих интересов на мировой арене. Так, вторая половина 2002 г. стала периодом активизации американской дипломатии сразу по нескольким субрегиональным направлениям. Практически одновременно Соединенные Штаты резко интенсифицировали переговоры о свободной торговле с Чили, центральноамериканскими государствами, а также со странами Андского сообщества наций. В геополитическом плане отчётливо проявилась линия на вытеснение Бразилии и МЕРКОСУР с центральных позиций на переговорах по интеграции, а также на изоляцию режима У. Чавеса в Венесуэле [3, с. 97].

В начале 2003 г. с целью поддержать американскую позицию по Ираку Чили и Мексика подверглись сильному нажиму со стороны американцев [3, с. 76]. Однако Белый дом натолкнулся на их отказ. Как справедливо отмечал старший научный сотрудник РИСИ А. С. Шишков, просчёт Соединенных Штатов состоял в американской убежденности в том, что демократизация и либерализация экономики стран Латинской Америки сделают их союзниками, однако данная идеологическая догма оказалась несостоятельной [6, с. 45]. Свообразным рубежом, после которого отношение латиноамериканцев к США резко ухудшилось, стала война в Ираке [7, с. 27].

Основную угрозу безопасности США, исходящую из Латинской Америки, Вашингтон видел в неспособности латиноамериканских правительств контролировать территории собственных стран. Поэтому главная задача Вашингтона заключалась в установлении «эффективного суверенитета» над неуправляемыми территориями, что вызвало справедливое недовольство латиноамериканцев [8, с. 10]. Попытки Соединенных Штатов теоретически «обосновать» военную интервенцию против Багдада вызвали серьёзную тревогу латиноамериканцев. У них возникли опасения относительно возможности американского вмешательства в их внутренние дела под предлогом «защиты демократии и свободного рынка» [5, с. 278].

В начале 2000-х гг. одной из амбициозных целей Вашингтона стала реализация интеграционного суперпроекта АЛКА – Панамериканской зоны свободной торговли. Он рассматривался Белым домом как экономическая основа будущего Сообщества стран Западного полушария по примеру ЕС, но под руководством Соединенных Штатов. Американцы стремились убедить своих коллег из Латинской Америки в реальности создания зоны свободной торговли к 2005 г. [3, с. 94]. В начале 2002 г. госсекретарь К. Пауэлл довольно откровенно изложил позицию Вашингтона: «Наша цель в отношении АЛКА заключается в том, чтобы гаранти-

ровать североамериканским предприятиям контроль над территорией от северного полюса и до Антарктиды, свободный доступ без каких-либо препятствий и трудностей для нашей продукции, услуг, технологии и капитала по всему полушарию» [5, с. 232–233]. Объективно латиноамериканские страны тоже были заинтересованы в АЛКА, но подходили к нему со своих позиций. Их главная цель заключалась в использовании экономического и политического взаимодействия с Вашингтоном для решения задач социально-экономического развития. Таким образом, цели двух Америк относительно АЛКА существенно расходились [5, с. 221–222]. Кроме того, исходя из конъюнктурных соображений, американцы на практике часто нарушали свои декларации. Так, весной 2002 г. Дж. Буш-мл. сам же нанёс политике форсированного создания АЛКА серьёзный удар. Внутриполитические соображения, связанные с планами переизбрания на второй президентский срок, перевесили его «преданность» принципам свободной торговли, и Вашингтон ввёл ряд протекционистских мер, что вызвало волну критики со стороны южных соседей [5, с. 230]. С другой стороны, отказ латиноамериканских государств, например, Мексики, Чили, Бразилии, Аргентины и др. поддержать американскую резолюцию о силовой акции против Багдада показал малую обоснованность надежд Вашингтона на то, что экономическая «привязка» к возглавляемым им интеграционным проектам автоматически заставит страны региона следовать в фарватере внешней политики США [5, с. 278]. В итоге, в ноябре 2005 г. стало ясно о провале проекта АЛКА, что сильно ударило по престижу Соединенных Штатов.

Во второй срок своего президентства Дж. Буш-мл. стал проводить в отношении Латинской Америки более мягкую и примирительную политику [9, с. 524]. Хотя и с опозданием, но республиканская администрация всё же попыталась предпринять меры к улучшению отношений со странами латиноамериканского региона. Хотя во многом действия Вашингтона, конечно, носили лишь демонстрационный характер [8, с. 16]. Дело в том, что администрация Буша-мл. оказалась не в силах что-то противопоставить «левому повороту». Во-первых, потому что не знала как, а во-вторых, просто не в состоянии была одновременно реагировать сразу на несколько «горячих точек», возникших в зонах традиционного американского влияния [10, с. 110]. Как подчёркивал известный российский латиноамериканист В. П. Сударев, действия Вашингтона по дестабилизации левых режимов, утвердившихся легитимным путем, вызвали бы волну антиамериканских настроений в регионе. К тому же, победив на промежуточных выборах в Конгресс в ноябре 2006 г., демократы фактически не предложили никаких альтернативных Белому дому решений на латиноамериканском направлении [8, с. 4–5]. По этой причине администрацией Буша-мл. была избрана тактика «малозаметного присутствия» в Латинской Америке. Более того, США даже пошли на компромиссы, которые несколькими годами ранее трудно было представить [8, с. 8].

Одновременно были предприняты и некоторые меры, вызвавшие бурные протесты латиноамериканцев. Так, в 2008 г. Белый дом принял решение о воссоздании Четвёртого флота США, действовавшего в регионе в годы Второй мировой войны. Целью его воссоздания Вашингтон объявил борьбу с наркоторговлей, проведение гуманитарных операций, осуществление актов доброй воли и проведение совместных учений с партнерами по региональной безопасности в Латинской Америке. В странах же региона это было воспринято как усиление агрессии со стороны США, желание держать их под постоянным контролем, угрожая независимости этих государств [11, с. 155].

Двусторонние отношения США со странами Латинской Америки.

Американо-мексиканские отношения. США и Мексика, являясь непосредственными географическими соседями, имеют широкий спектр взаимодействия по целому

ряду направлений. Известно, что победа Дж. Буша-мл. на президентских выборах в ноябре 2000 г. была с энтузиазмом воспринята мексиканцами. Сам новый хозяин Белого дома, будучи ранее губернатором Техаса, также отдавал приоритет развитию американо-мексиканских отношений. В 2001 г. президенты двух стран встречались шесть раз, в ходе переговоров, центральной темой которых была проблема нелегальной миграции. Сторонами были предприняты попытки даже либерализации миграционного режима. Однако после терактов 11 сентября в США начался вполне объяснимый процесс «закрытия границы». В результате за 2002–2003 гг. на переговорах по решению миграционной проблемы прогресса так и не было достигнуто [3, с. 74–75]. Более того, в последующие годы двусторонние отношения только осложнились. В октябре 2006 г. Дж. Буш-мл. в нарушение положений о зоне свободной торговли подписал закон о возведении двойной металлической стены на американо-мексиканской границе протяженностью 1100 км и высотой 6 м. Он также распорядился увеличить количество пограничных патрулей (до 18,3 тыс. человек к 2008 г.), которым должны были помогать 6 тыс. солдат Национальной гвардии. Это вызвало резко негативную реакцию мексиканских властей. Объяснения Белого дома о том, что гвардейцы будут лишь собирать информацию, не возымели на Мехико особого успеха [12, с. 81].

Следующий аспект взаимодействия – это торгово-экономическое и финансово-инвестиционное сотрудничество. Мексика является первой латиноамериканской страной, которая вошла вместе с США в один интеграционный блок. Для Вашингтона участие Мексики в НАФТА должно было открыть американским товарам и капиталу более широкий доступ на мексиканский рынок. Кроме того, Мексика должна была своим примером продемонстрировать другим латиноамериканским государствам все выгоды участия в подобных интеграционных объединениях [13, с. 15].

Американо-бразильские отношения. На бразильском направлении администрация Буша-мл. пришлось взаимодействовать сначала с правительством Ф. Э. Кардозу, а затем с января 2003 г. – И. Лулой да Силвой. Именно в 2000-е гг. Бразилия начала свой подъём в качестве «страны-гиганта», региональной державы, с чем пришлось считаться и Вашингтону. Поскольку она становилась несомненным лидером в латиноамериканском регионе, США решили сделать её своим ведущим партнером в «глобальной войне» с наркоторговлей, терроризмом, незаконной торговлей оружием, коррупцией и т. д. [11, с. 207]. При этом развитие двусторонних отношений было осложнено рядом противоречий из-за стремления Вашингтона диктовать свои условия Бразилии. Так, бразильцы выступили против американского вторжения в Ирак, начали сближение с Венесуэлой и Тегераном, а также, по сути, заблокировали американский проект АЛКА, сплотив вокруг себя практически весь регион в противовес США. В частности, выражая недовольство условиями проекта, И. Лула да Силва заявил, что «АЛКА не является полноценным пактом о свободной торговле, а скорее политикой аннексии Латинской Америки Соединенными Штатами» [11, с. 208]. В целом же президент Бразилии не позволял себе резких выпадов в адрес США. Более того, между руководителями двух стран установился конструктивный диалог: они регулярно обменивались визитами, обсуждали насущные и текущие международные проблемы. В немалой степени это объяснялось коррективами, внесенными вашингтонской администрацией в свою политику на латиноамериканском направлении. Их суть сводилась к сотрудничеству не только с традиционными партнерами консервативного толка, но и с левоцентристскими правительствами. В частности, это послужило веским аргументом для включения Бразилии в маршрут поездки Дж. Буша-мл. по континенту в марте 2007 г. В ходе ответного визита И. Лулу да Силву радушно принял хозяин Белого дома в Кэмп-Дэвиде [14, с. 80].

Американо-аргентинские отношения. В 1990-е гг. ни одна другая страна латиноамериканского региона не сотрудничала с США на таком высоком политическом уровне, как Аргентина. В период первого президентства Дж. Буша-мл. американо-аргентинские отношения развивались достаточно спокойно. Правительство Н. Киршнера до ноября 2005 г. отдавало приоритет отношениям с США в целях решения проблемы внешней задолженности страны и уменьшения степени зависимости от международных финансовых организаций. Поэтому на этом этапе в двусторонних отношениях прослеживалось наличие общих интересов, в частности, в области борьбы с терроризмом, наркоторговлей и распространением ядерных вооружений. В те годы одобрение Вашингтона вызывали политика Н. Киршнера в области защиты прав человека, а также сотрудничество в деле восстановления Гаити [15, с. 75]. Правда, в 2003 г. правительство Киршнера не поддержало американское вторжение в Ирак. В ноябре 2005 г. на IV Саммите Америк, проходившем в Аргентине, Н. Киршнер выступил против американского проекта АЛКА и обвинил политику Вашингтона в Латинской Америке в «анахронизме», что привело к кризису в американо-аргентинских отношениях [16, р. 253]. Не нравилось США и начавшееся сближение Буэнос-Айреса с Каракасом [16, р. 253].

После прихода к власти в Аргентине в 2007 г. К. Фернандес де Киршнер американо-аргентинские отношения не улучшились. Несмотря на обоюдные попытки стран сгладить ситуацию, отношения США и Аргентины оставались далекими от нормы. Во многом это объяснялось той позицией, которую занимал Вашингтон в отношении Буэнос-Айреса, реагируя на поведение аргентинского правительства. К примеру, высокопоставленные лица администрации Буша-мл. исключали Аргентину из числа посещаемых латиноамериканских стран, что больно ударило по самолюбию правящей четы [15, с. 77].

Американо-кубинские отношения. После окончания «холодной войны» американо-кубинский конфликт напоминал саморегулирующую систему со своим собственным циклом, на которую влияние мирового сообщества было весьма ограничено [3, с. 181]. В 2000-е гг. администрация Буша-мл. продолжила проводить жёсткий курс в отношении Кубы. Вашингтон сохранил тактику давления на Гавану в политической и экономической сферах. После событий 11 сентября 2001 г. в американо-кубинских наметились некоторые улучшения, поскольку Куба проявила солидарность с американцами, предложив им помощь в борьбе с международным терроризмом. Однако шанс на нормализацию отношений был упущен. После того, как в 2003 г. администрация Буша-мл. изменила свои акценты в кубинской политике, взяв курс на защиту прав человека, между Вашингтоном и Гаваной наступило очередное ухудшение [17, с. 49]. С подачи госсекретаря США К. Райс с 18 января 2005 г. Куба была отнесена к числу государств, в которых господствует диктаторский режим, расценивается в качестве одного из «форпостов тирании», где в отсутствие демократических принципов постоянно нарушаются права человека [17, с. 49].

На развитие двусторонних отношений существенное влияние оказывают проживающие в Соединенных Штатах кубинцы. Одной из наиболее влиятельных организаций кубинских эмигрантов в США является Кубино-американский национальный фонд (КАНФ), который ставит перед собой задачу преобразования Кубы в «свободное и демократическое государство» [18]. С приходом в Белый дом Дж. Буша-мл. КАНФ занял влиятельные позиции в структурах, влиявших на разработку и реализацию внешнеполитической стратегии Вашингтона, что объясня-

лось внушительными финансовыми вливаниями кубинских эмигрантов в избирательную кампанию Дж. Буша. Поэтому Белому дому было необходимо все время демонстрировать враждебность к Ф. Кастро, вести пропагандистскую войну согласно взятым перед кубино-американской общиной обязательствам [19, с. 76].

Администрация Буша-мл. не раз проводила встречи на высшем уровне с представителями кубинской оппозиции. Так, в 2003 г. госсекретарь США К. Пауэлл принял одного из самых известных диссидентов О. Пайая, автора проекта «Варела», подписанной 11 тыс. кубинцев петиции к правительству, требующей демократических реформ на острове. Правда, в 2004 г. он достаточно резко высказался по поводу принятия Вашингтоном новых санкций, в частности сокращения количества разрешенных поездок на Кубу до одного раза в три года и введения нового лимита расходов во время поездок (не более 50 долл. в день). Согласно О. Пайая, только кубинцы, а не американцы должны решать, каким образом совершать переход к демократическим преобразованиям. Кубинская политика США, по его словам, абсолютно «контрпродуктивна и означает вмешательство во внутренние дела Кубы» [19, с. 84–85].

Американо-венесуэльские отношения. В 2000-е гг. главным раздражителем для Вашингтона стала Венесуэла, лидер которой поставил перед собой задачу создать широкую антиамериканскую коалицию в регионе и за его пределами [20, с. 4–5]. Как отмечал ведущий научный сотрудник Института Латинской Америки РАН Э. С. Дабагян, баснословные доходы от продажи нефти вскружили голову У. Чавесу, возмнившему себя лидером народов региона в борьбе с американским империализмом. В пику США в 2004 г. венесуэльский президент даже запустил собственный интеграционный проект АЛБА. К нему помимо Венесуэлы последовательно присоединились другие страны левой ориентации – Куба, Боливия, Никарагуа, Доминика и Гондурас [15, с. 58]. Поэтому Соединенные Штаты справедливо увидели в правительстве Чавеса угрозу своим политическим и экономическим интересам в Латинской Америке [6, с. 56]. При этом в начале первого десятилетия XXI в. Белый дом часто не знал, как себя вести с Каракасом, поскольку, с одной стороны, венесуэльский президент всё чаще делал прямые выпады против США, периодически угрожая Вашингтону прекратить поставки нефти, а с другой – бесперебойно поставлял нефть на американский рынок, ни разу не нарушив своих обязательств [8, с. 7]. По этой причине стратегия администрации Буша-мл. в отношении Венесуэлы заключалась в поддержке венесуэльской оппозиции различными средствами. Соединенные Штаты были заинтересованы в свержении У. Чавеса. По этой причине американцы поддержали в 2002 г. путч против президента Венесуэлы. Высокопоставленные чиновники администрации Буша-мл. несколько раз встречались с лидерами коалиции, организовавшей переворот в Венесуэле. Американский посол Ч. Шапиро сразу же посетил П. Кармону, объявленного путчистами главой переходного «демократического правительства национального единства», а пресс-секретарь Белого дома возложил ответственность за сложившуюся ситуацию на У. Чавеса, который якобы силой подавил мирную демонстрацию [11, с. 167–168]. Однако переворот не удался. Когда надежды на приход прозападной оппозиции к власти не оправдались, США были вынуждены предпринять шаги по некоторой нормализации американо-венесуэльских отношений [6, с. 56]. Тем более, что попытки Вашингтона изолировать Венесуэлу не были поддержаны латиноамериканскими государствами левоцентристской ориентации [9, с. 511]. В результате периоды острых конфликтов между Вашингтоном и Каракасом чередовались с попытками наладить диалог,

которые, впрочем, заканчивались для администрации Буша-мл. безрезультатно [6, с. 56]. Дело в том, что Вашингтон не прекращал оказывать давление на Венесуэлу. Американцы постоянно осуждали У. Чавеса за нарушение прав человека, дружбу с Кубой и Ираном, закупку вооружений и т. д. Высшие официальные лица администрации Буша-мл. неоднократно позволяли себе крайне недипломатические публичные высказывания в адрес У. Чавеса. Так, госсекретарь США К. Райс заявила, что правительство Чавеса представляет одну из «самых крупных проблем в Западном полушарии» и его союз с Кубой «особенно опасен». Риторика министра обороны США Д. Рамсфельда была ещё более резкой. Однажды, отвечая на заявление, что У. Чавес был избран на законных основаниях, он сказал, что А. Гитлер тоже пришёл к власти легальным путём [11, с. 172].

С 2005 г. Венесуэла ежегодно определялась Дж. Бушем-мл., а затем и Б. Обамой как страна, которая не в состоянии придерживаться международных обязательств, направленных против злоупотребления наркотиками. С 2006 г. Госдепартамент США запретил оказывать защиту и услуги Венесуэле якобы из-за ослабления с её стороны сотрудничества в борьбе против терроризма [11, с. 169].

Американо-колумбийские отношения. В начале XXI в. Колумбия стала единственным латиноамериканским государством, с которым Соединенные Штаты установили действительно союзнические отношения. Вашингтон всегда большое значение уделял урегулированию ситуации в Колумбии в целях устранения очага нестабильности в регионе и одним из основных производителей наркотиков, поступающих в Соединенные Штаты [3, с. 135–136]. Ещё в 2000 г. Вашингтон решил поддержать программу Колумбии, принятую в 1999 г. и направленную на пропаганду здорового образа жизни без наркотиков, превратив её в основу для борьбы с незаконным оборотом наркотиков. Она получила известность как «План Колумбия», в соответствии с которым США могли вести борьбу с Революционными вооруженными силами Колумбии (ФАРК). С 2001 г. Богота стала получать крупные финансовые средства, шедшие в основном на перевооружение колумбийской армии и полиции [11, с. 155]. В общей сложности по данным Счётной палаты США в период 2000–2008 гг. Вашингтон выделил в качестве помощи своему латиноамериканскому партнеру 6,1 млрд. долл. [21]. Кроме того, на территории страны было размещено 7 военных баз США [11, с. 156].

Сотрудничество Вашингтона и Боготы развивалось в самых разных сферах, включая борьбу с наркотрафиком и организованной преступностью, оборону, торговлю, борьбу с бедностью, права человека и т.д. Правда, во время второго президентства Дж. Буша-мл. Соединенные Штаты стали постепенно снижать объёмы финансовой помощи Колумбии [6, с. 59].

США и страны Центральной Америки и Карибского бассейна. Подход Вашингтона к государствам указанного субрегиона строился в основном на основе мексиканской модели с определенной корректировкой на слабость их политических и экономических позиций. Это давало американцам возможность в меньшей степени считаться с национальными интересами данных государств. В рамках Центральной Америки и Карибского бассейна было сформировано подконтрольное американскому капиталу экономическое пространство, которое оказалось более или менее подготовлено к интеграции с США на предлагаемых Вашингтоном условиях. Это пространство противопоставлялось остальным латиноамериканским государствам и служило опорным плацдармом для реализации стратегических планов Соединенных Штатов межамериканского масштаба [22]. Тем не менее, даже в этом регионе пери-

одически ситуация развивалась не по американскому сценарию. Так, Вашингтон не устраивало правление Ж.-Б. Аристида на Гаити. Американцы называли его диктатором и обвиняли в политических убийствах. В результате в феврале 2004 г. при поддержке США он был свергнут и отправлен в ссылку. Политика администрации Буша-мл. в отношении Гаити вызвала дипломатический кризис в Карибском бассейне. Долгое время после высылки Ж.-Б. Аристида из Гаити 15 стран Карибского сообщества отказывались признавать правительство, установленное при содействии Соединенных Штатов [11, с. 189–190].

Следующим вызовом для Вашингтона в субрегионе стала победа в ноябре 2006 г. на президентских выборах Д. Ортеги, который утратил былой радикализм, но тем не менее начал проводить свой внешнеполитический курс без оглядки на Вашингтон. Основными политическими партнерами Никарагуа стали левоориентированные страны Латинской Америки (Венесуэла, Куба, Боливия и Эквадор), что вызвало недовольство США, являвшихся основным торгово-экономическим партнером. Хотя Соединенные Штаты и оказывались недовольными действиями правительства Ортеги, они всё же продолжали оказывать стране финансовую помощь (правда, в значительно меньших объемах, чем это делалось раньше), требуя взамен участия в борьбе с наркотиками, преступностью и коррупцией, соблюдения демократии и прав человека и т. д. [11, с. 186–187].

Таким образом, Дж. Буш-мл. намеревался существенно поднять статус Латинской Америки среди внешнеполитических приоритетов США. В соответствии с доктриной Монро, согласно которой данный регион считался «задним двором» Соединенных Штатов, это соответствовало курсу республиканцев на неоизоляционизм. Однако теракты 11 сентября 2001 г. заставили Вашингтон переключиться на борьбу с международным терроризмом, вылившуюся в попытки неоконсерваторов окончательно утвердить на планете «мир по-американски». В результате первоочередное внимание администрации Буша-мл. занял Большой Ближний Восток. Конечно, нельзя сказать, что «янки» полностью забыли о Латинской Америке. Определённых целей США в латиноамериканском регионе достигли, используя два основных подхода: сотрудничество и конфронтацию. Реального же межамериканского партнерства не сложилось по причине разного видения принципов сотрудничества. Жесткое давление Вашингтона в целях безоговорочной поддержки Соединенных Штатов на мировой арене вызвало неприятие у большинства стран Латинской Америки, что привело стороны к существенным разногласиям по ряду принципиальных вопросов взаимодействия и отдалению друг от друга. Тем самым латиноамериканскую политику Дж. Буша-мл. можно оценивать как неудачную. Несмотря на это, США остались главной действующей силой в Латинской Америке, от которой зависели судьбы всего региона.

1. *Косов, А. П.* Двусторонние отношения США со странами Латинской Америки после окончания «холодной войны» в оценках российских исследователей / *А. П. Косов* // Учёные записки УО «ВГУ им. П. М. Машерова»: сборник научных трудов. – Витебск: ВГУ имени П. М. Машерова, 2015. – Т. 20. – С. 20–28.

2. *Косов, А. П.* Российская историография латиноамериканской политики США в пост-биполярный период / *А. П. Косов* // Известия Гомельского государственного университета имени Ф. Скорины. – 2016. – № 4. – С. 42–48.

3. *Сударев, В. П.* Две Америки после окончания «холодной войны» / *В. П. Сударев*. – М.: Наука, 2004. – 205 с.

4. *Мартынов, Б. Ф.* БРИК и деградирующий миропорядок / *Б. Ф. Мартынов* // Латинская Америка. – 2008. – № 5. – С. 4–20.

5. Сила права или право силы. Международная безопасность (латиноамериканский ракурс) / Б. Ф. Мартынов [и др.] ; отв. ред. Б. Ф. Мартынов ; Институт Латинской Америки Российской академии наук. – М., 2004. – 304 с.
6. Шишков, А. С. Политика администрации Б. Обамы в Латинской Америке / А. С. Шишков // Проблемы национальной стратегии. – 2015. – № 4 (31). – С. 44–65.
7. Кузнецов, Д. В. Латиноамериканцы и США: взгляд сквозь призму опросов общественного мнения / Д. В. Кузнецов // Латинская Америка. – 2008. – № 5. – С. 25–36.
8. Сударев, В. П. США и «левый поворот» в Латинской Америке / В. П. Сударев // Латинская Америка. – 2007. – № 5. – С. 4–17.
9. Брутенц, К. Н. Великая геополитическая революция / К. Н. Брутенц. – М. : Международные отношения, 2014. – 688 с.
10. Сударев, В. Тренд неопределенности в Западном полушарии / В. Сударев // Международные процессы. – 2010. – Т. 8, № 3 – С. 110–117.
11. Строганова, Е. Д. США и левые режимы Латинской Америки (вторая половина XX – начало XXI в.) / Е. Д. Строганова. – М. : Изд-во «Весь Мир», 2017. – 288 с.
12. Петрова, Т. США – Мексика: по обе стороны границы. Проблемы трансграничного сотрудничества / Т. Петрова // Обозреватель – Observer. – 2007. – № 10. – С. 76–82.
13. Шереметьев, И. К. Растроченный престиж «восходящего гиганта» / И. К. Шереметьев // Латинская Америка. – 2008. – № 9. – С. 11–21.
14. Дабагян, Э. С. Примеряя одежды великой державы: основные направления внешней политики Бразилии в начале XXI в. / Э. С. Дабагян // Вестник Московского университета. – Сер. 25. Международные отношения и мировая политика. – 2014. – № 2. – С. 73–97.
15. Международная жизнь Латинской Америки сегодня // Латинская Америка. – 2008. – № 11. – С. 54–81.
16. Russell, R. Implications of the Global and Regional Changes for Argentina's Foreign Relations / R. Russell, J. G. Tokatlian // Journal of Iberian and Latin American Research. – 2013. – Vol. 19, № 2. – P. 251–267.
17. Кузнецов, Д. В. Куба и общественное мнение США / Д. В. Кузнецов // Латинская Америка. – 2009. – № 10. – С. 42–60.
18. The Cuban American National Foundation [Electronic resource]. – Mode of access : <https://canf.org/about-us>. – Date of access : 29.05.2020.
19. Елбаева, М. В. Кубино-американский национальный фонд и его деятельность в отношении Кубы (1981–2009) / М. В. Елбаева // Вестник Московского университета. Сер. 8. История. – 2010. – № 5. – С. 72–88.
20. Лексютина, Я. В. Закат доминирования США в Латинской Америке? / Я. В. Лексютина // Латинская Америка. – 2014. – № 11. – С. 4–11.
21. Plan Colombia. Drug Reduction Goals Were Not Fully Met, but Security Has Improved; U. S. Agencies Need More Detailed Plans for Reducing Assistance [Electronic resource] // U. S. Government Accountability Office. – Washington. D.C., October 2008. – IV, 109. – Mode of access : <https://www.gao.gov/new.items/d0971.pdf>. – Date of access : 29.05.2020.
22. Клочковский, Л. Л. Экономический гегемонизм США и Латинская Америка [Электронный ресурс] / Л. Л. Клочковский // Латинская Америка. – 2005. – № 11. – Режим доступа : <http://www.ilaran.ru/?n=264>. – Дата доступа : 25.05.2010.

Kosov A. P. US Latin American Policy during the Presidency of George W. Bush

The article presents an analysis of the Latin American vector of US foreign policy at the beginning of the XXI century, after the administration of George W. Bush came to the White House. The author examined the main approaches and mechanisms for achieving the United States goals in the Latin American region. In particular, it is emphasized that the United States used elements of cooperation and confrontation in relations with Latin American states. However, George W. Bush did not manage to achieve significant results in the Latin American direction.

XIX СЪЕЗД КПК О ЦЕЛЯХ И ЗАДАЧАХ ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ КНР

В статье рассматриваются внешнеполитические цели и задачи Китайской Народной Республики, утвержденные решениями XIX Всекитайского съезда Коммунистической партии Китая, который состоялся 18–24 октября 2017 г. в Пекине. В центре внимания автора отчетный доклад генерального секретаря ЦК КПК Си Цзиньпина «Добиться решающей победы в полном построении среднезажиточного общества, одержать великую победу социализма с китайской спецификой в новую эпоху», в котором дана оценка работе партии и всей страны за минувшее пятилетие, сформулированы цели внутренней и внешней политики Китая на следующее пятилетие и на дальнейшую перспективу. Автор анализирует основные положения доклада Си Цзиньпина, дает свои пояснения и оценки политическому курсу и внешнеполитическим установкам, утвержденным съездом. Кроме материалов XIX съезда КПК в статье использованы комментарии видных партийных идеологов и зарубежных политических деятелей и ученых. Автор обращает внимание на такие ключевые положения доклада китайского руководителя, как стремление этой страны проводить независимую, самостоятельную, мирную внешнюю политику, уважать право народов всех стран на самостоятельный выбор пути развития, защищать равенство и справедливость в международных отношениях, выступать против навязывания своей воли другим государствам и вмешиваться в их внутренние дела. Отдельно акцентируется внимание на том, что развитие Китая неотделимо от мирового развития, поэтому он заинтересован во взаимовыгодных отношениях с другими странами. Независимо от того, каких бы высот Китай ни достиг в своем развитии, он не встанет на путь экспансии и гегемонима.

XIX Всекитайский съезд КПК стал важным событием не только во внутривнутриполитической жизни страны, но и привлек пристальное внимание всего международного сообщества. Отчетный доклад генерального секретаря Си Цзиньпина, представленный на съезде, показывает, что под его руководством в рамках строительства социализма с китайской спецификой будет продолжаться активное развитие дипломатии великой державы, а также вноситься еще больший вклад в защиту мира во всем мире, стимулирование глобального развития и построение более сплоченного «сообщества единой судьбы человечества».

Рассмотрим вначале оценку съездом международной обстановки и миссии китайской дипломатии новой эпохи. В докладе XIX съезда дается следующая характеристика современной международной обстановки: «В настоящее время во внутренней и международной обстановке происходят глубинные, сложные перемены, но развитие Китая по-прежнему находится на этапе существования важнейших стратегических шансов. Перспективы блестящие, но и вызовы весьма суровые» [1].

На протяжении пяти лет после XVIII съезда КПК развитие китайской экономики сталкивалось с чрезвычайно сложной внешнеполитической обстановкой, что привело к неизбежным трудностям в реализации внешней политики и дипломатии КНР. В международных отношениях Китай стремился к развитию многовекторной дипломатии, создавая благоприятные условия для внутреннего развития страны. Китайским руководством были предложены внешнеполитические концепции о «гармоническом развитии в мире» и «сообществе единой судьбы человечества», представленные на различных международных форумах, включая ООН, ОПЕК, саммиты АСЕАН, БРИКС, ШОС и другие авторитетные международные встречи. Китай начал активно продвигать диалог с великими державами, в частности с США, Россией, Индией, а также Европейским союзом и другими международными объединениями и организациями. Среди них наиболее показательной и результативной стала встреча председателя КНР Си Цзиньпина с пре-

зидентом США Бараком Обамой в штате Калифорния в июне 2013 г., сыгравшая важную роль в разрешении назревавших конфликтов между Китаем и Америкой. Новые подходы Пекина к разработке и реализации многовекторной внешней политики и дипломатии выразились в самобытных международных проектах, мероприятиях и внешнеполитических концепциях.

Во-первых, Китай выдвинул ряд важных инициатив в области международного сотрудничества. Известная во всем мире концепция «Один пояс, один путь» стала визитной карточкой страны. В ее развитии Китай выступает за реализацию принципов совместного обсуждения, строительства и использования программы развития «пяти коммуникаций»: политической коммуникации (диалога между политическими лидерами), коммуникации сооружений (логистики), торговой коммуникации (беспрепятственной торговли), финансовой коммуникации (т. е. финансирования, открытия кредитных линий), коммуникации и связи между разными народами мира). Наряду с этим, Азиатский банк инфраструктурных инвестиций и фонд «Шёлковый путь» укрепляют инициативу «Один пояс, один путь» и способствуют созданию более совершенного многостороннего механизма инвестиций и финансирования.

Во-вторых, ряд дипломатических мероприятий, организованных Китаем на своей территории, дал мощный импульс развитию глобального сотрудничества. Пекин предложил новые взаимовыгодные идеи для решения сложных и запутанных проблем международных отношений, которые остаются нерешенными на протяжении долгого времени. Это стало своеобразной мотивацией и укрепило стремление других стран присоединиться к китайской программе международного сотрудничества или строительства «сообщества единой судьбы человечества».

В-третьих, китайское руководство предложило несколько новых важных теоретических и политических установок и подходов, которые стали не только руководящими принципами китайской дипломатии, но и получают широкое одобрение и поддержку международного сообщества. Особенно стоит отметить концепцию построения «сообщества единой судьбы человечества», предложенную председателем Си Цзиньпином на Генеральной Ассамблее ООН в 2017 г. Впоследствии эта концепция вошла в документы ООН: резолюцию Комиссии социального развития, Совета по правам человека и Совета Безопасности ООН [2]. Это важный теоретический вклад Китая в реформу глобальной системы управления, ответ на различные глобальные кризисы и вызовы, продвижение и развитие идеи «гармонического мира во всем мире».

Со стратегической точки зрения социализм с китайской спецификой вошел в новую эпоху и стал важным ориентиром развития Китая, направленного на вхождение в группу стран среднего достатка. С точки зрения международных отношений эта концепция строительства социализма с китайской спецификой отражает ежедневное приближение Китая к центру мировой арены, символизирует эпоху, в которой Китай вносит все более очевидный вклад в развитие всего человечества.

В докладе XIX съезда председатель Си Цзиньпин открыто подчеркнул основное социальное противоречие современного Китая: между растущей потребностью людей в лучшей жизни и неравномерным и неполным развитием страны. В ответ на разрешение этого противоречия концепция социализма с китайской спецификой новой эры выдвигает в качестве главной задачи партии реализацию курса на модернизацию социализма и осуществление китайской мечты о великом возрождении китайской нации. В связи с этим в докладе поставлена историческая

задача: «По двухэтапному плану необходимо превратить Китай в богатую и могущественную, демократическую и цивилизованную, гармоничную и прекрасную модернизированную социалистическую державу к середине нынешнего века на основе полного построения общества среднего достатка» [1].

Выдвинутые Си Цзиньпином в докладе понятия справедливости и выгоды, а также концепция «всеобщей, комплексной, совместной, непрерывной безопасности» являются важным ориентиром для китайской дипломатии. Рассмотрим, какие внешнеполитические задачи сформулированы в докладе и утверждены XIX съездом КПК.

1) *Утверждение новой концепции всеобщей, комплексной и устойчивой безопасности с учетом правильного понимания справедливости и выгоды.* Всеобщая безопасность, за которую выступает Китай, предлагает решать конфликты и разногласия путём диалога и переговоров, эффективно сокращать и снижать риск военных конфликтов, добиваться всесторонней поддержки для создания мирной международной обстановки и стабилизации международного порядка. Китай выступает за замену конфронтации на диалог, использование партнерства вместо формирования альянсов, а также выражает принципиальную позицию неприятия военных действий в качестве средства разрешения конфликтов между странами, поскольку использование грубой силы может привести только к временному и хрупкому динамическому равновесию сил и заложить источники более масштабной войны. К межгосударственным отношениям следует применить новые подходы, исходящие из диалога и партнёрства, а не конфронтации из блокового мышления. Вместе с этим Китай предлагает всесторонне отвечать на традиционные и нетрадиционные угрозы безопасности, особенно на терроризм в любом его проявлении, и говорит о необходимости объединить усилия на международном уровне для того, чтобы дать жесткий отпор нарушителям международного права.

2) *Стремление к открытому, инновационному, инклюзивному и взаимовыгодному развитию.* Китай предлагает идею всеобщего процветания, которая связывает вместе развитие всех стран, особенно подчёркивая дух сплоченности и взаимодействия. В первую очередь это касается развивающихся и менее развитых (бедных) стран, которые должны непрерывно продвигать сотрудничество по линиям Юг-Север и Юг-Юг. Именно они в своём развитии должны стремиться к открытости и инклюзивности, особенно подчёркивая уважение к разнообразию мировых цивилизаций и праву на самостоятельный выбор путей развития и политических режимов, соответствующих их национальным условиям.

3) *Содействие межцивилизационным обменам, предполагающим гармоничное сосуществование при сохранении своеобразия, взаимовосприятие и взаимодополнение.* Китай выступает за уважение многообразия мировых цивилизаций, признание необходимости того, чтобы совместное существование различных цивилизаций, их взаимные обмены и учеба превосходили чувство превосходства одной цивилизации над другой, их взаимное отчуждение и столкновение.

4) *Создание экологической системы, уважающей природу и зелёное развитие.* Китай ставит перед собой задачу создания мира, в котором с уважением относятся к природе, всячески защищают и охраняют её, придаёт огромное значение экологическому строительству. В своём докладе на XIX съезде Си Цзиньпин выдвинул важную идею о том, что человек и природа составляют единое жизненное сообщество, поэтому человечество должно уважать природу, приспосабливаться к ней и её охранять. Только соблюдение законов природы поможет человечеству эффективно избежать окольных путей в области освоения природы и природопользования. Вред, причиненный людьми природе, в конечном счёте губит их самих, это закон, которому невозможно воспрепятствовать.

5) *Стимулирование мира во всем мире, внесение вклада в глобальное развитие и защита международного порядка.* В отношении к мировому порядку можно проследить некоторую двойственность. Несмотря на то, что в докладе подчеркнуто, что Китай будет вносить вклад в глобальное развитие и выступать как «защитник» международного порядка, говорится также и то, что «ускорение продвижения изменения глобального управления и мирового порядка» является специфической чертой современной эпохи [1].

В докладе Си Цзиньпина даётся определение новой эпохи, которая характеризуется как «эпоха продолжения традиций и открытия пути к будущему, эпоха дальнейшего завоевания великих побед социализма с китайской спецификой в новых исторических условиях» [1]. В течение этого периода китайская дипломатия будет продвигать создание международных отношений нового типа, направленных на построение «сообщества единой судьбы человечества». Теория нового типа международных отношений основывается на взаимном уважении, справедливости, взаимовыгодном сотрудничестве и пяти принципах мирного сосуществования, которых Китай в своей международной политике придерживается уже долгое время, а именно: уважение суверенитета и территориальной целостности друг друга, взаимное ненападение и невмешательство во внутренние дела, равенство и взаимная выгода [3]. В процессе строительства международных отношений нового типа и сообщества единой судьбы человечества Китай продолжит придерживаться следующих принципов, направленных на преемственность и стабилизацию внешней политики, придавая уверенность мировому сообществу своей определенностью.

Во-первых, Китай будет неизменно проводить независимую, самостоятельную, мирную внешнюю политику, уважать право народов всех стран на самостоятельный выбор пути развития, защищать равенство и справедливость в международных отношениях, выступать против навязывания своей воли другим, против вмешательства во внутренние дела других стран, против притеснения слабых сильными. Китай не будет жертвовать интересами других стран ради собственного развития и ни при каких обстоятельствах не будет отказываться от своих законных прав и интересов. Некоторые страны с беспокойством относятся к укреплению и стремительному развитию Китая, а западные политики и СМИ не перестают раздувать теорию «китайской угрозы», на что Китай дает недвусмысленный ответ о том, что китайская национальная оборона носит оборонительный характер, его развитие не представляет угрозы ни для какого бы то ни было государства. Какого бы уровня в своем развитии ни достиг Китай, он никогда не будет претендовать на положение гегемона, никогда не будет проводить политику экспансии [4].

Во-вторых, Китай будет продолжать придерживаться избранного политического курса дипломатии великих держав, поддержания дипломатических отношений с соседними странами и взаимодействия с развивающимися странами. В частности, Китай будет продвигать координацию и сотрудничество между великими державами для построения общей стабильной и сбалансированной системы международных отношений. Страна будет развивать отношения с сопредельными странами в ключе доброжелательности, искренности, взаимовыгодности и инклюзивности, держать свой внешнеполитический курс на доброжелательные и партнерские отношения с соседними странами. Китай укрепляет сплоченность и сотрудничество с развивающимися странами на основании концепции «правдивость, деловитость, душевная близость и искренность» и правильного понимания справедливости и выгоды. Считает необходимым активизировать обмены и сотрудничество с политическими партиями и политическими организациями других стран, активизировать внешние контакты Социалистической народной пар-

тии, Народного политического консультативного совета, Народно-освободительной армии Китая, местных администраций и народных организаций.

В-третьих, Китай будет продолжать придерживаться основного курса на открытость внешней политики, использовать инициативу «Один пояс, один путь» в качестве стратегического приоритета, чтобы создать платформу международного сотрудничества высокого уровня и найти новый импульс для совместного развития. Китай готов поддерживать многостороннюю торговую систему, активизировать создание зон свободной торговли, стимулировать развитие мировой экономики открытого типа.

В-четвертых, Китай будет продолжать выступать в качестве ключевого участника международного многостороннего управления и поддерживать послевоенный международный порядок, в центре которого стоит Организация Объединенных Наций, выступать за концепцию глобального управления, во главе которой практика совместного обсуждения, совместного строительства и совместного использования.

Результаты XIX съезда получили неоднозначную оценку на международной арене. Итак, с учётом партнёрских отношений официальная оценка президентом РФ Путиным заключается в полном одобрении деятельности лично Си Цзиньпина, деятельности КПК, которой он руководит, и концепции «социализма с китайской спецификой в новую эпоху». Экс-премьер-министр Франции Раффарен также дал высокую оценку внешней политики КНР и выразил согласие со словами Си Цзиньпина о том, что одна страна не может успешно развиваться, поскольку мы нужны друг другу [5]. Тем не менее, в западных СМИ после XIX съезда КПК появились утверждения об излишней концентрации власти в руках Си Цзиньпина, а избранный им внешнеполитический курс и готовность к реформированию международного порядка расцениваются как прямой и открытый вызов американскому доминированию на международной арене [6].

Очевидно, что Китай ратует за демократизацию международных отношений, твёрдо стоит на позиции равноправия стран как больших, сильных и богатых, так и малых, слабых и бедных, поддерживает выявление позитивной роли ООН, расширение представительства и усиление права голоса развивающихся стран в международных делах. Китай будет продолжать играть роль ответственной державы, активно участвовать в преобразовании и формировании системы глобального управления, постоянно привносить в эту работу китайскую мудрость и китайскую силу [6].

Си Цзиньпин в качестве генерального секретаря нового руководства КПК побуждает китайский народ вместе со всеми народами мира создавать сообщество единой судьбы человечества и прилагать общие усилия для построения прекрасного будущего для всего человечества. Китайская дипломатия будет продолжать продвигать строительство сообщества единой судьбы человечества и способствовать скорейшему осуществлению китайской мечты о великом возрождении китайской нации. Несмотря на то, что в отчетном докладе мало внимания уделяется реальным проблемам и поиску решений из сложившихся трудных ситуаций, однако в нем, как и в решениях съезда был предложен ряд новых внешнеполитических концепций, следуя которым человечество сможет прийти к гармоничному и мирному сосуществованию.

1. Полный текст доклада, с которым выступил Си Цзиньпин на XIX съезде КПК [Электронный ресурс] // XIX всекитайский съезд КПК. – Режим доступа : http://russian.news.cn/2017-11/03/c_136726299.htm. – Дата доступа : 25.05.2020.

2. Резолюция 2344 (2017), принятая Советом Безопасности на его 7902-м заседании 17 марта 2017 года [Электронный ресурс] // Организация объединенных наций. – Режим доступа : [https://undocs.org/ru/S/RES/2344\(2017\)](https://undocs.org/ru/S/RES/2344(2017)). – Дата доступа : 26.05.2020.

3. Пять принципов мирного сосуществования (О международном положении и дипломатической стратегии) [Электронный ресурс] // Ключевые слова Китая : о международном положении и дипломатической стратегии. – Режим доступа : http://russian.china.org.cn/china/China_Key_Words/2014-11/18/content_34206352.htm. – Дата доступа : 26.05.2020.

4. «Теория китайской угрозы» отражает «имперские настроения» отдельных стран [Электронный ресурс] // Жэньминь Жибао ван. – Режим доступа : <http://russian.people.com.cn/p3/2018/0202/c95181-9423224.html>. – Дата доступа : 24.05.2020.

5. Бывший премьер-министр Франции Раффарен о китайской инициативе «Один пояс, один путь» [Электронный ресурс] // Новости китайского информационного интернет-центра. – Режим доступа : http://m.china.org.cn/orgdoc/doc_1_77300_547152.html. – Дата доступа : 26.05.2020.

6. *Hernández, J.C.* China's 'Chairman of Everything': Behind Xi Jinping's Many Titles / *J.C. Hernández* [Электронный ресурс] // the New York Times. – Режим доступа : <https://www.nytimes.com/2017/10/25/world/asia/china-xi-jinping-titles-chairman.html>. – Дата доступа : 26.05.2020.

7. *Цзечи, Ян.* Углубленное изучение и реализация дипломатических мыслей Генерального секретаря Си Цзиньпина [Электронный ресурс] / *Ян Цзечи* // Центральное народное правительство Китайской Народной Республики. – Режим доступа : http://www.gov.cn/guowuyuan/2017-07/16/content_5210812.htm. – Дата доступа : 26.05.2020.

Lezheng. XIX CCP CONGRESS ON THE GOALS AND TASKS OF THE PRC FOREIGN POLICY

The article describes the main goals and tasks of the foreign policy of the People's Republic of China proposed at the XIX Congress of the CPC in October 2017. The author analyzes the report of General Secretary Xi Jinping, gives explanations on the political courses and attitudes approved by the congress. A theoretical basis is the text of the report of the XIX Congress.

УДК 271.2 (438)

Восович С. М.

ПРАВОСЛАВНЫЕ БРАТСТВА БЕЛЬСКОГО УЕЗДА НА РУБЕЖЕ XIX – XX ВВ.

В статье анализируется развитие православных братств в Бельском уезде на рубеже XIX – XX вв. Исследуются состав, материальное положение и деятельность указанных церковно-общественных организаций.

Одной из недостаточно изученных тем в отечественной исторической науке является история православного братского движения на территории Беларуси в конце XIX – начале XX в. Для более глубокого решения данной проблемы и воссоздания более всесторонней, полной картины развития братств белорусско-литовских епархий необходимо провести анализ развития братских союзов в приграничных с Западной Беларусью регионах. К их числу можно отнести Бельский уезд, входивший в конце XIX – начале XX в. в состав Холмско-Варшавской епархии Русской Православной церкви. В связи с этим в данной статье ставятся следующие задачи: 1) определить состояние православного братского движения в Бельском уезде на рубеже XIX – XX вв.; 2) изучить состав данных братских объединений; 3) проанализировать материальное положение православных братств Бельского уезда в указанный период; 4) рассмотреть деятельность православных братских союзов.

В конце XIX – начале XX в. братства действовали почти во всех православных приходах Бельского уезда. На территории Бельского уезда Седлецкой губернии на рубеже XIX – XX вв. действовало два благочиннических округа. Каждый из них состоял из 13 приходов. В первый благочиннический округ входили следующие приходы: Бельский соборный; Бельский Кирилло-Мефодиевский; Воскриницкий; Горбовский; Докудовский; Киевецкий; Костеневичский; Корчевский; Кошоловский; Ломазский; Ортель-Княжецкий; Ортель-Королевский и Россошский. Вторым благочинническим округом составляли такие приходы, как Добратичский, Добрыньский, Заболотский, Кобыляны-Надбужный, Коденьский, Копытовский, Корощинский, Контомолотский, Пищацкий, Полосковский, Тереспольский, Хорощинский, Яблочненский. По отзывам местных настоятелей, в рассматриваемый период в 25 приходах существовали православные братства.

Только при Бельской Кирилло-Мефодиевской церкви, устроенной из бывшего римско-католического костела, закрытого по распоряжению правительства в 1868 г., и освященной архиепископом Варшавским и Новогеоргиевским Иоанникием 28 сентября 1875 г., не было братства. Но в соответствующем приходе действовало местное церковно-приходское попечительство, располагавшее в 1900 г. 191 руб. 34 коп., в 1903 г. – 200 руб. Председателем его в указанное время состоял директор Бельской мужской гимназии, действительный статский советник Григорий Иванович Сольский. После отъезда Г.И. Сольского из г. Белы попечительство некоторое время не имело председателя. В 1907 г. руководил деятельностью попечительства Василий Семенович Кедров. В указанный год Кирилло-Мефодиевское попечительство располагало 500 руб. капитала [1, л. 24; 2, л. 4; 3, л. 39].

В трёх приходах (Бельском Рождество-Богородицком соборном, Кошоловском Рождество-Богородицком и Кобыляно-Надбужном Покровском) ситуация с братскими организациями выглядела неоднозначно. Традиционно главным братством в епархии в то время считалась церковно-общественная организация, существовавшая при кафедральном соборе. Но в рассматриваемый период церковно-общественное объединение при соборном храме во имя Рождества Пресвятой Богородицы, действовавшее активно в конце 1870-х гг., переживало в начале XX в. далеко не лучшие времена, а, точнее сказать, глубочайший кризис. Примечательно, что сведения о трудностях всплыли при новом настоятеле Бельского собора протоиерее Иоанне Юхновском, перемещённом на должность настоятеля собора с 1 января 1902 г.

Если его предшественник протоиерей Симеон Викторович Михалевич указывал на относительную многочисленность данной организации, упомянув в её составе 40 братчиков в 1900 г. и 12-15 руб., ежегодно находившихся в её распоряжении на покупку свеч, то протоиерей Иоанн Юхновский отмечал: «Церковно-приходское братство, от времен воссоединения, находилось в цветущем состоянии, имея 40 и более человек членов. Приходя постепенно, из года в год, все к большему и большему упадку, но ещё 10 лет тому назад состояло из 15-20 человек членов; к 1902 г. оно состояло и в настоящее время олицетворяется в одном крестьянине дер. Славятина Феодоре Гучке. Председателем братства числится настоятель собора. Братских сумм не имеется никаких» [1, л. 4; 2, л. 25]. Нам не удалось выяснить причины разногласий докладов двух протоиереев. Заметим, что возрождение указанной церковно-общественной организации началось с 1906 г. при новом настоятеле Бельского собора протоиерее Антонии Любарском, переведённом на место штатного протоиерея указанного храма 1 декабря 1905 г. Благодаря его стараниям в 1907 г. в Бельском братстве насчитывалось 57 братчиков и 76 сестриц. При этом указанный союз располагал уже 71 руб. 23 коп. [3, л. 4].

Противоречивые сведения о братском союзе относились и к Кошоловскому приходу. Если настоятель Павел Русинов приводил общие данные об указанной

церковно-общественной ассоциации за 1900, 1903 гг., то его приемник местный настоятель Иоанн Староселец в 1907 г. прямо указывал: «восстановленное 14 апреля 1886 г. приходское братство со временем прекратило свое существование» [3, л. 118]. При этом протоиерей Иоанн Староселец информировал об отсутствии у братского союза какого-либо капитала.

Не было сведений в 1900 г. о наличии братства в Кобыляно-Надбужном Покровском приходе. В то же время в клировой ведомости за 1903 г. упоминается приходское братство, в котором состояло лишь 2 человека. В остальных приходах в рассматриваемый период регулярно упоминаются братские союзы. Как правило, в приходах числилось по одному церковно-общественному объединению. Лишь в Кодненском приходе функционировало 7 церковных братских организаций, а именно: в посаде Кодне – 2 (Свято-Троицкая и Свято-Николаевская), а также в деревнях – Ольшанах, Окчине, Ленюшках, Огородниках, Межилессье [4, л. 45; 5, л. 56]. Часть братств действовала с «незапамятных времен» (как Добратичское, Коденские, Корощинское) [4, л. 3, 45, 78]. Больше всего, такие братские ассоциации были организованы в первой половине XIX в. Так, в клировой ведомости за 1900 г. отмечалось, что Воскреницкий Архангело-Михайловский братский союз существовал с «давних времен» [1, л. 40]. А через несколько лет, а именно в 1903 г., указывалось более точная дата основания братства – 1842 г. [2, л. 64].

Другие братские союзы возникли во второй половине XIX в. Например, Никитское братство было организовано в 1876 г., Корчевское – 1892 г., Россошское – 22 января 1895 г. [1, л. 96, 151; 4, л. 85]. Заметим, большинство братских ассоциаций, возникших во второй половине XIX в., было организовано или восстановлено в первой половине 1880-х гг. Например, Костеневичское братство было создано в 1880 г., Докудовское – 1 января 1881 г., Добрынское и Ортель-Княжецкое – 21 ноября 1881 г., Киевецкое, Горбовское – 1882 г., Ломазское – 1884 г. [1, л. 86, 129; 2, л. 75, 87, 98, 143; 5, л. 20]. Название братств соответствовало именованию храмов. Лишь в Ломазском приходе название братства не соответствовало именованию местной церкви. В указанном приходе храм был освящён в честь свв. Космы и Дамиана, а братство называлось «Петро-Павловским» [2, л. 143].

Председателями братских ассоциаций, как правило, были местные священники. Так, в 1900 г. председателем Заболотского братства состоял настоятель местного прихода священник Иоанн Староселец (седьмое трехлетие), Полосского – священник Леонтий Бродский, Хорощинского – священник Иоанн Чижевский [4, л. 30, 107, 135].

Братские организации охватывали не всех прихожан, а наиболее инициативных и деятельных. Заметим, в состав братств входили как мужчины, так и женщины. Причём последние иногда составляли значительный процент среди братчиков. Так, в 1900 г. в Корощинской братской организации состояло как 50 мужчин, так и 50 «сестричек», в Пищацкой Параскевской – 88 мужчин и 64 сестрицы [4, л. 78, 95]. В 1903 г. в Воскреницком братстве числилось 28 мужчин и 22 представительницы женского пола, в Горбовском – 76 братчиков и 60 сестриц, Докудовском – 93 и 67 соответственно, Корчевском – 79 и 77 [2, л. 64, 75, 87, 131].

В определённые периоды в отдельных братских союзах женщины даже численно преобладали над мужчинами. Например, в Полосском Димитриевско-Солунском братстве в 1900 г. их насчитывалось 200, в то время как мужчин 150 [4, л. 105]. Аналогичная ситуация наблюдалась в братстве при Воскреницкой Свято-Архангело-Михайловской церкви в 1907 г. На 40 братчиков приходилось 65 сестриц [3, л. 54].

По численности своих членов православные братства Бельского уезда были неодинаковы. Среди них выделились организации, насчитывавшие более 300 человек. К их числу можно отнести отдельные объединения второго благочинниче-

ского округа, а именно: Добратичское Кресто-Воздвиженское, Коденское Троицкое, Контомолотовское Никитское, Полосское Дмитриевско-Солунское, Яблочанское Преображенское и Заболотское Николаевское. Последнее из них было самой массовой братской организацией. В 1903 г. в ней состояло 1803 человека [5, л. 34]. Заметим, по количеству братчиков лидировал и соответствующий приход.

Что касается первого благочиннического округа, то лишь Киевецкий Дмитриевский братский союз в отдельные годы насчитывал около 300 человек [2, л. 98]. В целом, братские организации данного округа были более малочисленными. Среди них встречались братства, которые насчитывали в своих рядах в отдельные годы не более 30 человек. Например, к таковым в 1903 г. можно отнести Россошское Введенское, Кошоловское Рождество-Богородицкое [2, л. 108, 175].

Численность братчиков в подавляющем большинстве братств в рассматриваемый период оставалась непостоянной. Примером могут служить церковно-общественные союзы Коденского прихода. В 1900 г. в Коденском Троицком братстве числилось 368 человек, Коденском Николаевском – 212, Окчинском – 205, Ольшанском – 145, Ленюшском – 83, Огородничском – 76 и Межилесском – 30 [4, л. 45]. В течение нескольких лет Коденская Троицкая, Окчинская, Ольшанская и Огородничская церковно-общественные ассоциации стали более многочисленными. В 1903 г. в состав первой из них входило 399 братчиков, второй – 236, третьей – 165 и последней – 80 [5, л. 56]. Численность братчиков Межилесской организации на протяжении четырех рассматриваемых лет оказалась неизменной. А что касается остальных братств указанного прихода, то там наблюдалось сокращение их количественного состава. При этом падение численности братчиков в начале XX в. в отдельных организациях было довольно-таки значительным. Так, если в Корчевском братстве в 1903 г. насчитывалось 156 человек, то в 1907 г. – лишь 74, в Ломазском – соответственно 166 и 40 (т. е. более чем в 4 раза!) [2, л. 131, 143; 3, л. 106, 129]. Но наблюдался и противоположный процесс, хотя и не в таких масштабах. Например, если Воскресенская Архангело-Михайловская организация в 1903 г. в своих рядах объединяла 50 человек, то в 1907 г. – 105 [2, л. 64; 3, л. 54].

Братства в большинстве своём не располагали огромными средствами. Например, Заболотский Николаевский союз в 1900 г. имел в своём распоряжении лишь 11 руб. 50 коп., в 1903 г. – 250 руб. [4, л. 30; 5, л. 34]. Вместе с тем отдельные братские ассоциации собирали суммы, превышавшие более полутысячи рублей. Например, Ломазское братство в 1900 г. располагало 550 руб. [1, л. 119]. Братские суммы образовывались в основном за счёт ежегодных взносов братчиков. Размер взносов в разных братствах был неодинаков. В то же время их общей чертой был незначительный размер. Например, жители посада Кодно вносили по 10 коп. каждый год, а братчики деревень Кодненского прихода – по 15 коп. 15 коп. в пользу братств вносили ежегодно также члены Докудовской, Кошоловской организаций [1, л. 62, 107; 2, л. 87]. Члены Корощинского, Контомолотовского, Воскреницкого братских союзов жертвовали ежегодно по 30 коп. [1, л. 40; 4, л. 45, 78, 87].

По отзывам местных настоятелей, деньги поступали в братские кассы, как правило, неаккуратно [4, л. 45]. Примером могут служить суммы, находившиеся в распоряжении Горбовского Преображенского братского союза. Так, в 1900 г. данная организация владела 146 руб. «капитала», который уменьшился к 1904 г. до 72 руб., составив в 1907 г. 93 руб. [1, л. 53; 2, л. 75; 3, л. 62].

Небольшие суммы отдельным братствам давала недвижимость. Так, согласно отчётам настоятеля Павла Русинова, Кошоловский Рождество-Богородицкий союз владел 3 моргами сенокосного луга, который давал ежегодно до 20–25 руб. дохода [1, л. 107; 2, л. 108]. 6 моргами огородной и сенокосной земли владело Ломазское братство [2, л. 143].

В подавляющем большинстве случаев братские суммы расходовались полностью, по выражению современников, «без остатка» [4, л. 45]. Лишь некоторые братства использовали собранные суммы не в полном объеме. Примером может служить Костеневичский братский союз. В 1903 г. в «приходе» (поступившей сумме) числилось 13 руб. 80 коп. Израсходовано в указанный год было лишь 4 руб. 70 коп. Оставшиеся 9 руб. 10 коп. перешли на следующий год [2, л. 120].

Отдельные братства оставшиеся суммы переводили в категорию «неприкосновенного капитала». Так, помимо 200 руб., предназначенных на текущие расходы, Ломазское братство в 1903 г. владело неприкосновенным капиталом в размере 400 руб. [2, л. 143]. В 1907 г. Киевецкое братство на книжке в одном из банков имело 16 руб. 57 коп. [3, л. 84]. Ортель-Королевское братство в указанный год имело 200 руб. билетами (облигациями) [3, л. 138].

Братские суммы шли, как правило, на покупку братских свечей или на приобретение воска. Примечательно, что в Воскреницком братстве доход от реализации братских свечей поступал в церковные суммы [1, л. 37]. В то же время были братские организации, которые часть своих средств выделяли на другие цели. Так, Контомолотовское братство выделяло деньги на украшение храма и на помощь певческому церковному хору [4, л. 87].

Если затрагивать вопрос братских обычаев, то стояние братчиков со своими свечами во время Божественной литургии в праздничные дни был повседневным явлением во всех приходах. При этом Корощинское Рождество-Богородичское братство во время богослужения поднесением свечей чествовало своих гостей [4, л. 78]. В Киевецком Димитриевском приходе в первое воскресенье каждого месяца служился молебен о здравии членов братства [1, л. 75].

Таким образом, на рубеже XIX – XX вв. в 25 православных приходах Бельского уезда существовали братства, деятельность которых не выходила за границы своих церковных территориально-административных единиц. Не располагая значительными средствами и не отличаясь многочисленностью своих членов (за редким исключением), данные православные организации принимали участие в богослужениях и благоустройстве своих приходских храмов.

1. Государственный архив в Люблине (Гос. арх. Люблина). – Фонд 99. – Оп. 1. – Д. 46 (Клировые ведомости первого Бельского округа за 1900 г.).

2. Гос. арх. Люблина. – Фонд 99. – Оп. 1. – Д. 51 (Клировые ведомости по округу первого Бельского благочиния Седлецкой губернии Холмско-Варшавской епархии за 1903 г.).

3. Гос. арх. Люблина. – Фонд 99. – Оп. 1. – Д. 55 (Клировые ведомости первого Бельского округа Холмской епархии за 1907 г.).

4. Гос. арх. Люблина. – Фонд 99. – Оп. 1. – Д. 96 (Клировая ведомость второго Бельского округа за 1900 г.).

5. Гос. арх. Люблина. – Фонд 99. – Оп. 1. – Д. 101 (Клировая ведомость второго Бельского округа за 1903 г.).

Vosovich S. M. Orthodox brotherhoods of Belsky County at the turn of the XIX – XX centuries

The article analyzes the development of Orthodox brotherhoods in Belsky County at the turn of the XIX – XX centuries. The composition, financial situation and activities of these church-public organizations are investigated.

ТАТАРСКО-МУСУЛЬМАНСКИЕ ЗАХОРОНЕНИЯ НА ТЕРРИТОРИИ ПОЛЬСКО-БЕЛОРУССКОГО ПОГРАНИЧЬЯ НА ПРИМЕРЕ МИЗАРОВ ЛЮБЛИНСКОГО ВОЕВОДСТВА

Данная статья посвящена изучению особенностей захоронений татарско-мусульманского населения на польско-белорусском пограничье. В статье автор анализирует состояние татарских кладбищ (мизаров) в д. Студянка и д. Заставек Люблинского воеводства, сохранившихся до наших дней. Самые ранние захоронения на данных кладбищах относятся к XVIII в. Автор отмечает, здесь были похоронены представители известных татарских родов, такие выдающиеся татарские деятели, как генерал Юзеф Беляк, полковник Якуб Азулевич, полковник Самуил Мурза Корицкий и др. Автор обращает внимание, что данные мизары являются ценными свидетельствами проживания здесь татарского населения, так как на сегодняшний день татарско-мусульманской общины, как и мечети в этом регионе уже не существует.

Автор на основании архивных материалов констатирует, что вопрос о захоронении мусульман в Люблинской губернии поднимался российскими властями в конце XIX в., и не единожды, но в силу незначительного количества находящихся здесь мусульман, главным образом из числа расквартированных в губернии военных частей, в мусульманских кладбищах в Люблинской губернии в XIX в. не было необходимости. Стоит отметить, что Бяльский уезд (повет), в составе которого была д. Студянка, где мизар существовал с 1679 г, в конце XIX в. находился в составе Седлецкой губернии Королевства Польского. В Люблинское воеводство Бяльский повет был включен в 1918 г.

Кладбища в д. Студянка и д. Заставек – это ценные источники по истории татар этого региона, в том числе отражающие определенные особенности религиозного культа татарско-мусульманского населения польско-белорусского пограничья в целом. Несмотря на частичное их разрушение в ходе столетий, отрадно то, что на современном этапе пришло понимание ценности этих мест и стремление к их изучению, сохранению и актуализации.

На сегодняшний день на территории восточной Польши, польско-белорусского пограничья, сохранилось пять татарских кладбищ (мизаров), некоторые из них даже являются действующими. Это мизары в таких населенных пунктах, где размещаются (размещались) такие татарские общины, как д. Студянка, д. Заставек (около д. Лебедево) Люблинского воеводства, д. Крушиняны и д. Богоники Подляского воеводства (по современному административно-территориальному делению). Эти мизары являются в некоторых случаях одними из самых значимых свидетельств размещения татарско-мусульманских общин на данной территории. Статья посвящена двум менее известным татарским кладбищам польско-белорусского пограничья, которые расположены в д. Студянка и д. Заставек.

Деревня Студянка была главным татарским центром в Бяльском регионе, в котором татары также проживали в деревнях Лебедев-Заставек, Кошолы, Ортель, Домбровица, Малашевичи и др. Они здесь были поселены во времена короля Яна III Собеского в конце XVII в. и смогли сохранить свою идентичность более 200 лет благодаря тому, что их сплачивала религия и единственная мечеть в этом регионе – в д. Студянка, которая объединяла местную татарскую общину. В 1679 г. король Ян III Собеский наделил в д. Студянке землей татарина ротмистра Самуила Романовского. Вскоре здесь была построена мечеть и заложено татарское кладбище. Изначально кладбище было размещено в не совсем подходящем месте из-за болотистости почвы, поэтому оно было перенесено в другую часть деревни на возвышенность. В XVIII в. Студянка была типичной татарской деревней, заселенной

в основном одними татарами. В 1808 г. в Студянке было 53 дома и 265 жителей (в основном татары). В 1827 г. 42 дома и 282 жителя. В 1817 г. татары построили здесь новую деревянную мечеть. В дальнейшем количество татарского населения в Студянке уменьшалось. Известно, что во второй половине XIX в. Студянка вошла в состав гмины Любенка Бяльского повета, в которой в 1890 г. насчитывалось только 46 татар, а в целом в Бяльском повете проживало лишь 85 татар [1].

В Географическом словаре Царства Польского от 1890 г. под заголовком «Студянка» указано: «Населены русинами и татарами. Рожь, плодородная почва, огороды и прекрасные фруктовые деревья. (...). У более богатых здесь довольно большие фермы (...). Население занимается земледелием, некоторые ремесленники. Люди трудолюбивы и гостеприимны». По данным переписи населения 1921 г. в Студянке проживало 541 человек, из которых только 18 мусульман [1].

Надо отметить, что вопрос о захоронении мусульман в Люблинской губернии поднимался, и не единожды. 17 ноября 1887 г. Ломжинское губернское правление («по встретившейся надобности») направило в Люблинское губернское правление письмо с просьбой сообщить о том, есть ли в Люблинской губернии отдельные кладбища для похорон лиц мусульманского вероисповедания и если таковые имеются, то на какие средства они были устроены. А если их нет, то где хоронят умерших мусульман, которых достаточно много в числе нижних чинов квартирующихся в губернии войск? [2, л. 1]. В своём ответе на данный вопрос Люблинского губернского правления Штаб 14 армейского корпуса уведомил, что во 2-м и 4-м батальонах 66 пехотного бутырского полка, в 70-м Рижском и 72-м Тульском пехотных полках и в батареях 18-й артиллерийской бригады случаев смерти нижних чинов магометанского вероисповедания ещё не было, и мест погребений таковых не известно. Нижние чины 69 пехотного Рязанского полка в г. Люблине хоронятся за оградой православного кладбища, а в 71 пехотном Белевском полку в г. Красностав на православном кладбище в специально отведённом для того месте [2, л. 3]. Был получен ответ на данный вопрос и от начальника Люблинского уезда, в котором сообщалось, что из деревни Руры, принадлежавшей майорату Люблин, был отделен участок земли в 4 морга на устройство кладбища, взамен которого было дано майоратному имению то же количество земли из соседнего фольварка. Эти сведения были представлены в Министерство, по распоряжению которого и была произведена замена земли. Сведений же относительно устройства магометанского кладбища в уездном управлении нет [2, л. 9]. Люблинское губернское правление 13 марта 1888 г. отправило ответ в Ломжинское губернское правление об отсутствии особых кладбищ для захоронения нижних чинов магометанского исповедания в данной губернии [2, л. 11].

Вопрос о кладбищах для мусульман поднимался в 1893 г. Варшавским генерал-губернаторством, из Канцелярии которого 25 июня 1893 г. был отправлен запрос в Люблинское губернское правление следующего содержания: «Одним из губернаторов здешнего края возбужден вопрос об устройстве магометанского кладбища на средства города ввиду затруднений, испытываемых при погребении тел нижних чинов магометанского исповедания. Ввиду этого канцелярия Варшавского генерал-губернатора интересуется, где хоронятся тела умерших мусульман в Люблинской губернии и встречаются ли при этом какие-либо затруднения» [3, л. 1].

В результате сбора информации губернским правлением по уездам Люблинской губернии стало известно, что в Грубешовском, Любартовском, Белгорайском, Ново-Александрийском, Томашовском, Люблинском, Яновском уездах лица мусульманского вероисповедания не проживают [3, л. 5, 6, 10, 13, 15, 16]. По полученной информации из Красноставского уезда, по данным командира 67 пе-

хотного Тарутинского полка, умерших магометан нижних чинов хоронят на общем городском кладбище, но отдельно от христианских могил [3, л. 7]. Начальник Замостского уезда сообщил, что в данном уезде мусульмане не проживают, а имеется лишь небольшой процент мусульман в квартирующемся в г. Замостье 68-м Лейб пехотном Бородинском полку. Умерших мусульман здесь хоронят за местным православным кладбищем, и никаких затруднений при погребении не встречается [3, л. 12]. В Холмском уезде было 2 случая смерти нижних чинов из мусульман, и ввиду отсутствия особого мусульманского кладбища в г. Холмск, они были похоронены около самой ограды христианского кладбища [3, л. 11]. По сообщению Люблинского городского магистрата, в г. Люблине был один случай смерти представителя мусульманского вероисповедания, похоронили которого без всяких затруднений на местном римско-католическом кладбище [3, л. 18].

Таким образом, можно констатировать, что в Люблинской губернии в конце XIX в. не было мусульманского кладбища в силу незначительного количества находящихся здесь мусульман, главным образом из числа расквартированных в губернии военных частей. Стоит отметить, что Бяльский уезд (повет), в составе которого была д. Студянка, где мизар существовал с 1679 г., в конце XIX в. находился в составе Седлецкой губернии Королевства Польского. В Люблинское воеводство Бяльский повет был включен в 1918 г.

На сегодняшний день татарско-мусульманской общины в д. Студянка уже не существует, как и мечети, которая была сожжена 15 августа 1915 г. Таким образом, сохранившийся здесь мизар – татарское кладбище, является ценным историко-культурным памятником присутствия татар-мусульман в районе Бяла-Подляски.

Наиболее интересными являются старые могилы, сохранившие характерные черты мусульманских погребений. Разумеется, на сегодняшний день кладбище не действует. Могилы, ориентированные по оси восток-запад, располагались параллельными рядами (сафами), имитирующими положение верующих во время молитвы в мечети. Яма, в которой лежал покойник, выкапывалась на глубину 1 м или 1,5 м и покрывалась досками. Под голову покойного клались свитки с молитвами – Далавары. Могила засыпалась землей и сверху делалась небольшая насыпь, стороны которой выкладывались камнями, чтобы птицы и животные не могли повреждать могилы. Татары не возводили гробниц, делали могилы простыми. Бедные слои населения обычно сверху в качестве памятника клали полевые камни. Были надгробия из песчаника, а также из более дорогого камня. Большой камень помещали у головы, а меньший – у ног. Голова умершего была направлена в сторону Мекки. В верхней части могильного камня изображался полумесяц со звездой и стих Корана – знак религиозной принадлежности могилы. Этот символ появился в память об откровении, полученном пророком Мухаммедом, так как это событие произошло ночью в присутствии единственных свидетелей – луны и звезд на небе.

На нескольких надгробиях на мизаре в Студзянке встречается розетка – символ звезды или солнца – мотив, присущий поволжской эпиграфике. На надгробиях можно найти архитектурные мотивы минаретов, зарисовки по образцу, так называемых ковриков *мухиров*. Надписи на надгробных плитах, сделанные на арабском языке, – это в большинстве случаев только символ веры – Нет бога, кроме Аллаха и Мухаммад Посланник его. Большинство же надписей сделаны на польском языке, встречаются также надписи на русском языке, что стало результатом русификации после восстания во второй половине XIX в. Буквы остались тщательно и скрупулезно выгравированы. Даты, написанные на могильных плитах, часто указывались по мусульманскому календарю. Они обозначают дату захоронения. Данное кладбище интересно тем, что здесь сохранилось пять надгробий XVIII в.

Могилы ранее не были огорожены, и это должно было символизировать равенство всех, считалось, что люди не должны ограждать друг о друга. Кладбище в Студянке было окружено рвом, вырытым для осушения территории. Возможно, боялись, что близлежащая река может затопить это место. На мизар ранее было сделано три отдельных входа. В настоящее время существует только один с открывающимися воротами.

По мнению польского исследователя истории татарской общины в д. Студянка Лукаша Радослава Венды, на местном кладбище находится около 300 надгробий. Самое старое захоронение, согласно имеющемуся списку (инвентарю), датируется 1747 г. Но исследователям выявить его на мизаре не удалось. Из прочитанных надписей на сохранившихся надгробиях, покрытых мхом, можно получить богатую информацию о социальном статусе, семьях, занимаемых должностях, офицерских званиях, подразделениях, в которых покойный служил, его собственности. Более поздние надгробия представляют собой плиты, где можно заметить цветы и свечи, что свидетельствует об элементах христианской культуры в татарско-мусульманской среде.

Стоит отметить, что на мизаре в Студянке были похоронены представители известных татарских родов, выдающиеся татарские деятели. В письменных источниках упоминается, что здесь находятся захоронения командующего 4-го полка Передней Стражи войск ВКЛ генерала Юзефа Беяка и полковника Якуба Азулевича. Довольно характерным явлением, судя по Книгам метрикам мусульманской общины в Студянке, где фиксировались рождения, браки и смерти, можно отметить стремление к заключению браков непосредственно между представителями богатых родов: Беяков, Барановских, Юзефовичей, Корицких, Азулевичей, Лисовских, Байрулевичей. В Студянке наблюдалась устойчивая тенденция хоронить умерших членов известных семей рядом.

Здесь захоронен Матей Окминский (умер в 1836 г.) – имам мечети в Студянке (на мизаре находится 16 захоронений представителей данного рода) [4, s. 144–145, 147]; брат Матея Байрулевича, последнего имама в Студянке – Ромуальд (1872–1912), который был известным целителем в этой местности. Его захоронение находится среди останков других членов семьи Байрулевичей в левой части кладбища. Похоронены в Студянке такие известные личности из числа военных, как майор Мацей Азулевич, лейтенант Авраам Азулевич (умер в 1812 г.), капитан Мустафа Тупальский (около 1755 – 1830?), Ян Лисовский, Стефан Рудзевич, полковник Матей Тупальский, который участвовал в разоружении смоленского драгунского эскадрона в Ломазах в 1863 г. В результате репрессий после восстания он был сослан российскими властями в Сибирь, откуда вернулся пешком в Студянку, где через несколько недель умер от истощения.

К сожалению, после Первой мировой войны кладбищу был нанесен урон. Захоронения подвергались разрушениям местными жителями деревни. Надгробия были разбиты и служили как груз или точильные камни для кос. Разрушения, совершаемые местным христианским населением, не остановили ни решительные запреты местного священника в 1920-х гг., ни тот факт, что мизар являлся мусульманской религиозной собственностью – вакуфом.

Нужно отметить, что последние захоронения на мизаре в Студянке относятся к периоду Второй мировой войны. Сохранилось описание мизара в Студянке за 1948 г., из которого следует, что в то время, это было сильно разрушенное и заросшее деревьями кладбище. Тем не менее, как уже упоминалось, это одно из немногих сохранившихся до наших дней татарско-мусульманское кладбище в Польше.

Мизар на сегодняшний день неплохо упорядочен, хотя всё ещё требует выделения дорожек, более широкого описания надгробий и консервации могильных плит. При жизни последнего имама Студянки Матея Байрулевича, дом которого находился недалеко от мизара, кладбище было досмотрено надлежащим образом. Однако после его смерти через некоторое время забытый мизар постепенно разрушался.

В последние годы судьба кладбища вызвала интерес. Были проведены работы по его очищению, инвентаризации надгробий, вместе с описью состояния их сохранности, что позволило качественно сделать консервацию. Эти работы были закончены в 2018 г. Была произведена консервация около 200 надгробий. Проект по реставрации кладбища был реализован Фондом Культурного Наследия в сотрудничестве с Ассоциацией развития Студянки, финансировался совместно с Национальным Институтом Наследия – программа «Волонтерство для наследия».

Ещё одним материальным свидетельством проживания татар на польско-белорусском пограничье недалеко от д. Студянка, является мизар в д. Заставек (около д. Лебедево) Люблинского воеводства (по современному административно-территориальному делению).

Одно из первых упоминаний о мизаре в Заставке в письменных источниках сделано в завещании, написанном 3 января 1811 г., лейтенантом Корицким, который указал в нём, что хотел бы быть похороненным на «Лебедевском кладбище». Следует подчеркнуть, что татарское кладбище в Заставке является одним из древнейших памятников ислама в Польше.

Площадь мизара, квадратного по форме, составляет 0,8 га. Татарское кладбище расположено на возвышенности, покрытой лесом. Мизар огорожен забором из сосновых жердей. Надо отметить, что в прошлом у мизара не было забора, так как считалось, что мёртвых не стоит ограждать от живых. Украшают кладбище высокие дубы, растущие на склоне.

К сожалению, с момента начала Второй мировой войны мизар в Заставке начал подвергаться опустошению. Первыми осквернили кладбище немцы, которые интенсивно строили дороги в окрестностях р. Буг, и для этого они использовали надгробия мизара в Заставке. После окончания Второй мировой войны мизар не имел опеки государственных властей, и могилы на нем неоднократно подвергались нападению грабителей в поисках ценностей, которые якобы там находились. В том числе над мизаром нависла угроза, когда на католических и православных кладбищах вместо могил с деревянными крестами, начали ставить памятники из бетона или камня, иногда мрамора. Именно тогда владельцы каменных мастерских в этом районе заинтересовались мраморными надгробиями, которые не представляли ценности для немцев, и украли самые великолепные памятники на татарском кладбище в Заставке. Но всё же в 1959 г. власти обратили внимание на татарское кладбище и внесли его в реестр историко-культурных памятников государства. После проведенных работ по консервации и изучению этого памятника истории ислама в Польше, выяснилось, что на кладбище сохранилось 53 надгробия XVIII–XX вв. Самое древнее захоронение на кладбище – это могила полковника Самуила Мурзы Корицкого 1704 г., а также найдены захоронения Айшы Тупальской (из рода Корицких) 1796 г., надгробие 1736 г. с хорошо сохранившимися арабскими надписями.

Таким образом, стоит отметить, что на территории Люблинского воеводства, на польско-белорусском пограничье, сохранилось два татарских кладбища, которые являются материальными свидетельствами проживания здесь представителей татарско-мусульманского населения, так как на сегодняшний день по разным

причинам татарской общины в этом регионе уже не существует. Мизары являются памятниками историко-культурного наследия польского государства и находятся под его опекой. Данные кладбища – это ценные источники по истории татар этого региона, в том числе отражающие определенные особенности религиозного культа татарско-мусульманского населения польско-белорусского пограничья в целом. Несмотря на частичное их разрушение в ходе столетий, отраднo то, что на современном этапе пришло понимание ценности этих мест и стремление к их изучению, сохранению и актуализации.

1. *Hordejuk, S.* Zarys dziejów miejscowości Studzianka – Режим доступа : <http://www.studzianka.pl/historia.ht>. – Дата доступа : 25.05.2020.

2. Archiwum Państwowe w Lublinie. Zespół 116 RGL, Referat IV Wyznaniowy, G. Wyznaniamaometanskie. Smentarze 1887 : 145. Люблинское губернское правление. По отношению Ломжинского губернского правления об магометанском кладбище

3. Archiwum Państwowe w Lublinie. Zespół 116 RGL, Referat IV Wyznaniowy, G. Wyznaniamaometanskie. Smentarze 1893 : 81. Люблинское губернское правление. По вопросу о местах погребения тел умерших магометан.

4. *Wenda, L.* Zapomnianyrod Okmiskich, czyliwybranezagadnieniabiograficzneprzewidywielitatarskiegoroduwspolnotytatarskiejwStudziance wXIXwieku / *L. Wenda* // Tatarskiebiografie. Indywidualnelosy – ichwpływ nabudowanieIpodtrzymanietozsamosci grupy. – PolskieTowarzystwoHistoryczne, red. naukowa *A. Konopacki*. – Białystok, 2019. – 250 s.

Gribova S. Tatar-Muslim Burials on the Territory of the Polish-Belarusian Borderland on the Example of Misars of the Lublin Voivodeship

This article is devoted to the study of the peculiarities of the burial places of the Tatar-Muslim population on the Polish-Belarusian borderland. In the article, the author analyzes the state of the Tatar cemeteries (mizars) in the village of Stuyanka and the village of Zastavek of the Lublin Voivodeship, preserved to this day. The earliest burials in these cemeteries date back to the 18th century. The author notes that representatives of famous Tatar families and prominent Tatar figures, such as General Yuzef Belyak, Colonel Yakub Azulevich, Colonel Samuel Murza Koritsky, etc., were buried here. The author draws attention to the fact that these mizars are valuable evidence of the Tatar population living here, since today the Tatar-Muslim community as well as the mosque in this region no longer exists.

УДК 947.6 «1830/1831»

Карнович О. В.

ДЕЙСТВИЯ ПОВСТАНЧЕСКОГО ОТРЯДА ТИТУСА ПУСЛОВСКОГО НА ПОЛЕСЬЕ ЛЕТОМ 1831 ГОДА

В ноябре этого года отмечается 190-летний юбилей восстания 1830–1831 годов. События тех далёких лет на территории современной Беларуси по сей день являются поводом для дискуссий и в большинстве своём остаются малоизученными. В данной публикации на основе неизвестных ранее источников сделана попытка проследить основные этапы формирования, социальный состав и боевые действия повстанческого отряда помещика Адама-Титуса Пусловского на территории Пинского и Кобринского уездов летом 1831 года.

События восстания 1830–1831 годов на землях Беларуси в отечественной историографии по настоящее время освящены довольно скупо. Ещё меньше сведений по отдельным эпизодам восстания в различных регионах современной Беларуси.

Из комплексных отечественных исследований по данной проблематике можно выделить лишь труды советских историков, изданных в 60-70-х годах XX века (И.А. Воронков, В. А. Дьяков, В. М. Зайцев, Л. А. Обушенкова, Н. П. Митина) и монографию современного белорусского историка О.В. Горбачевой [1]. К сожалению, при исследовании сословного характера восстания 1830–1831 годов, вышеуказанные специалисты пользовались в основном материалами Российского государственного военно-исторического архива (РГВИА) и практически не были затронуты белорусские архивы в Гродно и Минске. Вместе с тем имеется ряд исследований по участию населения отдельных регионов в восстании 1830–1831 годов, проведённые на базе Национального исторического архива Беларуси (НИАБ) в Гродно в Минске [2]. В данном материале рассматривается подготовка к восстанию в Пинском уезде, а также боевые действия отряда Титуса Пусловского на территории Кобринского уезда Гродненской губернии и Пинского уезда Минской губернии.

Подготовка восстания.

Пинский уезд в период событий 1831 года находился в относительной отдалённости от основных эпицентров восстания. В основном активные действия велись на территории Беловежской пуши, в Лидском и Новогрудском уездах Гродненской губернии, а также Дисненском и Вилейском уездах Минской губернии. Но и здесь, в Пинском уезде, произошли волнения, которые в случае успеха, могли существенно осложнить положение властей. Это касается боевых действий отряда одного из представителей высокопоставленной знати, потомка влиятельного рода Титуса Пусловского.

Подготовка восстания в Пинском уезде началась весной 1831 года. В апреле ряд волынских помещиков во главе с Нарцизом Олизаром начали прощупывать пинскую элиту на возможность вооружённого выступления. Была достигнута договорённость, что повстанцы Волыни выступят раньше и, продвигаясь на север, поднимут на выступление и Полесье [3, с. 61]. По мере приближения волынских повстанцев к границам Минской губернии, их пинские единомышленники должны были захватить уездный город и идти на соединение с отрядами Ошмянского уезда. Таким образом, согласно первоначальному плану, восстание должно было охватить полностью Минскую губернию и перекинуться на Виленскую [4, с. 98].

Вышло всё иначе. Повстанческие отряды на Волыни были разгромлены и отошли на юг, на австрийскую границу, а власть сыграла на опережение. Уже 9 апреля 1831 года командующий Резервной армией генерал от инфантерии граф П. А. Толстой в донесении императору Николаю I писал о принятых мерах: «Дабы мятежники Волынской губернии из Луцкого повета не могли пробраться к Пинску, я приказ отправит туда один резервный батальон, а генерал-фельдмаршал Сакен (граф Ф. Б. Остен-Сакен – О. К.), по сношению моему, приказал отрядам, действующим в северной части Волыни, проходить как можно далее к Пинску и истреблять собирающиеся шайки» [5, с. 379]. В итоге полесское дворянство было вынуждено на время приостановить подготовку к восстанию и ждать удобного случая.

Отряд Пусловского.

Этот случай настал летом, когда в начале июня 1831 года в своё имение Планты Пинского уезда (35 км северо-восточнее Пинска) вернулся Адам Титус Пусловский, отставной корнет Александрийского гусарского полка. Сын помещика Войцеха Пусловского практически всё время проводил в своём доме в Вильно, где недаром считался представителем «золотой молодёжи». Сам Войцех Пусловский – обладатель бесчисленных имений в Слонимском (Альбертин, Пески, Шидловичи, Косово), Кобринском (Хомск), Пинском (Планты, Телеханы, Кужличин), Гродненском (Свислочь), а также в Могилёвском и Виленском уездах с общей численностью более 40 тысяч душ обоих полов; владелец суконных и бумажных мануфактур, винокурен, дворцов и прочей недвижимости – являлся одним из богатейших людей своего времени на белорусских землях.

Здесь, в относительном удалении от цивилизации уездного центра, корнет Пусловский занимался разработкой плана выступления. По всей видимости, он поддерживал контакты с командованием польской регулярной армии, которое рассчитывало на выступление его повстанцев [6]. При помощи проверенных людей Пусловский также состоял в переписке с польским генералом Децидерием Хлоповским относительно поддержки последним вооружённого выступления в регионе. В свою очередь барон Хлоповский прислал ему патент на звание полковника польской армии. Так, корнет русской армии превратился в полковника польской [7, s. 138]. Для успешного выполнения плана необходимо было пополнение людьми, продовольствием и боеприпасами, финансовыми средствами. Всё это Пусловский рассчитывал получить в обширных владениях своего отца. Власти знали о неких приготовлениях и подозрительных путешествиях из уезда в уезд отставного гусарского офицера. И даже отправили в Плантаы из Пинска резервный батальон под командованием майора Дулова. Но армейцы по каким-то причинам не смогли добраться до имения. Может, помешало традиционное отсутствие подъездных путей, а может и не менее традиционное разгильдяйство [5, с. 379].

Как бы то ни было, в середине июня 1831 года Титус Пусловский начал формирование своего отряда. Над вопросом о том, как вооружить своё воинство долго думать не пришлось. Крестьяне были обеспечены собственными косами, с вертикально примкнутым к древку лезвием. Для дальнего боя толка от таких вояк толка особо не было, они всегда были пушечным мясом, а в ближнем бою в умелых руках подобная коса могла стать грозным оружием. Как обычно, «добровольно-принудительным порядком» были рекрутированы собственные крестьяне и дворовые люди, а также мелкая шляхта, проживающая на господских землях. Шляхта поступала в отряд с собственными лошадьми и саблями, некоторые имели на вооружении охотничьи ружья.

Костяк отряда составили 8 верных людей Титуса Пусловского, приехавших с ним в Плантаы. Чуть позднее из Новогрудского уезда прибыл некий дворянин Полубинский с подарками в виде 5 лошадей и нескольких пудов пороха. Позже к отряду присоединились шляхтичи Новогрудского уезда Адам Чарковский и Пётр Свержинский. Адъютантом Пусловского стал некий Странгульский, секретарём отряда – 18-летний Михаил Холевинский. Капелланом был ксёндз из Кобринского уезда Пётр Заславский. Несколько учеников Кременецкого лицея прибыли к Пусловскому из Волынской губернии [7, s. 140; 3, s. 62]. Имеются сведения, что Войцех Пусловский передал Титусу 200 тысяч злотых (около 80 тысяч рублей) на формирование отряда [8, с. 185].

28 июня (по новому стилю) Пусловский с отрядом в 50 человек кавалерии и 100 пехоты перешёл в Слонимский уезд. Здесь к нему в общей сложности присоединилось ещё до 300 человек (из них 80 вооружённых ружьями), в том числе 118 крестьян и дворовых людей из имений отца. Исчерпав резервы, Пусловский повернул на юг и в ночь со 2 на 3 августа ступил в пределы отцовского имения Хомск Кобринского уезда, где к нему подошли 20 рабочих местной суконной фабрики. Как отмечалось в рапорте земского исправника, причиной бегства стали тяжёлые условия труда, нищенская оплата и недостаток питания [4, с. 99]. Пополнившись людьми, он двинул на Дрогичин, где с почтовой станции Дрогичина было забрано 10 лошадей [5, с. 380; 3, s. 62]. Далее, получив сведения о выступлении из Слонима кавалерии правительственной армии во главе с полковником Ильинским, Пусловский выдвинулся быстрым маршем через селения Попино и Ляховичи к дер. Осовцы, на самой границе с Ковельским уездом. Здесь, в густых лесах близ имения помещика Гутовского, повстанцы получили небольшую пере-

дышку для пополнения запасов. Сам Гутовский поставил повстанцам 22 своих холопа, помещик соседнего имения Корженевский пришёл сам, привёл 18 крестьян и пожертвовал в кассу 150 рублей серебром, монах Березовского картезианского монастыря Гениуш прислал на помощь 10 собственных вооружённых крестьян [9, лл. 90–91 об.]. Эти манёвры не остались незамеченными властями. Кобринский земский исправник в рапорте отмечал, что «С 21-го на 22-е число сего течения ночью Титус Пусловский, вторгнувшись из Слонимского в пределы Кобринского у. с шайкой мятежников, в которой, быть может, кавалерии и пехоты по 300 человек, первоначально снял на Дрогичинской почтовой станции 10 лошадей с упряжью, а потом, следуя скорым маршем по тракту на имения Попину, Гнилые Лаловичи и Осовцы, состоящие при границе Ковельского у. Волынской губ., в окружающих имениях насильно забрал 54 дворовых и другого звания людей, одного клирика францисканского дрогичинского монастыря и униатского попинской церкви священника, из числа коих некоторые по большей части добровольно к нему присоединились, сверх того, взяв 32 лошади...» [6].

Упомянувшиеся в рапорте священники были в действительности широко представлены в отряде Пусловского. В Березе при францисканском монастыре первоначально был сформирован повстанческий отряд «воинствующих монахов» во главе с Франтишеком Каминским, в число которого вошли Ламберт Плющевский, Ян Мрочковский, Клавдий Пахневский, Винцент Малиновский, Вавринец Молощевич, Розадей Розбицкий, Тадеуш Годлевский. По некоторым данным отряд насчитывал около 30 человек. Монахи планировали идти на соединение с повстанцами из Беловежской пуши, однако были разбиты войсками [4, с. 96]. Остатки отряда присоединились к Пусловскому вместе со своим доктором, внося в казну также 110 золотых червонцев [9, лл. 90–91 об.]. Из Дрогичинского францисканского монастыря к повстанцам Пусловского ушли Ян Ольшевский, Бонавентура Боневич, Ян Гинтовт, Бонавентура Довгелович, Адриан Дершак, Юзеф Заславский, Ян Шеметило, Юзеф Пиоровский. По некоторым сведениям, этот монастырь полностью покинули все монахи [10, лл. 228–237 об.].

В итоге к 8 августа 1831 года численность повстанческого отряда составила около 1000 человек – сила, при достаточной выучке и вооружении, довольно внушительная. Но что можно ожидать от необученных простых холопов, по большей части не понимающих, куда их гонят?

На подавление волнения из Пружан 6 августа выдвинулись армейские части в составе 500 человек кавалерии, 600 человек пехоты при одной орудии под общим командованием подполковника Лубенского гусарского полка Ильинского. Повстанцы, уходя от преследования, направились на восток, разграбив по пути почтовые станции Бродницы и Дубой, переправились через Пину и сожгли за собой мост. Ильинский, преследуя повстанцев, также завернул в Дубой, где получил подкрепление из Пинска в сто нижних чинов резервного батальона 24-го егерского полка под командованием майора Дутова. Именно егеря навели переправу через Пину, и, как сообщают рапорты военных, «на рассвете 8 августа (27 июля) гусары перешли реку и атаковали повстанцев, которые, не выдержав быстрого нападения, пустились бежать по дороге к Невелю» [5, с. 381–382; 3, с. 63–64].

Не выдержав сражения, воинство Пусловского разделилось на несколько групп и разбежалось в разные стороны. Командиру отряда стоило немалых усилий собрать разрозненные толпы и соединить их в лесу в 12 верстах от сел. Кончицы [3, с. 64]. Отведя сделавших своё дело гусар на отдых, Ильинский повёл в атаку драгун, в результате чего повстанцы спешно отступили к Невелю, где «построившись на выгодной позиции в колонну, решились дать войску нашему сильный отпор». После этого русский отряд был разделён на три части: егеря и драгуны обошли повстанцев с флангов, гусары атаковали противника в лоб [5, с. 382].

В результате жаркой кровопролитной схватки повстанческий отряд был полностью разгромлен. В рапорте военному министру графу А. И. Чернышеву говорилось о более чем 400 погибших и 87 пленных, был захвачен значительный обоз. Русские войска потеряли 14 нижних чинов убитыми и 22 ранеными. Сам Ильинский по горячим следам назвал свои потери в 8 убитых и 16 раненых нижних чинов. Уцелевшие повстанцы разбежались по лесам, откуда их постепенно вылавливали иррегулярные части и инвалидные команды. Сам Титус Пусловский в схватке был ранен саблей и «обязан спасению одной быстроте своей лошади, на которой успел ускакать с 8 конными мятежниками» [5, с. 382; 3, с. 64]. Как отмечал польский историк Станислав Дангель, в числе этих счастливых были уже упоминавшийся Полубинский, Савицкий, два брата Ольшевцы из Гродненской губернии и некий офицер польской армии Дроздинский. Все они, оторвавшись от погони, сумели уйти на Волынь, где присоединились к отряду Кароля Ружицкого [3, с. 64].

После разгрома отряда Пусловского для «умиротворения местности» в Хомск и Дрогичин были направлены драгунский и конно-егерский эскадроны подполковника Павловского, в мест. Леонполь – гусарский эскадрон подполковника графа Толстого, гарнизон Пинска усилили эскадроном кавалерии [5, с. 383].

Последствия восстания.

На сегодняшний момент удалось достоверно установить имена и социальное происхождение 208 повстанцев из отряда Титуса Пусловского. Из них 142 (68,3 %) были крестьянами из Пинского, Кобринского и Слонимского уездов, 15 – помещиков, 18 – беспоместных дворян, 10 – шляхтичей, 13 человек являлись служащими различных помещичьих имений, 10 представляло католическое монашество [9, лл. 90–91 об.; 11, лл. 77 об-80 об.].

Удалось проследить дальнейшую судьбу некоторых повстанцев Пусловского. Погибли в сражениях католические священники Винцент Малиновский, Вавринец Молощевич, Клавдий Пахневский. Ранение в ногу под Невелем получил Франтишек Каминский, затем отсидел год в Бобруйской крепости и был отправлен солдатом в Кавказский особый корпус. Ян Заславский был выслан в Вятку. Тадеуша Годлевского этапировали в Пермскую губернию [3, с. 158–164].

По-разному сложились судьбы представителей дворянства. Как известно, следственные комиссии далеко не полностью учитывали всех попавших им в руки участников восстания. Крестьян, взятых в плен при разгроме того или иного отряда, нередко отпускали на прежнее место жительства после обязательной проверки. В основном это мотивировалось тем, что они были насильственно мобилизованы своими помещиками. Основной упор следствие делало именно на розыск и наказание повстанцев из числа дворян. По указам императора от 22 марта, 6 мая и 4 июня 1831 года, повстанцы разделялись на 3 разряда [12, с. 33]:

1. предводители бунта;
2. участники боевых действий против войск и законной власти;
3. подписавшие возмутительные акты, но непосредственно участия в мятеже не принимавшие.

Пленные дворяне из отряда Пусловского проходили в основном по второй категории. По сведениям современного исследователя О. В. Горбачевой и польского историка межвоенного периода Станислава Дангеля, они были отданы под суд, либо отправлены в Кавказский корпус рядовыми. Так, в остроге в Пинске оказались Виктор Курженецкий и Антоний Ожешко. В Псков были отправлены Франтишек Будревич, Василий Макаровский, Ян Петрашко, Матеуш Семашко и Ян Войткевич. Служившие в имени Титуса Пусловского шляхтичи Ян Станкевич и Антоний Врублевский отданы в рекруты. Игнатий Полубинский был посажен в Гродненский тюремный замок. Кароля Юдиновича из Ковенского уезда приговорили к одному году в Бобруйской крепости. Сын бывшего предводителя дворянства Пинского уезда Павел Рызевский был отправлен в Астрахань. Помещик

Гродненской губернии Константин Пилецкий сумел бежать в Пруссию. Президент Слонимского уездного суда Игнатий Полубинский отправлен рядовым в Кавказский особый корпус. Помещик Пинского уезда Юзеф Твардовский был взят в плен, но получил прощение и оставлен на прежнем месте жительства. Аналогично поступили власти и в отношении Виктора Холевинского, помещиков Кобринского уезда Александра и Антония Шпаковских. Земский судья Слуцкого уезда Пётр Свержинский (имение Любешов) был ранен в битве под Невелем и умер от ран в Бобруйской крепости. Степан Щучинский также получил ранение под Невелем, скончался от ран в Пинске [3, s. 64, 117–156; 13; 7, s. 140–141].

Примечательно, что большинство крестьян, взятых в плен под Невелем, получило «высочайшее помилование», и они были оставлены на прежнем месте жительства. Только несколько человек были сосланы в Сибирь и рядовыми в Кавказский особый корпус [13].

Ряд представителей крупного дворянства выехали в Царство Польское сразу после начала восстания и вступили в состав регулярной польской армии. Известен случай про владельца имений в Пинском уезде князя Грациан Друцкий-Любецкий, который служил в польской армии рядовым 4-го егерского полка и был убит в одном из сражений против русских войск [4, с. 134].

Сейчас, спустя почти два века, трудно ответить, что двигало крестьянами из отряда Пусловского: даже сухие строчки протоколов допроса не всегда скажут правду о мотивах этих неудавшихся повстанцев. Несомненно, что значительную часть из них согнали помещики силой. Наверняка были и те, кто добровольно присоединился к повстанцам, надеясь на изменение своего и так незавидного положения в лучшую сторону. Возможно, что сам Титус Пусловский, учитывая его практически неограниченные финансовые возможности, вербовал в свой отряд за денежное вознаграждение, либо за какие-либо вольности в дальнейшем. Мы не располагаем подобными сведениями, но известно, что некоторые командиры отрядов практиковали подобное. Так, помещик М. Гедройц, вербуя в свой отряд людей, обещал платить «за сутки шляхте 60 коп., а крестьянам по 30 коп. серебром» [4, с. 131].

Сам Титус Пусловский после поражения восстания оказался в Пруссии, откуда несколько раз предпринимал попытки вернуться в страну. Но, учитывая, что он проходил у властей по первой категории обвинения, вернуться без последствий ему было практически невозможно. Летом 1832 года он выехал во Францию, где и прожил до своей смерти в 1854 году.

1. См.: *Дьяков, В. А.* Социальный состав участников польского восстания 1830–1831 гг. (по материалам западных губерний Российской империи) / *В. А. Дьяков, В. М. Зайцев, Л. А. Обушенкова* // Историко-социологические исследования. – М.: Наука, 1970. – С. 19–60; *Митина, Н. П.* Социальный состав участников польского восстания 1830–1831 гг. (по спискам эмигрировавших и скрывшихся от репрессий) / *Н. П. Митина*. // Историко-социологические исследования. – М.: Наука, 1970. – С. 169–182; *Гарбачова, В. В.* Паўстанне 1830–1831 гг. на Беларусі / *В. В. Гарбачова*. – Мінск: БДУ, 2001. – 186 с.

2. См.: *Швед, В. В.* Ваўкавыскі павет падчас лістападаўскага паўстання 1830–1831 гадоў // Ваўкавышчына: з гісторыі краю і лесу людзей. Матэрыялы навукова-практычнай краязнаўчай канферэнцыі, 22 снежня 1995 года. – Ваўкавыск: Ваўкавыская ўзбудыненая друкарня, 1997. – С. 117–125; *Он же*. Удзел жыхароў Наваградскага павета ў паўстанні 1830–1831 гг. / *В. Швед* // Наваградскія чытанні. Матэрыялы навуковай канферэнцыі да 950 годдзя г. Навагрудка і 400 годдзя герба горада. – Мінск: Бел. выд. таварыства “Хата”, 1996. – С. 51–54; *Радзюк, А.* Паўстанне 1831 г. на Ваўкавышчыне // Ваўкавышчына: краязнаўчы часопіс. – 2007. – № 3. – С. 7–12; *Он же*: Паўстанне 1830–1831 г. на Гродзеншчыне: ход, задушэнне, наступствы // *Białoruskiezeszytyhistoryczne* – 2010. – № 34. – S. 39–71; *Карпович, О. В.* Социально-сословный состав участников восстания 1830–1831 гг. в Гродненской губернии // *Веснік ГрДУ імя Я. Купалы* – 2010. – Серыя 1, № 2. – С. 21–27; *Он же*: Участие

дворянства Беларуси в восстании 1830–1831 гг. // Вестник Брестского государственного технического университета. – Серия гуманитарные науки. – 2010 – № 6(76) – С. 10–14; *Он же* : Социально-сословный состав участников восстания 1830–1831 гг. в Минской губернии // Вестник МГГУ им. М. А. Шолохова. Серия История и Политология, 2012. – № 2. – С. 22–32.

3. *Dangel, S.* Rok 1831 w Minszczyźnie. Т. 2. / *S. Dangel*. – Warszawa : Wyd. Instytutu badania ziem wschodnich Rzeczypospolitey Polskiej, 1925. – 189 s.

4. *Гарбачова, В. В.* Паўстанне 1830–1831 гг. на Беларусі / *В. В. Гарбачова*. – Мінск : БДУ, 2001. – 186 с.

5. *Воронков, И. А.* Польское восстание 1830–1831 гг. в Литве и Белоруссии : дисс. ... канд. ист. наук: 07 00 02 / *И. А. Воронков*. – М., 1951. – 430 с.

6. *Ильин, А.* 1831 год на Берестейском Полесье / *А. Ильин* [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://brama.brestregion.com/nomer18/artic10.shtml> – Дата доступа : 03.12.2019.

7. *Feduszka, J.* Powstanie Listopadowe na Litwie i Zmudzi / *J. Feduszka* // TeKa Kom. Hist. OL PAN. – 2004. – № 1. – S. 110–160.

8. Белоруссия в эпоху феодализма. – Т. 4. – Минск : Наука и техника, 1979. – 376 с.

9. Национальный исторический архив Беларуси (НИАБ). Фонд 4. – Оп. 1. – Д. 305. Следственное дело по обвинению руководителя мятежников Титуса Пусловского и членов его войска за участие в мятеже.

10. НИАБ. Фонд. 1. – Оп. 27. – Д. 64. Списки лиц, принимавших деятельное участие в польском восстании 1831 г. и показания их, данные следственной комиссии.

11. НИАБ. Фонд. 1. – Оп. 27. – Д. 65. Списки лиц, участвовавших в восстании.

12. *Луговцова, С.* Репрессии против повстанцев / *С. Луговцова* // Гісторыя : праблемы выкладання – 1999. – № 2. – С. 30–42.

13. *Гарбачова, В. В.* Удзельнікі паўстання 1830–1831 гг. на Беларусі : біябібліяграфічны слоўнік / *В. В. Гарбачова*. – Мінск : Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт, 2004. – 398, [2] с.

Karpovich O. V. Actions of Titus Puslovsky's Rebel Group on Polesie in 1831

This November marks the 190th anniversary of the 1830-1831 uprising. The events of those distant years on the territory of modern Belarus are still an occasion for discussion and, for the most part, remain poorly studied. In this publication, based on previously unknown sources, an attempt is made to trace the main stages of formation, social composition, and combat operations of the rebel detachment of landowner Adam-Titus Puslovsky on the territory of Pinsk and Kobrin counties in the summer of 1831.

УДК 94(476)+94(438)

Кузьмич В. Н.

ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ ПОГРАНИЧНЫХ СЛУЖБ С МЕСТНЫМ НАСЕЛЕНИЕМ НА БЕЛОРУССКОМ УЧАСТКЕ СОВЕТСКО-ПОЛЬСКОЙ ГРАНИЦЫ В МЕЖВОЕННЫЙ ПЕРИОД

Статья посвящена проблеме взаимоотношений между пограничными службами и местным населением на белорусском участке советско-польской границы. Автор рассматривает методы стабилизации ситуации в пограничном регионе с советской и польской стороны, касавшиеся жителей пограничья. В Польше пограничные службы старались наладить сотрудничество с местным населением, что способствовало развитию региона. В БССР была установлена система тотального контроля и преследования, что сказывалось на общем состоянии пограничья.

Система пограничной охраны на белорусском участке советско-польской границы оформлялась на протяжении почти двух десятилетий. Особенности политической и социально-экономической ситуации в регионе требовали повышенного внимания и значительных средств, направленных на стабилизацию пограничья.

В Польше становление пограничной охраны прошло сложный путь от контролирования границы в 1921 г. Министерством военных дел (временной инспекции 2-й армии), через передачу Министерству внутренних дел (Главная комендатура таможенных батальонов), создание в 1922 г. пограничной охраны (Straż graniczna) под ведомством Министерства внутренних дел, и последним шагом – учреждением в 1924 г. Корпуса Охраны Пограничья (КОП). В результате белорусский участок польско-советской границы полностью оказывался в сфере компетенции КОП и его подразделений: на юге – 5-й бригады «Полесье», в центральной части – 2-й бригады «Новогрудок», на севере – 3-й бригады «Вильна» [9, s. 194].

Организация охраны участка советско-польской границы со стороны советской Беларуси также не была простой. Сначала функция охраны границ была возложена на специальные войска ВЧК (Особый отдел Западного Фронта в Смоленске. Затем в 1922 г. в составе войск ГПУ был создан Отдельный пограничный корпус войск ГПУ [7, с. 198 – 199]. В 1924 г. пограничные органы и пограничные войска были объединены в единый аппарат пограничной охраны ОГПУ. Наряду с другими в него входил Белорусский пограничный округ, который состоял из семи пограничных отрядов. В 1926 г. было создано Главное управление пограничной охраны и войск ОГПУ, которое стало центром руководства всеми войсками ОГПУ и охраной границы. Когда в 1934 г. был воссоздан Народный комиссариат внутренних дел, функции ОГПУ были переданы в его состав. При Наркомате функционировало Главное управление пограничной и внутренней охраны НКВД (ГУПВО) [там же, с. 213].

Задачи, которые ставили власти Польши и Советского Союза для урегулирования ситуации в пограничном регионе, почти не отличались. Для достижения цели обеими сторонами предусматривалось:

- создание мощной системы охраны границы, которая обеспечивала бы военную, политическую и экономическую защиту государства;
- проведение необходимой агитации и пропаганды среди пограничного населения для привлечения его на сторону новой власти;
- колонизация пограничья «надежными элементами»;
- широкое использование населения в качестве информаторов.

На практике методы достижения поставленных задач в соседних государствах отличались особенно в отношении к пограничному населению.

Для обеспечения максимальной безопасности государственной границы необходимо было обеспечить усиленную охрану в военном и политическом плане, а также создать из местного пограничного населения надежный оплот советской власти. Для достижения этих задач советское руководство сосредоточилось на административно-репрессивных методах: чистках административного и партийного аппаратов, ускоренном создании колхозов, выселении кулаков, национальных меньшинств и политически неблагонадежных элементов, ограничении передвижения и др., в ущерб налаживанию нормальных социально-экономических отношений в пограничном регионе.

В декабре 1925 г. ЦИК СССР принял решение об усилении работы в районах пограничной полосы. Особое внимание следовало уделить четырем административным пограничным округам: Полоцкому, Минскому, Бобруйскому и Мозырскому. Решение обязывало исполкомы и советы всех уровней усилить работу с крестьянством на пограничье, привлекать его к социалистическому строительству, содействовать экономическому развитию приграничных районов [7, с. 223]. Вполне логичное и безобидное на бумаге решение с началом массовой коллективизации обернулось печальными последствиями для пограничного населения.

В регионе проводились изменения в военной, политической, экономической и культурной сферах. Практически все они касались местного населения и вносили коррективы в привычный уклад его жизни. Мероприятия по формированию новой социальной категории – житель советского пограничья – можно условно разделить на три части. Первая часть включала зачистку пограничных территорий от «ненадежного элемента», подразумевавшую выселение контрреволюционеров и зажиточных крестьян, так называемых кулаков. Оплотом контрреволюции и сепаратизма в Беларуси считалось также небелорусское население. Поэтому семьи поляков, литовцев, латышей, финнов депортировались в Сибирь, а главы семей арестовывались и отправлялись в лагеря. Кроме этого, на советской стороне одним из факторов дискриминации и применения репрессивных мер являлось классовое происхождение.

Затем следовала идеологическая обработка оставшегося населения и приобщение его к строительству социалистического государства. Завершало процесс заселение пограничной полосы политически надежными людьми: красноармейцами, активистами компартии и комсомола, передовыми колхозниками [там же, с. 112 – 113].

При этом часто фиксировались случаи превышения погранохраной своих полномочий. Командиры погранотрядов устраивали настоящий террор среди местных жителей, арестовывали, подозрительных расстреливали без разбирательства [3, с. 41]. Пограничники эксплуатировали местное население: отбирали документы и возвращали их только после отработки (перевоз дров, вырубка просек и др.) [6, л. 6].

Для получения сведений о настроениях населения создавалась сеть информаторов. В качестве информаторов советская разведка использовала определенные категории людей. Это были торговцы всех видов, даже торговые фирмы, особенно еврейские. В обмен на сотрудничество с особотделом им разрешали провозить через границу контрабанду. Так, на пограничной территории Несвиж – Микашевичи с особотделом сотрудничала польская торговая фирма „Kresy”, имевшая связи с советским «Внешторгом» [2, л. 2]. Также к осведомлению привлекалась местная крестьянская молодежь от 24 до 30 лет, которая легко вербовалась благодаря активной коммунистической пропаганде. Вербовали также молодежь с польской стороны, приходившую на советскую территорию на заработки или к родне. Использовалось недовольство польских жителей новыми порядками на пограничье, нежелание служить в польской армии. Привлекали к осведомительской работе в основном грамотных молодых людей, которые рассчитывали с приходом советской власти занять определенное положение в обществе [1, л. 53].

Стабилизация пограничья с польской стороны носила менее радикальный характер. Так, при создании пограничных служб делался упор на их профессионализм, а не на партийную принадлежность, но в кадровой политике существовали ограничения по национальному и религиозному признаку. Пограничные войска реже использовали не по прямому назначению.

Подход к местному населению также отличался. Политика Речи Посполитой в отношении к белорусам, русским и украинцам выражалась в их полонизации. Власти запрещали деятельность национальных общественных и политических организаций, закрывали национальные школы, православные храмы или переоборудовали их в католические. Представителям непольской национальности отказывали в трудоустройстве на государственную службу. Все это ущемляло права и свободы местных жителей, их социально-экономические интересы и являлось одним из источников политической нестабильности [5, с. 8].

Особенности ситуации на восточной границе требовали специального подхода к пограничному населению. Значительная часть местных жителей неприязненно относились к польским властям. Это было связано с несогласием с политическим размежеванием этнических территорий, а также с национальной дискриминаци-

ей. Для повышения уровня уважения к властям, пограничным службам было приказано оказывать возможную помощь пограничному населению. Общественные работы были обязанностью служащих КОП, закрепленной служебной инструкцией. Основная сфера такой помощи – это развитие инфраструктуры пограничья. Корпус выделял людей на строительство дорог, мостов, электросетей, налаживание средств связи. Уважением пользовалась пожарная команда КОП, которая участвовала в тушении пожаров в городах и деревнях и спасла не один объект собственности. Необходимую помощь оказывала медико-ветеринарная служба Корпуса. Кроме этого, Корпус занимался активной культурно-просветительской деятельностью: проводил культурные мероприятия, на которые приглашалось местное население, организовывал совместное празднование религиозных праздников, строил библиотеки и читальни, организовывал профессиональные курсы. Магазины и торговые точки Корпуса, которыми могли пользоваться местные жители, предлагали большой ассортимент товаров за умеренные цены, что привлекало население. Все это содействовало улучшению отношений между властями и населением и повышало качество выполнения служебных обязанностей пограничниками, поскольку местные жители, в свою очередь, оказывали посильную помощь в охране границы [8, s. 164].

Одной из сфер деятельности Корпуса на пограничье была вербовочная работа среди местных жителей с целью создания сети информаторов. Информаторы должны были уведомлять о появлении незнакомых людей, о намерениях жителей нелегально уехать за границу, обо всех происшествиях на границе, о людях, имевших родственников в пограничной зоне и поддерживавших с ними контакты, о лицах, нелояльно настроенных к государству. Сеть информаторов была достаточно широкой. Так, полк охраны пограничья «Вилейка» в 1936 – 1938 гг. пользовался услугами 39 информаторов. Все они были местными жителями, в основном крестьянами, в возрасте от 15 до 65 лет [4, л. 1–3].

В результате проведения подобных мероприятий ситуация на пограничье с советской и польской стороны сложилась разная. В Польше это была атмосфера нелояльного отношения жителей пограничья к властям, но при этом сотрудничества с пограничными службами, которое редко принимало конфликтные формы.

В советской Беларуси власти пытались создать систему абсолютного подчинения населения интересам государства, ограничивавшую права и свободы граждан по национально-классовому принципу. Однако даже в условиях постоянной угрозы применения репрессий пограничное население часто конфликтовало с властями и силовыми структурами, стремясь отстаивать свои интересы.

1. Государственный архив Брестской области (далее – ГАБО), Ф. 67, оп. 1, д. 79. Инструкция советских органов контрразведки об организации советской разведывательной и пограничной службы, списки немецких шпионов и переписка с экспозитурами ДОК IX по персональным вопросам. 1921 г. 67 л.

2. ГАБО, Ф. 67, оп. 1, д. 286. Сообщения генерального штаба Министерства военных дел и тайных агентов о подпольной группе, подозреваемой в разведдеятельности в пользу советской России. 1922 – 1923 гг. 12 л.

3. *Заерко, А. Л.* Кровавая граница. Кн. Первая : 1918 – 1939 / *А. Л. Заерко.* – Минск : Камерон-Д, 2002. – 270 с.

4. Зональный Государственный архив в г. Молодечно. Ф. 5. Полк «Вилейка» Корпуса охраны пограничья. Оп. 1, д. 62. Список информаторов, 20.06.1936 – 14.04.1938 г. 14 л.

5. *Ладысеў, У. Ф.* Заходняя Беларусь у 1921 – 1939 гг. / *У. Ф. Ладысеў.* // Беларусь на мяжы тысячагоддзяў / рэдкал. : *А.П. Вайтовіч* (наук. рэд.) [і інш.] – Мінск : Беларуская энцыклапедыя, 2000. – С. 166–179.

6. Национальный архив Республики Беларусь Ф. 6, оп. 1, д. 410. Переписка с НКВД, ГПУ БССР о содержании оружия, об отпуске средств для обустройства западной границы. 1924 г. 18 л.

7. Пограничные войска СССР. 1918 – 1928. Документы и материалы / АН СССР, Ин-т истории СССР, Глав. упр. погран. Войск; редкол. : Ю. И. Кораблев [и др.]. – М. : Наука, 1973. – 927 с.

8. *Dominiczak, H.* Granica wschodnia Rzeczypospolitej w latach 1918 – 1939 / *H. Dominiczak.* – Warszawa, 1992. – 262 s.

9. *Zarys dziejów wojskowości polskiej w latach 1864–1939* / red.: P. Stawiecki. – Warszawa, 1990. – 960 s.

Kuzmich V. N. Interaction of Border Services with the Local Population on the Belarusian Section of the Soviet-Polish Border during the Interwar Period

The article is devoted to the problem of relations between the border services and the local population on the Belarusian section of the Soviet-Polish border. The author considers the methods of stabilizing the situation in the border region from the Soviet and Polish sides, as well as from the residents of the border area. In Poland, the border services tried to establish cooperation with the local population, which contributed to the development of the region. In the BSSR, a system of total control and persecution was established, which affected the General state of the border area.

УДК 94(476):2

Лисовская Т. В.

**ПРОТЕСТАНТИЗМ НА БЕЛОРУССКИХ ЗЕМЛЯХ В XVI – XIX ВВ.:
ОБЩИЕ ЧЕРТЫ**

В статье представлены вероучительные принципы протестантизма, отражены основные моменты распространения протестантизма на белорусских землях в XVI – XIX вв. Автором отмечена специфика религиозных процессов: их идентичность западноевропейским в XVI-XVII, и изменение протекания религиозных процессов с конца XVIII в связи с вхождением в состав Российской империи.

Протестантизм: основные черты и принципы вероучения.

Протестантизм (от лат. *protestatio* – публично доказывающий) – третья христианская конфессия, которая сформировалась в начале XVI в. после обнародования 31 октября 1517 г. Мартином Лютером «95 тезисов» в Виттенберге. В Тезисах М. Лютер критиковал учение об индульгенциях, чистилище, молитве за умерших и спасении заслугами святых. В целом, этот документ был выражением растущего недовольства официальным католицизмом. Впоследствии Лютер отверг папскую власть, особую благодать священства и его посредничество в спасении, потребовал упростить обрядность, подчинить церковь государям.

Основные вероучительные принципы протестантизма основываются на *Quinquesola*:

Sola Scriptura – только Библия является священной книгой;

Sola fide – только верой человек может получить спасение;

Sola gratia – только по благодати Бога, а не по заслугам дано спасение;

Solus Christus – только Христос посредник между человеком и Богом;

Soli Deo Gloria – только Богу слава.

Характерной чертой протестантизма является его многогранность, протестантизм развивается не как монолитная конфессия, а по мере развития делится на множество различных направлений. К традиционным протестантским конфессиям относят

лютеранство, кальвинизм, пресвитерианство, антитринитаризм. К поздним протестантским деноминациям относятся баптизм, пятидесятничество, адвентизм методизм и др.

Отсутствие принципиального противопоставления духовенства мирянам, культа святых, икон, целибата, минимум таинств (крещение и причастие) – привлекли немало сторонников и на территории, где веками господствовала традиционная христианская церковь. На белорусских землях протестантские деноминации появляются в контексте их развития в Западной Европе: XVI в. – лютеранство и кальвинизм, 60-е гг. XVI–XVII в. – социнианство, анабаптизм, антитринитаризм (социнианство), 70-80 гг. XIX в. – баптизм, адвентизм, 20-е гг. XX в. – пятидесятничество. Специфика развития протестантизма на белорусских землях состоит в том, что эти территории периодически находились то в сфере влияния западной цивилизации, то в сфере влияния русского государства, и, соответственно, менялась и религиозная ориентация общества. И если в начальный период распространения протестантизма на белорусских землях проходят религиозные процессы идентичные западноевропейским, то в последующий период – с конца XVIII в., после вхождения в состав Российской империи, а затем после октябрьского переворота 1917 г., развитие протестантизма имеет свои особенности.

Протестантизм на белорусских землях: Реформация и Контрреформация.

На белорусские земли Реформация пришла в I четверти XVI в. Общественное сознание уже было подготовлено предшествующими гуманистами для восприятия новых морально-религиозных концепций. Так, весной 1413 г. Беларусь посетил и был представлен великому князю ВКЛ Витовту Иероним Пражский, друг и сподвижник чешского реформатора Яна Гуса. Иероним в составе свиты великого князя посетил крупные города северо-восточной Беларуси, выступая с гуманистическими воззваниями и проповедями. Одним из важнейших факторов, способствовавших проникновению реформаторских идей на Беларусь, были тесные связи с европейскими странами, прежде всего торговые и культурно-просветительские. Большую роль в появлении Реформации на Беларуси сыграло Прусское княжество, где в 1525 г. лютеранство стало государственной религией. В лютеранском университете Кенигсберга в это время училась белорусская молодёжь, и для белорусских студентов из малообеспеченных семей в 1545 г. герцог Альберт назначил 8 специальных стипендий.

Всё это способствовало притоку информации и её усвоению в различных кругах общества, в том числе и в среде крупных магнатов. Многие из них положительно воспринимали идеи Реформации и в различных формах способствовали их распространению по всей территории Беларуси. В 1535 г. слуцкий князь Юрий Семёнович подарил земельный надел в Слуцке для строительства лютеранской церкви [1, с. 236]. Однако идеи лютеранства воспринимались в основном мелкопоместной шляхтой и мещанами, а также оно распространялось в среде немецких поселенцев. Высшие же круги общества тяготели в протестантизме к кальвинизму.

Крёстным отцом белорусского кальвинизма по праву может считаться Николай Радзивилл Чёрный. С протестантизмом он познакомился в годы учебы за границей, но сам принял новое вероучение только в сорокалетнем возрасте. Именно Николай Радзивилл Чёрный способствовал появлению протестантизма в нашем крае, так как получил от Жигимонта II Августа Берестейское староство и активно взялся за распространение протестантизма в своих владениях: закрыл 137 католических костелов и на их месте открыл 134 кальвинистских собора. Первая кальвинистская община на территории Беларуси была основана им в Берестье в 1553 г. Далее кальвинистские общины начали образовываться по всей территории Беларуси: в Несвиже, Слуцке, Минске, Полоцке, Ляховичах, Витебске и других городах и местечках. В кальвинизм перешли и другие крупные маг-

наты – Кишки, Сапеги, Ходкевичи, Воловичи, Тышкевичи, Хрептовичи и другие [2, с. 229]. Одну из минских протестантских общин в 1596 г. организовал речицкий староста князь Ярош Жижемский, подарив ей дом с земельным участком. Сестра Жижемского Милослава была замужем за кальвинистским теологом и писателем Андреем Воляном.

Всего на территории Беларуси в XVI – первой половине XVII в. было 85 кальвинистских и 7 арианских общин [3, с. 173]. Организационно все кальвинистские общины входили в 6 дистриктов: Виленский, Завилейский, Новогрудский, Русский, Берестейский и Жамойтский. Ведущим считался Виленский дистрикт, первая община которого была образована в Вильно в 1557 г. [4, с. 94].

В первой половине 60-х гг. XVI в. из кальвинизма выделилось радикальное направление – антитринитаризм, или арианство, отвергающее учение о Троице. Из Польши это учение перекинулось и на белорусские земли, и некоторые кальвинистские пасторы, например, Сымон Будный, приняли это вероучение. Жамойтский староста Ян Кишка также перешел в арианство и, не жалея средств, финансировал арианские общины, типографии в Любче возле Новогрудка, в Заславле и в столице белорусского арианства – Лоске, возле Молодечно [4, с. 95].

Большое значение деятели Реформации придавали просвещению и науке, Реформация способствовала развитию просвещения на территории Беларуси. Открываются сотни кальвинистских школ, в крупных городах – гимназии. Школы для «дзетак шляхецкіх і мейскіх станов» были при каждом соборе. Преподавание велось на живом белорусском языке, как поучал Сымон Будный молодых Радзивиллов, «абы ваши княжескія мілости не толькі в чужаземскіх языцех, ам бы ся теж... і того здавна славнаго языка словенскаго розміловати і оным ся бавылі рачылі».

В Бресте в 1553 г. была открыта Николаем Радзивиллом Чёрным первая на территории Беларуси типография. В том же году была открыта и типография в Несвиже. В числе первых издателей в Берестье работали Б. Воявудка, С. Мурмелиус, К. Базылик. В Берестье печатались книги Ветхого и Нового Заветов, Катехизис, переводные теологические труды Кристофа Имлера и Урбана Региуса. После смерти Воявудки в 1554 г. типография была передана его женой в Краков, где находилась четыре года. И только в 1558 г. снова продолжила свою работу в Берестье, где в 1563 г. была напечатана К. Базыликом знаменитая Брестская Библия. В типографии ариан в Лоске были напечатаны основные произведения Сымона Будного.

Постепенно Беларусь стала центром реформаторской науки и просвещения. Открывались и работали протестантские школы, гимназии, госпитали, типографии. Нередко в Беларусь приезжали европейские деятели Реформации, не нашедшие признания или вынужденные выехать из родной страны.

Активному распространению протестантизма в этот период способствовала покровительственная политика правительства. Король Польский и великий князь Литовский Жигимонт II Август, хотя и был католиком, весьма лояльно относился к протестантам и даже способствовал распространению Реформации в своей стране. 14 апреля 1562 г. специальным письмом Жигимонт II Август дал разрешение на легальное основание в Витебске кальвинистской общины. А в 1563 г. на Виленском сейме протестанты добились от короля издания постановления о равенстве всех конфессий [5, с. 42]. До этого протестанты находились как бы вне закона, а католическая церковь была в привилегированном положении.

Таким образом, в XVI в. на Беларуси идеи Реформации воспринимались практически во всех слоях общества и находили своих сторонников. Конечно же, наибольшее распространение протестантизм получил в среде магнатов (в форме кальвинизма) и в среде мелкопоместной шляхты (в форме лютеранства). В

середине XVI в. Реформация имела такое влияние, что современники, говоря о шляхте, считали ее полностью протестантской. Однако крестьянство в основной массе оставалось католиками или православными.

Такой быстрый рост влияния протестантизма не мог не вызвать серьезных опасений католической церкви. Обеспокоенная потерей авторитета среди населения Беларуси, католическая церковь с конца XVI в. начала активную борьбу с распространением Реформации. В 1564 г. виленский бискуп Валериан Протасевич вызвал из Западной Европы могущественный орден иезуитов. Во время подписания Люблинской унии в 1569 г. иезуиты появились на Беларуси [4, с. 98]. И практически с этого времени – с конца XVI в., в особенности после заключения Люблинской и Брестской церковной унии – произошло изменение в курсе религиозной политики правительства. Начинается процесс окатоличивания населения Беларуси, в котором огромную роль сыграли иезуиты.

Деятельность иезуитов, направленная на внесение раскола в ряды реформистов, оказалась успешной. Не только простые шляхтичи и горожане стали переходить в унию или католичество, но и представители крупных магнатских родов, дети известных реформаторов стали яркими католиками: Ян Кароль Ходкевич, сыновья Николая Радзивилла Чёрного – Николай, Юрий, Войцех и Станислав подключились к антипротестантской политике церкви. Николай Криштоф Сиротка потратил 5 тысяч червонцев, чтобы найти книги Библии, изданные отцом, и сжечь их. 7 июля 1584 г. на Рыночной площади в Несвиже были сожжены Брестская и Несвижская Библии. Незадолго до этого Сиротка передал иезуитам кальвинистский собор, Несвижскую и Брестскую типографии [5, с. 73].

Наступление против иноверцев-еретиков в начале XVII в. приняло размеры антипротестантской реакции, особенно после того, как под влиянием иезуитов Жигимонт III Ваза вывел из Сената всех православных и протестантов. В 1617 г. иезуиты добились изгнания социниатов из Новогрудка, в 1647 г. – закрытия всех антитринитарных школ и типографий. А в 1658 г. сеймовый суд принял решение об изгнании всех антитринитариюв из страны. На сборы и переезд еретикам дали три года, но на следующей же сеймовой сессии срок сократили на один год [5, с. 75]. Большинство протестантов вынуждены были перейти в католичество, так как переезжать в другую страну было нелегко как материально, так и духовно. К ответственности за приверженность к протестантизму начали привлекаться и представители крупных магнатских родов, не пожелавшие перейти в католичество. Верховный суд рассматривал дело Богуслава Радзивилла, который дал убежище протестантам-единоверцам в своем имении Заблудово на Гродненщине и вынес обвинительный приговор.

В XVII в. по всей Беларуси прокатилась волна инспирированного иезуитами антипротестантского терроризма. Бесчинствовала в основном молодежь – учащиеся учебных иезуитских заведений: грабили дома протестантов, разрушали кирхи, школы, библиотеки, избивали верующих и пасторов. Антипротестантские теракты проходили повсеместно. Наиболее крупные погромы имели место в Троках 2 июля 1611 г. в Новогрудке в 1662 г., в Минске, Вильно, Гродно, Бресте. В ответ на такие действия король Ян Казимир после новогрудских событий 1662 г. всего-навсего посоветовал иезуитам внимательнее следить за своими воспитанниками [5, с. 73-74]. Такие радикальные меры по отношению к протестантам вызывали негодование как в Западной Европе, так и в самой Речи Посполитой. Выступали против антипротестантских гонений Криштоф Збранский и Криштоф Радзивилл, апеллируя к закону и судебным органам. Но фактически все короли, начиная со Стефана Батория, практически демонстративно не исполняли обещания оберегать свободу вероисповедания и безопасность самих верующих.

В результате такой политики окатоличивания ряды реформистов пошатнулись и начали редеть. Виленский синод ещё в 1612 г. отметил ликвидацию многих общин. К середине XVII в. многие представители магнатских родов перешли в католичество: Юрий Олелькович Слуцкий, Лев Сапега, Иван Глебович, Тышкевичи, Радзивиллы и др. Простые шляхтичи вынуждены были переходить в католичество из-за агрессивной политики окатоличивания. С нач. XVII в. количество приверженцев протестантизма резко сокращается, на начало XX в. на белорусских территориях насчитывалось порядка 72 тыс. членов евангельско-аугсбургского (лютеранство) и евангельско-реформированного костелов (кальвинизм) [6, с. 46].

Дальнейшее развитие протестантизма в конце XVII–XIX вв. замедляется и в течение двух веков практически не развивается. Кальвинизм и лютеранство, оставаясь основными протестантскими конфессиями, к XIX в. теряют свое влияние. На основе идей Реформации и протестантского вероучения сформировались позднепротестантские деноминации евангельских христиан-баптистов, христиан веры евангельской, адвентистов и др., которые в конце XIX в. – в начале XX в. появляются на белорусских землях.

1. Гісторыя Беларускай ССР: у 5 т. – Минск, 1972. – Т 1.

2. *Мартос, А.* Беларусь в исторической, государственной и церковной жизни / *А. Мартос.* – Минск, 1990.

3. Нарысы гісторыі Беларусі: у 2 ч. / рэдкал. *М. Касцюк* (гал. рэд.) [і інш.]. – Мінск : Беларусь, 1995. – Ч. 1. – 560 с.

4. *Саракавік, Ш. А.* Гісторыя Беларусі ў кантэксце сусветных цывілізацый / *Ш. А. Саракавік.* – 2-е выданне. - Минск, 2009. – 546 с.

5. *Цярохін, С. Ф.* Многія прыйдуць пад імем маім: Езуіты на Беларусі / *С.Ф. Цярохін.* – Мінск : Польша, 1995. – 143 с.

6. *Alabrudzińska, E.* Kościół ewangelicki na Kresach Wschodnich II Rzeczypospolitej / *E. Alabrudzińska.* – Toruń: Wydawnictwo Uniwersytetu M. Kopernika, 1999. – 272 s.

Lisouskaya Tatsiana. Protestantism on Belarusian lands in the 16th-19th centuries: common features

The article presents the doctrinal principles of Protestantism, reflects the main points of the spread of Protestantism on Belarusian lands in the XVI - XIX centuries. The author notes the specificity of religious processes: their Western European identity in the XVI-XVII, and the change in the course of religious processes from the end of XVIII in connection with the entry into the Russian Empire.

УДК 94(438) “1918–1939”

Малыхина Л. Ю.

КОНФЕССИОНАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА ВО ВТОРОЙ РЕЧИ ПОСПОЛИТОЙ В ОБЛАСТИ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ

В статье исследуется конфессиональная политика во Второй Речи Посполитой, направленная на установление правового статуса христианских церквей в 1918–1939 гг. Сделан вывод, что конституционное закрепление приоритета Польской Римско-католической церкви, высокая степень её внутрицерковной самостоятельности по конкордату 1925 г., поддержка со стороны правительства определяли характер межрелигиозного взаимодействия. Такие направления конфессиональной политики, как ревизия, религиозное образование, внедрение среди православного населения «восточных окраин» идей неонуниатства проводились в контексте полонизации и окатоличивания. Определение правового статуса Православной церкви в Польше приняло затяжной характер.

Ключевые слова: конфессиональная политика, Римско-католическая церковь, Польская Автокефальная Православная церковь, Министерство вероисповеданий и народного просвещения Второй Речи Посполитой.

Изучение конфессиональной политики во II Речи Посполитой (1918–1939 гг.) в основном сосредоточено на рассмотрении таких аспектов, как: 1) участие Римско-католической церкви в возрождении независимости польского государства; 2) правовое и организационное положение церквей; 3) взаимодействие с епархиями и приходским духовенством; 4) контроль над деятельностью религиозных организаций и церковной прессы. Опубликовано большое количество научных работ, посвященных организационным структурам и духовенству отдельных конфессий. Однако такие проблемы, как юридические основания деятельности религиозных организаций, этапы правового регулирования свободы вероисповедания, взаимодействие христианских конфессий между собой и с государством по-прежнему нуждаются в осмыслении. В статье уточняются полномочия и организационная структура Православной и Католической церквей, проводится сравнительный анализ правового регулирования в их отношении.

Огромное значение в деле возрождения независимой государственности польского народа имело сохранение духовно-культурного достояния нации. Не случайно уже 4 февраля 1918 г. в Государственный совет (Rada Stanu) Королевства Польша, состоящий из 110 членов, вошли 9 представителей от духовенства. Депутаты-священнослужители активно включались в обсуждение вопросов, имеющих первостепенное значение для жизни церкви и нации, участвовали в подготовке проекта конституции. Одновременно с процессом укрепления основ польской государственности происходила реорганизация административных структур, уточнялся правовой статус Римско-католической церкви и других конфессий.

Степень эффективности конфессиональной политики во многом зависела от создания благоприятных условий для сосуществования религиозных структур в рамках одного государства. Одним из механизмов для налаживания конструктивного диалога между церковью и государством, регулирования текущих вопросов, связанных с взаимоотношениями государства и религиозных меньшинств, а также вопросов межконфессионального взаимодействия стало созданное в 1918 г. Министерство вероисповеданий и народного просвещения Второй Речи Посполитой (Ministerstwa Wyznań Religijnych i Oświecenia Publicznego II Rzeczypospolitej). Широкий спектр деятельности министерства охватывал культуру, образование, науку и воспитание. Религиозными вопросами занимался Отдел конфессий (Departament Wyznań). Прообраз этой организации – «комиссия вероисповеданий и просвещения» – был создан на землях Королевства Польского ещё в 1825 г., чтобы заботиться о неучтённом на этой территории православном населении [1, с. 902]. Объединение полномочий министра в сфере образования и религии подчёркивало клерикальный характер власти, хотя нормы светского государства предполагали разграничение церковной и светской юрисдикции. Важно понимать, что, не нарушая внутренние компетенции Римско-католической церкви в Польше, министерство, если и не выступало от её лица, то во многом согласовывало свои действия с нею. В первую очередь – в области религиозного образования.

Включение в состав II Речи Посполитой в 1921 г. западной части белорусских и украинских земель, Виленского края вызвало необходимость в корректировке основных направлений конфессиональной политики, уточнении правового статуса и полномочий альтернативных католической церкви религиозных организаций. Регулирование межрелигиозных отношений между католиками и представителями других христианских конфессий – «восточной», православной, униатской

и протестантских церквей, было направлено не на сохранение существующего баланса, а на расширение влияния традиционной среди титульной нации Римско-католической церкви. То есть государство вступило на путь преференциально-гарантийного характера правового регулирования деятельности церкви, что выразилось в законодательной регламентации деятельности религиозных общин, провозглашении гарантий её осуществления исходя из принципа преференций (от лат. *praeferentia* – «предпочтений») прогосударственной Церкви.

Несмотря на захвативший страны евро-американской цивилизации процесс секуляризации, конституции польского государства в межвоенный период так и не утвердили принципы светского государства. По сути, уже в ст. 110–120 «Закона от 17 марта 1921 г.» вместе с изменениями, внесёнными законом от 2 августа 1926 г., был оговорен политико-правовой статус Польской республики как клерикального государства. Не утверждая единую государственную религию из-за множества национальных и религиозных меньшинств, эта польская конституция закрепила тем не менее политическое доминирование католицизма – «религии преобладающего большинства народа», которая «занимала в государстве первое место среди равноправных вероисповеданий». Римско-католическая церковь управлялась по собственным законам и её взаимоотношения с государством строились на основе конкордата с Ватиканом, который должен был ратифицировать Сейм (ст. 114) [2].

Конституция гарантировала каждому гражданину признание веры, утверждала, что реализация принципа религиозной свободы не должна противоречить законам, что никто не может быть принужден к участию в религиозных обрядах. Церкви и религиозные общины получили право на создание «благотворительных, религиозных и общественных организаций, школ и других образовательных учреждений» (ст. 110) [2].

Взаимоотношения государства и других церквей устанавливались законодательным путём на основе предварительного соглашения с их законными представителями (ст. 115). Ст. 116 не воспрещала исповедание новой или ранее не признанной законом религии.

Ст. 120 закона ввела обязательное религиозное образование в школах («для всех учеников обучение религии обязательно» [2]), что было реализовано в форме религиозной дисциплины в объёме 2-х часов в неделю под надзором церковных и школьных властей. Поскольку за военное время религиозно-нравственное состояние населения пошатнулось вследствие отсутствия соответствующего просвещения, по распоряжению министерства от 2 ноября 1924 г. изучение основ католицизма вводилось в качестве обязательного предмета во всех школах страны [3], в то время как преподавание дисциплин других конфессий было запрещено или встречало препятствия.

Как видим, в конституции 1921 г. II Речи Посполитой произошёл возврат к преференциально-гарантийному этапу в правовом регулировании деятельности религиозных конфессий.

Правовое регулирование Католической церкви.

Помимо конституционного закона, основным нормативным актом, регулирующим дела Католической церкви, стал конкордат между II Польской Республикой и Святым Престолом. Переговоры по его содержанию начались в 1921 г., подписание состоялось 10 февраля 1925 г., ратифицирование Сеймом большинством в 70 голосов – 26 марта этого же года [4, с. 23].

Конкордат из 27 статей гарантировал свободу Церкви и верующих, оговаривал вопросы религиозного образования в начальной и средней школах, назначение епископов, создание семинарий, присутствие постоянного нунция в Варшаве, который также представлял интересы Святого престола в Гданьске. Благодаря этому одному из самых благоприятных для Ватикана соглашения Римско-Католическая церковь была относительно самостоятельна в решении внутрицерковных вопросов.

Конференция католических епископов (Konferencja Episkopatu Polski) как постоянный орган для координации деятельности церкви на данной территории включала духовенство Варшавской, Гнезненской, Краковской, Виленской епархий, Львовской митрополии, а также Львовской армяно-католической архиепархии.

Под влиянием Папы Римского территориальное деление Католической церкви в Польше пережило существенные изменения. Преобразования были крайне важны, обусловлены новым административно-территориальным делением после Рижского мирного договора 1921 г. и присоединением города Вильно и Виленского края в феврале 1922 г. Так, некоторые религиозно-административные единицы Римско-католической церкви на территории Украины, Литвы и Беларуси, которые прежде подчинялись Могилёвской католической архиепархии Российской империи, перешли в введение Польской католической церкви.

28 октября 1925 г. Виленская (Вильнюсская – по-литовски) епархия получила статус архиепархии-митрополии. Кроме 16 действующих в 1925 г. епархий были созданы новые в Ченстохове, Катовице, Пинске и Ломже, упразднена Сейнская. Все епархии, за исключением Львовской архиепархии, изменили свои границы. Самой крупной стала территория Вильнюсской архиепархии (53 960 км²), а самой маленькой – Катовицкой епархии (4 216 км²). Наибольшее количество католиков проживало в Варшавской архиепархии (1 421 136), наименьшее – в Луцкой епархии на Волини (195 109) [4, с. 25].

Взаимоотношения Католической церкви с государством, несмотря на несколько громких скандалов с отдельными епископами, в целом были хорошими. Святой Престол через своих нунциев выполнял не только дипломатические функции, но и активно участвовал в жизни церкви. Особенно плодотворными взаимоотношения Ватикана с правительством Второй Речи Посполитой были установлены при таких апостольских нунциях, как архиепископ Лоренцо Лаури (1921–1927 гг.) и архиепископ Франческо Мармаджи (1928–1935 гг.). Успешно разрешил «Вавельский конфликт» между правительством и митрополитом Краковским Сапегой по вопросу о захоронении Юзефа Пилсудского нунций в Польше Филиппо Кортези (1936–1947 гг.) [5].

Таким образом, согласно положению ст. 114 польской Конституции 1921 г. правовое регулирование деятельности католического Костёла было увязано с международным соглашением – конкордатом – со Святым Престолом в Ватикане. Католическая церковь как религиозная организация обладала преференциями: беспрепятственно осуществляла свою деятельность, выполняла отдельные функции государственных органов. Религиозные и гражданско-правовые правомочия католиков реализовывались в полном объёме.

Правовое регулирование Православной церкви.

Второй по количеству верующих во II Речи Посполитой являлась Православная Церковь. В 1918–1921 гг. она насчитывала более 4 млн. верующих в 7 епархиях [1, с. 904]. Во время Первой мировой войны на брошенных православными беженцами восточных окраинах Польши приходская жизнь почти замерла. Среди действующих остались только два епископа – Виленский Тихон (Беллавин) – будущий Московский патриарх и Кременецкий Дионисий (Валединский) – будущий Варшавский митрополит и первый председатель автокефальной Польской церкви.

Православие было постоянным элементом конфессиональной структуры Речи Посполитой, а в восточных регионах – доминирующим вероисповеданием среди белорусского и украинского населения. До выяснения границ юрисдикции епархий Русской Православной Церкви, оказавшихся на территории Речи Посполитой, они были присоединены к Варшавской митрополии и должны были следовать «Временным правилам об отношении правительства к Православной Церкви в Польше» (январь 1922 г.) [6, л. 6–9]. Правила, составленные от имени министра

вероисповеданий и народного просвещения, предусматривали возможность широкого вмешательства государства в вопросы церковной жизни, долгое время противоречили конституционным нормам и ограничивали деятельность православных и униатских приходов. Документ провозглашал высшей церковной властью Собор, состоящий из епископов под предводительством Экзарха.

Для уточнения правового статуса, организации церковно-общественных органов и приходов в августе 1921 г. планировалось провести Съезд представителей православных приходов в Польше, но он не состоялся. Одним из противников созыва выступил епископ Дионисий.

Польский церковный Собор с участием епископов отошедших к Польше православных епархий (1922 г.), вопреки воле Патриарха Тихона, принял конкордат с правительством Польши, а епископ Дионисий (Валединский) был назначен правящим архиереем Волынской епархии с возведением в сан архиепископа Волынского и Кременецкого. После трагической кончины митрополита Варшавского Георгия (Ярошевского), архиепископ Дионисий 27 февраля 1923 г. был избран митрополитом Варшавским и Волынским и «всея Православныя Церкви» в Польше, а также священноархимандритом Свято-Успенской Почаевской лавры. Избрание митрополита Дионисия Первоиерархом Польской Православной Церкви было утверждено Константинопольским Патриархом, который 13 марта 1923 г. сообщил, что он «препровождает ему все отличия, своевременно присвоенные нашим Братом Тихоном Вашему Предшественнику, как митрополиту Варшавскому и Волынскому и всей Православной Церкви в Польши».

12 апреля 1924 г. после совещания православных епископов в Варшаве Церковь перешла на Григорианский календарь. От имени польского правительства всем уездным старостам, войтам, полицейским комендатурам и т. п. был разослан циркуляр, который гласил: «Согласно с рескриптом Министерства Исповеданий и Народного Просвещения, от 30.05.1924 г. № 3777, поручаю следить за тем, чтобы новое счисление времени православным населением было принято и исполняемо. О всех случаях неисполнения следует доносить соответствующему посту государственной полиции». Против введения нового стиля выступали как прихожане, так и их представители в лице депутатов Сейма, которые подготовили канонически и научно обоснованный меморандум против нового стиля.

Переговоры об автокефалии с Патриархом Московским, которые польское правительство вело с 1921 г., закончились безрезультатно. Отделение признала и даровала «Томасом» от 13 ноября 1924 г. только Константинопольская Церковь. Акт от 17 сентября 1925 г. (Варшава) официально провозгласил Польскую Автокефальную Православную церковь (ПАПЦ, польск. Polski Autokefaliczny Kościół Prawosławny). Объявление автокефалии произошло с нарушениями канонических и общеправовых норм – без согласия Русской Православной Церкви, в чьей юрисдикции изначально находились епархии, – и создало новый прецедент в церковном праве. Ситуацию оправдывали тем, что у Московского Патриарха на тот момент отсутствовала конкретная стратегия по нормализации внутренних дел в самой РПЦ, кризисом, вызванным большевистской антирелигиозной политикой.

С одной стороны, заключение церковно-государственного соглашения и отделение от РПЦ считают основными причинами ухудшения положения православных в Польше межвоенного периода. С другой, признание автокефалии нередко рассматривают как признак зрелости этой конфессии, подтверждение общности судеб у народов возрождённого государства, основание для внутренней стабилизации Православной церкви во II Речи Посполитой. Несмотря на обещание правительства, принятие автокефалии не ускорило работу над законами, определяющими правовой статус этой церкви.

После обсуждения положения Православной церкви в Польше Синод (26 ноября – 3 декабря 1925 г.) счёл необходимым обратиться к председателю Совета министров с требованием нормализовать взаимоотношения с государством. В парламент был представлен проект закона, в котором оговаривалось следующее: правовой статус Церкви; решение бюджетных вопросов, восстановление церковного имущества; регулирование количества и распределения православных приходов; ограничение административных вмешательств; утверждение уставов братств. Синод также вынужден был ввести положение о том, что католические епископы вправе устанавливать свои новые приходы там, где светские органы власти закрыли православные приходы.

1–12 января 1926 г. в Варшаве приняли меморандум в поддержку митрополита и создали петицию об ускорении урегулирования правовой ситуации вокруг Православной церкви [1, с. 541]. 9 марта 1926 г. органы церковной власти предложили собственный проект закона о правовом положении ПАПЦ в Министерство вероисповеданий и народного просвещения, однако ответа не последовало [1, с. 542]. С точки зрения приоритета государственного законодательства проект Синода для правительства оказался не приемлем. Ещё на стадии обсуждения проекта документа самого Министерства ВиНП в 1925 г. с премьер-министром В. Грабским митрополит внёс собственные поправки. В ноябре 1925 г. работа над проектом перешла к кабинету А. Скшиньского. Согласовав проект, ставший результатом компромисса, его подписали 14 апреля 1926 г., но после майского переворота Ю. Пилсудского процесс ратификации закона прервался. И 25 мая 1926 г., используя эти обстоятельства, в письме к новому правительству митрополит объявил этот проект не соответствующим его ожиданиям и предложил продолжить переговоры «на здоровых началах» [1, с. 542].

Несколько недель спустя Синод решил опубликовать собственную версию внутреннего устава Церкви. Так, 1 июля 1926 г. принимается закон «О правовом положении Польской Автокефальной Православной Церкви», состоящий из 30 статей и одного приложения. Согласно этому документу Православие в Польше объявлялось неотъемлемой частью Вселенской Православной Церкви, автокефальная форма которой не противоречила священным канонам Церкви, патриархальным и синодальным томосам 1924 г. В законе говорилось, что источниками канонического права Православной Церкви в Польше были Слово Божье, содержащееся в Священном Писании, таинствах вселенских соборов и священной традиции. Устав поддерживал синодально-консисторскую систему в каждой из пяти епархий. Духовные консистории стали центрами епархиальных правлений и духовного суда. Низшими структурами в церкви были благочиния (*decanaty*) и приходы. Устав оговорил компетенции митрополита, епископов, Синода, Собора и других церковных институтов. Были описаны способы организации религиозных братств, повышения квалификации духовенства, функционирования женских и мужских монастырей [1, с. 543]. Некоторые из положений этого синодального закона выходили за рамки общегосударственного права, что снова побудило правительство отклонить его ратификацию.

Основой для дальнейших переговоров стал министерский проект, согласованный 14 апреля 1926 г. с корректировкой тех статей, с которыми митрополит не соглашался. В поисках поддержки среди верующих в январе 1927 г. митрополит Дионисий организовал съезд представителей духовенства и мирян в Почаеве, который утвердил законопроект и устав церкви. Участники съезда 26 марта 1927 г. выпустили меморандум правительству, в котором критиковали «Временные правила...» и требовали нормализации правового положения Православной церкви в Польше.

Духовенство начало посылать подобные запросы в MWRiOP. По инициативе юрисконсульта Православной церкви в Польше Константина Николаева [7] была

обоснована позиция церкви, где указывалось на необходимость принятия новых нормативных законов. Министр экономики и труда Казимеж Свигальский согласился с тем, что правительство ещё раз пересмотрит проект Синодального закона 1926 г. и, если его отклонит, представит свой собственный вариант в 1929 г. Несмотря на обещание, до 1930 г. правительство не проявляло никакой инициативы в этом вопросе [1, с. 543]. Активность высшего духовного руководства ПАПЦ была перенаправлена на разрешение административного вопроса.

В 1924–1939 гг. в составе Польской автокефальной Православной Церкви находились епархии: Варшавско-Холмская, Виленская, Волынская, Гродненская (с 1925 г. – Гродненско-Новогрудская) и Полеская (с 1925 г. – Полесско-Пинская). В 1927 г. Синод Православной церкви подготовил проект по изменению церковной структуры, чтобы приспособить её к административному разделу в государстве. В письме в Министерство ВиНП от 20 февраля 1928 г. митрополит Дионисий обосновал необходимость объединения в рамках Волынской епархии всех поветов Волынского воеводства, в составе Полесско-Пинской епархии – поветов Полесского воеводства. Виленское архиепископство должно было включить территорию Виленского воеводства и 3-х поветов Новогрудского воеводства, Гродненская епархия включила всю территорию Белостоцкого воеводства и 4 повета Новогрудского воеводства. Без изменений в границах оставалась Варшавско-Хмельницкая епархия. Канцелярия Синода в Варшаве предоставила министерству актуальные данные о церкви по состоянию на 1927 г.: 5 епархий, 126 благочиний, 1408 приходов, 16 монастырей и 1799 священнослужителей [1, с. 544]. Постановлением Священного Синода от 2 ноября 1927 г. и рескриптом Министра вероисповеданий и народного просвещения от 19 апреля 1928 г. новое разделение Православной церкви по епархиям было узаконено.

Юридический статус Православной церкви во II Речи Посполитой был окончательно определён законами в редакции Министерства вероисповедания и народного просвещения правительства от 18 ноября 1938 г. Это: 1) Декрет Президента Республики «Об отношении Государства к Польской Автокефальной Православной Церкви» и 2) «Внутренний Статут Польской Автокефальной Православной Церкви», утверждённый Советом Министров. Эти документы полностью подчиняли церковь Министерству ВиНП. Несмотря на декларацию внутрицерковной свободы и свободы сношений с другими православными церквями, кандидатуры митрополита и епископов должны были проходить одобрение высшей правительственной властью, документы – учреждаться после согласия министра вероисповеданий, должности могли занимать только польские граждане, официальным языком должен был быть польский. Таким образом, было ограничено право самостоятельно определять свою внутреннюю структуру, иерархическое подчинение, распоряжаться своим имуществом и другие.

Идеологические принципы конфессиональной политики.

30-е гг. XX в. стали одним из самых сложных периодов в истории Польской православной церкви. Конфессиональная политика государства, которая проводилась в рамках *санации* и *полонизации*, была направлена на снижение численности православных приходов любыми способами, несмотря на то, что православие было наиболее распространённой религией на востоке страны. Даже по официальным данным переписи 1931 г., которые оспариваются в историографии Беларуси, по вероисповеданию население Польши делилось на такие группы: римокатолики – 64,76 %, православные – 11,79 %, униаты – 10,45 %, иудеи – 9,76 %, протестанты – 2,62 % и другие.

Одним из способов реконструкции религиозной системы Речи Посполитой стало возрождение на присоединённых территориях униатской церкви. На землях этнической Польши униатство давно прекратило своё существование. Так, в Холмской епархии Королевства Польского, где до 1830-х гг. уния доминировала, окончательное воссоединение с православием на основании синодального решения Русской Право-

славной Церкви от 11 мая 1875 г. завершилось созданием объединённой Холмско-Варшавской епархии. Часть бывших униатов, в основном из Седлецкой и Люблинской епархий, в 1905 г. присоединилась к Римско-Католической церкви. Поэтому возрождение униатских общин в исторической форме государственные власти в основном инициировали в южных регионах этнической Польши и на Украине, где функционирование униатских общин никогда полностью не прекращалось.

Католическая же церковь с 1924 г. проводила миссионерскую деятельность по образованию приходов «Католической церкви византийско-славянского обряда в Польше» (*Kościół katolicki obrządku bizantyjsko-słowiańskiego w Polsce*), или по-другому – неоуниатской. Эта форма так называемого «восточного обряда» подчинялась священноначалию католических епархий и была нацелена на постепенное слияние с Римско-католической церковью.

Конституция польской республики от 23 апреля 1935 г. подтвердила формальное равенство представителей разных конфессий, право граждан на политическое участие: «Ценностью усилий гражданина ради всеобщего блага и его заслуг перед ним будет измеряться его право влиять на общественные дела. Ни происхождение, ни вероисповедание, ни пол, ни национальность не могут быть основанием для ограничения этого права» (ст. 7 пп. 1–2) [8]. Заметим, что степень реализации конституционных прав и свобод зависела от субъективных границ определения «всеобщего блага». Определение стратегии в достижении всеобщего блага исходило от идеологической направленности государственной политики. А это – интеграция многонационального сообщества Речи Посполитой на основе традиционной католической религии, польского языка, культуры. Граждане нетитульной нации и религиозных меньшинств находились в неравном с католиками положении. По сути, новая государственная конституция оставила без изменений все статьи, касающиеся религии.

Выражая близкие с государственной идеологией принципы, Епископат Католической церкви Второй среди важнейших своих задач видел укрепление в обществе христианских ценностей и моральных принципов, строительство католической Польши. В обращениях и пастырских письмах епископы призывали верующих к деятельной любви к своей родине, к пробуждению духа истинного патриотизма, несовместимого с национализмом и антисемитизмом. Они призывали соблюдать закон и справедливость, предостерегали от ненависти в политических баталиях. Самыми большими угрозами католицизму в Польше считали секуляризацию, деморализацию семьи и коммунизм [4, с. 28].

Считалось, что после отрыва Польской православной церкви от РПЦ, одной из главных внутренних проблем этой конфессии является национальный вопрос. Большинство представителей высшего духовенства было русского происхождения, воспитанного в монархически-националистической идеологии, которая препятствовала пастырской деятельности в новой политической реальности. Русский язык доминировал у церковной администрации на всех уровнях: в проповедях, в преподавании религии и изданиях. В ответ на требования белорусских и украинских приходов перейти на родной язык, Архиерейский Синод принял постановление от 3 сентября 1924 г., в котором было разрешено использование белорусского, украинского, польского и чешского языков (помимо русского) в тех службах, текст которых будет представлен церковным властям. Также было дано разрешение проповедовать на языке верующих, преподавать в нем религию и вводить родной язык в семинариях [9, с. 349]. Позже церковные власти в соответствии с новыми тенденциями в национальной политике государства стремились ограничить украинское и белорусское влияние.

Государственные власти делали всё возможное, чтобы как можно скорее отделить Православие в Польше от влияния его предыдущего руководства. Комитет по национальным вопросам при Совете министров Польши принял решение о превращении ПАПЦ в «инструмент распространения польской культуры на во-

сточных землях» [10, с. 58]. В этих целях были ликвидированы православные семинарии в Вильно и Кременце, подготовка православного духовенства осуществлялась на факультете богословия Варшавского университета, в православных храмах стала распространяться практика проведения проповедей на польском языке. Под давлением властей была создана специальная комиссия по переводу литургических текстов на польский язык.

В одной из инструкций по проведению политики полонизации от 24 января 1939 г. было сказано: «Ещё нужно уделить внимание православному духовенству и его деятельности. Священники должны быть абсолютно лояльными к государству. Скрупулёзно собирать всю информацию об их нелояльном отношении к Польше... Исходя из положения о связи между понятиями польскости и католицизма, следует инициировать и активно поддерживать все действия общества и духовенства, направленные на увеличение римско-католических институтов – строительство церквей, часовен, придорожных крестов и т. д.» [11].

Чёткие правовые гарантии веротерпимости, мирного диалога конфессий могли обеспечить законы о свободе совести и религиозных организациях. Но конституционные гарантии свободы не имели никакого отражения в действующих законах. Правовой вакуум использовался властью в борьбе с неудобными религиями. Политика притеснения по отношению к представителям «некатолических» конфессий в полной мере проявилась во время проведения *ревиндикации* – «возвращения первому владельцу» – культовых сооружений и церковного имущества. В первую очередь речь шла о церквях, которые до вхождения в состав Российской империи принадлежали католической и униатской церквям, а впоследствии были преобразованы в православные храмы. Православная вера, являясь традиционной для белорусских и украинских земель до заключения Берестейской унии, тем не менее, воспринималась как церковь захватническая, учреждённая царской Россией после грабительского раздела Речи Посполитой. Проведение ревиндикации привело к массовому и не всегда обоснованному закрытию православных храмов, их разрушению или освящению в католические костёлы. У православной церкви было отнято более 400 храмов [1, с. 903]. Только в течение двух летних месяцев 1938 г. было разрушено 127 православных храмов на юго-востоке Польши! [12].

«Польское Правительство, неизменно поддерживаемое Католической церковью, а равно католическим общественным мнением страны, стремилось использовать оторванность Польского Православия от прочего православного мира в целях сугубого закрепления, путём законодательства и практики, своего преобладающего влияния во всех областях церковной жизни», – пишет А.К. Свитич, осуждая переход к автокефалии [13]. В равной степени это положение можно отнести к оценке конфессиональной политики государства в отношении Православной церкви в целом.

Таким образом, правовое регулирование религиозных организаций во Второй Речи Посполитой определялось статьями конституций 1921 г. и 1935 г., конкордатами, решениями польского правительства, в частности Министерства вероисповеданий и народного просвещения. В определённой степени стабилизации и упорядочиванию религиозной ситуации способствовали реформы в сфере административно-территориального деления. В конституциях II Речи Посполитой произошёл возврат к преференциально-гарантийному этапу в правовом регулировании деятельности религиозных организаций. Однако «Временные правила об отношении правительства к Православной Церкви в Польше» (1922 г.) долгое время противоречили конституционным нормам и ограничивали деятельность православных и униатских приходов. Провозглашение автокефалии Православной церкви в Польше в 1924 г. почти ничего не изменило – определение правового статуса приняло затяжной характер. По законам 1938 г. «Об отношении Госу-

дарства к Польской Автокефальной Православной Церкви» и «Внутренний Статут Польской Автокефальной Православной Церкви» эта конфессия была поставлена в неравное по сравнению с Католической церковью материальное положение, теряла часть своей независимости.

Конституционное закрепление приоритета Польской Римско-католической церкви и высокая степень её внутрицерковной самостоятельности по конкордату 1925 г. в значительной степени повлияли на характер межрелигиозного взаимодействия между христианскими церквями. Государственные власти стремились способствовать распространению католицизма, воспринимая его как неотъемлемую часть национальной идентичности возрождённого государства. Такие направления конфессиональной политики, как ревиндикация, религиозное образование, внедрение среди православного населения «восточных окраин» идей неоуниатства проводились в контексте полонизации и окатоличивания.

1. *Mironowicz, A.* Kościół prawosławny w Polsce / *A. Mironowicz.* – Białystok : Białoruskie Towarzystwo Historyczne, 2006. – 920 s.

2. Конституция Польши 1921 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <https://worldconstitutions.ru/?p=742> – Дата доступа : 10.04.2019.

3. *Kolbuk, W.* Kościoły wschodnie na ziemiach dawnej Rzeczypospolitej 1772–1914 / *W. Kolbuk.* – Lublin : Wydawnictwo Katolickiego Uniwersytetu Lubelskiego, 1992. – 617 s.

4. *Olszar, H.* Kościół w Polsce w okresie międzywojennym (1918–1939) / *H. Olszar*// Sympozjum 1(12) 2004. – S. 7–48 [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://www.sympozjum.scj.pl/plik/46eebe87-2434-e811-80b7-984be15f9d7b>– Дата доступа : 27.05.2020.

5. Будущий кардинал Адам Стефан Сапега в 1922–1923 гг. был депутатом польского Сейма, выступал противником нового конкордата в пользу полной самостоятельности РКЦ, не поддерживал конфессиональную политику правительства Речи Посполитой после переворота 1926 г.

6. Archiwum Państwowe w Lublinie. Zespół 403. Sygnatura 640. Urząd Wojewódzki Lubelski. Wydział Społeczno-Polityczny 1919–1939.

7. Константин Николаев руководил Особой комиссией по организации судебной защиты святынь и церковного имущества в период ревиндикации (См. книги «Судьбы Православия» (Белград, 1939) и «Восточный обряд» (Париж, 1950)).

8. Конституция Польской республики 1935 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <https://worldconstitutions.ru/?p=1065> – Дата доступа : 10.04.2018.

9. *Dudra, S.* Polski Autokefaliczny Kościół Prawosławny w obszarze polityki wyznaniowej oraz polityki narodowościowej Polski Ludowej i III Rzeczypospolitej / *S. Dudra.* – Warszawa : Wydawnictwo Naukowe SCHOLAR, 2019.

10. *Шевченко, К.* «Картина варварства и глупости» : Белорусское и украинское меньшинство II Речи Посполитой в конце 1930-х гг. / *К. Шевченко* // Антигитлеровская коалиция – 1939 : Формула провала. Сборник статей / Под общ. ред. *В. Ю. Крашенинниковой.* – М. : Кучково поле, 2019. – 336 с.

11. Dalsze wytyczne do akcji rewindy kacyjno-polonizacyjnej [Электронный ресурс]. – Режим доступа : https://www.cerkiew1938.pl/dlasze_wytyczne.html– Дата доступа : 02.07.2020.

12. Для увековечения памяти об этих трагических событиях в 2008 г. Люблинско-Хельмской епархией Украинской ПЦ был создан специальный сайт: www.cerkiew1938.pl.

13. *Свитич, А. К.* Православная Церковь в Польше и её автокефалия / *А. К. Свитич* [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://krotov.info/history/20/1930/svitich1.html> – Дата доступа : 10.04.2018.

14. *Ihnatowicz I., Biernat, A.* Vademecum do badań nad historią XIX i XX wieku / *I. Ihnatowicz, A. Biernat.* Wzdanie drugoie poprawione. Warszawa : Wydawnictwo Naukowe PWN, 2003. – 676 s.

Malykhina L. JU. Confessional policy in the Second Polish-Lithuanian Commonwealth in the field of legal regulation

The article examines the confessional policy in the Second Polish-Lithuanian Commonwealth, aimed at establishing the legal status of Christian churches in 1918–1939. It is concluded that the constitutional consolidation of the priority of the Polish Roman Catholic Church, the high degree of its inter-church independence according to the 1925 concordat, and support from the government determined the nature of inter-religious interaction. Such areas of confessional politics as re-vindication, religious education, and the introduction of the idea of neo-oiatism among the Orthodox population in the Orthodox community were carried out in the context of the polonization and catholicization. The determination of the legal status of the Orthodox Church in Poland has become protracted.

Keywords: *confessional politics, Roman Catholic Church, Polish Autocephalous Orthodox Church, Ministry of Religions and Public Education of the Second Polish-Lithuanian Commonwealth.*

УДК 94(476)

Мошук А. В.

ПРОБЛЕМЫ ИЗУЧЕНИЯ ИСТОРИИ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПОЛЬСКОГО БУНДА В МЕЖВОЕННЫЙ ПЕРИОД В ПОЛЬСКОЙ ИСТОРИОГРАФИИ

В статье рассматриваются вопросы изучения истории еврейских политических партий в межвоенной Польше в целом и деятельности польского Бунда в частности. Автор анализирует работы польских авторов межвоенного, советского и современного периодов. Делается попытка выделения основных направлений и принципов исследований польской исторической школы.

Вопросам изучения политического, экономического и социального положения еврейского населения (одного из наиболее многочисленного национального меньшинства во второй польской республике, а по степени участия в политической жизни общества самого активного) в указанный период, польские исследователи уделяли особое внимание. В целом, необходимо отметить, что отличительной особенностью польской историографии 1920–1930-х гг., являлось то, что в ней деятельность еврейских политических партий рассматривалась с позиций их лояльности польскому государству. В этой связи основными проблемами, которые изучались польской историографией данного периода, были вопросы политической и частично культурно-просветительской деятельности еврейских партий [19; 20; 21; 23].

В 1925 г. в Варшаве была опубликована работа польского исследователя Р. Корша «Еврейские подрывные объединения в Польше» [23]. В данной монографии автор делает попытку классификации существующих на начало 20-х гг. XX в. в Польше еврейских политических партий. Основным критерием данной классификации являлась их лояльность возрожденному польскому государству. Очевидно, что данный подход носит субъективный характер, так как на тот момент практически все еврейские политические организации в той либо иной степени находились в стадии выработки программных установок, осуществляли тактическое маневрирование на политическом поле молодого польского государства, пытаясь элементарно выжить в сложных условиях череды военных и гражданских конфликтов.

В то же время в своей работе Р. Корш большое внимание уделяет характеристике различных аспектов деятельности Бунда. Автор подробно раскрывает эволюцию программных установок и идейных основ партии в 1918–1925 гг., даёт характеристику деятельности Бунда в вопросах культуры и просвещения. Однако Р. Корш практически не затрагивает проблемы участия Бунда в профсоюзном движении.

Вопросам идеологии и политической тактики Бунда уделяли внимание такие польские историки 1920–1930-х гг., как А. Белциковская, З. Урбаньский, В. Студницкий, А. Страпиньски [3; 4; 37; 38; 40]. Так, А. Белциковская впервые на страницах научной печати сделала попытку раскрыть организационную структуру партии, охарактеризовать деятельность культурно-просветительских объединений, действовавших под её патронатом. Но из поля зрения автора ускользнули вопросы участия Бунда в рабочем и профсоюзном движениях. А. Белциковская практически не рассматривает деятельность Бунда в северо-восточных воеводствах страны. З. Урбаньский и В. Студницкий в своих работах отдавали приоритет вопросам польско-еврейских взаимоотношений на территории польской республики, в контексте которых рассматривается и деятельность Бунда. Оба исследователя дают характеристику программы партии и анализируют участие партии в предвыборных кампаниях в Сейм.

В конце 1920-х – первой половине 1930-х гг. в Польше выходят в свет воспоминания бывших членов ППС, в которых содержалась информация о польском Бунде [26; 29; 41; 43]. Важной вехой в изучении вопросов, связанных с участием Бунда в так называемом единомысленском движении (создание единого фронта коммунистических и социалистических организаций для борьбы с фашизмом) стала появившаяся в 1934 г. работа одного из лидеров КПП Ю. Ленского «Правда о едином фронте» [25], в которой содержались материалы о взаимоотношениях КПП и КПЗБ с так называемыми «мелкобуржуазными партиями», в том числе и Бундом. Следует отметить, что в своей работе автор признал конкретные ошибки лидеров коммунистического движения Польши при создании единомысленских организаций, таким образом, сняв обвинения в срыве данных акций с социал-демократических организаций.

После окончания Второй мировой войны в Варшаве был создан Институт еврейской истории, который является единственным научно-исследовательским учреждением подобного рода в Центральной и Восточной Европе. Объектом изучения института стали различные аспекты истории еврейского народа в Польше, однако основной акцент делался на исследование вопросов участия еврейского населения в коммунистическом и национально-освободительном движениях, проблемах культурной жизни еврейского населения [1; 2; 9; 12; 13; 18; 22; 36]. Следует отметить, что деятельность польского Бунда на территории Западной Беларуси не входила в сферу интересов исследователей института, которые в основном занимались изучением деятельности различных региональных организаций Бунда на территории центральных воеводств Польши.

На основе анализа польской литературы второй половины XX в. можно констатировать, что основным объектом исследований являлись вопросы социально-экономического, культурного положения еврейского населения в Польше [10], а также проблема польско-еврейских взаимоотношений [33]. С этой точки зрения наибольший интерес представляют работы Ю. Томашевского и Ю. Орлицкого [28, 39], в которых был проведён анализ развития еврейского политического движения на протяжении межвоенного периода, эволюции политических программ различных еврейских политических партий, исследовалась национальная политика польского государства, впервые были проанализированы основные причины развития антисемитизма в Польше в 1920–1930 гг. Характеристика Бунда дана авторами в общих чертах в контексте общееврейского политического движения. Авторы практически не уделяли внимание деятельности партии на территории Западной Беларуси.

Отдельным объектом изучения польских исследователей в конце XX – начале XXI вв. стало профсоюзное и рабочее движение в Польше [15; 16; 24; 32]. В 1979 г. и 1987 гг. в Варшаве вышли коллективные работы, посвящённые развитию рабочего движения на Белосточчине в конце XIX – начале XX вв. [34; 35]. Польские ис-

следователи делают уклон в сторону рассмотрения деятельности коммунистических организаций в профсоюзной среде, их влияния в профсоюзах белостокского и гродненского промышленных округов. Характеристика деятельности Бунда носит ярко выраженную негативную оценку.

В 2001 г. в Варшаве вышла работа Б. Гарнарской-Кадары «Еврейский пролетариат в Польше в 1918–1939» [14], в которой характеризовались различные стороны жизни еврейского пролетариата в Польше в 1920–1930-х годов. Автор отмечает, что наибольшим влиянием в рамках еврейского классового профсоюзного движения пользовался Бунд.

В 2000 г. выходит работа польских историков Г. Халупчака и Т. Броварека «Национальные меньшинства в Польше в 1918–1995» [10]. В ней исследователи дают общую характеристику всех еврейских политических партий, действовавших в польском государстве. При этом необходимо отметить, что в указанной работе не раскрывается деятельность региональных организаций Бунда, не отражается место и роль данного политического объединения в политической жизни Западной Беларуси. В целом, для польской историографии характерно рассмотрение деятельности Бунда только в контексте общепольского еврейского национального движения.

Повышение интереса польских исследователей к истории Бунда отмечается во второй половине 1990-х гг. В ноябре 1997 г. Институтом еврейской истории в Варшаве была проведена конференция, посвящённая 100-летию юбилею партии. Участие в конференции приняло более 20 учёных из Польши, Израиля, США, Великобритании, Германии, Франции и Украины. По итогам работы конференции в 2000 г. вышел сборник докладов «Бунд. 100 лет истории 1897–1997» [8]. В сборник вошли статьи, посвящённые различным аспектам деятельности партии на территории межвоенной Польши, в том числе и политической деятельности [5; 6; 21; 17; 42], работы культурно-просветительских и образовательных организаций Бунда [7; 11; 17; 30; 31].

Таким образом, историографический анализ проблемы позволяет констатировать, что в современной польской исторической науке отсутствует комплексные исследования, посвящённые деятельности польского Бунда на территории Западной Беларуси в 1920–1930-х гг. Характерной особенностью исследований польских авторов является то, что они рассматривают деятельность Бунда, как правило, на территории воеводств Великой и Малой Польши. В польской историографии практически не затрагиваются вопросы участия партии в политических процессах в Западной Беларуси. Из поля зрения исследователей полностью выпали особенности работы Бунда в крае. Практически не раскрыты остались вопросы деятельности Бунда в сфере культуры и просвещения, деятельности таких бундовских организаций как Культур-Лига, Центральная идишитская школьная организация (ЦИШО) и Цукунфт. Исследователи обходят стороной проблемы участия партии в еврейском профсоюзном и рабочем движениях. В целом, мы можем констатировать, что в западной историографии доминировали две основные темы – тема Холокоста и тема истории государства Израиль, которая вобрала в себя и историю сионизма. С победой сионизма, его исторический противник – бундизм, окончательно отошёл на второй план.

1. *Фукс, М.* Из истории еврейской прессы в Польше в 1918–1939 гг. / *М. Фукс* // Бюллетень Еврейского Института Истории. – 1970. – № 75. – С. 49–68.

2. *Фукс, М.* Материалы к библиографии провинциальной еврейской прессы, издававшейся в Польше (1918–1939) / *М. Фукс* // Бюллетень Еврейского Института Истории. – 1981. – № 118. – С. 73–91.

3. *Belcikowska, A.* StronictwaizwiązkopolitycznewPolsce / *A. Belcikowska* – Warszawa : DomKsiążki Polskiej, 1925. – 186 s.

4. *Belcikowska, A.* Stronictwa polityczne w Polsce / *A. Belcikowska* – Warszawa : Dom Książki Polskiej, 1926. – 32 s.

5. *Bergman, S.* Bund a niepodległość Polski / *S. Bergman* // Bund. 100 lat historii 1897–1997. Pod redakcją prof. Feliksa Tycha i dr. Jürgena Hensla. – Warszawa, 2000. – S. 109–117.
6. *Blatman, D.* Narodowa ideologia Bundu w zderzeniu z antysemityzmem i Holocaustem (1933–1947) / *D. Blatman* // Bund. 100 lat historii 1897–1997. Pod redakcją prof. Feliksa Tycha i dr. Jürgena Hensla. – Warszawa, 2000. – S. 213–231.
7. *Brumberg, A.* Bund. Historia schizmy / *A. Brumberg* // Bund. 100 lat historii 1897–1997. pod redakcją prof. Feliksa Tycha i dr. Jürgena Hensla. – Warszawa, 2000. – S. 49–61.
8. Bund. 100 lat historii 1897–1997/ Pod redakcją prof. Feliksa Tycha i dr. Jürgena Hensla. – Warszawa, 2000. – 352 s.
9. *Cała, A.* Historia i kultura Żydów polskich / *A. Cała, H. Węgrzynek, G. Zalewska.* – Warszawa: Wydawnictwo Szkolne i Pedagogiczne, 2000. – 400 s.
10. *Chałupczak, H.* Mniejszości narodowe w Polsce 1918–1995 / *H. Chałupczak, T. Browarek.* – Lublin : Wydawnictwo Uniwersytetu Marii Curie-Skłodowskiej, 2000. – 323 s.
11. *Cohen, N.* Udział Bundu w życiu kulturalnym Polski w okresie międzywojennym / *N. Cohen* // Bund. 100 lat historii 1897–1997. Pod redakcją prof. Feliksa Tycha i dr. Jürgena Hensla. – Warszawa, 2000. – S. 23–31.
12. *Fuks, M.* Prasa żydowska w Białymstoku (1918–1939) / *M. Fuks* // Biuletyn Żydowskiego Instytutu Historycznego w Polsce. – 1988 – № 1–2. – S. 145–153.
13. *Fuks M.* Prasa żydowska w Polsce – wydawana w języku polskim – jej rola i znaczenie w kształtowaniu stosunków polsko-żydowskich (do 1939 r.) / *M. Fuks* // Biuletyn Żydowskiego Instytutu Historycznego w Polsce. – 1985 – № 3–4. – S. 137–143.
14. *Garncarska-Kadary, B.* Żydowska ludność pracująca w Polsce 1918–1939 / *B. Garncarska-Kadary.* – Warszawa : ZIH, 2001 – 293 s.
15. *Hass, L.* Ruch związkowy w Polsce 1918–1939 / *L. Hass* // Wiadomości Historyczne. – 1982. – № 1. – S. 39–50.
16. *Hass, L.* Ruch związkowy w Rzeczypospolitej / *L. Hass* // Z dziejów Drugiej Rzeczypospolitej. – Warszawa: Książka i wiedza, 1986. – S. 248–289.
17. *Jakobs, J.* Próba wytworzenia bundowskiej kontrkultury; Morgensztern a waga hegemonii kulturalnej / *J. Jakobs* // Bund. 100 lat historii 1897–1997. Pod redakcją prof. F. Tycha i dr. J. Hensla. – Warszawa, 2000. – S. 39–49.
18. *Jaworski, W.* Żydowskie partie polityczne w zagłębiu Dąbrowskim w okresie międzywojennym w świetle akt archiwalnych / *W. Jaworski,* // Biuletyn Żydowskiego Instytutu Historycznego w Polsce. – 1988 – № 3–4. – S. 89–101.
19. *Kader, S.* Partie polityczne w rządach / *S. Kader* – Warszawa : Wydawnictwo Polskiej Drukarni Nakładowej «Lux», 1935. – 62 s.
20. *Keller, S.* Wywrotowe Partje Polityczne / *S. Keller* – Warszawa : Nowe życie, 1936. – 67 s.
21. *Kessler, M.* Bund a Socjalistyczna Międzynarodówka Robotnicza / *M. Kessler* // Bund. 100 lat historii 1897–1997. Pod redakcją prof. F. Tycha i dr. J. Hensla. – Warszawa, 2000. – S. 61–71.
22. *Klein, B.* Ruch rewolucyjny na Wilenszczyźnie w latach 1920–1939 / *B. Klein* – Wilnius : Państwowe wydawnictwo literatury politycznej i naukowej, 1961. – 110 s.
23. *Korsch, R.* Żydowski ugrupowania wywrotowe w Polsce / *R. Korsch.* – Warszawa : Drukarnia P.K.O., 1925. – 215 s.
24. *Kowalezyk, J.* Ruch robotniczy w latach międzywojennych 1918–1939 / *J. Kowalezyk* // Ruch robotniczy na Białostocczyźnie w XIX i XX wieku / Pod red. W. Gory. – Warszawa : Książka i wiedza, 1979. – S. 209–259.
25. *Lenski, J.* Prawda o jednolitym froncie / *J. Lenski.* – Warszawa : Książka, 1934. – 28 s.
26. *Malanski, J.* Pracownicze z wiązki zawodowe w Polsce / *J. Malanski.* – Warszawa: Wydawnictwo Instytutu Naukowego Badania Komunizmu, 1933. – 156 s.
27. *Minczeles, H.* Główne etapy historii Bundu w Polsce / *H. Minczeles* // Bund. 100 lat historii 1897–1997. Pod redakcją prof. F. Tycha i dr. J. Hensla. – Warszawa, 2000. – S. 17–23.
28. *Orlincki, J.* Szkice z dziejów stosunków polsko-żydowskich 1918–1949 / *J. Orlincki.* – Szczecin : Krajowa Agencja Wydawnicza, 1983. – 276 s.
29. *Ostrowski, A.* PPS w walkach ekonomicznych i ruchu zawodowym / *A. Ostrowski.* – Warszawa : Książka, 1929. – 80 s.

30. *Peled, Y.* Koncepcja autonomii narodowo-kulturowej / *Y. Peled* // Bund. 100 lat historii 1897–1997. Pod redakcją prof. F. Tycha i dr. J. Hensla. – Warszawa, 2000. – S. 31–39.
31. *Pickhan, G.* Kossowski, Portnoj i inni. Rola pokolenia założycieli Bundu w Polsce międzywojennej / *G. Pickhan* // Bund. 100 lat historii 1897–1997. Pod redakcją prof. F. Tycha i dr. J. Hensla. – Warszawa, 2000. – S. 231–243.
32. *Pilch, A.* Główne kierunki ruchu zawodowego w Polsce / *A. Pilch* // Kwartalnik Historii Ruchu Zawodowego. – 1982. – № 3–4. – s. 3–15.
33. *Radomski, G.* Narodowa Demokracja wobec problematyki mniejszości narodowych w Drugiej Rzeczypospolitej w latach 1918–1926 / *G. Radomski*. – Toruń : Wydawnictwo Adam Marszałek, 1998. – 170 s.
34. «Ruch robotniczy na Białostocczyźnie. Studia i materiały» / Pod red. M. Gnatowskiego. – Warszawa : Państwowe wydawnictwo naukowe, 1987. – 238 s.
35. Ruch robotniczy na Białostocczyźnie w XIX i XX wieku / Pod red. W. Gory. – Warszawa : Książka i wiedza, 1979. – 312 s.
36. *Sliwa, M.* Wiktora Altera refleksje o socjalizmie / *M. Sliwa* // Biuletyn Żydowskiego Instytutu Historycznego w Polsce. – 1986. – № 1–2. – S. 59–80.
37. *Strapiński, A.* Wywrotowe Partje Polityczne / *A. Strapiński*. – Warszawa : Wydawnictwo Instytutu Naukowego Badania Komunizmu, 1933. – 106 s.
38. *Studnicki, W.* Sprawapolsko-żydowska / *W. Studnicki* – Wilno : Drukarnia i Księgarnia w Wilno, 1933. – 123 s.
39. *Tomaszewski, J.* Zarys dziejów Żydów w Polsce w latach 1918–1939 / *J. Tomaszewski*. – Warszawa : Wydawnictwo Uniwersytetu Warszawskiego, 1990. – 114 s.
40. *Urbański, Z.* Mniejszości narodowe w Polsce / *Z. Urbański*. – Warszawa : Mniejszości narodowe, 1933. – 77 s.
41. *Wasilewski, L.* Zarys dziejów Polskiej Partji Socjalistycznej / *L. Wasilewski*. – Warszawa : Nowe życie, 1933. – 218 s.
42. *Wróbel, P.* Od wojny do współpracy : Powszechny Żydowski Związek Robotniczy „Bund” i Polska Partia Socjalistyczna, 1897–1939 / *P. Wróbel* // Bund. 100 lat historii 1897–1997. Pod red. prof. F. Tycha i dr. J. Hensla. – Warszawa, 2000. – S. 117–145.
43. *Zaremba, Z.* PPS w Polsce niepodległej (1918–1932) / *Z. Zaremba*. – Warszawa : Światło, 1934. – 231 s.

Moshchuk A. V. Problems of studying the history of the Polish Bund in the interwar period in Polish historiography.

The article discusses the study of the history of Jewish political parties in interwar Poland in general and the activities of the Polish Bund in particular. The author analyzes the works of Polish authors of the slow, Soviet and modern periods. An attempt is made to highlight the main directions and principles of research of the Polish historical school.

УДК 7.792

Наумова В. И.

ЭТАПЫ БОЛЬШОГО ПУТИ. К СТОЛЕТИЮ ОБРАЗОВАНИЯ БГТ-1

В статье отражены основные этапы становления и развития БГТ-1 (сегодня это Национальный академический театр им. Я. Купалы) с момента его зарождения и до конца тридцатых годов XX века, дана характеристика репертуарной политики театра, его основных театральных постановок, а также участие театра в популяризации белорусского советского театрального искусства.

История культуры Беларуси в годы советской власти, как и вся история Беларуси советского периода, не поддается однозначной или усредненной оценке. Культура, или, как говорили в те годы, «культурное строительство» не в меньшей, а, возможно, и в большей мере, чем экономика или политика, испытала на себе все шараханья из одной крайности в другую, которые «творчески» организо-

вывала партия большевиков. Волей судьбы Беларусь не единожды становилась экспериментальным полем, на котором новая власть проводила свои «культурно-революционные» опыты. Первой наша страна испытывала и откат, регресс, репрессии, в том числе и связанные с борьбой партии коммунистов против национальной культуры и её представителей. Вместе с тем, даже в таких тяжелых условиях коммунистического идеологического и силового прессинга, а часто именно вопреки ему появлялись настоящие шедевры белорусской национальной культуры в самых различных областях её развития.

Первая мировая война, революционные события 1917 года, гражданская война и иностранная интервенция отрицательно сказались на состоянии театра и драматургии Беларуси. Своего профессионального театра не существовало, но были хорошие драматургические произведения, традиции, заложенные В. Дуниным-Марцинкевичем, К. Каганцом, К. Буйло, А. Гаруном и др. Они и стали тем прочным фундаментом, на котором создавались белорусская советская драматургия и театр [4; с. 278].

Ещё в апреле 1917 г. начало свою деятельность Первое белорусское общество драмы и комедии, существовавшее до середины 1920 г. Руководителями коллектива были В. Фальский и Ф. П. Жданович. В репертуаре театра были пьесы, поставленные на протяжении весны-лета 1917 года: «Разоренное гнездо» и «Павлинка» Я. Купалы, «Модный шляхтич» К. Каганца, «Сегодняшние и давнишние» К. Буйло, «В дураках остались» М. Кропивницкого, «Зимний вечер» Э. Ожешко и др. Все эти пьесы, разные по идейно-художественному уровню и значению затрагивали вопросы жизни белорусского народа в дореволюционный период. Народная драма «Раскиданное Гнездо» Я. Купалы, постановка которой была осуществлена 10 июля 1917 г. была лучшим сценическим произведением того периода и возвышалась над всем, что было создано белорусскими драматургами в дооктябрьский период.

Летом 1917 г. в труппу пришел белорусский писатель В. Голубок, который вскоре широко развернул свою драматическую, режиссёрскую и актёрскую деятельность. Здесь были впервые поставлены его произведения «Последнее свидание», «Писаревы именины», «Безвинная кровь» и др. [2; с. 283]. Первое белорусское общество драмы и комедии с самого начала своего существования формировалось как профессиональный театральный коллектив и сыграло тем самым важную роль в становлении национального сценического искусства. Коллектив труппы ставил цель: пропаганда и популяризация национальной культуры во всем её разнообразии – литературном, музыкальном и драматургическом [4; с. 278].

14 сентября 1920 г. в Минске состоялось торжественное открытие Белорусского государственного театра (БГТ). Белорусская труппа показала спектакль «Рысь» по Э. Ожешко, русская – «Свадьбу» А. Чехова, а еврейская – пьесу Шалом Алейхема «Люди». Примечательно, что все три труппы впоследствии стали самостоятельными коллективами. Возникновение в Белоруссии театра как государственного учреждения было воспринято всем белорусским народом как одна из крупнейших побед культурной революции в БССР.

X съезд РКП(б), проходивший в марте 1920 г., призвал всех деятелей культурного фронта перейти от «митинговой агитации к массовой пропаганде» [1; с. 217]. Да и сами деятели культуры отлично понимали, что необходимо пересмотреть весь свой «багаж», накопленный за годы революции и гражданской войны, что в условиях мирного строительства советской власти необходим переход от искусства «плаката», «спектакля-митинга» к иному психологически убедительному и содержательному виду действия.

Однако если мы посмотрим репертуарный календарь БГТ за 1921 г., то не увидим там особых изменений, театр продолжал решать давно решённые на

национальной сцене проблемы. Более того, творческий уровень постановок был не высоким, за что театр часто упрекали и зрители, и печать. В газетах отмечалось, что избитый репертуар театра надоел не только зрителю, но и самим актёрам, что «очень хорошо видно по их игре на сцене» [3; с. 70].

В сентябре 1921 г. художественным руководителем театра стал Евгений Минович, выдающийся режиссёр и воспитатель творческой молодёжи. С первых же дней своей работы он приступает к активной реорганизации театральной жизни. Так, в театре создается художественный совет, основной задачей которого являлось формирование репертуара и наблюдение за творческой жизнью коллектива. Также были приняты меры по более рациональному укомплектованию труппы и привлечению в её состав способной молодёжи.

За два сезона с конца 1921 г. до осени 1923 г. на сцене БГТ прошли следующие новые постановки: «На купалье» М. Чарота, «Лес шумит» по В. Короленко, «Свадьба» В. Горбачевича, «Ученик дьявола» Б. Шоу, «Их четверо» Г. Запольской, «Жрец Тарквинский» С. Поливанова, «Польский жид» Эркмана-Шатриана, «Ведьма» по А. П. Чехову, «Машека» Е. Миновича, «Волки» Р. Роллана, «Социалистка» Т. Гартного, а также пьесы Л. Родзевича, В. Голубка, М. Крапивницкого и др. [3; с. 75].

Одной из первых пьес, сразу же заставившей заговорить о себе всю театральную общественность, стал спектакль «На купалье». Данная постановка представляла собой художественно четкое произведение, проникнутое единым замыслом. Режиссёр Е. Минович и художник Е. Елисеев тонко почувствовали заложенные в пьесе народные основы и создали спектакль, который на протяжении многих лет пользовался неизменным успехом у зрителей.

Спектакль «Машека» (1923 г.) также был поставлен с применением фольклорных и этнографических элементов. В нём, может быть, впервые на белорусской профессиональной сцене можно отчётливо увидеть стремление постановщика использовать национальный колорит, этнографические детали не просто как предметы быта, а как средство эмоционального воздействия на зрителя.

В стенах этого театра выросло талантливое поколение мастеров национальной сцены: Ольга Галина, Глеб Глебов, Генрих Григонис, Владимир Крылович, Екатерина Миронова, Борис Платонов, Лидия Ржецкая, Владимир Владомирский (Малейко) и др.

В августе 1923 г. БГТ–1 впервые выехал за пределы БССР – в Москву – для участия в показе достижений театрального искусства республики на Всесоюзной сельскохозяйственной выставке, где выступил перед трудящимися в различных театрах и клубах с 16 концертами и 9 спектаклями. Московская и белорусская печать широко освещали выступления театра. Во всех отзывах говорилось о том, что белорусский театр открыл перед московским зрителем много новых, ярких, неожиданных черт национального искусства, с которым до этого были знакомы не многие. Так, известный критик Х. Херсонский писал в «Известиях», что спектакли и концерты Белорусского театра «пользуются повсюду большим успехом. Часто после спектаклей зрители – крестьяне и рабочие – особенно тепло благодарят артистов-белорусов и передают через них «горячее приветствие белорусским рабочим и крестьянам, создавшим этот театр» [3; с. 90].

В 1923–1925 гг. БГТ–1 закрепляет достигнутые успехи и ещё более приближает своё творчество к интересам зрителя. Театральный репертуар этих лет состоит из пьес, посвящённых национальной истории и фольклору, пьес зарубежных авторов и пьес советских драматургов. Обращение к современной действительности, что являлось новшеством в БГТ–1, положило начало новым творческим замыслам и свершениям.

В ноябре 1923 г. минчане увидели новую постановку БГТ–1 – спектакль «Кастусь Калиновский». Данная постановка пользовалась в последующем особой

популярностью у зрителей. Достаточно сказать, что за 4 года (1923–1927 гг.) эта пьеса ставилась на сцене БГТ–1 55 раз и была лидером по кассовым сборам [5]. Спектакль ставил сам автор Е. Минович. Постановка задумывалась как широкое историческое полотно из жизни народа, поэтому большое внимание постановщик уделил роли народных масс в восстании.

Ещё одним театральным достижением БГТ–1 того периода явилась постановка пьесы Е. Миновича «Коваль-воевода» (1925). Этим спектаклем Е. Минович как бы давал бой всему тому натурализму и тяге к бытовым темам, которые были присущи театру в первые годы своего существования.

1923–1925 гг. – это период первых попыток театра откликнуться на темы современной действительности. Такие пьесы, как «Гимн труду» Андреенко, «Советский черт» Ю. Юрьина, «Поджигатели» А. Луначарского и «Карьера товарища Брызгалина» Е. Миновича прошли не совсем удачно и вызвали серьёзную полемику в театральной среде.

Совсем по-другому была встречена постановка пьесы Е. Миновича «Победа» (1926). Можно сказать, что это было первое произведение белорусской советской драматургии и первая постановка театра из жизни рабочего класса. Данный спектакль вызвал многочисленные отклики в печати, причём, если зрители достаточно положительно оценили появление такого спектакля на белорусской сцене, то критики были неоднозначны. Так, некоторые критики представляли спектакль как агитку, не имеющую ничего общего с искусством.

В 1926 г. театр переименовали в Белорусский первый государственный театр (БГТ–I). В архивных документах сезон 1925/26 гг. отмечен как период серьёзного упадка работы театра в результате неудачного подбора репертуара, что привело к значительному снижению количества его посетителей. Из шести пьес, поставленных в этом сезоне, четыре вовсе были сняты с репертуара. В 1927 г. в репертуаре театра осталось только 5 пьес: «Карьера Брызгалина», «Коваль-воевода», «Панский Гайдук», «Жорж Данден» и «Кастусь Калиновский». По состоянию на 15 марта 1927 года в БГТ–1 работало 158 человек [5]. Весь рабочий состав театра был разделён по цехам по области их деятельности. Художественный персонал театра (98 чел.) составили артисты драмы, хор, балет, оркестр и художественные руководители.

В ноябре 1926 г. БГТ–1 поставил спектакль по пьесе Я. Купалы «Тутэйшыя». Пьеса была написана раньше и рекомендована к постановке художественным советом Главполитпросвещения ещё в феврале 1924 г. Премьера спектакля была приурочена к Академической конференции, проходившей 14–19 ноября 1926 г. в Минске. Однако после первого показа спектакль был запрещен Главлитом «из-за несоответствующего содержания». Нарком просвещения А.И. Балицкий, который считал, что такое решение дискредитирует национально-культурную политику партии, на заседании коллегии Наркомпроса аннулировал данное распоряжение. 19 ноября расширенное заседание коллегии отдела печати рассматривало сценическую судьбу пьесы. Предметом острой дискуссии стала не столько трагикомичная трактовка в пьесе исторических событий 1918 – 1920-х гг. в Беларуси, сколько идейная позиция автора [6; с. 247]. Представители ЦК КП(б)Б М. П. Абрамчук и В.А. Сарбента в своих речах признали пьесу контрреволюционной и потребовали её принудительного снятия. Более мягкую позицию заняли член коллегии отдела печати Р. К. Шукевич-Третьяков, представитель политконтроля ГПУ Михайлов и член художественного совета БГТ–I Матусев. Они предложили после соответствующей авторской правки оставить пьесу в репертуаре [6; с. 247].

Фактически к ним присоединился заведующий отделом печати А. Ф. Адамович, который полагал, что в белорусском театре должны идти белорусские пьесы. Поэтому он считал, что «Тутэйшых» в переработанном виде можно на некоторое

время восстановить. В пользу такого решения Адамович провел параллель с пьесой М. Булгакова «Дни Турбиных», которая в большевистских кругах считалась антисоветской, однако с неизменным успехом шла в ММТ. В ходе дискуссии было принято решение о временном снятии пьесы и только после «радикальной» авторской переработки – восстановлении постановки.

Окончательно судьба купаловской пьесы была определена на бюро ЦК КП(б)Б, которое признало правильным решение Главлита о запрете. На X съезде КП(б)Б первый секретарь ЦК КП(б)Б А. И. Кривицкий охарактеризовал постановку «Тутэйшых» на сцене БДТ–I как проявление белорусского национализма [6; с. 247]. Он отметил, что сама пьеса «содержит в себе враждебные к советской власти и линии партии элементы». В результате пьесу Я. Купалы осудили почти на 60 лет.

Можно сказать, что 1927 г. стал для белорусских в целом и для БГТ–1 в частности годом переоценки ценностей, проверки себя на прочность, осознания своих просчетов и утверждения новых целей.

Серьёзное значение в определении репертуарной линии театров имело обсуждение этого вопроса на Пленуме ЦК КП(б)Б, который проходил в июле 1927 г. Эти же вопросы были рассмотрены на Секретариате ЦК КП(б)Б (август) и на Бюро ЦК КП(б)Б (ноябрь). Так, в постановлении Бюро ЦК КП(б)Б «Об итогах выполнения директив июльского Пленума по вопросу о культурном строительстве в частности говорится о том, что серьёзной помехой в театральной работе является отсутствие художественного репертуара, подходящего к современной эпохе и театральным условиям. По этому поводу Народному комиссариату просвещения было поручено:

- провести работу по материальной заинтересованности авторов в написании новых драматических произведений;
- более широко использовать переводные и советские произведения для постановки в белорусских государственных театрах;
- поручить Белорусскому государственному издательству издать лучшие пьесы из репертуара белорусских государственных театров [3; с. 160].

В репертуаре театра за 1927 г. представлены несколько новых спектаклей. Это такие постановки, как: «Сумрак» В. Шашалевича, «Над Неманом» М. Громьки и «Мятеж» Д. Фурманова и С. Поливанова.

Можно сказать, что пьеса «Над Неманом» в постановке БГТ–1 стала как бы переходным мостиком от традиционно народных тематик, к более современной интерпретации народной жизни белорусов. Критика отмечала достаточно удачное выступление в спектакле актеров В. Крыловича, В. Владомирского, Б. Платонова и ряда других, но в целом театру ещё не удалось преодолеть статичность отдельных сцен пьесы, что снижало успех спектакля у зрителей.

Ещё одним прорывом в преодолении репертуарного голода, связанного с постановкой пьес на актуальные темы современности, явился спектакль «Мятеж». Отличительной чертой данной постановки была героическая приподнятость, предельная драматическая напряженность происходящих событий. Ценность спектакля была и в том, что ему удалось верно передать общий дух и сущность тех революционных событий, которые к тому же были достаточно хорошо известны и памяты зрителю.

Об успехе данной постановки говорят и многочисленные отзывы зрителей, опубликованные в печати того периода. Так, автор одного такого отзыва, опубликованного в газете «Звезда» за 1 декабря 1928 г., говорит: «Когда сидишь в театре и перед тобой проносятся эти героические эпизоды революции..., то весь проникаешься настроением борьбы за лучшее будущее, закаляешься на новую борьбу за социалистическое строительство» [3; с. 166].

В 1928 г. во время длительных гастролей по республике коллектив театра подготовил два новых спектакля – «Запоют веретена» Е. Мировича и «Бронепоезд

14–69» В. Иванова. В предыдущем разделе мы уже говорили о театральной дискуссии, проходившей в эти годы и о той серьёзной проблеме, которая стояла перед репертуарной политикой.

Наиболее значительные постановки театра в 1929 г. – «Мост» Е. Романовича и «Междубурье» Д. Курдина говорят о том, что театр, взяв курс на современную актуальную пьесу, тем не менее остается верен себе. Так, успех спектакля «Мост» связан, прежде всего, с тем, что в нем ярко, как никогда до тех пор, был показан рабочий коллектив. Вот, что по этому поводу писала газета «Рабочий» в апреле 1929 г.: «театр показал, что он может ставить пьесы, созвучные эпохе социалистического строительства, что его актеры умеют показать живую, волнующую массу рабочих – строителей новой жизни» [3; с. 191].

Постановка «Междубурье» вызвала также огромное количество положительных отзывов и у зрителей, и у критики. Данная пьеса после БГТ–1 шла на сцене Центрального театра Красной Армии в Москве, где также была встречена с успехом. А ещё через полгода коллектив театра порадовал своих зрителей новой премьерой – постановкой пьесы белорусского драматурга Г. Кобеца «Гута». В пьесе поднимались острые для того времени проблемы индустриализации страны. Режиссёру Е. Мировичу удалось создать в спектакле много ярких образов строителей молодой Советской республики. Печать единодушно дала очень высокую оценку новой работе театра и в последующем пьеса «Гута» имела большой успех в театральных постановках не только союзных республик, но и за рубежом – в Польше и Чехословакии.

Со спектаклями «Междубурье» и «Гута» в 1930 г. БГТ–1 выезжал в Москву для участия во Всесоюзной театральной олимпиаде. Спектакли ставились на сцене МХТ–II. Московская критика очень высоко оценила спектакли белорусского коллектива и особенно работу В. Крыловича за исполнение роли Мороза. Жюри олимпиады дало следующий отзыв о работе БГТ–1: «Жюри с удовлетворением констатирует, что театр провел успешную борьбу по преодолению национально-демократической тенденции. Он подошёл к проблеме национального искусства не путём подчеркивания экзотических деталей старины, а путём изучения рабочего класса Белоруссии сегодняшнего дня. Это, а также острая актуальная тематика..., разрешенная согласно национальным условиям, роднит театр со всем рабочим классом» [3; с. 200].

В 1931 г. БГТ–1 в третий раз едет в Москву – на «Неделю белорусской культуры» – и снова спектакли коллектива пользуются большим успехом.

В последующие годы театр становится ареной острой идейно-художественной борьбы, которая началась с того, что некоторые работники театрального искусства БССР обвинили руководство театра в «скатывании к бытовизму» и натурализму, а также требовали решительного пересмотра творческих позиций коллектива. В силу сложившихся обстоятельств Е. Мирович покинул стены театра и в 1932 г. его художественным руководителем стал Л. Литвинов. Последний снял с репертуара ряд спектаклей, поставленных Е. Мировичем, и провозгласил создание театра «героико-романтического плана», заявив, что до сего времени БГТ–1 был «провинциальным, бытовым... Театр не имел своего оригинального лица. Он был похож на сотни провинциальных театров, и такие спектакли, как «Гута», выросли стихийно, а не благодаря наличию методологии» [3; с. 202].

Первым спектаклем, поставленным Л. Литвиновым на сцене БГТ–1, был «Плацдарм» М. Ирчана. Он не принес успеха ни театру, ни режиссёру и почти незамеченный зрителем сошел со сцены. Но уже следующая работа – постановка К. Чёрного «Отечество» – стала заметным явлением в жизни БГТ–1 особенно благодаря отдельным актерским открытиям. Справедливости ради нужно сказать, что спектакль «Отечество» родился в обстановке затяжных споров и поисков и только спустя два года принял свой окончательно оформленный вид.

В 1933 г. театр четвёртый раз побывал на гастролях в Москве и в том числе привёз спектакли «Плацдарм» и «Отечество». В этот раз спектакли вызвали острую полемику критиков о путях развития тетара. В одной из критических заметок, опубликованной в газете «Вечерняя Москва» (от 21.07.1933) в частности говорится, что в спектаклях «Плацдарм» и «Отечество», «характеризующих период творческой перестройки... мы ещё наблюдаем отсутствие чёткого подхода к проблеме национальной формы, часто подменяющейся эклектическим сочетанием разнородных театральных систем и внешним стилизаторством» [3; с. 207]. Таких упреков театр не слышал в свои предыдущие приезды в столицу, наоборот тогда писали о подлинно национальном духе спектаклей и об их художественной цельности и стилевом единстве [3; с. 207]. Можно сказать, что потеря театром своего художественного руководителя Е. Мировича и не всегда оправданные «новаторские» эксперименты отдельных режиссёров (пьеса «Дело чести» поставленная режиссёром Крепуско) затормозили окончательное оформление творческого лица театра.

Вторую половину 30-х гг. в театральной жизни БССР можно охарактеризовать, как утверждение метода социалистического реализма и расцвет национального сценического искусства. Однако именно в этот период белорусской культуре был нанесён серьёзный ущерб в результате распространения культа личности И. Сталина.

В свою очередь репертуарный багаж БГТ–1 в этот период пополнился такими спектаклями, как «Конец дружбы» К. Крапивы, «Жизнь зовет» В. Билль-Белоцерковского и «Платон Кречет» А. Корнейчука. Так, в частности критика справедливо отмечала, что большим завоеванием театра в спектаклях «Жизнь зовет» и «Платон Кречет» был крепкий актёрский ансамбль, ставший возможным в результате правильного метода работы режиссёра М. Зорева и полного взаимопонимания между режиссёром и актёрами.

Вторая половина 30-х гг. для БГТ–1 ознаменовалась серьёзным пополнением актерского состава. Именно в этот период в коллектив театра влилась большая группа опытных актёров и молодёжи, пришедших из других театров, а также театральных учебных заведений. Также именно в этот период для работы в театре был приглашён в качестве консультанта режиссёр МХТ И. Раевский, который работая над спектаклями «Последние» М. Горького и «Кто смеется последним» К. Крапивы, а также, участвуя в обсуждении других постановок, передавал коллективу театра традиции Станиславского. В этот период коллектив театра очень тесно сотрудничал с такими белорусскими драматургами, как: З. Бядуля, М. Климкович, Э. Самуйленок, К. Черный и особенно К. Крапива. Исключительно важное значение для творческой деятельности театра имело обращение к творчеству таких великих русских драматургов, как А. Островский и М. Горький. Постановки их пьес способствовали возрастанию художественного уровня театра.

Состоявшаяся в 1940 г. в Москве декада белорусского искусства как бы подвела итоги развития театральной культуры БССР в этот период. На декаде БГТ–1 представил пьесы «Последние» М. Горького, «Партизаны», «Кто смеется последним» К. Крапивы и «Гибель волка» Э. Самуйленка. Зрители и критика в один голос высоко оценили достижения белорусского театрального искусства. Так, газета «Правда» от 18 июня 1940 г. писала об их триумфе так: «Первый Белорусский государственный драматический театр, участвовавший в декаде, за короткое время завоевал горячие симпатии московской артистической общественности и зрителя. Его спектакли прошли с исключительным успехом. Коллектив театра – это в полной мере сложившийся организм, который имеет 20-летнюю историю и располагает крупнейшими мастерами театрального искусства. В спектаклях театра радует прежде всего ансамбль, крепкая сыгранность и взаимопонимание актёров. Единый стиль исполнения, высокий уровень театральной и актерской культуры, убедитель-

ность и психологическая глубина в разработке образов, правдивость и искренность актерского исполнения – вот основные качества этого театра» [3; с. 341].

На основании всего вышеизложенного можно сделать следующие выводы:

– политика белорусизации 20-х гг., проходившая в три основных этапа: 1921 – 1923; 1924 – 1929; 1929 – начало 1930-х гг., явилась одним из ключевых факторов, способствовавших возникновению и развитию белорусского национального искусства;

– именно в этот период исполнилась заветная мечта многих известных деятелей белорусской культуры – народ получил свой театр, который с 1920-х гг. носит статус государственного учреждения культуры;

– становление советского театра, особенно с конца 1920-х гг., происходит в обстановке острой идеологической борьбы, которая приводит к отказу от политики белорусизации;

– в начале 1930-х гг. в искусстве начинает развиваться соцреализм, который постепенно вытесняет свободное творческое начало в культуре.

1. Коммунистическая партия Белоруссии в резолюциях и пленумах ЦК. – Минск : Наука, 1984. – Т. 2. – 534 с.

2. Лыч, Л. Навіцкі, У. Гісторыя культуры Беларусі / Л. Лыч, У. Навіцкі. – Мінск : Экаперспектыва, 1996. – 453 с.

3. Няфёд, У. Т. Гісторыя беларускага тэатра / У. Т. Няфёд. – Мінск : Вышэйшая школа, 1982. – 543 с.

4. Парашкоў, С. А. Гісторыя культуры Беларусі / С. А. Парашкоў. – Мінск : Бел. навука, 2003. – 444 с.

5. Первое десятилетие национального академического театра им. Я. Купалы (БДТ–1) в документах государственного архива минской области. [Электронный ресурс]. – 2010. – Режим доступа : <http://www.gamn.by/publikatsii/item/pervoe-desyatiletie-nacionalnogo-akademicheskogo-teatra-im-yanki-kupaly-bdt-1-v-dokumentah-gosudarstvennogo-arhiva-minskoj-oblasti> – Дата доступа : 12.10.19

6. Пурышава, Н. Страсці за кулісамі. Тэатральная палітыка ў БССР у 20-я гг. / Н. Пурышава // Маладосць. – 2001. – № 11. – С. 241–255.

Naumova V. I. Timeline of achievement. Mark the centenary of the foundation of the BST-1

The article reflects the main stages of the formation and development of BGT-1 (today it is the Y. Kupala National Academic Theater) from its inception until the end of the thirties of the twentieth century, the repertoire policy of the theater, its main theatrical productions, as well as the participation of the theater are described in the popularization of Belarusian Soviet theater art.

УДК 94(47)+006.91“17/18”

Синчук И. И.

ДЮЙМ, ЛИНИЯ И ТОЧКА В РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ XVIII–XIX вв.

Статья посвящена истории российской метрологии XVIII–XIX вв. В Российской империи были узаконены две системы единиц длины. В Российской империи дюйм и его дольные единицы представляют группу единиц измерений длины специализированного применения. В российскую метрологическую практику вошел артиллерийский английский дюйм с «децимальными» значениями дюйма в качестве фракций с точностью до трех знаков после запятой. Преимущества децимальной системы реализовывались при сложных вычислениях. Однако фракции дюйма линия могла принимать значения не только в 1/10, но и в 1/8 и 1/12 дюйма, что требует внимания при работе с источниками, в которых используются фракции дюйма.

Линия

В Российской империи с начала XVIII в. употреблялся английский дюйм, царский указ 1835 г. сделал его официальной российской линейной мерой [1, с. 1010–1011]. История русского дюйма началась с эталонного двухдюймового/фунтового ядра и «фунтовой» унификации калибров артиллерии Я. В. Брюса в начале царствования Петра I. Линия – фракция дюйма. В Московском царстве деление дюйма в отличие от континентальной Европы изначально десятичное, что заставляет задуматься о его происхождении.

Известный российский метролог О. Д. Хвольсон в 1884 г. писал: «Прежде всего можно указать на то, что даже *по закону мы имеем две системы единиц длины*: сажень, аршин, вершок и сажень, фут, дюйм, линия. В одном промысле предпочитают употребление дюймов, в другом вершков, и притом различно в разных местностях России; так, например, оказывается, что в Москве считают большею частью вершками, в Петербурге же – дюймами» [2, с. 21]. Т. е. он отметил параллельное существование разных систем, а также разницу в сфере их употребления и их географическом распространении.

Официальных сведений о системе деления дюйма на фракции в Российской империи и о сферах применения относительно сфер деятельности не имеется до принятия в 1899 г. «Положения о мерах и весах» [3, с. 622]. С этой поры русский дюйм официально делится на 10 линий, линия на 10 точек.

Если фут в Российской империи и английский фут изначально не отличались, а с 1835 г. отличались незначительно, то линия могла отличаться существенно: она могла принимать значения $\frac{1}{8}$, $\frac{1}{10}$ и $\frac{1}{12}$ дюйма.

Одна десятая

Из руководства по механике 1748 г. и руководства к теоретической геометрии 1762 г. академика Императорской академии наук и художеств в Санкт-Петербурге Г. В. Крафта следует, что английский дюйм разделяется в Российской империи на 10 линий [4, с. 29, 94; 5, с. 27–28].

Во втором московском и явно адаптированном издании переводного «Курса математики» члена Парижской академии наук Э. Безу 1806 г. говорится, что употребляемый в России дюйм состоит из 10 линий, но повсеместно употребляемый в фортификации французский дюйм – из 12 [6, с. 190; 7, с. 80–82, 134]. В 1809 г. в реферативной статье в «Артиллерийском журнале» прямо отмечается: «Фунт английский разделяется на 12 дюймов, а дюйм на 10 линий» [8, с. 38]. Российские артиллеристы в 1816 г. называют дюйм английским (русский и английский дюймы еще имеют общий эталон) и делят его на 1000 частей представляя числовые значения в виде ...d1d0, d-1d-2d-3, причём целые считаются дюймами, десятые – линиями и оперируют значениями с тысячными, относя их к разряду линий и иногда выражая линии с дробными числами кратными $\frac{1}{4}$ обыкновенными дробями вида $\frac{m}{n}$ [9, с. 121]. По российскому учебнику арифметики 1846 г. русский дюйм разделяется на 10 линий, и линия на 10 скрупулов, причём дюйм называется словесно и совершенно верно определяется уже как русский [10, с. 138].

В переводной 1830 г. работе английского генерал-майора Г. Дугласа имеется «Таблица показывающая пушечные и карронадные зазоры во десятичных дробях дюйма», она же присутствует и в оригинальном английском издании прямо указывая на принцип деления дюйма на фракции: «indecimals of an inch» [11, с. 72; 12, р. 69]. В расширенном пятом издании автор и доли футов передает десятичными дробями [12, с. 40, 68, 569], также употребляет выражение «с семью знаками после запятой» в форме «with seven places of decimals» [13, р. 441] и говорит о фунтах и их частях в десятичном выражении наряду с унциями [13, р. 389]. Сама фраза подсказывает, что это не обязательно десятые дюйма, но любые дробные десятичные, стоящие после запятой. По сути, речь идет о вынужденном «раз-

дроблении больших сложных именованных чисел» (в терминологии первой половины XIX в.) для удобства вычислительных операций и быстрого практического применения полученных результатов. Дюйм и его части в таком случае можно воспринимать как частный вид простой дроби с постоянно кратным 10 знаменателем; в этом случае дольные единицы отличаются от базовой в определённое целое, являющееся степенью числа 10, число раз.

Очевидно, что линия (десятая) и точка (то ли сотая, то ли тысячная) при таком подходе становятся лишними. Это подтверждает российское артиллерийское руководство М. Данилова 1762 г., с первого абзаца декларируя заимствованную технологию изначального «раздробления» дюйма до тысячных для ускорения вычислений: «Объявленное фунтовое ядро, или диаметр сферы, надлежит разделить на 1000 частей», характерно, что автор так же оперирует лотами, квентинами и скрупулами – явно нерусскими единицами веса [14, с. 1–7].

Российский дюйм делился на 10 линий в последней четверти XIX в. в нумизматических изданиях [15].

«Проект монетного устава» и «Правила о монетной системе» 1885 г. [16, с. 34, 41, 54], «Руководство к арифметике» 1898 г. [17, с. 83, 86] и российский учебник геометрии для высших начальных училищ 1916 г. [18, с. 21] однозначно говорят о делении дюйма на 10 линий. Русская повторительная трёхлинейная (7,62 мм по полям ствола) винтовка образца 1891 г. с ручным перезаряданием и трёхдюймовые (76,2 мм) полевые скорострельные пушки образца 1900 г. и 1902 г. свидетельствуют о десятичном делении дюйма на линии в промышленности Российской империи. Трёхлинейной была и германская магазинная винтовка образца 1898 г. Mauser 98 – (7,92 мм по нарезам ствола, а по полям ствола – 7,62 мм).

Современные российские исследователи говорят о делении применяемого в Российской империи дюйма на 10 линий и на 1000 точек [19, с. 178].

Судя по отдельным фактам, английский дюйм в Великобритании во второй половине XIX в. в некоторых невоенных сферах также делился на 10 линий [20, р. 261].

В переведённой Л. Эйлером на немецкий и изданной в Берлине в 1745 г. книге «Новые основания артиллерии» (1742 г.) английского математика Б. Робинса явно используется деление на $\frac{1}{10}$ дюйма в представлении простых дробей [21].

Выборочная проверка по первым номерам «Артиллерийского журнала» за 1807–1811, 1839–1856, 1871 гг. и «Журнала Мануфактур и торговли» за 1825–1864 гг. показала, что в Российской империи в сфере производства и применения артиллерийских систем и стрелкового оружия используются десятичные линии и точки для определения зазора ствола.

Дюйм имеет ограниченную область применения прежде всего в сфере промышленности и существует параллельно с общей официальной системой старорусских линейных мер.

Одна двенадцатая

Артиллерии капитан Я. Козельский в своей работе 1764 г. «Арифметические предложения» и вовсе говорит о «народном» делении дюйма в Российской империи на 12 линий и о международной «геометрической» «десятичной линейной мере» с делением дюйма на 10 частей, совершенно запутывая дело: «Всякий народ в измерении пространств имеет особливую свою меру как, например, наши Россияне имеют сажень, которая разделяется на семь фут, фут на двенадцать дюймов или долей, дюйм на двенадцать линей или граней, линей на двенадцать скрупелей. Немцы употребляют руту, которая разделяется на двенадцать фут, фут на двенадцать дюймов, и так далее. Французы имеют тоаз, который разделяется на шесть фут, фут на двенадцать дюймов, и так далее. А геометры напротив того для способности в выкладке каждой своей земли меру разделяют на десять частей, то есть сажень или руту, либо тоаз на десять фут, фут на десять дюймов, и

так далее и потому называют такую меру геометрической или десятичной мерой; либо десятичными долями» [23, с. 226–227, 234–239].

«Собранная из разных авторов» 1764 г. московская «Арифметика» магистра Д. С. Аничкова сообщает, что «Дюйм [Аглинский] – 12 линей» [24, с. 69]. В своём «Числовнике» 1791 г. Н. Г. Курганов также пишет об английском дюйме в 12 линий [25, с. 72], эту традицию продолжает академик Императорской академии наук Н. И. Фусс в «Начальных основаниях геометрии» 1823 г. [26, с. 116, 221].

В вышедших впервые в Санкт-Петербурге в 1768 г. на французском языке «Письмах к немецкой принцессе о разных физических и философских материях» швейцарского, немецкого и русского математика академика Л. Эйлера указано: «On divise un pouce en 12 parties qu'on nomme lignes [27, р. 241], что без изменений осталось в переводных лондонском 1795 г. и нью-йоркском изданиях 1833 г. и в русском переводе 1774 г.: «Theinchisdividedintotwelvепarts, calledlines [28, р. 373; 29, р. 305], «Дюйм делят на 12 равных частей, называемых линиями» [30, с. 451]. Из контекста ситуации понятно, что в работе говорится не о российском дюйме.

Совершенно неожиданно «Словарь Академии Российской» в 1792 г. сообщает, что линия – это «Мера, составляющая двенадцатую часть дюйма. Сей круг имеет пять дюймов и восемь линей в поперечнике» [31, с. 1216]. «Толковый словарь живого великорусского языка», «Энциклопедия военных и морских наук» и Словарь «Гранат» исправляют положение, сообщая, что дюйм делится на 10 линий [32, с. 527; 33, с. 116; 34, с. 1623].

Об использовании в Австро-Венгрии деления дюйма на фракции в $\frac{1}{12}$ свидетельствует мерный шаблон для монет из каталога Й. Ноймана 1858 г. [35].

В какой-то момент традиционное деление дюйма на 12 частей в Англии (Великобритании?) дало сбой, и появились линии в $\frac{1}{8}$ дюйма и 0,1 дюйма.

Одна восьмая

В случае $\frac{1}{8}$ наблюдается изначальное бинарное деление на две части: $\frac{1}{2}$, $\frac{1}{4}$, $\frac{1}{8}$ и т. д. Оно применялось в ряде исторически известных мер длины.

Об употреблении в индустрии Великобритании в середине XIX в. деления дюйма на фракции в $\frac{1}{8}$ свидетельствуют доклад Д. Витворта 1841 г. о единой системе винтовой резьбы и его предложение о переходе на измерительный стандарт в тысячных долях дюйма 1857 г. [36; 37].

Современная «Энциклопедия исторической метрологии, весов, и мер» информирует, что в Англии дюйм до 1826 г. делился на 3 (barleycorn), 8 (part) и 10 (line) частей [38, р. 2352].

Л. Эйлер в «Исследования по баллистике» явно использует деление на $\frac{1}{8}$ дюйма [21, с. 54, 62, 69, 78–80, 105–106 и далее] наряду с $\frac{1}{10}$.

Прайс-лист на изготовление медалей в каталоге медалей В. П. Смирнова в начале XX в. оперирует дробными частями дюйма в $\frac{1}{8}$ во всем диапазоне типоразмеров – от 1 дюйма до $3\frac{3}{4}$ с шагом в $\frac{1}{8}$ дюйма [39, с. 713]. Трубная резьба в технике до сегодняшнего дня имеет не десятичное деление на линии, а на части дюйма начиная с $\frac{1}{16}$; современные футовые рулетки также размечены с точностью до $\frac{1}{32}$ дюйма.

Разное

Для полноты картины следует упомянуть, что в европейской технике в материаловедении в начале XIX в. употреблялось ещё и деление дюйма на 40 частей для измерения твердости металла по отпечатку алмазной отрезной четырёхгранной двух-линейной пирамидки: «углубления сии означены в сороковых частях дюйма» [40, с. 21, 33]. Однако к метрологии такое деление отношения не имеет – это лишь приборная градуировка.

Система дюйма: Заключение

Можно сделать вывод, что волею судеб в российскую метрологическую практику вошёл не просто английский дюйм, но артиллерийский английский дюйм с

«децимальными» значениями дюйма в качестве фракций с точностью до трёх знаков после запятой. Иногда десятичные назывались линиями, а сотые точками, иногда использовались просто значения в сотых. Счёт на футы, дюймы и точки был альтернативным традиционному счёту на сажени, аршины, пяди, вершки и сотки – они использовались в разных сферах.

Национальный Конвент Французской республики в 1795 г. принял закон о введении десятичной метрической системы на базе предварительного метра, в 1799 г. была утверждена окончательная длина метра, а в 1875 г. была подписана международная «Метрическая конвенция». Однако преимуществами десятичной системы на базе дюйма к тому времени уже почти два столетия пользовались Великобритания, США и Российская империя.

В Российской империи дюйм и дольные единицы последнего представляют группу единиц измерений длины специализированного применения, аналогичную по своему месту аптекарскому весу в системе мер веса.

Точное машиностроение, приборостроение, оружейная промышленность, естественные науки, механика, ювелирное дело, медальное и монетное производство – это сферы применения десятично организованного дюйма.

1. Полное собрание законов Российской Империи. Собр. 2. Т. X. Отд. 2. 1836. № 8459.
2. *Хвольсон, О. Д.* О метрической системе мер и весов и о её введении в России / *О. Д. Хвольсон.* – СПб., 1884.
3. Полное собрание законов Российской Империи. Собр. 3. Т. XIX. Отд. 1. 1902. №17056.
4. *Крафт, Г. В.* Краткое руководство к познанию простых и сложных машин, сочиненное для употребления российского юношества / *Г. В. Крафт.* – СПб., 1738.
5. *Крафт, Г. В.* Краткое руководство к теоретической геометрии / *Г. В. Крафт.* – СПб., 1762.
6. *Безу, Э.* Курс математики. Арифметика / *Э. Безу* / пер. В. Загорского. – М., 1806.
7. *Безу, Э.* Курс математики. Геометрия / *Э. Безу* / пер. В. Загорского. – М., 1806.
8. *Гогель.* Опыты деланные Карлом Гуттоном для исследования силы воспаленного пороха и начальной скорости полетов ядер / *Гогель* // Артиллерийский журнал. – 1809. – № 5. – С. 1–44.
9. *Гогель* / Фицгум, Гебгард 1. Основания артиллерийской и понтонной науки. – Ч. 1. [О порохе и артиллерийских орудиях, с их принадлежностью и снарядами]. – [СПб.], 1816.
10. *Аглоблин, В.* Арифметика / *В. Аглоблин.* – М., 1846.
11. *Дуглас, Г.* Теория и практика морской артиллерии / *Г. Дуглас.* – СПб., 1830.
12. *Douglas, H.* A Treatise on Naval Gunnery / *H. Douglas* / 2nd ed. – London, 1829.
13. *Douglas, H.* A Treatise on Naval Gunnery / *H. Douglas* / 5th ed. – London, 1860.
14. *Данилов М.,* Начальное знание теории и практики в артиллерии : С приобретением гидростатических правил с задачами / *М. Данилов.* – [М.], 1762.
15. Например, *Иверсен, Ю. Б.* Медали в честь русских государственных деятелей и частных лиц / *Ю. Б. Иверсен.* – Т. 1–3. – СПб., 1880, 1883, 1896.
16. *Вел. Кн. Георгий Михайлович.* Русские монеты 1881–1890. – СПб., 1891.
17. *Бугаев, Н. В.* Руководство к арифметике. Арифметика целых чисел / *Н. В. Бугаев.* – М., 1898.
18. *Микельсар, Ф. Г.* Учебник геометрии. Для высших начальных училищ / *Ф. Г. Микельсар.* Ч. 1. – Петроград, 1916.
19. *Шевцов, В. В.* Историческая метрология России : Учебное пособие / *В. В. Шевцов.* – Томск, 2007.
20. Например, *Lane Poole S.* Catalogue of Oriental Coins in the British Museum. Vol.1. – London, 1875.
21. *Эйлер, Л.* Исследования по баллистике / *Л. Эйлер.* – М., 1961.
22. *Robins, B.* New Principles of Gunnery / *B. Robins.* – 1742. – London, 1805.
23. *Козельский, Я.* Арифметические предложения / *Я. Козельский.* – СПб., 1764.

24. *Аничков, Д. С.* Теоретическая и практическая арифметика в пользу и употребление юношества собранная из разных авторов / *Д.С. Аничков.* – М., 1764.
25. *Курганов, Н.Г.* Арифметика или числовик / *Н.Г. Курганов.* – Ч. 1. – СПб., 1791.
26. *Фусс, Н.И.* Начальные основания чистой математики Ч. II. Начальные основания геометрии / *Н. И. Фусс.* – СПб., 1823.
27. *Euler, L.* Lettres à une princesse d'Allemagne sur divers sujets de physique & de philosophie / *L. Euler.* – V.3. – Saint Petersburg, 1768.
28. *Euler, L.* Letters of Euler to a German princess, on different subjects in physics and philosophy. Translated from the French by Henry Hunter with original notes, and a glossary of foreign and scientific terms. V. II. – London, 1795.
29. *Euler, L.* Letters of Euler on different subjects in natural philosophy addressed to a German princess. V.II. – New York, 1833.
30. *Эйлер, Л.* Письма к немецкой принцессе о разных физических и философских материях / *Л. Эйлер.* – СПб., 2002. (Серия «Классики науки»).
31. *Словарь Академии Российской.* – Ч. III. 3-М. – СПб., 1792.
32. *Даль, В.* Толковый словарь живого великорусского языка. – Т. 1. А-З. – СПб. – М., 1880.
33. *Энциклопедия военных и морских наук.* – Т. III. – СПб., 1888.
34. *Настольный энциклопедический словарь.* – Т. III. Грация–Кальдерон. – М., 1895.
35. *Neumann, J.* Beschreibung der bekanntesten Kupfermünzen / *J. Neumann.* – V.1. – Prag, 1858.
36. *Whitworth J.* A Paper on an Uniform System of Screw Threads. 1841 // https://en.wikisource.org/wiki/Miscellaneous_Papers_on_Mechanical_Subjects/A_Paper_on_an_Uniform_System_of_Screw_Threads
37. *Whitworth, J.* Standard decimal measures of length / *J. Whitworth.* – Manchester, 1857. – https://en.wikisource.org/wiki/Miscellaneous_Papers_on_Mechanical_Subjects/A_Paper_on_Standard_Decimal_Measures_of_Length
38. *Gyllenbok, J.* Encyclopaedia of Historical Metrology, Weights, and Measures / *J. Gyllenbok.* – V. 3. – Cham : Birkhäuser, [2018].
39. *Смирнов, В. П.* Описание русских медалей / *В. П. Смирнов.* – СПб., 1908.
40. *Гогель.* О артиллерийском металле / *Гогель* // Артиллерийский журнал. – 1811. – № 3.

Sintchouk I. I. Inch, Line and Point in the Russian Empire XVIII – XIX centuries

The article is devoted to the history of Russian metrology in the 18th – 19th centuries. In the Russian Empire, two systems of length units were legalized. In the Russian Empire, the inch and its sub-multiples represent a group of specialized use length units. The Russian metrological practice has included the English artillery inch with "decimal" values of the inch as fractions with an accuracy of three decimal places. The advantages of the decimal system were realized in complex calculations. However, the fraction of an inch line could take values not only in 1/10, but also in 1/8 and 1/12 of an inch, which requires attention when working with sources that use fractions of an inch.

УДК 930.2:572

Сурта Е. Н.

КОНЦЕПТ СОЦИАЛЬНО-ИСТОРИЧЕСКОЙ АНТРОПОЛОГИИ КАК МЕТОД ИСТОРИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ В МЕДИЕВИСТИКЕ

В статье рассматриваются различные аспекты социально-исторической антропологии как одного из активно развивающихся в медиэвистике трансдисциплинарных направлений исторического исследования, а также основные актуальные подходы и проблемные области, тематизирующие и реконструирующие Средневековье как «антропологическую модель».

Ключевые слова: *социально-историческая антропология, медиэвистика, методы исторического исследования, «conditio humana».*

Парадигма исторического исследования на современном этапе характеризуется многообразием подходов и методов, используемых для изучения, понимания и анализа исторического процесса. В рамках этой парадигмы социально-историческая антропология является одним из активно развивающихся в последние десятилетия трансдисциплинарных направлений исторического исследования, фокусирующим своё внимание на базовых феноменах человеческого существования в их исторической изменчивости и использующем в своём научном инструментарии социологические и культурологические элементы, а также тематические области и методологические принципы истории повседневности, микроистории, этнологии, фольклористики, исторической генеалогии, религио- и литературоведения, гендерных исследований и др.

Социально-историческая антропология, ориентируясь на то, что представляет собой человек по своей сути, в своей жизни, в своих социальных связях, трактует историю как историческую практику, в центре которой находится многообразие и изменчивость эмпирического контекста и образа жизни людей определённой эпохи, как повседневную реальность, сформированную, реализуемую, изменяемую и разрушаемую соответствующими субъектами исторического процесса.

В контексте дискурса о том, представляет ли социально-историческая антропология системную самостоятельную область исторической науки наряду с политической и социальной историей, историей экономики и культуры, она скорее понимается как новый подход, новый взгляд на исторический процесс, чем новая предметная область [1]. Занимаясь реконструкцией социальных реалий прошлого, исходя в том числе и из реликтов, исследуемых археологическими и естественнонаучными средствами, историческая антропология пытается понять исторические формы жизни в их соответствующей окружающей среде, в их экологических, экономических и социальных условиях, она изучает формы поведения, мышления и социальной практики, пересекаясь с историей повседневности, менталитета и социальной истории. Характерным является то, что историческая антропология не только обращается к элементарным антропологическим диспозициям социальной экзистенции, таким, например, как рождение, детство, старость, смерть, тело, сексуальность, родство, семья и т. д., но и рассматривает их в их исторической изменчивости, которая может и не совпадать с макроэкономическими процессам и изменениям, в частности институционального характера [2, с. 31].

В рамках такого концепта не только взаимоотношения полов или история религии, но и политические, социальные, экономические или культурные феномены рассматриваются с точки зрения историко-антропологической перспективы. При этом в отличие от традиционной политической и социальной истории социально-историческая антропология ориентируется не на реконструкцию событий, процессов или структур, а на формы и условия, при которых политические, социальные и экономические процессы состоялись. В центре научного интереса преимущественно находятся как отдельные личности, так и базовые элементы общества, такие, как семья, сельская или городская община, корпорация и т. д., а также формы их коммуникации и взаимодействия. Это позволяет сделать предметом исторического рассмотрения, например, такие темы, как религиозность и мировоззрение, страдание и болезнь, брак и семья, дружба и соседство, насилие и смерть и др., которые долгое время, считаясь антропологическими константами, оставались за рамками классических исторических исследований, однако в действительности также были подвержены изменениям, как и политические конструкции или социальный порядок. Ориентация на анализ мелких, частных взаимосвязей реальной действительности сделала приоритетным изучение индивидуального опыта, а не глобальных структур, что позволило соединить индивидуальную историческую повседневность и общую историческую хронологию, структуру и действие, общество и индивидуум.

В методическом плане на социально-историческую антропологию, с одной стороны, повлияла история культуры, занимающаяся моделями интерпретации и восприятия и придающая самостоятельное значение текстологическому и семиотическому толкованию исторического предания [1]. С другой стороны, она оказалась под воздействием методов этнологии и социальной антропологии, к исследовательскому фокусу которой с 20-х гг. XX в. относилась реконструкция микрокосма, микромира, что позволяло изучить индивидуальный эмпирический опыт [1].

Исследования, опирающиеся на методы социально-исторической антропологии, ориентированы на освещение социально-культурной эволюции и стремятся к изучению человека во всех его измерениях, к изучению его образа жизни, менталитета, норм поведения. Согласно принципу культурно-антропологического подхода, к числу исторически значимых факторов относятся не только «события» из сферы политической и экономической жизни, но и явления и процессы социально-психологического, культурного и ментального характера, особенности мировосприятия. Важным является то, что историческая антропология осуществляет связь между обычно сепаратно воспринимаемыми феноменами и анализирует взаимосвязь между природно-биологическими, социальными и культурными детерминантами исторического действия.

Интерес к развитию антропологических данностей на протяжении длительных временных периодов, а также к взаимосвязи различных аспектов человеческой экзистенции в социальных группах и коллективах привёл к предпочтению, с одной стороны, структурно-исторических, а с другой – микроисторических типов исследования [2, с. 23]. Объединяя в междисциплинарном дискурсе историографические, культурно-антропологические, этнологические методы и подходы, социально-историческая антропология позволяет поставить в центр своего анализа конкретного человека с его поступками и мыслями, чувствами и страданиями.

При этом парадигма социально-исторической антропологии не сводится к чётко установленному спектру методов, однако тем не менее она является историческим исследованием, для которого более характерны дифференцированная детализация и многообразие подходов, чем аналитическая последовательность феноменов. Это является результатом акцентуации на отдельном человеке как субъекте исторического процесса. На этой основе социально-историческая антропология включила в свою программу также и микроисторию, концентрирующуюся на изучении малых, ограниченных пространств с целью максимально полного и целостного охвата социальных связей, их различий и противоречий, стремясь рассматривать структуры и долгосрочные процессы развития с позиции участников исторического процесса [3]. Микроисторические исследования, проведённые на основе средневекового материала источников и особенно на источниках эпохи раннего нового времени, рассматривали отдельных людей или небольшие социальные коллективы в течение обозримых временных периодов и при этом в зависимости от плотности материала создавали «точечные тотальные истории», у которых фрагментация большого исторического контекста компенсируется большой остротой деталей и аналитической глубиной. Эти исследования следует понимать как реконструкцию форм «прожитой жизни», ускользающей от макроисторического восприятия [2, с. 28]. Социально-антропологические аспекты нацелены на выявление не-очевидного, более или менее устойчивого свода правил и принципов, лежащих в основе исторических феноменов, действий и форм поведения. Они являются относительно постоянными и медленно изменяющимися, «не видимыми предпосылками видимого поведения» в различных сферах человеческой жизни, в социальной практике и ментальных конфигурациях как условиях исторического действия [2, с. 23–24].

Ориентируясь на «*conditiohumana*», то есть на условия человеческого существования, социально-историческая антропология позволяет рассматривать очень

широкий спектр проявлений социальной практики, глубже, что называется изнутри, понять и объективно в «трёх измерениях» оценить исторически отдалённые от современности общества и отдельного формирующего такое общество субъекта исторического процесса.

Поэтому в исследовательской практике историко-антропологический подход и его методологическая парадигма прежде всего применялся и применяется в исследованиях доиндустриального, досовременного общества, т. е. Античности, Средневековья, раннего нового времени, позволив открыть целый ряд новых тематических полей или в результате иной постановки вопросов по-новому подойти к традиционным проблемным областям. В частности, в медиевистике и истории раннего нового времени традиционная история религии и церковных институтов была дополнена историей благочестия и религиозного опыта, а тема магии, ведовства и особенно охоты на ведьм благодаря социально-исторической антропологии приобрела новую акцентуацию исследовательского интереса на пострадавших женщинах [3].

Кроме того, история тела и сексуальности в эпоху Средневековья также являются проблемными областями, активно изучаемыми социально-исторической антропологией. Тема телесного играет центральную роль в вопросах развития и изменения базовых форм поведения в обществе. Тело, как «предмет антропологического рассмотрения», в последние годы всё сильнее выдвигалось в центр внимания и понималось не только как биологическая данность, а как сложный социокультурный символ, находящийся в точке пересечения различных социальных ценностных систем (движение, жестикуляция, одежда, питание, сексуальность, эротика, восприятие и т. д.), во всём многообразии его исторических восприятий [2, с. 64]. И в особенности гендерная проблематика, рассматриваемая как история взаимодействия мужского и женского опыта в социально-экономических, культурно-мировоззренческих и политических процессах конкретного типа общества, в медиевистике позволила с иных позиции оценить имеющиеся исторические источники и обнаружить новые. Эпохальные границы в гендерных исследованиях были поставлены под сомнение, а изучение мужской и женской средневековой эмпирики вскрыло «иллюзию современности» о тотальной несхожести Средневековья (FeliceLifshitz) [4].

Согласно принципу, заложенному ещё французской «школой Анналов», в частности для британской медиевистики второй половины XX в. также характерен переход от «истории государства», то есть политической истории, к «истории общества» («culturalhistory») (MatthewInnes) [4]. Для Италии в настоящее время характерны исследования культуры, языка источников, а также истории городов в период Высокого средневековья, в рамках которых обращается особое внимание на полезность социально-исторической антропологии в контексте сравнения между современным образом человека и средневековым «homochristianus» на фоне «дегуманизирующих форм современности» (MassimoOldoni).

Социально-антропологический инструментарий, исходящий не из аффирмативного, а комментирующего подхода, позволяет также проводить сравнительно-исторические исследования в области средневековых ценностных представлений в Европе, ориентируясь на концепт универсальной истории как параллельного существования многих историй (MichaelBorgolte) [4]. В результате исследований средневековых рукописей (начиная ещё с XIX в.) с 60-х гг. XX в. всё больше внимания уделялось социально-историческим вопросам развития интеллектуальных центров в Европе, которые с XIII в. генерировали новые формы письменной культуры, языка и символизма (MarcoMostert) [4], а также смешанной «бесписьменно-письменной» культуры, первичной и вторичной устности, взаимодействия между акустическим и визуальным восприятием мирян и клириков, особенно в монастырской среде (DennisH. Green) [4].

Исследование особенностей коммуникации в Средневековье, в частности на исходе эпохи, в связи с позитивно воспринятым средневековым обществом изобретением книгопечатания, явившегося для того времени «ключевой технологией» «медийной трансформации», сопоставимой по значению с современными информационными носителями (ErnstBremer) [4], позволяет выявить независимые от исторической эпохи модели восприятия, связанные со средствами массовой информации, функциональное предназначение которых в свою очередь является следствием взаимодействия с реципиентами информации. Таким образом, в целом, также в теории коммуникации и истории средств массовой информации культурно-антропологический подход в настоящее время оказался более актуальным, чем технико-исторический.

Для Раннего средневековья в рамках культурно-антропологического дискурса актуальна проблема соотношения в варварско-германском мире названия народов, их самовосприятия и этнокультурного единства (WahlterPohl) [4].

Тема средневековой обрядности и ритуала опирается на междисциплинарный принцип и этнологические подходы и пытается перейти от чистых наблюдений к интерпретации средневековых символических значений. В социально-антропологических исследованиях по данной проблематике, касающихся Раннего и Высокого средневековья, на первый план выходят, в частности, вопросы, связанные с политическими ритуалами, для Позднего средневековья особый интерес представляют также городские и придворные обряды и традиции (FrankRexroth) [4].

Ещё одной сферой историко-антропологического интереса является проблема маргиналов и чужаков, их социального статуса и восприятие средневековым обществом. Несмотря на своё заметное значение, маргиналы редко упоминаются в письменных средневековых источниках, поэтому значительная часть их культуры, например, шпильманов, не поддаётся реконструкции (ErnstSchubert) [4].

Также в рамках изучения истории менталитета предметом рассмотрения медиевистической историографии стали эмоциональные парадигмы (Barbara H. Rosenwein) [4], включающие различные аспекты религиозности. При этом важным является уход от старого концепта восприятия эмоционального мира средневекового человека как иррационально-детского и применение нового подхода, опирающегося на англо-саксонскую историю права и современную историю эмоциональности, и считающего эмоции и чувства неотъемлемой частью рациональных действий. Психологический аспект, которым долгое время в медиевистике пренебрегали, становится важным элементом нового концепта (BarbaraH. Rosenwein) [4].

Даже в такой известной, как считалось, хорошо исследованной и интернационально признанной области как монашество, возникает вопрос о написании его новой истории с учётом нового междисциплинарного подхода на основе разнообразных источников, с выдвиганием на первый план не правил, предписаний и идеалов, а изучение реальной практики и многообразия возможных форм жизни, выходящих за национальные и эпохально-временные границы (Anne-MarieHelvétius) [4].

Таким образом, концепт социально-антропологических исследований, уходящий от «событийной истории», позволяет подойти к изучению средневекового общества на различных уровнях и с различных точек зрения – социальной, психологической, моральной, религиозной, эстетической, политической, экономической и культурной. Однако при этом он не лишён и определённых недостатков. В частности, принцип социально-исторической антропологии, акцентируясь на определённой субъективности в истории, уводя от глобальных теоретических схем, создаёт свои специфические проблемы для исторического исследования, связанного данной парадигмой. В первую очередь это неясность или отсутствие чёткой взаимосвязи исследований на микро- и макроуровне. Существует определённая проблема интеграции результатов исследований исторической антропологии в более общую последовательную картину

эволюции социально-политических и экономических процессов в эпоху Средневековья или раннего нового времени, то есть включение деталей целого в понимание формы целого, иными словами, необходима результативная интеграция микро- и макро-перспектив [3]. Поэтому, концентрируясь на человеке как субъекте исторического процесса, его связях и взаимодействиях, не следует упускать из виду общие глобальные процессы развития и изменения. Ориентируясь на (ограниченный) горизонт восприятия, переживаний и эмпирической практики субъектов исторического процесса, социально-историческая антропология не должна создавать преимущественно статичное и в целом лишённое историчности понимание истории [3]. Кроме того, используемые в рамках микроистории источники, письменные или визуальные предания серийного типа, даже характеризующиеся высокой степенью отражения действительности (например, завещания) или имеющие большое социальное значение (например, мифы), а также иные близкие по характеру к этнографическим источники, не обеспечивают непосредственного доступа к прошлой жизни, мыслям и чувствам людей средневековой эпохи. Также на них нередко лежит отпечаток интерпретаций и заданных смыслов, стереотипов восприятия, понимания и толкования [2, с. 29].

Таким образом, социально-антропологический концепт и его методологические подходы чётко демонстрируют проблемы, стоящие перед медиевистикой, важность междисциплинарного диалога, новых методологических моделей, необходимость применения культурно-антропологического принципа параллельно с традиционным политико-экономическим концептом гуманитарного знания для не только более глубокого, объективного и всестороннего, «трёхмерного», изучения и понимания средневековой эпохи, но и для демонстрации современному обществу важности и актуальности средневековой тематики с целью привлечения и усиления его интереса к медиевистике.

1. Historische Anthropologie. Kulturgeschichte. Womit beschäftigt sich die Historische Anthropologie? [Электронный ресурс] // Historische Anthropologie. Kulturgeschichte. Womit beschäftigt sich die Historische Anthropologie? – Режим доступа : http://www.lwg.uni-hannover.de/wiki/Historische_Anthropologie/Kulturgeschichte. – Дата доступа : 10.09.2019.

2. *Kiening, Ch.* Anthropologische Zugänge zur mittelalterlichen Literatur: Konzepte, Einsätze, Perspektiven [Электронный ресурс] / *Ch. Kiening* // Anthropologische Zugänge zur mittelalterlichen Literatur: Konzepte, Einsätze, Perspektiven. – Режим доступа :

https://www.zora.uzh.ch/id/eprint/92464/1/KIENING_Anthropologische_Zugänge_zur_mittelalterlichen_Literatur_1996_neu.pdf. – Дата доступа : 12.09.2019. 129 S.

3. *Schlögl, R.* Historische Anthropologie. Universität Konstanz [Электронный ресурс] / *R. Schlögl* // Historische Anthropologie. Universität Konstanz. – Режим доступа : http://www.unikonstanz.de/FuF/Philo/Geschichte/Tutorium/Themenkomplexe/Grundlagen/Forschungsrichtungen/Historische_Anthropologie/historische_anthropologie.html. – Дата доступа : 10.09.2019.

4. Stand und Perspektiven der internationalen und interdisziplinären Mittelalterforschung [Электронный ресурс] // Stand und Perspektiven der internationalen und interdisziplinären Mittelalterforschung. – Режим доступа : https://kw.uni-paderborn.de/fileadmin/ieman/Tagungen/2001-08_Bericht.pdf. – Дата доступа : 10.09.2019.

Surta E. N. Concept of socio-historical anthropology as a method of historical research in the medieval studies

The article presents the different aspects of the socio-historical anthropology as one of the transdisciplinary lines of historical research that is actively developing in medieval studies, as well as the main relevant approaches and problem areas that thematize and reconstruct the middle Ages as “an anthropological model”.

Key words: *socio-historical anthropology; medieval studies; historical research methods; «conditio humana».*

РЕЛИГИОЗНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ХРИСТИАН ВЕРЫ ЕВАНГЕЛЬСКОЙ И ЕВАНГЕЛЬСКИХ ХРИСТИАН-БАПТИСТОВ В КОНТЕКСТЕ ВСЕСОЮЗНОГО СОВЕТА ЕВАНГЕЛЬСКИХ ХРИСТИАН-БАПТИСТОВ (НА ПРИМЕРЕ БРЕСТСКОГО РЕГИОНА В ПЕРИОД 1945-1965 гг.)

Статья посвящена рассмотрению причин образования и деятельности Всесоюзного совета евангельских христиан-баптистов (ВСЕХБ), который должен был выполнять консолидирующую функцию позднепротестантских деноминаций на территории СССР – евангельских христиан-баптистов (ЕХБ) и христиан веры евангельской (ХВЕ). Созданный в первую очередь по причине контроля за религиозной деятельностью пятидесятников, ВСЕХБ не выполнял в полной мере своего предназначения, так как различия в вероучениях, культовой практике и мировоззренческих установках не позволяли верующим рассматриваемых церквей существовать в единых религиозных общинах, исключая разобщенность.

Последователи христиан веры евангельской продолжали реализовывать вероучительную практику по своим канонам, даже привлекая на сторону пятидесятнической обрядности верующих баптистов объединенных религиозных групп. Местные властные структуры в свою очередь, получая соответствующие установки уполномоченных по делам религиозных культов СССР и БССР по созданию условий для максимального сокращения, как религиозного влияния, так и в целом деятельности пятидесятников, применяли разнообразные санкции для пресечения деятельности религиозных объединений ХВЕ. Тем не менее, несмотря на обязательное включение в состав ВСЕХБ религиозных общин пятидесятников, верующие продолжали сохранять верность своим религиозным установкам и принципам, реализовывая богослужения как в официально зарегистрированных общинах, так и нелегально действующих группах.

После окончания Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. в жизни религиозных организаций СССР наступает период противостояния с органами государственной власти. Начиная с середины 1940-х гг., позднепротестантские общины возобновляют свою активную деятельность, что вызвало недовольство со стороны комитетов по делам религиозных культов. На местах продолжалась практика по строгому учёту числа общин и количества верующих в них. Таким образом, только на территории Брестской области было зарегистрировано на 01.01.1947 г. 44 группы евангельских христиан-баптистов [1, л. 55].

Важным событием для общин и групп христиан веры евангельской (ХВЕ) и евангельских христиан-баптистов (ЕХБ) стало их объединение во Всесоюзный совет евангельских христиан-баптистов (ВСЕХБ). Однако данная инициатива, которая была юридически оформлена 29 августа 1945 г., послужила отправной точкой в конфликтных отношениях между представителями баптизма и пятидесятничества. Несмотря на внешнюю схожесть этих деноминаций, существенные различия в области вероучения, обрядности, организационной структуры не могли сплотить в единый союз верующих.

Тем не менее, всё чаще и чаще среди руководителей пятидесятнических общин стал обсуждаться вопрос о присоединении к евангельским христианам-баптистам в активной фазе. Такая постановка проблемы аргументировалась тем, что объединения ЕХБ, в силу их лояльности к существующему государственному строю, практически беспрепятственно действовали на территории СССР, редко получали отказ от уполномоченных по делам религиозных культов на право регистрации своих общин. Но, являясь сторонником независимости общин ХВЕ, епископ И. К. Панько пытался выяснить у пресвитеров общин их отношение к

возможному объединению с ЕХБ и объяснить им, что лояльность последних не является веским аргументом в пользу объединения, тем более что между этими деноминациями существовали различия в догматике и культовой практике.

Образованный Всесоюзный совет евангельских христиан-баптистов включил в свой состав баптистов и большинство направлений евангельских христиан. Их деятельность находилась под контролем государственных структур, и поэтому они не встречали существенных преград, ограничивавших их деятельность.

На состоявшемся в июне 1945 г. в Молодеченской и Барановичской областях совещаний пресвитеры ряда областей во главе с епископом ХВЕ И. К. Панько обсуждали вопрос о категорическом отказе от вступления во ВСЕХБ, но одновременно и о допустимости такого шага. Тем не менее, пресвитеры единогласно выразили недоверие ВСЕХБ, так как баптисты активно сотрудничали с властями.

Но такое решение только усугубило положение пятидесятничества. И. К. Панько понимал, что в существующих общественно-политических условиях самостоятельная деятельность ХВЕ будет всячески искореняться, он обратился с просьбой к пресвитерам поддержать идею о вхождении общин пятидесятников в союз с баптистами.

Документ о включении религиозных объединений пятидесятников во ВСЕХБ, более известный как Августовское соглашение, от союза ХВЕ Беларуси, Литвы и Западной Украины утвердили и подписали И. К. Панько, С. И. Вашкевич, а от Епископальной церкви ХЕВ – Д. И. Пономарчук и А. И. Бидаш. Согласно этому решению, пятидесятники официально отказывались от глоссолалии, обряда омовения ног и пророчеств, [2, с. 40–41] а в сентябре–ноябре 1945 г. началось компания по непосредственному объединению. Однако, как со стороны пятидесятников, так и со стороны баптистов было много недовольных таким положением. Несмотря на сопротивление и недовольство верующих, к новому союзу были присоединены 83 организации евангельских христиан БССР [3, с. 257].

Учитывая разногласия, существование общин и групп пятидесятников и баптистов в одном организационном центре с самого начала было достаточно сложным. Большинство пресвитеров Брестчины вели агитацию среди верующих пятидесятников о совершении молитв таким образом, как это было установлено до объединения с баптистами. Так, например, в 1946 г. в д. Малые Викоровичи Столинского района дьякон Шилко продолжал проводить нелегальные собрания пятидесятников у себя дома. На предупреждение уполномоченного по делам религиозных культов Пинской области Богдановича Шилко отвечал, что «вера для меня дороже» [4, л. 10].

В одной из бесед уполномоченного Пинской области Богдановича с некоторыми бывшими пресвитерами ХВЕ, которые вошли в состав ВСЕХБ, ему они категорически заявили, что «не пятидесятники присоединились к баптистам на Московском совещании, а баптисты к ним и признали крещение и моление на незнакомых языка» [4, л. 4].

Необходимо отметить, что одним из способов «борьбы» с большим числом общин ХВЕ местных властных структур, было объединение групп менее 20 человек в крупные – от 75 до 150 человек. Причём не учитывался тот факт, что деревни могли находиться друг от друга на расстоянии десятков километров и, в силу этого обстоятельства, верующим приходилось достаточно долго добираться до ближайшего молитвенного дома.

В отчётном докладе за III квартал 1946 г. уполномоченный по делам религиозных культов Пинской области констатировал следующее: «Пятидесятники под любым предлогом отказываются от регистрации и присоединения к баптистам. Так, в д. Мокрая Дубрава Логишинского района пятидесятники отказываются от присоединения. Такая же ситуация была в д. Глиняная, д. Гневчицы, хуторе Хранополье, д. Купятичи. И вообще, это очень отрицательные элементы» [4, л. 15].

В начале 1947 г. с просьбой к уполномоченному по делам религиозных культов Брестской области Г. Дзежко обратился старший пресвитер баптистов Брестчины А. Алексеев по поводу «снятия с него ответственности за реорганизованное поведение пятидесятников в составах групп ЕХБ» [5, л. 19]. На данное заявление уполномоченный сделал ряд рекомендаций, где посоветовал А. Алексееву проводить более кропотливую работу по пресечению «пятидесятнических проявлений».

В годовых планах уполномоченным по делам религиозных культов Брестской и Пинской областей всегда отдельным пунктом было выделено проведение мероприятий, направленных на искоренение противоречий, возникавших в объединенных общинах ХВЕ-ЕХБ. В I квартале 1947 г. Г. Дзежко удалось собрать весьма подробный материал о 13 группах пятидесятников, которые не вошли в состав общин баптистов.

В таких условиях, пятидесятнические пресвитеры избрали тактику максимального соблюдения прав своих прихожан, активно привлекая в религиозные группы новых последователей. По данным уполномоченного Брестской области Г. Дзежко, они «переманивали на свою сторону верующих баптистов и даже православных». Подобным образом действовали: в д. Пугачево Брестского района в 1949–1950 гг. бывший пресвитер ХВЕ М. Рутько, верующие Р. Абакумова и Т. Гладун [6, л. 42]. Методами так называемой «вербовки» было оказание материальной помощи, активное распространение религиозной литературы за символическую цену, организация проповедей, где учение пятидесятников было представлено «как единственный путь к Богу и спасению» [7, л. 8]. Одни из самых ярких примеров перехода всей общины баптистов на сторону пятидесятников произошёл в 1950 г. в д. Чухово Пинской области, где число верующих было около 130 человек. Примечательно, что группа ХВЕ, вошедшая в их состав, составляла не более 30 человек [7, л. 17].

По данным информационного отчёта уполномоченного по делам религиозных культов Пинской области В. Брылева отмечается, что в 1950 г. из 43 общин ЕХБ только 10 были исключительно баптистскими, а в остальных 33 общинах находилось большинство пятидесятников. Причём многие из пресвитеров-баптистов уже начали признавать обряды по образцу ХВЕ и переходить на основы их вероучения [7, л. 7].

Таким образом, в конце 1940-х гг. в БССР начало формироваться пятидесятническое подполье, основу которого составили общины ХВЕ, не признавшие «августовского соглашения».

На протяжении 1951–1953 гг. в Пинской области категорически отказывались от присоединения к баптистам следующие общины ХВЕ: в Пинском районе – 23 группы, Логишинском – 15 групп, Ивановском – 4 группы, Дрогиченском – 3 группы, Телеханском – 8 групп, Давид-Городокском – 2 группы, Жабчинском – 10 групп, Столинском – 4 группы, Ленинском – 1 группа, Ганцевичском – 3 группы [8, л. 4, 2, 13–16].

Подобные общины пятидесятников проводили нелегальные собрания верующих в частных домах, на квартирах своих единоверцев и пресвитеров. Так, в д. Заборовцы пресвитер Бункевич у себя дома организовывал встречи единоверцев; в д. Городня и д. Телеханы собирались в частных домах на молитвенные собрания [9, л. 8]. Что касается проведения обрядов хлебопреломления, крещения и венчания, то они осуществлялись также в жилых помещениях верующих. При этом соблюдалась строгая конспиративность и неразглашение факта совершения обрядов.

Из докладных записок и распоряжений уполномоченного по делам религиозных культов БССР всегда следовало указание областным органам власти «применять самые жёсткие меры по ликвидации пятидесятнической реакции, используя при этом как административную, так и уголовную ответственность» [10, л. 2]. Руководствуясь данным положением, многим верующим 20 общин ХВЕ, которые не признавали Московского соглашения о создании ВСЕХБ, на Пинщине в 1953 г. были применены масштабные штрафные санкции [11, л. 18].

В середине 1950-х гг. работу по консолидации пятидесятничества проводил епископ А. П. Касперович. Проживая в г. Пинске, он часто выезжал в общины своего района, где проводил работу по объединению малочисленных групп ХВЕ, призыву пятидесятников проводить обряды так, как требует того вероучение. С визитами подобного содержания А. П. Касперович побывал в д. Ласки, д. Высокое, д. Купятичи, д. Люболь и многих других [12, л. 109]. В силу этих обстоятельств уполномоченный по делам религиозных культов Брестской области Г. Дзежко и сменивший его на этой должности в 1958 г. Н. Стрельченок, особое внимание уделяли деятельности А. П. Касперовича, который, по их мнению, «вносил раскол в зарегистрированные общины ЕХБ» [13, л. 55].

Неудивительно, что к 1956 г. назрел конфликт в межконфессиональных отношениях в среде объединенных общин ЕХБ-ХВЕ и руководстве ВСЕХБ. В коллективных письмах и обращениях, поступавших в адрес советского правительства из различных областей, пятидесятники жаловались на притеснения со стороны баптистского пресвитерско-проповеднического актива, систематические оскорбления своих религиозных чувств, просили официально признать и зарегистрировать их религиозные организации [2, с. 56]. Но надежды верующих ХВЕ не нашли отклика в государственных инстанциях, так как их деятельность квалифицировалась как «изуверская, антигосударственная, возникшая на Западе в качестве борьбы с революционным движением».

Деятельность пятидесятников допускалась лишь в результате их безоговорочного признания условия «августовского соглашения», а на протяжении 1956–1957 гг. Совет по делам религиозных культов СССР и БССР трижды инструктировал уполномоченных на местах не регистрировать общины ХВЕ и настаивал на полном их запрещении и искоренении на территории страны.

Это отношение властных структур к христианам веры евангельской спровоцировало процесс выхода пятидесятников из общин и групп баптистов и остановить его было практически невозможно. Данное явление можно более подробно рассмотреть на примере группы ХВЕ д. Речки Пинского района. В 1960 г. в первый день Пасхи глава сельсовета и местного колхоза вместе с секретарем парторганизации пришли в молитвенный дом ЕХБ и запретили проведение молитвенного собрания. Впоследствии молитвенный дом был разрушен, религиозная литература была уничтожена. После таких «воспитательных мер» в общину пятидесятников той же деревни перешла подавляющая часть баптистов. Чтобы сломить общину пятидесятников, в 1962 г. были осуждены два её руководителя, но она продолжала существовать. В 1963 г. очередной судебный процесс вырвал из её рядов нового руководителя Т. Кота и активистов А. Мьялика, И. Козловского и Н. Кота. Им инкриминировали, что «на своих собраниях они читали Библию и Евангелие, где псалмы толковались как призывы о вступлении в секту» [3, с. 288–289].

По данным уполномоченного по делам религиозных культов Брестской области Н. Стрельченка в Брестском регионе в 1964 г. насчитывалось около 60 групп пятидесятников, где число верующих составляло не более 1700 человек [14, л. 65]. Большинство из них находилось на нелегальном положении и не признавало руководящей роли ВСЕХБ.

Как ни велико было стремление властей провести политику свёртывания деятельности общин ХВЕ – это не удалось осуществить. Проявляя инициативу по присоединению ХВЕ к ЕХБ, советские власти не учли тех возможных разногласий, которые впоследствии проявились. Отличия обрядов венчания, отпевания, крещения, проведения молитвенных собраний, наконец, самое главное – различные мировоззренче-

ские установки и толкование христианских первоисточников – вот те основные причины, по которым объединение не произошло и не могло никогда осуществиться. Однако представителями властных структур эти факторы не брались во внимание, так как главной целью было максимальное сокращение количества объединений пятидесятников как осуществляющих религиозную деятельность официально, так и без регистрации. Образованный Всесоюзный совет евангельских христиан-баптистов не смог в полной мере оправдать ожиданий советского правительства по установлению контроля за деятельностью объединения христиан веры евангельской, так как существенные вероучительные, культовые и обрядовые различия не могли сплотить общины последователей церквей ХВЕ и ЕХБ.

1. Государственный архив Брестской области (ГАБО). – Ф. 1339. – Оп. 1. – Д. 1. План-отчёт уполномоченного по делам религиозных культов Брестской области 1946 г.

2. Дьяченко, О. В. Пятидесятничество в Беларуси / О. В. Дьяченко ; Могилев. гос. ун-т. – Могилев : МГУ, 2003. – 188 с.

3. Канфесіі на Беларусі (канец XVIII–XX ст.) / В. В. Грыгор’ева [і інш.] ; пад рэд. У. І. Навіцкага. – Мінск : Экаперспектыва, 1998. – 340 с.

4. Зональный государственный архив г. Пинска (ЗГАП). – Ф. 236. – Оп. 1. – Д. 1. Отчёт уполномоченного по делам религиозных культов Пинской области 1946 г.

5. ГАБО. – Ф. 1339. – Оп. 1. – Д. 2. План-отчёт уполномоченного по делам религиозных культов Брестской области 1947 г.

6. ГАБО. – Ф. 1339. – Оп. 1. – Д. 4. План-отчёт уполномоченного по делам религиозных культов Брестской области 1949 г.

7. ГАБО. – Ф. 1339. – Оп. 1. – Д. 6. План-отчёт уполномоченного по делам религиозных культов Брестской области 1951 г.

8. ЗГАП. – Ф. 236. – Оп. 1. – Д. 7, 8, 9. Отчёты уполномоченного по делам религиозных культов Пинской области 1951, 1952, 1953 гг.

9. ГАБО. – Ф. 1339. – Оп. 1. – Д. 7. План-отчёт уполномоченного по делам религиозных культов Брестской области 1952 г.

10. ГАБО. – Ф. 1339. – Оп. 1. – Д. 8. План-отчёт уполномоченного по делам религиозных культов Брестской области 1953 г.

11. ГАБО. – Ф. 1339. – Оп. 1. – Д. 9. План-отчёт уполномоченного по делам религиозных культов Брестской области 1954 г.

12. ГАБО. – Ф. 1339. – Оп. 1. – Д. 10. План-отчёт уполномоченного по делам религиозных культов Брестской области 1955 г.

13. ГАБО. – Ф. 1339. – Оп. 1. – Д. 12. План-отчёт уполномоченного по делам религиозных культов Брестской области 1957 гг.

14. ГАБО. – Ф. 1339. – Оп. 1. – Д. 19. План-отчёт уполномоченного по делам религиозных культов Брестской области 1964 гг.

Sushko V. V. Religious activity of Evangelical Christians and Evangelical Baptists in the context of the all-Union Council of Evangelical Baptists (on the example of the Brest region in the period 1945–1965)

The article analyzes the reasons for the formation, activity and functional purpose of the all-Union Council of Evangelical Christians – Baptists, which was supposed to be a platform for uniting late Protestant denominations in the territory of the USSR-Evangelical Christians-Baptists and Christians of the Evangelical faith. Power structures, both at the Republican and local levels, legally established the need to unite the faithful of Baptists and Pentecostals, since it was necessary to control and influence the religious practice, first of all, of Christians of the Evangelical faith. Despite all the efforts made by the state authorities to include Pentecostal religious communities in Baptist groups, many believers remained faithful to the religious principles of their churches and advocated independent existence, often carrying out doctrinal practices in unregistered houses of worship and religious associations.

ПОЛЬСКИЙ И ГЕРМАНСКИЙ ПЛАНЫ ДЕПОРТАЦИИ ЕВРЕЕВ НА МАДАГАСКАР

В 2020 г. исполнилось 75 лет окончания Второй мировой войны и 80 лет нацистским планам депортации 4 млн. европейских евреев на остров Мадагаскар. Несмотря на актуальность истории Холокоста, эта его страница мало изучена: эти планы остались на бумаге; литература по «Мадагаскарскому проекту» (как польскому, так и германскому) невелика. Объект исследования – история «окончательного решения еврейского вопроса» нацистами. Предмет исследования – польский и германский планы депортации европейских евреев на остров Мадагаскар. Цель исследования – сравнительный анализ этих планов. Если Польша была вынуждена отказаться от «Мадагаскарского проекта» и стала жертвой нацистской агрессии, то немецким нацистам вынужденный отказ от «плана Мадагаскар» открыл путь к «окончательному решению еврейского вопроса» путем физического уничтожения 6 млн. евреев Европы, значительная часть которых была уничтожена на территории Польши.

Ключевые слова: польский и германский планы депортации евреев на остров Мадагаскар, нацистский план «Мадагаскар», окончательное решение «еврейского вопроса», Холокост.

Несмотря на значительный объём литературы по теме Холокоста, нацистские планы выселения европейских евреев на остров Мадагаскар (четвёртый по величине остров в мире, расположенный в Индийском океане у побережья Африки) ещё недостаточно изучены. В российской историографии «План Мадагаскар» упоминается в работах сопредседателя научно-просветительного центра «Холокост» профессора РГГУ И. А. Альтмана, который отмечает, что планы «Мадагаскар» и «Люблин» (создание еврейской резервации в оккупированной нацистами части Польши, получившей название «генерал-губернаторство») реализованы не были. «Между тем план “Мадагаскар”, который в июне 1940 г. привёл в восторг Гиммлера – будущего самого последовательного сторонника “окончательного решения еврейского вопроса”, – имел детальную проработку о количестве требуемых пароходов, их вместимости и продолжительности операции переселения. Германский МИД получил приказ прекратить работу над этим проектом лишь в начале февраля 1942 г. – вскоре после Ваннзейской конференции, на которой высшие чины СС проинформировали представителей гражданских ведомств об “окончательном решении еврейского вопроса” в Европе» [1, с. 25].

Менее, чем германский, известен польский план переселения евреев на Мадагаскар. Историк из баварского города Регенсбург Вальдемар Шмидт (ФРГ) изучил этот план и пришел к выводу, что он был «иллюзией польского руководства в предвоенный период, своего рода колониальным наваждением». Шмидт пишет: «“Мадагаскарский план” для Польши остался эфемерной надеждой, так как приступить к его реализации Варшава не могла из-за множества проблем, не в последнюю очередь финансовых. При этом мысли о Мадагаскаре как территории, куда возможно было переселить польских евреев, подстегивались амбициями Бека (министра иностранных дел Польши. – Б. Х.) во внешней политике, его надеждами на усиление позиций Польши по получению поддержки от экономически более развитых европейских держав» [2, с. 35].

Первые планы по вытеснению евреев из Польши на Мадагаскар датируются 1926 г., когда руководство страны задумало перевезти всех «неудобных» на этот африканский остров. Польский посол в Париже граф Хлоповский просил политических лидеров Франции (эта страна владела Мадагаскаром как колонией) разрешить Польше переселение своих граждан на Мадагаскар. Французы дали поля-

кам понять, что условия жизни на острове очень тяжёлые и непривычные для европейцев. Чтобы избежать массовой гибели переселенцев, придётся потратиться на обустройство жизни на Мадагаскаре: проложить дороги, провести водопровод, избавиться от эпидемий – малярии, чумы, тропической лихорадки. Проект требовал немалых затрат, на которые Франция идти не желала.

В 1935 г. французский министр заморских территорий Мариус Муте предложил передать Мадагаскар Польше, что предполагало польскую колонизацию острова. Польскими националистами был выдвинут лозунг: «Żydzi na Madagaskar!» – «Евреев на Мадагаскар!». Это был призыв «освободить Польшу от еврейского влияния» – депортировать на Мадагаскар вначале 40-60 тыс. польских евреев, а затем и остальных их единоверцев, «переизбыток» которых не давал покоя польским антисемитам: из 35 млн населения межвоенной Польши более 3,3 млн составляли евреи. Они предпочитали селиться в больших городах, спасаясь от местечковой нищеты. В Варшаве, например, жили 350 тыс. евреев – 30 % жителей города [3].

Польский министр иностранных дел Юзеф Бек в 1935 г. создал специальную комиссию по изучению еврейского вопроса в Польше. 23 декабря 1936 г. комиссия вынесла на правительственное обсуждение меморандум под названием «Еврейская эмиграция и колониальные вопросы», в котором подчеркивалась «перенаселенность Польши евреями, превышение еврейской рождаемости над польской, преобладание евреев в промышленности и их более высокое материальное положение, чем у польского населения» [4].

В 1937 г. Варшава получила от Парижа разрешение для работы на Мадагаскаре польской правительственной комиссии по колонизации, целью которой была подготовка территории острова к эмиграции евреев. Однако комиссия, посетив Мадагаскар, пришла к заключению, что климатические условия там крайне неблагоприятны для жизни европейцев. Такого же мнения придерживался французский губернатор Мадагаскара.

В декабре 1937 г. официальное правительственное издание «Польская политическая информация» сообщало, что вопрос еврейской эмиграции на Мадагаскар «перешёл из области теоретических дискуссий на путь существующих возможностей» [5]. Но ни Франция, ни Польша не желали тратить деньги на Мадагаскарский проект; его финансирование было возложено на еврейские организации. Евреи же отнеслись к идее переселения на Мадагаскар саркастически, французы – крайне сдержанно, а мадагаскарцы – горячо протестовали против неё. В итоге передача Мадагаскара Польше не состоялась; соответственно, сорвалась и депортация туда польских евреев.

В середине 1930-х гг. «еврейский вопрос» в Польше обострился. Доступ евреев к государственной службе был закрыт, были введены ограничения для еврейской молодёжи в получении образования, в университетских аудиториях для еврейских студентов существовали отдельные лавки на задних рядах. Из еврейских школ дотировались из казны лишь те, которые вели обучение на польском языке. В межвоенные годы из Польши были вынуждены эмигрировать более 200 тыс. евреев, часть из них переселилась к родственникам в соседнюю Германию.

В 1938 г. на территории Германии проживало 50 тыс. евреев с польскими паспортами, ещё 10 тыс. жили в Австрии, весной 1938 г. присоединенной к рейху. Польское правительство опасалось, что в результате принуждения к эмиграции из Германии и Австрии, польские евреи вернуться в Польшу. Поэтому 1 марта 1938 г. президент Польши Игнаций Мосцицкий подписал указ о лишении гражданства польских граждан, проживавших за пределами страны более 5 лет. В ответ на эти действия Польши германское правительство арестовало 17 тыс. «Ost-Jüden» – «восточных евреев», проживавших в Германии с «недействительными» польскими паспортами, или же евреев из Польши, лишенных немецкого гражданства.

В июле 1938 г. окончилась провалом конференция 32 стран по еврейскому вопросу, созванная во французском городе Эвиане [6]. Мир не хотел принимать еврейских беженцев из Германии и аннексированной германским рейхом Австрии, не говоря уже о Польше. Лишь одна Доминиканская республика выразила готовность принять беженцев-евреев, а Великобритания предложила им для переселения свою колонию в Восточной Африке – Уганду, что было ничем не лучше Мадагаскара.

20 сентября 1938 г. Гитлер в присутствии рейхсминистра иностранных дел Риббентропа сказал польскому послу в Германии Юзефу Липскому, что «его (Гитлера. – Б. Х.) осенила мысль о решении еврейской проблемы путем эмиграции в колонии в согласии с Польшей, Венгрией, а может быть и Румынией». Липский ответил, что, если это найдет свое разрешение, «мы поставим ему (Гитлеру. – Б. Х.) прекрасный памятник в Варшаве» [7]. Об этой беседе с Гитлером Липский отправил донесение Юзефу Беку, которое 24 декабря 2019 г. цитировал Президент России В. В. Путин. В связи с эмоциональным высказыванием В. В. Путина в отношении Липского («сволочь, свинья антисемитская» [8]), выражается точка зрения, что в сентябре 1938 г. Гитлер, дескать, ещё не приступил к массовому физическому уничтожению евреев, а хотел лишь «выселить их в Африку». «Хрустальная ночь» произошла 9 ноября 1938 г., уже после беседы Гитлера с Липским. Однако политическая цель германских и польских государственных антисемитов совпадала: «выдавить» евреев из своих стран, предварительно лишив их собственности. Для этого и немецкие, и польские правители готовили антисемитские провокации, в частности, «План Мадагаскар», который, по сути, означал подготовку массового убийства евреев. В обеих странах шла эскалация государственного антисемитизма, дело приближалось к массовым депортациям и убийствам по расовым мотивам.

28–29 октября 1938 г. польские евреи, лишённые германского гражданства, были депортированы из Германии в Польшу. Это произошло у поселка Збоншинь. Жертвам «Збоншинского выдворения» было позволено взять с собой 1 чемодан на человека и 10 немецких марок. Несколько дней люди без денег и вещей, без крова и пищи под проливным дождем люди скитались вдоль границы, изгоняемые из приграничных деревень польской полицией и местными жителями. Некоторые беженцы пытались вернуться в Германию, но отгонялись от границы огнем немецких пограничников или задерживались пограничными властями [9].

7 ноября 1938 г. 17-летний Гершель Гриншпан, чьи родственники были среди жертв «Збоншинского выдворения», стрелял в секретаря германского посольства в Париже Эрнста фон Рата; через 2 дня Рат умер. Этот теракт спровоцировал «Хрустальную ночь» – общегерманский еврейский погром. Были разгромлены 7500 еврейских магазинов; надругательству подверглись еврейские кладбища, 267 синагог были сожжены и разграблены. 91 человек был убит, сотни покончили жизнь самоубийством или умерли позже от увечий. 25000 евреев были арестованы и отправлены в концентрационные лагеря [10, s. 26]. Еврейское население Германии должно было выплатить «искупительный штраф» в размере 1 млрд. рейхсмарок, а все разгромленное восстановить за свой счёт.

12 ноября 1938 г. уполномоченный по вопросам четырехлетнего плана рейхсмаршал Герман Геринг заявил: «Если германский рейх в каком-нибудь недалеком будущем окажется вовлеченным во внешнеполитический конфликт, то и мы в Германии, само собой разумеется, в первую очередь подумаем о том, чтобы в крупном масштабе свести счёты с евреями. Кроме того, фюрер, наконец, нанесёт внешнеполитический удар, направив его в первую очередь на державы, которые подняли еврейский вопрос с тем, чтобы потом действительно прийти к решению мадагаскарского вопроса. Об этом он говорил мне 9 ноября. Иного пути уже нет. Фюрер и другим странам скажет: “Что вы все говорите о евреях? – Возьмите их!”» [11, с. 239–244].

Политика расовой дискриминации и ограбления евреев началась в Германии сразу после прихода Гитлера к власти. С января 1933 г. до 1 сентября 1939 г. в Германии на государственном, земельном, коммунальном уровнях было проведено 1448 антиеврейских акций, по 20 мероприятий каждый месяц [12, с. 63–64]. Осенью 1937 г. началась систематическая «ариизация» (изъятие имущества и собственности немецких евреев); к 1939 г. нацисты завершили конфискацию «еврейских предприятий» [13]. С октября 1938 г. в паспортах евреев ставился красный штамп «J» («Jude») и вписывалось второе принудительное имя: мужчинам – Израиль, женщинам – Сара. С 19 сентября 1941 г. все евреи были обязаны носить на одежде жёлтую шестиконечную звезду. До начала массового физического уничтожения нацистами европейских евреев 2/3 из полумиллиона немецких и австрийских евреев вынуждены были покинуть свою страну.

Создание гетто и массовые убийства евреев последовали после начала Второй мировой войны – нападения Германии на Польшу 1 сентября 1939 г. Но еще за 7 месяцев до её начала, 30 января 1939 г., Гитлер сделал заявление о главной её цели: «если международные еврейские финансисты в Европе и за её пределами сумеют ещё раз втянуть народы в мировую войну, то результатом войны будет не большевизация мира и, следовательно, триумф еврейства, а уничтожение еврейской расы в Европе» [14].

Полигоном для «окончательного решения» нацисты не случайно избрали «перенаселенную» евреями территорию Польши. Ещё за год до нападения Гитлера на Польшу, 24 октября 1938 г. Риббентроп говорил, что он видит в колониальном вопросе и еврейском переселении возможность сотрудничества Польши с Германией.

Германские нацисты внимательно изучили франко-польский «Мадагаскарский план», тем более что французы вернулись к этой идее. Министр иностранных дел Франции Ж. Бонне в декабре 1938 г. заявил своему немецкому коллеге Риббентропу, что в целях «очистки» Франции от 10 тысяч беженцев-евреев из Германии их «придется выслать» на заморские территории, вероятно, на Мадагаскар.

В начале 1939 г. Берлин возвращается к вопросу о сотрудничестве с Варшавой для решения «еврейской проблемы». 5 января 1939 г., беседуя с Бекком в Оберзальцберге, Гитлер сказал: «Если бы со стороны западных держав к требованиям Германии в колониальном вопросе было проявлено больше понимания, то тогда он, фюрер, возможно, предоставил бы для решения еврейского вопроса какую-либо территорию в Африке, которую можно было бы использовать для поселения не только немецких, но и польских евреев» [15, с. 146–153]. В этой связи орган нацистской партии газета «Народный наблюдатель» («Völkischer Beobachter») писала: «Нет никаких сомнений в том, что приглашение к “исходу детей Израиля” на Мадагаскар вскоре освободит Польшу от многих из этих паразитов».

В 1940 г. идею депортации евреев на Мадагаскар поддержал начальник внешнеполитического управления нацистской партии рейхслайтер Альфред Розенберг [16]. В мае 1940 г. рейхсфюрер СС Генрих Гиммлер в меморандуме на имя Гитлера подчеркивал: «Я надеюсь, что увижу, как само понятие “еврей” исчезнет после большой эмиграции всех евреев в Африку или в какую-либо другую колонию» [17, s. 197].

24 июня 1940 г. Гейдрих направил Риббентропу письмо следующего содержания: «Со дня, когда мое ведомство занялось этой задачей, т. е. с 1 января 1939 г., и по сегодняшний день, территорию рейха покинули, общей сложности, больше 200 000 евреев. Но проблема в целом – речь идёт о почти 3¼ миллионах евреев на территориях, находящихся в настоящее время под немецким управлением – более не может быть решена путём эмиграции. Поэтому необходимо территориальное окончательное решение» [18].

Так, в нацистских документах применительно к «еврейскому вопросу» появился термин «окончательное решение», пока, правда, лишь территориальное. Удачным вариантом такого решения они считали свой «Мадагаскарский план»,

выдвинутый летом 1940 г. Палестина, куда стремились сионисты, была под британским мандатом. Доступ туда из Германии был закрыт: в 1940 г. Великобритания один на один сражалась с немцами. Зато Франция, владевшая Мадагаскаром, была разгромлена. Остров оставался под юрисдикцией правительства Виши.

3 июля 1940 г. начальник еврейского департамента имперского министерства иностранных дел Франц Радемахер подписал меморандум «Еврейский вопрос в мирном договоре» [19]. Документ гласил: «Предстоящая победа даст Германии возможность и, на мой взгляд, даже обязанность решить еврейский вопрос в Европе. Самое желаемое решение: всех евреев – вон из Европы» [20, s. 263]. Радемахер предлагал вынудить поверженную Францию дать согласие на эмиграцию евреев в Мадагаскар. Вся эмиграция и колонизация Мадагаскара должна была оплачиваться еврейским имуществом, конфискованным нацистами.

В РСХА был составлен «Проект Мадагаскар» [21]. Нацисты подготовили и переправили на юг Франции первую группу евреев для депортации на Мадагаскар. Группа состояла из специалистов сельского хозяйства, строителей, ремесленников и врачей; каждый мог захватить с собой до 200 кг багажа. Перевозить евреев на остров немцы собирались из средиземноморских портов вишистской Франции на захваченных британских судах [22, s. 341]. Этим проектом занимался Адольф Эйхман; в его лексиконе появилось понятие «Автономная еврейская область Мадагаскар» [23, с. 14]. Эйхман стал ключевой фигурой в реализации всех нацистских программ «решения еврейского вопроса». О своей роли в разработке «Проекта Мадагаскар» Эйхман рассказал на процессе в Иерусалиме в 1961 г. [23, с. 14].

Историк Герман Грамль (ФРГ) о «Плане Мадагаскар» писал: «О том, как усилилась тенденция к массовым убийствам, свидетельствует, не в последнюю очередь, “План Мадагаскар”, который летом 1940 г. детально разрабатывался РСХА и министерством иностранных дел. Этот план обычно оценивается как последнее проявление политики эмиграции евреев. На самом же деле этот план следует рассматривать как выражение политики, направленной на уничтожение евреев, но не оружием и газом, а силами природы. План исходил из очевидного ожидания, что европейские евреи – нацисты стремились распространить преследования евреев на весь континент – должны были умереть мучительной смертью, лишённые привычных условий жизни и труда, запертые на острове, климат которого был одним из самых нездоровых на земле» [24, s. 169].

Однако планам нацистов не суждено было осуществиться. В связи с неспособностью нанести поражение британским королевским военно-воздушным силам и военно-морскому флоту немецкое вторжение на Британские острова, как и «Проект Мадагаскар», были отложены на неопределённое время, а затем вовсе утратили актуальность. 5 мая 1942 г. началась и 6 ноября 1942 г. завершилась союзническая операция «Броненосец»: британский флот при поддержке пехоты из Австралии и Южно-Африканского Союза освободили Мадагаскар от войск вишистской Франции и Японии.

Но ещё до операции «Броненосец» нацисты отказались от «Проекта Мадагаскар». 10 февраля 1942 г. Радемахер в письме начальнику африканского отдела министерства иностранных дел Германии Эрнсту Бильфельду так объяснял причины этого шага: «В соответствии с этим планом фюрер поручил группенфюреру Гейдриху осуществить окончательное решение еврейского вопроса в Европе. Но... война с Советским Союзом предоставила возможность использовать для окончательного решения другие территории. В связи с этим фюрер решил высылать евреев не на Мадагаскар, а на восток. Потому Мадагаскар больше не следует рассматривать в качестве окончательного решения» [25, s. 403].

Новым планом «окончательного решения» еврейского вопроса, одобренным нацистами на Ваннзейской конференции 20 января 1942 г., предписывалось депортировать 11 млн. евреев в гетто и лагеря смерти на востоке Европы, прежде

всего на территории Польши [26, с. 133–136]. Жертвой «окончательного решения» стала третья часть еврейского народа – 6 млн евреев Европы [26, с. 163, 167]. Страной, спасшей европейских евреев от полного уничтожения, был Советский Союз и его Красная Армия, освободившая мир от нацизма.

1. *Альтман, И. А.* Жертвы ненависти : Холокост в СССР, 1941–1945 гг. / *И. А. Альтман.* – М. : Фонд «Ковчег», 2002.

2. *Шмидт, В.* Антисемитский «Мадагаскарский план» в предвоенной Польше 1936–1939 гг. / *В. Шмидт* // Журнал российских и восточноевропейских исторических исследований. – 2018. – № 3.

3. Холокост. Энциклопедия. М., 2005. – С. 471; – Режимдоступа : https://ru.wikipedia.org/wiki/Население_Польши; United States Holocaust Memorial Museum. Holocaust Encyclopedia. – Режимдоступа : <https://encyclopedia.ushmm.org/content/ru/article/warsaw-abridged-article> – Дата доступа : 22.01.2020.

4. „Żydzi na Madagaskar” – Polska wobec problemów narodowościowych w latach trzydziestych // *Żydowski Instytut Historyczny.* – Режимдоступа : <https://www.jhi.pl/blog/2017-11-30-zydzi-na-madagaskar-polska-wobec-problemow-narodowosciowych-w-latach-trzydziestych>– Датадоступа : 22.01.2020.

5. "Żydzi na Madagaskar" – kolonizacja zamiast Holokaustu – Режимдоступа : <https://opinie.wp.pl/zydzi-na-madagaskar-kolonizacja-zamiast-holokaustu-6126041925179009a>– Дата доступа : 22.01.2020).

6. *Хавкин, Б. Л.* Документы Третьего рейха по Эвианской конференции 1938 г.: попустительство мировых держав юдофобской политике нацистов / *Б. Л. Хавкин* // Вестник архивиста. – 2018. – № 3; *Он же.* Рец. на книгу: И. Тис. Эвиан 1938. Когда мир предал евреев // Новая и новейшая история. – 2019. – № 2.

7. Донесение посла Польши в Германии Ю. Липского министру иностранных дел Польши Ю. Беку, 20 сентября 1938 г. // Документы и материалы кануна Второй мировой войны 1937–1939 гг. В 2-х т. – М., 1981. – Т. 1. – С. 208–216.

8. Путин назвал сволочью поддержавшего Гитлера посла Польши // РИА Новости, 24.12.2019 – Режимдоступа : <https://ria.ru/20191224/1562780957.html>– Дата доступа : 22.01.2020.

9. Recollections of Rosalind Herzfeld. – Jewish Chronicle, 28.09.1979. P. 80; *Maurer T.* Abschiebung und Attentat. Die Ausweisung der polnischen Juden und Vorwand für die “Kristallnacht”. – Der Judenpogrom 1938. – S. 52–73; *Мухман, Д.* Катастрофа европейского еврейства / *Д. Мухман.* – Тель-Авив, 2001. – Т. 2. – С. 221–222; *Tomaszewski, E.* Auftakt zur Vernichtung. Die Vertreibung der polnischen Juden aus Deutschland 1938 / *E. Tomaszewski.* – Osnabrück, 2002; *Urban, T.* Der Verlust. Die Vertreibung der Deutschen und Polen im 20. Jahrhundert / *T. Urban.* – München, 2004.

10. Meldungen aus dem Reich, 1938–1945: Die geheimen Lageberichte des Sicherheitsdienstes der SS. Hrsg. Heinz Boberach. Herrsching, 1984, Bd. 2.

11. Нюрнбергский процесс. Сб. док. в 3-х т. – М., 1966. – Т. 3. – С. 239–244.

12. *Хавкин, Б. Л.* Расизм и антисемитизм в гитлеровской Германии. Антинацистское Соппротивление немецких евреев / *Б. Л. Хавкин.* – М., 2018.

13. *Хавкин, Б. Л.* Судьба Мадагаскарского проекта. Как готовилось окончательное решение «еврейского вопроса» / *Б. Л. Хавкин* // Независимое военное обозрение. – 2020. – № 3 (31.01.- 6.02.2020).

14. *Domarus, M.* Hitler, Reden und Proklamationen, 1932–1945. Würzburg, 1962, B. II, S. 1056–1058.

15. СССР в борьбе за мир накануне Второй мировой войны (сентябрь 1938 г. – август 1939 г.). Документы и материалы. – М., 1971.

16. *Rosenberg, A.* Juden auf Madagaskar. 30.X.1940. (Неопубликованная рукопись) // Centre de documentation juive contemporaine, Paris. CXLVI–51.

17. Einige Gedanken über die Behandlung der Fremdvölkischen im Osten // Vierteljahreshefte für Zeitgeschichte, 5. Jg, № 2, April 1957.

18. *Latvijas Valsts Vēstures arhīvs, Rīga* (Латвийский государственный исторический архив, Рига), Р. 1026, Оп. 1, В. 3, Вл. 9. Документ экспонируется в Берлине в мемориале «Дом Ваннзейской конференции. – Режим доступа : https://www.ghwk.de/fileadmin/Redaktion/PDF/Konferenz/reichszentrale_juedische-auswanderung.pdf– Дата доступа : 20.01.2020.

19. Gedanken über die Arbeit und Aufgaben des Referat D III. Legationssekretär Franz Rademacher.– Politisches Archiv des Auswärtigen Amtes. Inland II A/B 347/3. Dok. NG-5764.
20. *Brechtken, M.* Madagaskar für die Juden: Antisemitische Idee und politische Praxis 1935–1945 / *M. Brechtken.* – München: Oldenbourg, 1998. – 336 s.
21. *Хавкин, Б. Л.* Нацистский план «Мадагаскар» в замыслах А. Гитлера / *Б. Л. Хавкин* // Вестник архивиста. –2020. – № 2. – С. 480–496.
22. *Jansen, H.* Der Madagaskar-Plan. Die beabsichtigte Deportation der europäischen Juden nach Madagaskar / *H. Jansen.* – München, 1997.
23. *Ланг, Й. фон.* Протоколы Эйхмана : Магнитофонные записи допросов в Израиле / *фон Й. Ланг* / Послесл. А. Лесса; Пер. с нем. М. Черненко. – М. : Текст, 2002.
24. *Graml, H.* Zur Genesis der „Endlösung“ / *H. Graml* //Der Judenpogrom 1938. Von der „Reichskristallnacht“ zum Völkermord. – Frankfurt a.M., 1992.
25. Akten zur Deutschen Auswärtigen Politik 1918–1945. Serie E, Bd. 1. – Göttingen, 1969.
26. СС в действии. Документы о преступлениях СС. Перевод с немецкого. – М. : Светотон, 2000. – 624 с.

Khavkin Boris. Polish and German Plans to Deport Jews to Madagascar

In 2020, marks the 75th anniversary of the end of World War II and the 80th anniversary of Nazi plans to deport 4 million European Jews to the island of Madagascar. Despite the relevance of the history of the Holocaust, this page of it has been little studied: perhaps because these plans have remained on paper; the literature on the Madagascar Project (both Polish and German) is very few. The object of research is the history of the "final solution of the Jewish question" by the Nazis. The subject of the study is Polish and German plans to deport European Jews to the island of Madagascar. The purpose of the study is a comparative analysis of these plans. If Poland was forced to abandon the "Madagascar project" and became a victim of Nazi aggression, the German Nazis forced rejection of the "Madagascar plan" opened the way to the "final solution of the Jewish question" by the physical destruction of 6 million Jews in Europe, a significant part of which was destroyed on the territory of Poland.

Keyword. *Polish and German plans to deport Jews to the island of Madagascar, the Nazi plan "Madagascar", the final solution to the "Jewish question", the Holocaust.*

УДК 94(3)

Хвалькоў Я. А.

**ЗВЕСТКІ РУСКІХ ЛЕТАПІСАЎ І КРЫНІЦ УСХОДНЯГА ПАХОДЖАННЯ
АБ НАБЕГАХ НА РУСКІЯ ЗЕМЛІ І АБ ПАЛІТЫЧНАЙ СІТУАЦЫІ Ё
ЗАЛАТОЙ АРДЗЕ**

У XV ст. Прычарнамор’е стала крыніцай экспарту рабоў у Еўропу і на Блізкі Ўсход. Набегі татараў на рускія княствы былі адным з каналаў паступлення рабоў на рынкі Міжземнамор’я. Італьянскія калоніі на Чорным моры, перш за ўсё генуэзская Кафа, сталі асноўнай крыніцай паставак рабоў. Шмат у чым гэтаму спрыялі палітычная нестабільнасць і пастаянныя войны ў рэгіёне, распад Залатой Арды, канфрантацыя паміж Масквой і Літвой і дынастычная вайна ў Маскоўскім княстве. Для рускіх зямель незалежна ад іх палітычнай прыналежнасці гэта быў перыяд набегу дробных ханаў, якія шукалі не столькі стабільных выплат даніны, колькі здабычы і, перш за ўсё, рабоў, якіх можна было б збыць праз Прычарнамор’е на рынкі Міжземнамор’я. Да артыкула прыкладаюцца фрагменты летапісаў, якія дэманструюць карціну татарскіх набегу на рускія землі на працягу 1422–1455 гг.

Ключавыя словы: *рабы, гандаль рабамі, Прычарнамор’е, Міжземнамор’е, Кафа, Генуя, татары, Залатая Орда, Вялікае княства Літоўскае.*

Да канца Сярэднявечча рэгіён Чорнага мора і, у прыватнасці, Крым і Каўказ, сталі зонай, якая набывала ўсё большае значэнне ў дачыненні да экспарту рабоў у Еўропу. Набегі татараў на рускія княствы былі адным з каналаў паступлення рабоў на

нявольніцкія рынкі Кафы, Таны, Канстанцінопаля і ў цэлым Міжземнамор'я, ад Леванта і Егіпта да Іспаніі. Некаторыя навукоўцы лічылі, што галоўным кірункам гандлю праз Тану быў гандаль рабамі. Гэта версія можа быць часткова слушнай, паколькі Тана магла канкураваць нават з Кафай у гандлю жывой сілой. Старое, але добрае даследаванне М. Кавалеўскага паказала, што рабы з рэгіёну Чорнага мора прадаваліся па ўсёй Еўропе да Іспаніі і Францыі [1]. Падчас італьянскага панавання гарадскія цэнтры ў раёне Чорнага мора і, у першую чаргу, генуэзцы Кафы сталі асноўнай крыніцай паставак рабоў для ўсёй Еўропы, якая магла параўнацца толькі з Паўночнай Афрыкай. Дзякуючы сваёй блізкасці да крыніц харчавання (Расія, Залатая Арда і Каўказ), Кафа і Тана сталі галоўнымі цэнтрамі гандлю рабамі ў раёне Усходняга Міжземнамор'я ў цэлым. У гэты ж перыяд, у XIV–XV стст., у рэгіёне Прычарнамор'я і Прыазоўя і, шырэй, у рэгіёнах Паўднёва-Усходняй і Усходняй Еўропы, сутыкаліся і змагаліся шматлікія палітычныя гульцы. Генуя, Венецыя, Фларэнцыя, Піза, рускія княства, татары, Вялікае Княства Літоўскае, Польшча, Венгрыя і Валахія, папства, Англія, Францыя, Свяшчэнная Рымская імперыя, карона Арагона, герцагства Бургундыі, Візантыя, Грузія, султаны Егіпта, дробныя мусульманскія гасудары Малой Азіі, і, нарэшце, моц Асманскай імперыі – гэта толькі кароткі спіс акцёраў на палітычнай сцэне ў той час.

У другой палове XIV і ў XV стст. сітуацыя ва Усходняй Еўропе і ў раёне Чорнага мора была адзначана распадам Залатой Арды, узнікненнем Маскоўскага княства і Вялікага княства Літоўскага і пачаткам канфрантацыі паміж імі [2, с. 300]. Змены ў палітычнай сітуацыі ў Міжземнамор'і былі паралельныя са зменамі ў стэпе. У 1420–1502 гг. адбываліся дэзінтэграцыя і распад Залатой Арды. Для італьянцаў гэта азначала толькі адно, а менавіта нестабільнасць: ханы ў стэпе пастаянна мяняліся, часта некалькі прэтэндэнтаў змагаліся адзін з адным, маршруты заставаліся небяспечнымі, і татары маглі напасці на генуэзскія калоніі Газары калі заўгодна. А для рускіх зямель – зямель Вялікага Княства Літоўскага, Вялікага Княства Маскоўскага, Вялікага Княства Разанскага і рускіх зямель польскага і вугорскага каралеўстваў – дэстабілізацыя у стэпе пазначала ўзмацненне набегу дробных ханаў-разбойнікаў, якія шукалі не столькі стабільных выплат даніны, колькі здабычы і, перш за ўсё, нявольнікаў, якіх можна было б збыць праз Прычарнамор'е на рынкі Міжземнамор'я.

У 1423 г. на татарскай палітычнай арэне з'явіўся новы акцёр – узбекскі хан Баракхан, які прывёў качэўнікаў з Заходняй Сібіры, перамог Улу-Мухамед хана (Олуғ Мөхәтмәт, Олуғ Мөхәммәт; 1405 – 1445), будучага заснавальніка Казанскага ханства, які быў звязаны з Вітаўтам (1350 – 1430) і які затым збег у Вялікае Княства Літоўскае з просьбай аб дапамозе. Тым не менш, пазней ён адыграў Сарай і выгнаў Барак-хана ў Магулістан, дзе ён быў забіты паміж 1427 і 1429 гадамі. 14 сакавіка 1428 г. Улу-Мухамед хан напісаў ліст да султана Мурада II, каб адзначыць аднаўленне дыпламатычных адносін. Пасля паразы Барак-хана ў 1427 г. у Крыме зацвердзіўся яшчэ адзін хан, Дэулет-Бердзі (? – каля 1432). Улу-Мухамед хан паспрабаваў уварвацца ў Крым ў 1430 г., але, калі яго заступнік Вітаўт памёр, ён здаўся і адступіў. Тым не менш, ні Дэулет-Бердзі, які быў забіты ў 1432 г., ні яго сын Ахмаі, які быў разбіты ў 1433 г., не маглі рэальна кантраляваць Крым, дзе мясцовыя кіраўнікі пачалі паводзіць сябе незалежна адзін ад аднаго. У ходзе супрацьстаяння Улу-Мухамед хан стаў саюзнікам Жыгімонта Кейстутовіча (~1365 – 1440), а Свідрыгайла Альгердавіч (1370 – 1452) і маскоўскі князь падтрымалі Саід-Ахмада I. Трэцім прэтэндэнтам на трон Залатой Арды быў Кучук-Мухамед. Баланс паміж трыма ханамі (Улу-Мухамед хан, Кучук-Мухамед і Саід-Ахмад I) быў парушаны пасля таго, як Улу-Мухамед хан, які намінальна быў вышэйшым кіраўніком, атакаваў двух іншых. Ён адступіў і зас-

наваў Казанскае ханства. Улу-Мухамед хан і яго сын Махмутэк занялі Бялёў у 1437 г. і Казань у 1445 г. З тых часоў незалежнае ханства Казані гуляла важную ролю ва Ўсходняй Еўропе. 7 ліпеня 1445 г. у бітве каля манастыра святога Яўхіма Улу-Мухамед хан захапіў вялікага князя маскоўскага Васіля II Васільевіча Цёмнага (1415 – 1462); хоць неўзабаве ён быў выкуплены, гэта ясна сведчыла аб ваенных магчымасцях новай дзяржавы Казані.

У той жа час некаторыя татары служылі рускім ўладарам. Такім чынам, Васіль II меў на яго службе двух татарскіх князёў – Касыма і Юсуфа («Якуб» у рускіх летапісах), якія беглі ад пераследаў Махмутэка і атрымалі назелы ў Княстве Масквы (князь Касым атрымаў у 1452 г. горад Гарадзец). Выкарыстанне татараў у рэйдах супраць суперніка было распаўсюджана як у масквічоў, так і ў літоўцаў. Напрыклад, у 1445 г. масквічы і татары ўварваліся разам у раёны Вязьмы і Бранска, рабавалі іх і амаль дасягнулі Смаленска [3]. Кучук-Мухамед стаў ханам таго, што засталася ад Залатой Арды, якая была на самой справе ўжо не адзіным цэлым, а пераўтварылася ў некалькі незалежных княстваў [4, с. 118]. Хоць кіраўнікі «Вялікай Арды» лічылі сябе вышэйшай уладай, яны больш не кантралявалі землі, дзе з’явілася некалькі новых незалежных палітычных утварэнняў – Казанскае, Астраханскае, Крымскае, Касімаўскае, Узбекскае ханства і Нагайская Арда.

Згодна з аднадушным меркаваннем сучаснікаў падзей і навукоўцаў, палітыка стэпу і асабліва рашэння ханаў у значнай ступені знаходзіліся пад кантролем вялікага князя літоўскага Вітаўта. Вялікае Княства атрымлівала вельмі шмат рускіх княстваў і выгаду ад распаду Залатой Арды, а яго магутны прынц інвеставаў або выкарыстоўваў ханаў па сваім жаданні. На самой справе, гэта было ў яго інтарэсах і ў інтарэсах яго дзяржавы, каб татары заставаліся палітычна падзеленымі. Існуе доўгі панэгірык, які ўзнямае веліч фігуры Вітаўтаса ў *‘Kronika polska, litewska, žmódzka i wszystkiej Rusi’* Мацея Стрыйкоўскага [5], а таксама ў некаторых рускамоўных летапісах:

“Витолт своею делнстю и мензством всему свету славным был и цари татарские его слухали и без его воли орд нигде не ординовали, а гды царь Зеледин заволский умер, с которым Витолт братерство мел, и з ордами своими на Прусы ходил, Керембердек, сын его, осел, а столец отцевский, хотячи шаблею от Витолта отбити, чого Витолт не стерпел, почал готоватися з войском, хотячи Керембердека з панства зсадити, Токтамиша Бедзбула в Вилни короновал, яко заволских татар звычай потребовал, убравши его в злотоглав, шлык на него зложил перловый, мовячи, иж Тактомыш царь заволский новый. <...> Наостаток Керембердек Токтомиша звитяжил. А гды то учув Витолт, зараз Еремфердека, рожего брата Токтомишовага, котрый утекл з той битвы, знову короновал в Вилни на царство, убравши в золотоглав, и шапку перловую взложил на него, и дал ему в руки шаблю. И так з мурзами и уланами и маршалка своего литовского Радивила з ним до орды послал з войском. <...> И так Еремфердек выиграл и царство опановал, а самого Керембердека, поймавши, замордовал, а Витолтови през Радивила присягнл завше на потребу его зо всеми татарами служити, и послал ему дары великие. Того ж року и Едыга, царь перекопский, славный, Витолтови присяг верность, и помочь давати на неприятеля его, быле бы толко от Литвы з своим царством был безпечный” [6, с. 59].

Справы Вітаўта з татарамі былі пытаннем, якое ўсталявала ў яго шырокае палітычнае бачанне сваёй ролі ва Усходняй Еўропе, якое можна назіраць, напрыклад, з яго перапісак ад 1425 г. з Паўлем фон Русдорфам, вялікім магістрам Тэўтонскага ордэна, згадваючы, што адзін з татарскіх ханаў у той момант жыў пры двары ў Вітаўтаса.

Und uff das, so thun wir euch czu wissen, wie das keiserthum in Tatharn in im selbir groslich geschwehit und geteilt ist, also, das itczund sechs dirhaben keiser do sind, der

iclicher umb das kaiserthum steet und arbet. Derselben keiser einer czu uns ist, Machmet genant, und die ander wonen do im lande einer do der ander anderswo, wen ire lande czumale gross und weith sint... Gebin in unserm hoffe Worany in nouwe iare [7].

Вітаўт і наступныя вялікія літоўскія князі рэгулярна з'яўляліся ў крымскай палітыцы і мелі сетку сваіх агентаў у Кафы як армянін Аванэс; яго непасрэдны ўдзел у крымскай палітыцы, напрыклад, рэгіструецца ў шматлікіх дакументах [8]. Наступны вялікі князь Свідрыгайла рабіў тое ж самае, пра што сведчыць яго перапіска з гросмайстрам рыцараў Тэўтонскага ордэна [9], а таксама яго лісты да караля Польшчы [10]. У той жа час, інфармацыя пра падзеі ў Кафе, Крымскаму ханству і Залатой Ардзе перадавалася польскім дваром і была адлюстравана ў летапісах Мацея Стрыйкоўскага (Maciej Strzykowski; 1547 – 1593) і Яна Длугаша (Jan Długosz; 1415 – 1480). Як, напрыклад, пра дынастычныя войны ў Крыме [11]. Еўрапейскія двары, а таксама і заходнія, адсочвалі палітычныя змены і барацьбу татарскіх князёў. Напрыклад, Бургундскі двор рабіў гэта праз амбасадара, дыпламата і падарожніка, а пасля і мэмуарыста Жыльбэра дэ Лануа (Gilbert de Lannoy; 1386 – 1462), даклады якога былі захаваныя і апублікаваныя [12].

Уся інфармацыя з Заходняй Еўропы, Польшчы, Літвы і іншыя крыніцы пацвярджаюць адзін факт: крымскія татары Салхата ў Крыме былі часткай цэнтрабежнага працэсу распаду Залатой Арды. Некаторыя навукоўцы лічаць, што Хаджы-Гірэй-хан абвясціў сябе незалежным ханам Крыму ў 1428 г., хоць яго першыя манеты датуюцца толькі 1441 г. (у гэты момант ён сапраўды стаў кіруючым і пасяліўся ў Саладжыке, паміж Чуфут-Кале і сучасным Бахчысараем). Гэта было адзначана з'яўленнем кафінскіх манет з генуэзскім замкам на адным баку і тамгамі з клана Гераеў на адваротным. Яны распаўсюджваюцца пасля 1433 г., што з'яўляецца ўскосным сведчаннем таго, што распад Залатой Арды і падзел Крыма дэ-факта ў той момант ужо адбыліся. Гэтыя аспры былі прыдуманымі ў манетных дварах Кафы да 1453. Насамрэч, спалучэнне сімвалаў метраполіі (*castello genovese*) з легендай на лацінскай мове і татарскай тамгі з легендай на арабскай мове можна разглядаць як візуальны выраз сваёй падвойнай падпарадкаванасці [13]. Апошняя дата з'яўлення больш дакладна; хоць крымскія татары практычна не залежалі раней, праўленне Хаджы-Герай-хана не магло пачацца ў 1420-х гг. Працэс здабычы незалежнасці крымска-татарскімі элітамі быў паступовым. Татары Салхату сталі больш самастойнымі ў ходзе дынастычных войнаў XIV ст. Акрамя таго, з 1400 да 1440 г. канфрантацыі паміж рознымі прэтэндэнтамі былі падтрыманы перш Вітаўтам, а пазней іншымі рускімі і літоўскімі князямі, якія не хацелі мець моцную Залатую Арду ў сваёй вобласці, але ацанілі ваенную дапамогу другарадных татарскіх кіраўнікоў, праводзячы свае ўласныя войны. Нарэшце, у 1429–1431 гг. геаграфічнае ядро Залатой Арды было паражонае велізарнай трагедыяй: у землях Сарая і ў Палавецкім стэпу (Дешт-Кіпчак) была моцная засуха і надзвычай вялікая чума, у выніку якой загінула неверагодная колькасць людзей, і толькі нешматлікія з іх выжылі са сваімі статкамі [14].

Залатая Арда не магла існаваць у якасці дамінуючага палітычнага актара ва Усходняй Еўропе. Яе крах і, у прыватнасці, фарміраванне незалежнага Крымскага ханства сталі пытаннем часу, незалежна ад таго, ці мела гэта месца ў 1428 ці 1441 г.

Хоць Саід-Ахмад I дамінаваў у стэпах у 1440 г., ён быў у дрэнных адносінах з Польскім каралеўствам і Вялікім Княствам Літоўскім; такім чынам, ён уварваўся ў Падолію і Львоў у 1442 г., у Літву у 1444 г., зноў жа – ў Падолію ў 1447 г. [15, с. 166], у розныя польскія і літоўскія тэрыторыі ў 1447, 1449, і 1450 [4, с. 124], і напаў на Маскву ў 1451 г. Сапраўды, у 1449 г. Саід-Ахмад I нават дапамог князю Міхалу Жыгімонтавічу (1380-я – 1451 або 1452) заняць Кіеў. Таму не было нічога здзіўнага ў тым, што калі Хаджы-Гірэй, які жыў на працягу доўгага часу ў Літве,

абвясціў сябе незалежным крымскім ханам, Казімір IV (тады Вялікі Князь Літоўскі, а з 1447 г. і кароль Польшчы) падтрымаў яго прэтэнзіі і прызнаў яго, маючы патрэбу ў саюзніку супраць Саід-Ахмада I. Крым быў самадастатковым задоўга да гэтага, больш не звязаным з Залатой Ардой, якая разбуралася. Старыя маршруты гандлю ва Усходняй Еўропе зніклі, а новыя не перасякалі стэп вакол Волгі. Такім чынам, Хаджы-Гірэй мог атрымаць асалоду ад поўнай незалежнасці, а яго пераемнікі на крымскім троне – ад шырокай аўтаноміі ў рамках Асманскага сюзерэнітэту.

Унутраныя разлады татар былі праблемай для генуэзцаў Кафы толькі ў тым сэнсе, што старыя маршруты з Усходняй Еўропы да Цэнтральнай Азіі заставаліся небяспечнымі. Але з'явілася яшчэ адна пагроза для генуэзцаў, а менавіта фігура нумар адзін у пачатку XV ст. Усходняй Еўропы, фігура вялікага князя літоўскага Вітаўта, які хацеў, каб Кафа прызнала яго сюзерэнітэт над генуэзскімі калоніямі Чорнага мора. Консулы паслалі ганцоў з падарункамі, каб ўласкавіць яго. Адзін прадстаўнік, Батыста Джэнціле, абяцаў Вітаўту пад пагрозай вайны падняць яго сцягі і герб у Кафе (ён, верагодна, не зрабіць так, паколькі пасланнік відавочна перавысіў свае паўнамоцтвы) [16, с. 331]. Іншы прадстаўнік, Дарыё Грылло, быў абрабаваны на шляху татараў у Літву (*ab imperatore tartarorum*); ён страціў груз, каня і грошы ў памеры 300 сома (2400 лібр генуэзцаў) [17]. Такім чынам, справы з гэтым далёкім, але ўсё яшчэ грозным князем былі аднім з пытанняў генуэзцаў.

Хоць генуэзцы панеслі ў 1434 г. горкае паражэнне, кіраўнік Салхату (верагодна, Хаджы-Гірэй) не мог у поўнай меры скарыстацца яго перамогай і быў вымушаны адступіць у тым жа годзе да яго заступніка Жыгімонта Кейстутавіча ў Літву з-за надыходзячых войскаў Саід-Ахмада I [16, с. 351]. У кантэксце асманскай экспансіі генуэзцаў у Крыме павінны былі мець мірныя адносіны з мясцовымі кіраўнікамі ханства. У 1455–1457 гг. была вайна ў ханстве Крыма, і генуэзцы падтрымлівалі свайго саюзніка Хаджы-Гірэя, якой мацаваў сувязь паміж Кафай і Ханам. У той жа час, як генуэзцы Газарыі і ханства Крыма перайшлі пад сюзерэнітэт Казімера-Андрэя IV Ягайлавіча (*Kazimierz Jagiellończyk*; 1427 – 1492), вялікага князя літоўскага ў 1440–1492, караля Польшчы ў 1447–1493. Хаджы-Гірэй, які, відавочна, памяркоўна ставіўся да генуэзцаў або, магчыма, нават сімпатызаваў ім, памёр ў 1466 г., і была вайна за пераемнасць [18, с. 130–131]. Нур Даўлет-Гірэй, другі сын Хаджы-Гірэя, пераймаў уладу некалькі разоў толькі за прамежкавыя перыяды ў 1466–1467, затым у 1467–1469 і ў 1475–1476 гг., але ў рэшце страціў яе ў 1478 г. і жыў спачатку ў якасці закладніка ў Кафы, а пасля таго, як яго спрабавалі забіць, ён быў пераведзены ў Салдаю, і, нарэшце, пакінуў Крым і стаў васалам Івана III Васільевіча (1440 – 1505), вялікага князя маскоўскага (1462–1505), прымаючы княства Касімава ад яго. У 1486 г. яго супернік, Менглі I Гірэй (1445–1515), шосты сын Хаджы-Гірэя і дзед Сулеймана I Пышнага (*Süleyman*; 1494–1566), быў падтрыманы генуэзцамі ў сваім ўзыходжанні на крымскі трон [19, с. 143], і, такім чынам, яго кіраванне было значна больш выгаднае для Кафы. На самай справе, частка яго ахоўнікаў у яго цытадэлі Кырк-Ёр (сучасны Чуфут-Кале) складалася з *socii* з Кафы. Сітуацыя, аднак, становіцца ўсё больш нестабільнай – хоць і не было ніякіх вялікіх бунтаў, як ў 1433 г.; тым не менш, інструкцыі для супрацоўнікаў генуэзскай Газарыі згадваюць частыя ўспышкі гвалту і рабавання [20, с. 495–496].

Ні Казімір IV, кароль Польшчы і вялікі князь літоўскі, ні Уладзіслаў II, кароль Багеміі, які таксама быў ворагам асманаў, не маглі паслаць войскі, каб дапамагчы Кафе. Уладзіславу II, верагодна, хацелася зрабіць гэта, але ён быў звязаны дамовай з Венецыяй, якая была ў супрацьстаянні з Генуяй ў гэты момант. Пасля сямі дзён штурму, Кафа здалася асманам 1 чэрвеня 1475 г. [21], і іншыя генуэзскія і венецыянскія калоніі былі захопленыя ў наступныя месяцы. Неўзабаве пасля італьянскіх калоній, армія Гедык Ахмет-ары захапіла Менглі-Гірэй-хана, які спрабаваў супра-

ціўляцца (ён, аднак, быў адпраўлены назад у Крым праз тры гады, каб правіць ханствам, прызнаўшы яго васальнае становішча) і заваяваў апошняю сілу, здольную пайсці супраць Крыму – княства Феадора. Адною з прычын гэтай заваёвы былі сувязі паміж новым кіраўніком Феадора і праціўнікам асманаў – Штэфанам III Вялікім (ȘtefancelMare șiSfânt; паміж 1429–1435 – 1504), гаспадаром Малдовы, які быў адзінай рэальнай сілай у рэгіёне Чорнага мора, здольнай супрацьстаяць туркам [22, с. 257]. У тым жа 1475 г. ён адправіў у княства Феадора яго швагера Аляксандра Гаўраса для таго, каб замяніць бягучага князя, брата Аляксандра. Ліст князя Штэфана ад 20 чэрвеня 1475 г. сведчыць аб поспеху Аляксандра. Тым не менш, гэта таксама сведчыць аб дасведчанасці Штэфана аб паражэнні Кафы. Гедык Ахмет-паша і яго асманы аблажылі г. Мангуп прыблізнаў канцы года. Пасля пяці месяцаў аблогі, горад паў [23]. Грэчаскія крыніцы паведамляюць, што пасля таго, як войскі Мехмеда II захапілі Кафу, яе жыхары былі перавезены ў Канстантынопаль [24], як і генуэзскія.

Такім чынам, мы можам бачыць, што рэгіён Паўднёва-Усходняй і Усходняй Еўропы ўбачыў у XV ст. шмат войнаў, большасць з якіх былі ў тым ліку звязаны і з захопам нявольнікаў. Тэксты крыніц, прыведзеныя ніжэй, дэманструюць карціну татарскіх набегав на рускія землі на працягу 1422–1455 гг. у той меры, у якой яны былі адлюстраваныя ў рускіх летапісах.

Тэкст цытуецца па выданні таго летапісу, які паказаны ў першай зноскы. Спасылкі на іншыя летапісы азначаюць, што яны ўтрымліваюць дадзеныя таго ж характару, а адрозненне паміж імі складаецца толькі ў арфаграфіі, парадку слоў і некаторых асаблівасцях выкладання матэрыялу. У выпадку, калі якія-небудзь з летапісаў ўтрымліваюць фактычныя дадзеныя, якія адсутнічаюць у іншых месцах, гэта паказваецца асобна ў зноскы або ніжэй прыведзенага тэксту летапісу. Аўтар перадае тэкст крыніц сучасным кірылічным алфавітам без перакладу і не змяняючы арфаграфіі, лексічнага складу і сінтаксічнага ладу арыгінальнага тэксту.

Разнабой у сістэме вылічэння пачатку новага года не мог быць прычынай таго, што розныя летапісы прыпісваюць адны і тыя ж падзеі розным гадам. Відавочна, тут мела месца памылка летапісца або перапісчыка (*глядзіце дадатак*).

Дадатак. Летапісныя звесткі аб татарскіх набегав на рускія землі (1422 – 1455 гг.)

1422 (Лето 6930).

Того же месяца августа 31 царь Барак побил Куидодата, а на осени приходи к Одоеву ратью и отиде прочь, города не взем, а зло учинив, и отиде с полоном в поле; и князь Юрьи Романовичь Одоевский да Григории Протасьевичь, воевода Мценский, състиг его били и полон отымаша [25].

1423 (Лето 6931).

Царь Барак приходил к Одоеву с ратью и много зла учинил, а града не взял, и со многим полоном поиде в поле; и князь Юрьи Романовичь Одоевский да Григорей Протасьевичь, воевода Мченский, постигоша его в поле и много полона отняша [26].

Царь Борак приходил к Одоеву и много полону поимал. И князь Юрье Романовичь Одоевской, пришед, отполонил [27].

Царь Куйдодат поиде ратию на князя Юрья Романовича к Одоеву. И слышав то князь велики Витофт, посла на Москву к зятю своему великому князю Василью Дмитриевичю, чтобы послал помощь на царя... (в то же время, не дожидаясь, сам отправляет помощь). Они же шедша с князем Юрьем, царя победили, и силу его присекли, а сам царь бежал, и царици его поимали, одну послали в Литву к Витофту, а другую на Москву к великому князю. Московская же сила не доспела. Тогда убили Кохча богатыря велика телом [28].

Каментар:

Борак (ён жа Борак-хан, Борак-оглан, сын Койричака, сына Урус-хана [29, с. 214] в 823 г. х. (= 17.01.1420 – 5.01.1421) збег з узбекскага ўлуса [30, с. 196], прыйшоў у пошуках прытулку да Мірза Ўлугбеку (29.03.1419 – 26.04.1419), быў аблашчаны ім [31, с. 212]

і ўключаны ў лік царэвічаў. В 826 г. х. (15.12.1422 – 4.12.1423) [30, с. 196] Борак перамог Мухамед-хана і перад ім скарылася вялікая частка узбекскія улуса, а ў 828 г. х. (= 23.12.1424 – 12.11.1425) [31, с. 212] ён канчаткова разбіў апошняга і завалодаў усім узбекскім улусам. Аднак затым ён пачаў варагаваць з Ўлугбекам [29, с. 214], і ў 830 г. х. (= 2.11.1426 – 21.11.1427) паміж імі адбылася бітва ў ваколіцах Сыгнака, на пашы якога Борак прэтэндаваў [30, с. 197]. Злучаныя сілы хорасанскаго і Самаркандскай войскі пад правадырствам Ўлугбека былі разбітыя [30, с. 197], а Борак абрабаваў Мавераннахр і Туркестан. Калі ён вярнуўся ў Дэшт, Эміры згаварыліся і забілі яго ў 831 г. х. (= 22.10.1427 – 10.10.1428) [31, с. 212].

1424 (Лето 6932).

Царь Куйдодат поїде ратию к Одоеву. И слышав то князь великий Витовт, посла на Москву к зятю своему, великому князю Василью Дмитриевичу, чтобы послал помощь на царя, а сам послал князя Ондreja Михайловича, князя Ондreja Всеволодича; князя Ивана Бабу... Они же шедше со князем Юрьем, царя победили и силу его присекли; а сам царь бежал, а царици его поймали, одну посла в Литву к Витовту, а другую на Москву к великому князю [32].

Царь Куидадат паки прииде ратью к Одоеву на князя Юрья Романовича Одоевскаго... Царя Куидадата прогониша и силу его побіша... а сам царь Куидадат убежал, а Московская сила успела. Тогда же убили и Когчю багатыря Татарскаго, велика суца телом и силою [33, с. 239].

1426 (Лето 6934).

Тое же осени приходиша Татарове на Рязанскую украину и возвратишся с полоном в Поле. Рязанцы же в погоню идоша за ними и постигоша их, биша и полон отъяша [34, с. 6].

1429 (Лето 6937).

Приходиша Татарове к Галичу, и града не взяша, а волости повоеваша; на Крещение приидоша изгоном на Кострому, и поплениша ю, отъидоша же вниз Волгою... Един же воевода, именем Феодор Костянтинович Добрыньский, да князь Федор Давыдович Пестрой поидоша Волгою вниз после Татар, и угониша их за Новымгородом Нижним, Татар побіли, а иные убежали, а полон поотнимали [35].

[У некоторых летописях наслявыкладзенагазмяшчаецца наступнае дапаўненне:] «угониша зад их, побіша Татар и Бесермен, и полон весь отняша, а царевича и князя Али-бабы не догониша» [36].

[Некоторыя летописы сьвяржаюць, што на Галіч і на Кастрому напачалі казанскія татары] [37, с. 84].

Року 1429 великие войска татарские с Едигом своим царем до князства Киевского вторгнули, место самое Киев сплюндровали, зрабовали и спалили, Але замку взяти не могли, люб то его велми добывали, также и Печерский монастырь спалили. Витолт своею делностью и мензством всему свету славным был и цари татарские его слухали и без его воли орд нигде не ординовали, а гды царь Зеледин заволский умер, с которым Витолт братерство мел, и з ордами своими на Прусы ходил, Керембердек, сын его, осел, а столец отцевский, хотячи шаблею от Витолта отбити, чога Витолт не стерпел, почал готоватися з войском, хотячи Керембердека з панства зсадити, Токтамиша Бедзбула в Вилни короновал, яко заволских татар звычай потребовал, убравши его в злотоглав, шлык на него зложил перловый, мовячи, иж Тактомыш царь заволский новый. И орды Заволской часть едина при нем стояла, а часть другая Керембердека за царя мела, а скоро тые два царики войну з собою о царство сточили и долго шабли свои в крови татар своих зобополне гартовали. Наостаток Керембердек Токтомиша звитяжил. А гды то учув Витолт, зараз Еремфердека, рожного брата Токтомишоваго, котрый утекл з той битвы, знову короновал в Вилни на царство, убравши в злотоглав, и шапку перловую взложил на него, и дал ему в руки шаблю. И так з мурзами и уланами и маршалка своего литовского Радзивила з ним до орды послал з войском. А гды его Радзивил на столици посадил отцевской и, принявши от него голд, в поля тягнули, и отнял часть орды Керембердековы, потом обадва царики войну срогую над Волгою рекою звели з собою, где литовские козаки в засаде были. А там, где орда Керембердекова надбегала, выпав-

ши козаки в тыл оной орде, поразили ее. И так Еремфердек выиграл и царство опановал, а самого Керембердека, поймавши, замордовал [38], а Витолтови през Радивила присягнул завше на потребу его зо всеми татарами служити, и послал ему дары великие. Того ж року и Едыга, царь перекопский, славный, Витолтови присяг верность [39].

1430 (Лето 6938).

Князь велики ордыньский Аидар воевал Литовскую землю: пришед под Мченек стоял под городом три недели, города не взял... а волости повоевал, а до Киева не доходил за 15 миль [40].

1431 (Лето 6939).

Месяца октября... князь Ордыньский Аидар воевал землю Литовскую, и прииде под град Мченек и стоял под ним три недели и града не взял [41].

1437 (Лето 6945).

Тое же весны приходиша Татарове на Рязань, и украиные села поимаша, и възвратишася въ своаси [34, с. 23].

1438 (Лето 6946).

Тое же осени прииде царь Улу-Махмет Болшиа же Орды ко граду к Белеву и сяде в Белеве, бежав же от брата своего от Кичи-Ахметя царя Болшиа же Орды. Тое же осени, месяца ноября, посла не него князь велики Василей Васильевич дву князей... с ними же многочислени полки, а царю вмале тогда сушу... И попусти Господь неверным одолети многому въиньству православным христианом [42].

Каментар:

Казанскі летапісец, распавядаючы агульнавядомы эпiзод з Белевым, удакладняе, што Улу-Махмет бег «от Едигея Старого, Заяцкога князя» [43, с. 14–20]. Пасля падзей 1438 г. Махмет пасяліўся ў Казані і да яго пачалі збірацца воiны з Азова і Крыма [43, с. 19]. Ці трэба прадаваць туды, адкуль прыйшлі, захопленых рабоў?».

Того же лета Татарове воеваша Рязань и много зла учиниша и отъидоша во своаси. Того же лета Татарове плениша Литву и со многим полоном възвратишася во своаси [34, с. 25–26].

1439 (Лето 6947).

Прииде Махмет царь со многою силою ко граду к Москве, князь же велики восхоте ити противу ему и виде мало своих и отъиде за Волгу... Царь же пришед ко граду июля 3, в пяток, и стоя 10 дний и не успе ничтоже граду; а зла много учини земли Руской, а посад позже, и поиде прочь [44].

Каментар:

У некаторых летапісах утрымліваецца наступнае данаўненне: «идучи назад, досталь Коломны пожегл и людей множество пленил, а иных изсекл» [34, с. 30].

1440 (Лето 6948).

Тоя же осени царь Махмет Болшиа Орды убил болшаго своего князя Ордыньскаго Мансупа и много Татар тогда избиено бысть в Орде; не точию же тамо, но и во иных ордах мятеж бысть и размирие много и междуусьбные брани и рати [34, с. 30].

1442 (Лето 6950).

Приходиша Татарове Болшиа орды на Рязаньския украины и много зла сотвориша и отъидоша с полоном [34, с. 42].

1443 (Лето 6951).

Мустофа побит на Резани. Пришедшо царевичу Мустофе на Рязань с множеством Татар ратью и повоевал власти Резанские, много зла учинив. Слышав же то князь велики Василей Васильевич посла противу его князя Василья Оболенского и Ондreja Голтыева, да двор свои с ними. А Мустофа был в городе, Резанци же выслаша его из города. Он же вышел из города и ста тут же под городом, а воеводы князя великого приидоша на него, и бысь им бои крепок, и поможе бог христианом, царевича Мустафу самого убиша и князей с ним многих и Татар побиша, а князя Махмут мурзу да Азбердея Мишерованова сына и иных Татар многих поимали [45].

Крымского Мустофу убили на речке Листани [27, с. 44].

Того же лета царь Махмет стоял на беспутье, и князь велики ходил на него со всею братиею, да воротился, а он поиде прочь [46, с. 151].

1444 (Лето 6952).

Мустофа царевич прииде на Рязань со множеством Татар ратию, и повоева власти и села Рязанския, и много зла Рязани учинил, и отъиде с полоном многим, и ста на Поле, и посылаше в Рязань, продавая им полон. Рязаньци же выкупиша своих пленных у Татар [34, с. 61].

...Слышав же то князь велики Василей Васильевич посла противу его князя Василья Оболенского и Андрея Голтыева, да двор свои с ними. А Мустофа был в городе, Резанци же выслаша его из города. Он же вышел из города и ста тут же под городом, а воеводы князя великого приидоша на него, и бысь им бои крепок, и поможе бох христианом, царевича Мустафу самого убиша и князеи с ним многих и Татар побиша, а князя Ахмут Мурзу яли, да Азбердея Мишерована сына и иных Татар многих поймали [47].

Царь Махмет нача помышляти к Новугороду к Нижнему, и князь великы повеле осады крепити [46, с. 151].

1445 (Лето 6953).

Приходиша Татарове на Рязанския украины... Тоя же осени воеваша Татарове Мордву... Тоя же зимы царь Улу-Махмет приходил ратью к Мурому из Новагорода из Старого из Нижняго, и князь велики Василей Васильевич поиде противу его, и царь възвратися бегом в Новьгород Старой... Тоя же зимы князь велики Василей Васильевич послал дву царевичев на Литовския грады ратию, на Вязму, на Брянск и на иныя грады, безвестно [48]. И они, шедше, много воеваша и избиша и смерти предаша и пожгоша, мало не до Смоленска, и в полон поведоша: и много зла сътвориша Литовской земле и възвратишася в свояси с многим богатством... А князь велики Василей Васильевич пошел тогда противу Татарскаго царя Улу-Махмета к Мурому, и побегоша Татарове в Нижний Новгород Старой, отнюдуже пришли, а инии избиени быша... а Татарове в то же время, коли царь под Муром ходил, Лух воевали (см. ниже)... Тоя же весны прииде весть к великому князю Василю Васильевичю на Москву, что отпустил на него царь Улу-Махмет детей своих, Мамутяка да Ягупа; князь же великий поиде противу их с Москвы ратию. Взем же князь великий Петров день в Юрьеве, поиде к Суздалью и, знамена подняв, поиде противу поганых. Сразившим же ся им, и начаша прежде полци великого князя одолевати, а Татары побегоша. Наши же ови погнаше по них, а инии сами побегоша, друзии же начаша уже избитых Татар грабити. А Татары паки возвратишася на християн и тако одолеша им, ...а князя великаго руками яша. Татары же ходив в погоню и многи убиша и изграбиша, а села пожгоша, люди изсекоша, а иных в плен поведоша [34, с. 62–63].

Каментар:

З нязначнымі нюансамі гэтае ж паведамленне перадаюць іншыя крыніцы [49]. [Яр-молінскі летапіс змяшчае ўдакладненне складу татарскага войску, які адправіўся ў паход на Лух]: Тое же весны царь Махмет и сын его Мамутяк послали в Черкасы по люди, и прииде к ним две тысячи казаков и, шедше, взяша Лух без слова царева, и приведоша полону много и богатства. Видев же царь множество корысти, и посла детей своих, Мамутяка да Ягупа, в отчины князя великого воевати [46, с. 151].

Князь великий Казимир немирен был со князем великим московским. И пришли москвичи с татары, извоевали Вяземскую землю всю... А московского князя тогда не было в земли, ходил к Мурому и татарь побил [50, с. 78].

1446 (Лето 6954).

Царь Махмет и сын его Мамутяк князя великого... отпустиша [51].

Приидоша казанские татары на Устюг войною и стояли под градом три месяца... но граждане, крепко ратующе, огонь погасили и татар прогнали [52. С. 134].

1448 (Лето 6956).

В говение в Филипово царь Казанский Мамутек послал всех князеи своих с многою силою воевати отчину великаго князя, Володимер и Муром и прочая грады. Слушав же то князь великеи посла противу их [53].

1449 (Лето 6957).

Скорые Татарове Седиахматовы догоняли до Похры и княгиню князя Василия Оболенскаго тогда взяли, и многа зла учинили христианом, секли и в полон вели. Царевич же Касым, слышав то, и иже противу их из Звенигорода, а они разсунушася по земли, и с коими сретился, тех бил и полон отымал. Они же, видев то, бежаша назад [54].

1450 (Лето 6958).

Прииде к нему [великому князю] весть, что идут Татарове из поля, Малыбердеи улан и иные с ним князи с многими Татары. Князь же великий посла противу их царевича своего с Татары... И угониша их на Бетюце реце в поли и побиша Татар много, а инии убежаша [55].

Приидоша Татарове на Рязань. Князь же великий Василей Васильевич посла на них рать свою... и убиша Татар множество, а догонили их и до Похры [56, с. 261].

1451 (Лето 6959).

Прииде весть к великому князю, что идет на нь изгоном из Седиахметевы орды царевич Мозавша, и поидоша противу ему Коломне, не успев собратися. И прииде весть ему, что Татари уже близ берега; и князь великий воротися к Москве... А Татари пришедше сташа у берега, чающе противу себе рати, и не бысть ничтоже... И тако превезошася Оку реку и напрасно устремишася к Москве, и приидоша на Москву... и тако вся посады зажгоша во един час, а сами в то время со вся стороны начаша ко граду приступати. А тогда и засуха велика бе, и со вся страны огонь объял град... И егда бысть к сумраку, отступиша Татари от града. А гражданае начаша пристройи градной готовити на оутрия противу безбожных, пушки, и пищали, и самострелы... Восходящю же солнцю, а гражданиом готовящимся на противьныя, и не бе видети никогоже. Исходящих же из града, смотряху сему и овамо, и никого не видяху; и послаша вестники в станы их. Они же пришедше никого не обретоша... яко же бо отступиша Татари от града, и тако прият их страх и трепет, яко великое воинство чающе по себе... бежаше же и полон меташа, а не клонишася ни на десно, ни на шуе, но толико бе скорее убегнути грядущего на них гнева [57].

Каментар:

Львоўскі летапіс удакладняе склад арганізатараў паходу: “Приидоша Татарове Сиди Ахметевы орды к граду Москве месяца июля в 4, а с ними Едигер князь Ордински яко зверь лютой” [56, с. 262].

1452 (Лето 6960).

На Введение Пречистой Богородицы взяли Татаровя Киев и воеводу Киевскаго пана Ивана Ходкевича... и пусто учинили, и город сожгли и пошли [58].

Tegosz lata xiądz wielki Kazimirz niemirem bil s xiądzem wielkim Moskiewskim. I prziszdwssi Moskwiczi s xiądzem i s Tatarzi Kozanskiemi i voevali wszitką ziemią Vasiemską... Moskiewskiego tedi xiądza nie bilo w Smolinskiey ziemi chodzil do Murowla bic się s Tatarzi. S czarem Machmetem i s sinem iego Momotakiem: i pobili Moskwą na głową Tatarowie i samego Moskowskiego Vasila Ivana ięli [59, с. 466–467].

Каментар:

Летапісец тут на няведанні прыпісвае пазначаным часу падзеі 1445 года).

1454 (Лето 6962).

Приидоша Татарове Сиди Ахметевы орды к граду Москве месяца июля в 4, а с ними Едигер князь Ордински яко зверь лютой... Татарове же посад зажгоша, и понесе огонь ветр на город... стояше под Москвою день един, отыдоша [34, с. 109].

Приходиша Татарове Седиахматовы к Оце реце и перевезошася Оку ниже Коломны, а князь великий посла противу них князя Ивана Юрьевича с многими вои; сretoшася и бысть им бои, и одолеша христиане Татаром [60, с. 209].

Приходил Салтан царевич сын Сиди Ахметев с Татары к реце Оце, и перелезше Оку реку, грабили, а в полон имали и прочь ушли... А Феодор Басенок двор великого князя Татар бил, а полон отимал. Тогда убиша князя Семена Бабича [61].

1455 (Лето 6963).

Приходили Татарове Седи-Ахматовы к Оце-реке и перевезошася Оку ниже Коломны; а князь великий посла противу их князя Ивана Юрьевича со многими вои; и сretoшася, и бысть бой, и одолеша христиане татаром. Тогда убит бысть князь Семен Бабич [62].

Каментар:

Ярмолинські летаніс дапаўняе: «грабіли полон и имали... и пришед сы иные страны Феодор Васильевич Басенок, с великого князя двором, Татар бил и полон отнял» [46, с. 155].

Того же лета посылал князь велики Василей Васильевич рать за Оку за реку противу Татар, а воевода у них бысть Иван Юрьевич; и бысть им бой, поможе Бог воем князя, побилша Татар множество [63].

Заклучэнне

У разгледжаны намі перыяд Прычарнаморскі рэгіён з'яўляўся ключавой крыніцай рабоў для нявольніцкіх рынкаў Міжземнамор'я, а асноўнымі пастаўшчыкамі на рынкі Кафы, Таны і Канстанцінопаля былі татары, якія здзяйснялі набегі на рускія княствы. Кафа набыла асаблівае значэнне ў гэтым гандлі. Канец XIV і XV стст. характарызаваліся нестабільнасцю ва Усходняй Еўропе, звязанай з распадам Залатой Арды і з'яўленнем на палітычнай арэне новых суб'ектаў. Узаемадзеянні татарскіх ханаў былі цесна звязаны з палітыкай, якую праводзіла Вялікае Княства Літоўскае і яго магутны кіраўнік Вітаўт. Дзэінтэграцыя Залатой Арды і паступовае ўтварэнне самастойных ханстваў (такіх як Казанскае, Астраханскае, Крымскае, Касімаўскае, Узбекскае ханства і Нагайскае Арда) сталі справай часу. Крым быў часткай цэнтрабежнага працэсу распаду Залатой Арды, алё працэс здабычы незалежнасці крымскататарскімі элітамі быў паступовым. Дзэінтэграцыя Залатой Арды прывяла да ўзмацнення набегі дробных ханаў, у тым ліку крымскіх, на зямлі рускіх княстваў, а Асманская экспансія стала адной з прычын замяшчэння італьянскіх купцоў падданымі асманаў.

1. Ковалевский, М. М. О русских и других православных рабах в Испании / М. М. Ковалевский // Юридический Вестник 21 (1886). See also: Verlinden, "La colonie vénitienne de Tana, centre de la traite des esclaves au XVe et au début du XVIe siècle," in Studi in onore di G. Luzzatto. – Milan, 1950, vol. 2. – S. 1–25.

2. Греков, И. Б. Восточная Европа и упадок Золотой Орды (на рубеже XIV – XV вв.) / И. Б. Греков. – М. : Наука, 1975.

3. Летопись Авраамки // Полное собрание русских летописей (далее – ПСРЛ) – Т. 16. – СПб, 1889. – С. 186–187; Супрасальский список // ПСРЛ. Т. 17. – СПб, 1907. – С. 69.

4. Греков, И. Б. Очерки по истории международных отношений Восточной Европы в XIV – XVI вв. / И. Б. Греков. – М. : Издательство восточной литературы, 1963. – 376 с.

5. Kronika polska, litewska, żmódzka i wszystkich Rusi Maciejá Strykowskiego. – Warsaw, 1846, vol. 2., 156.

6. Летописи Белорусско-Литовские // ПСРЛ. – Т. 35. – СПб, 1980.

7. Codex epistolaris Vitoldi Magni ducis Lithuaniae 1376–1430; coll. Opera Antonii Prochaska. – Krakow, 1882, X, 688, doc. 1181.

8. Codex epistolaris Vitoldi Magni ducis Lithuaniae 1376–1430; coll. Opera Antonii Prochaska – Krakow, 1882, 660 (no. 1159), 721 (doc. 1223).

9. Liv-, Est und Kurlandisches Urkundenbuch (Riga/Moscow, 1884), vol. 8, XXXVII, S. 366, No. 624.

10. Halecki, O. Z Jana Zamoyskiego Inwentarza Archivum Koronnego: Materiały do dziejów Rusi i Litwy w XV wieku; Polska Akademia Umiejętności. – Kraków : Archiwum Komisji Historycznej. – Krakow, 1919. vol. 12 : Cz. 1. – S. 198–199, 216.

11. Długosz, Joannis Długossii seu Longini canonici Cracoviensis Historiae Polonicae libri XII. – Krakow, 1877. vol. 4, 221.

12. de Lannoy, Voyages et ambassades de messire Guillebert de Lannoy, 1399–1450. – Mons, 1840. – S. 41.

13. Фомичев, Н. М. Джучидские монеты из Азова / Н. М. Фомичев // Советская археология. –1981. – № 1. – С. 225, 239 ; Еманов, А. Г. Север и Юг в истории коммерции: на материалах Кафы XIII–XV вв. – Тюмень : МИ «Рутра», 1995. – С. 111 ; Опимах, О. Г. Коллекция генуэзско-татарских аспров в собрании национального заповедника "София Киевская" / О. Г. Опимах // Сугдейский сборник 2. – Kiev/Sudak, 2005. – С. 527 ; Козубовский, Г. А. О времени появления кафинских надчеканок на джучидских монетах // Сугдейский сборник 2. – Kiev/Sudak, 2005. – С. 156.

14. Tiesenhausen, Сборник материалов, относящихся к истории Золотой орды. – Saint Petersburg, 1884. – vol. 1. – S. 442.
15. Spuler, Die Goldene Ardu. Die Mongolen ŷ Russland 1223–1502. – Лейпцыг, 1943. – С. 166.
16. *Мыц, В. Л.* Война 1433–1441 гг. между Кафрой и Феодоро / *В. Л. Мыц* // АДСВ. – 2000. – Вып. 31.
17. ASG, AS, 3034, Diversorum, Filze 14, No. 2 (old), 6 (new). Published in: Karpov, Regests... Diversorum Filze... Black Sea in the Middle Ages 3. 36.
18. *Колли, Л. П.* Падение Каффы. Последние годы генуэзских поселений в Крыму. Менгли Гирей хан. 1466–1475 гг. н. э. / *Л. П. Колли* // ИТУАК. – 1918. – № 54. – С. 129–171.
19. *Волков, М.* Четыре года города Кафы (1453, 1454, 1455 и 1456) / *М. Волков* // ЗООИД. – 1972. – Т. 8.
20. *Cazacu M., Kevonian K.* La chute de Cafa en 1475 à la lumière de nouveaux documents // CMRS. 1976. Vol. 17/4. P.
21. Некаторыя крыніцы як заходняга, так і ўсходняга паходжання пра падзенне Каффы даступныя: *Cazacu M., Kevonian K.* La chute de Cafa en 1475...; for instance a letter written in Persian: *Ibid.*, 506–511; а таксама некаторыя армянскія крыніцы.
22. *Andreescu, Ștefan.* Autour de la dernière phase des rapports entre la Moldavie et Gênes. – Revue Roumaine d'Histoire, XXI. – 1982.
23. АбсувязяхШтэфана III ВялікагаіФеодораглядз. : *Bogdan, Ioan.* Documentele lui Ștefan eel Mare. – Bucharest: Atelierele Grafice & C, 1913; vol. 2. – S. 324–328. У гэтым жалі спесведчанне аб тым, што суд наз італьянцамі з Мангупа (Сік) прыбыла нядаўна ў Альбу. Абсямейныхсувязяхглядз. : *Герцен, А. Г.* Молдавия и княжество Феодоро в 1475 г. // АДСВ. – 2004. – Вып. 35. – С. 226–241 ; *Степаненко, В.П.* Князя Феодоро и византийская аристократия XV в. // Византия и Крым. Тезисы докладов международной конференции в Севастополе. – Симферополь, 1997. – С. 76–77; *Он же.* Легенда о Гаврах и Херсонес в русской и советской историографии // Историография Балканского средневековья. – Тверь, 1990. – С. 87–95; *Он же.* Владетели Феодоро и византийская аристократия XV в. // АДСВ. – 2001. Вып. 32 – С. 335–353. Аб адносінах Стэфана з Венецыяй і Генуяй глядзі таксама: *Spatarelu, M.* The relationships of the righteous and holy voivode Stephen the Great with the Pontic region // 21st International Congress of Byzantine Studies. – London, 2006; *Gaina, A.* Astronomy, Geodesy and Map-Drawing in Moldova Since the Middle Ages Till the World War I // Serbian Astronomical Journal. – 2001. – Т. 162. – С. 121.
24. Ecthesis chronica, and Chronicon Athenarum, ed. S. Lambros. – London, 1902. – S. 18.19–20; 33.15. Спусціўшыся грэкі, адраджэнне горада. Некалькі іншых грэчаскіх хронік паведаміць аб жолабе Каффы. “Ετους, ζαπύ μνηϊουλίωα, ἀποδὲ Χριστοῦ, αὐοε, ἀλώθηό Καφᾶς.” (Chronographia brevis. Page 229 line 14). “αυογ, ιουλλίωκγ, ἐκρατήθηό Καφᾶς ἀπὸ τῶν Γενουβιτῶν τὰς χεῖρας – σουλτᾶν Μεχεμέτης.” (Chronica Byzantina breviora. Chronicle 38, 2 section 17 line 1 (17)). “Ετους ἀπὸ Ἀδὰμ, ζαπύ, ἀπὸ δὲ τοῦ Χριστοῦ, αὐοε, μνηϊουλλίω, ἀλώθηό Καφᾶς.” (Ibid. Chronicle 58, 1 section 18 line 2). “τῶ αυογ, ιουλλίωκγ, ἐπῆρανοί Τοῦρκοι τὸν Καφᾶν ἐκ τὰς χεῖρας τῶν Γενουβίσιων.” (Ibid. Chronicle 37, 2 section 12 line 1 (12)).
25. Патриаршая, или Никоновская летопись // ПСРЛ. – Т. 11. – М., 1965. – С. 238; Симеоновская летопись // ПСРЛ. – Т. 18. – СПб., 1913. – С. 166–167 ; Летописный свод 1497 г. // ПСРЛ. – Т. 28. – М. ; Л., 1963. – С. 96, 261 ; Львовская летопись // ПСРЛ. – Т. 20 (1). – СПб., 1910. – С. 232; Типографская летопись // ПСРЛ. – Т. 24. – Петроград, 1921. – С. 181–182 ; Московский летописный свод конца XV в. // ПСРЛ. – Т. 25. – М. ; Л., 1949. – С. 245. Львоўскі летапіс падкрэслівае, што поўны летапіс быў вельмі шматлікім.
26. Патриаршая, или Никоновская летопись. – Т. 11. – С. 238 ; Вологодско-Пермская летопись // ПСРЛ. – Т. 26. – М.; Л., 1959. – С. 182; Никаноровская летопись // ПСРЛ. – Т. 27. – М.; Л. : Изд-е АН СССР, 1962. – С. 100.
27. Устюжская летопись // ПСРЛ. – Т. 37. – Л., 1982. – С. 40.
28. Львовская летопись... – С. 232; Устюжская летопись... – С. 40.
29. Из «Истории» Хайдера Рази // Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. Том II. Извлечения из персидских сочинений, собранные В. Г. Тизенгаузенем. – М., 1941.

30. Из «Места восхода двух счастливых звезд и места слияния двух морей» Абд-ар-Разака Самарканди // Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. Том II. Извлечения из персидских сочинений, собранные В. Г. Тизенгаузенем. – М., 1941. – С. 196.
31. Из «Списков устроителя мира» Гаффари // Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. Том II. Извлечения из персидских сочинений, собранные В.Г. Тизенгаузенем. – М., 1941. – С. 212.
32. Софийская вторая летопись // ПСРЛ. – Т. 6. – СПб., 1853. – С. 142 ; Вологодско-Пермская летопись // ПСРЛ. – Т. 26. – М.; Л., 1959. – С. 182 ; Никаноровская летопись... – С. 100.
33. Патриаршая, или Никоновская летопись // ПСРЛ. – Т. 11. – М., 1965.
34. Патриаршая, или Никоновская летопись // ПСРЛ. – Т. 12. – СПб., 1901.
35. Софийская вторая летопись // ПСРЛ, Т. 6. – СПб., 1853. – С. 143 ; Ермолинская летопись // ПСРЛ. – Т. 23. – СПб., 1910. – С. 146 ; Львовская летопись... – С. 233 ; Устюжская летопись... – С. 41 ; Патриаршая летопись добавляет: «Кострому взяли, и Плесо, и Лух» [34, с. 8].
36. Симеоновская летопись ... – С. 170 ; Вологодско-Пермская летопись. ПСРЛ, Т. 26. М. ; Л., 1959. – С. 182 ; Никаноровская летопись... – С. 102; Летописный свод 1497 г... – С. 98; Летописный свод 1497 г. // ПСРЛ. – Т. 28. – М.; Л., 1963. – С. 264.
37. Архангелогородский летописец // ПСРЛ – Т. 37. – Л., 1982. – С. 84.
38. Рэальна пасля слоў «Витолт своею делнстю и мензством» гаворка ідзе не пра 1429 год, а пра падзеі, якія мелі месца некалькі гадоў раней. Наконт Керембердек (Керым-Берд, сын Токтамыш) ўсходнія крыніцы паведамляюць наступныя звесткі: «Джелаль-ад-дин наследоваў царство. Он и несколько его братьев, как-то: ...Керим-берди, сын Токтамыш-хана... правили недолгое время. Борак-хан, сын Куйзи-хана, сына Урус-хана в 828 г. х. (= 23. 12. 1424 – 12. 11. 1425) победил Мухаммед-хана и стал царем» [31, с. 212].
39. Хроника Литовская и Жмойтская // ПСРЛ. – Т. 32. – М., 1975.
40. Софийская вторая летопись // ПСРЛ. – Т. 6. – СПб., 1853. – С. 144; Вологодско-Пермская летопись // ПСРЛ. – Т. 26. – М.; Л., 1959. – С. 186 ; Львовская летопись... – С. 234 ; Никаноровская летопись... – С. 102. Летописный свод 1497 г... – С. 98. Согласно другим летописям, Аидар не дошел до Киева не 15 миль, а 80 верст (Ермолинская летопись // ПСРЛ. – Т. 23. – СПб., 1910. –С. 147; Устюжская летопись // ПСРЛ. – Т. 37. – Л., 1982. – С. 41).
41. Патриаршая, или Никоновская летопись. Т. 12... – С. 9; Симеоновская летопись ... – С. 170.
42. Патриаршая, или Никоновская летопись. – Т. 12... – С. 24–25. Все то же: Московский летописный свод конца XV в... – С. 260; Вологодско-Пермская летопись. ПСРЛ. – Т. 26. – М.; Л., 1959. – С. 193; Никаноровская летопись... – С. 107; Летописный свод 1497 г... – С. 101 ; Летописный свод 1518 г. // ПСРЛ. – Т. 28. – М.; Л., 1963. – С. 268 ; Львовская летопись... – С. 240–241.
43. Казанский летописец // ПСРЛ. – Т. 19. – СПб., 1903.
44. Софийская вторая летопись // ПСРЛ. – Т. 6. – СПб., 1853. – С. 169; Вологодско-Пермская летопись... – С. 193 ; Никаноровская летопись... – С. 107; Тверская летопись // ПСРЛ. – Т. 15. – СПб., 1863. – С. 491; Симеоновская летопись ... – С. 189–190; Московский летописный свод конца XV в... – С. 260; Львовская летопись... – С. 256; Летописный свод 1497 г... – С. 102; Летописный свод 1518 г... – С. 268; Устюжская летопись... – С. 43.
45. Вологодско-Пермская летопись... – С. 196; Никаноровская летопись... – С. 108 ; Софийская вторая летопись... – С. 170 ; Симеоновская летопись ... – С. 192 ; Львовская летопись... – С. 234.
46. Ермолинская летопись // ПСРЛ. – Т. 23. – СПб., 1910. – С. 151.
47. Текст летописи по Эрмитажному списку утерян в Уваровском // ПСРЛ. – Т. 25. – М.; Л., 1949. – С. 394.
48. Ермалінскі летапіс удакладняе імёны двух царэвічаў, пасланых вялікім князем супраць Літвы: «А царевичи три, Каисым да Ягуп Махметовичи да Бердодат Кудудатовичь, служыли великому князю, и те ступили на Литовские порубежья» [46, с. 151].
49. Софийская вторая летопись... – С. 170–171; Тверская летопись... – С. 492; Летопись Авраамки // ПСРЛ. – Т. 16. – СПб., 1889. –С. 186–187; Симеоновская летопись... – С. 192–194;

Львовская летопись... – С. 257; Супрасальский список // ПСРЛ. – Т. 17. – СПб., 1907. – С. 69; Уваровский список (Летописец великих князей Литовских) // ПСРЛ. – Т. 17. – СПб., 1907. – С. 108–110. Текст летописи по Эрмитажному списку, утерянный в Уваровском // ПСРЛ. – Т. 25. – М.; Л., 1949. – С. 394; Типографская летопись // ПСРЛ. – Т. 24. – Петроград, 1921. – С. 183; Вологодско-Пермская летопись... – С. 197; Никаноровская летопись... – С. 109 ; Летописный свод 1497 г... – С. 103 ; Летописный свод 1518 г... – С. 270–271.

50. Слуцкая летопись // ПСРЛ. – Т. 35. – М., 1980.

51. Московский летописный свод конца XV в... – С. 263 ; Летописный свод 1497 г... – С. 104; Летописный свод 1518 г... – С. 271.

52. Летописец Льва Вологодина // ПСРЛ. – Т. 37. – Л., 1982. – С. 134.

53. Симеоновская летопись... – С. 203 ; Московский летописный свод конца XV в... – С. 269; Вологодско-Пермская летопись... – С. 207 ; Никаноровская летопись... – С. 114.

54. Симеоновская летопись... – С. 204; Московский летописный свод конца XV в. ... – С. 270 ; Патриаршая, или Никоновская летопись. Т. 12... – С. 75; Вологодско-Пермская летопись... – С. 208–209; Никаноровская летопись... – С. 115; Летописный свод 1497 г... – С. 110.

55. Симеоновская летопись ... – С. 206; Московский летописный свод конца XV в... – С. 271 ; Вологодско-Пермская летопись... – С. 210; Никаноровская летопись... – С. 116; Ермолинская летопись... – С. 154 ; Летописный свод 1497 г... – С. 111; Летописный свод 1518 г... – С. 278.

56. Львовская летопись // ПСРЛ, Т. 20 (1). СПб., 1910.

57. Симеоновская летопись ... – С. 206–207 ; Московский летописный свод конца XV в... – С. 271; Вологодско-Пермская летопись... – С. 211; Софийская вторая летопись... – С. 179; Никаноровская летопись... – С. 116–117 ; Летописный свод 1497 г... – С. 111; Летописный свод 1518 г... – С. 279.

58. Уваровский список (Летописец великих князей Литовских // ПСРЛ. – Т. 17. – СПб., 1907. – С. 401).

59. Ольшевский список. Wielkiego xięstwa Litewskiego i żmodskiego kronika // ПСРЛ. – Т. 17. – СПб., 1907. – С. 466–467.

60. Симеоновская летопись // ПСРЛ. – Т. 18. – СПб., 1913.

61. Львовская летопись... – С. 262–263; Софийская вторая летопись... – С. 180.

62. Вологодско-Пермская летопись... – С. 213; Никаноровская летопись... – С. 119 ; Московский летописный свод конца XV в... – С. 273; Летописный свод 1497 г... – С. 112; Летописный свод 1518 г... – С. 280 ; Софийская первая летопись по списку И. Н. Царского // ПСРЛ. – Т. 39. – М., 1994. – С. 147.

63. Львовская летопись... – С. 262–263; Софийская вторая летопись... – С. 180.

Khvalkov E.A. The source data of the Russian chronicles and sources of eastern origin about the raids to the Russian lands and on the political situation in the Golden Horde

Higher School of Economics (St. Petersburg)

In the 15th century, the Black Sea region became a source of export of slaves to Europe and the Middle East. Tatar raids on Russian principalities were among the tools of bringing the slaves to the Mediterranean markets. The Italian colonies on the Black Sea, primarily the Genoese Caffa, became the main source of the supply of slaves. This was facilitated by political instability and constant wars in the region, the collapse of the Golden Horde, the confrontation between Moscow and Lithuania, and the dynastic wars in the Principality of Moscow. For the Russian lands, irrespective of their political affiliation, that was a period of raids done by khans who sought not so much stable payments of tribute, but rather loot and, above all, slaves that could be sold through the Black Sea to the Mediterranean markets. The article is accompanied by fragments of chronicles that demonstrate the picture of Tatar raids on Russian lands during the years 1422 – 1455.

Key words: *slaves, slave trade, Black Sea, Mediterranean, Caffa, Genoa, Tatars, Golden Horde, Grand Duchy of Lithuania.*

УДОВЛЕТВОРЕННОСТЬ СТУДЕНТОВ ТЕХНИЧЕСКОГО УНИВЕРСИТЕТА УЧЕБНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬЮ

В статье рассматривается проблема удовлетворенности студентов технического университета учебной деятельностью. С психолого-педагогической позицией раскрывается содержание понятия «удовлетворенности учебной деятельностью» через комплекс различных взаимосвязанных между собой переменных, которые включают в себя: удовлетворенность учебным и воспитательным процессом; удовлетворенность избранной профессией; удовлетворенность взаимоотношениями с однокурсниками и преподавателями; удовлетворенностью материально-технических, бытовых условий, и удовлетворенностью досугом.

Статья содержит ряд выводов, представляющих практический интерес. Опираясь на результаты эмпирического исследования, автором проведен анализ проблемы, направленный на изучение представлений студентов технического университета об организации учебного процесса, степени удовлетворенности различными его сторонами во взаимосвязи с эмоционально – мотивационным компонентом. Обосновывается взаимосвязь удовлетворенности студента с качеством образовательных услуг в учреждении высшего образования.

Собранный фактический материал позволяет выработать общую стратегию развития университета по совершенствованию деятельности его подразделений, и представляет интерес специалистам, работающим в системе менеджмента качества образовательных услуг.

Ключевые слова: *удовлетворенность учебной деятельностью; студенты технического университета; качество образования; степень удовлетворенности.*

Происходящие в настоящее время во всех сферах жизнедеятельности людей динамичные изменения предъявляют принципиально новые требования к совершенствованию качества образования. Подготовка специалистов в учреждениях высшего образования осуществляется в специально организованной среде в системе межличностных отношений с участниками образовательного процесса. Важным фактором становления и развития студентов является учебная деятельность, в процессе которой активизируются новые личностные образования, приобретаются специальные знания, умения, навыки, новые способы жизнедеятельности и творческого самовыражения.

В числе психолого-педагогических проблем в системе высшего образования центральное место принадлежит проблеме изучения удовлетворенности студентов университета учебной деятельностью, так как удовлетворенность отражает отношение студента к условиям и результатам учебной деятельности в вузе и является одной из движущих сил, активизирующих личность в любой сфере деятельности.

Понятие «удовлетворенность учебной деятельностью» в зарубежной и отечественной практике рассматривается как один из значимых критериев и показателей качества высшего образования [1]. В психологических словарях «удовлетворенность» рассматривается следующим образом:

1. Это «субъективная оценка качества тех или иных объектов, условий жизни и деятельности, отношений с людьми, самих людей, в том числе самого себя» [2, с. 555]. В словаре «Merriam-Websterdictionary» категория Satisfaction (удовлетворенность) трактуется как «источник радости», «исполнение желаний и потребностей», «состояние, в котором субъект испытывает удовлетворение» [3]. В указанных определениях в первую очередь акцентируется внимание на индивидуальном и эмоциональном характере переживания удовлетворенности.

2. Это «состояние удовлетворения, возникающее у человека после осознания того, что он достиг желаемой цели» [4, с. 386]. Так Кембриджский словарь определяет значение термина как «приятное состояние получения того, что ты хотел или совершения того, что ты запланировал сделать» [5]. В данной трактовке очевиден процессуальный подход: постановка цели – деятельность по ее достижению – сравнение полученного результата с запланированным – позитивные переживания (удовлетворенность). С этой точки зрения переживания следует рассматривать как универсальный психологический механизм, где удовлетворенность является индикатором успешности осуществления личностью своих отношений с окружающей средой, в которых раскрываются ее социальные качества.

По мнению Е. П. Ильина, «...удовлетворенность выступает одним из факторов, влияющих на принятие решения о продолжении деятельности, ... усиливает мотив и ... может объяснять, почему человек занимается данной деятельностью столь длительное время» [6, с. 264]. Под показателем «удовлетворенность учебной деятельностью» Мищенко Л. В. понимает «эмоционально оценочное отношение студентов к выполняемой учебной деятельности и условиям ее протекания, включающее в себя отношение к разным аспектам учебной деятельности студентов» [7, с. 122].

Таким образом, удовлетворенность учебной деятельностью складывается из мотивационного и эмоционального компонента. Мотивация стимулирует поведение и объясняет, почему человек занимается данной деятельностью длительное время, при этом уровень удовлетворенности следует рассматривать как показатель эффективности учебной деятельности. Эмоциональный компонент относится к субъективным переживаниям, возникающим вследствие реализации мотива и достижение цели. В связи с этим, удовлетворённость учебной деятельностью определяется через комплекс различных взаимосвязанных между собой переменных или их сочетания, который включает в себя: удовлетворённость учебным и воспитательным процессом; удовлетворённость избранной профессией; удовлетворённость взаимоотношениями с однокурсниками и преподавателями; удовлетворённость материально-технических, бытовых условий и удовлетворенность досугом.

Исходя из этого, чтобы понять какие составляющие учебного процесса, студенты хотели бы изменить, целесообразно изучать уровень их удовлетворённости учебной деятельностью в динамике под влиянием различных факторов и критериев.

С целью оптимизация учебного процесса было проведено эмпирическое исследование (добровольное и анонимное), в котором приняло участие 286 студентов УО «БрГТУ».

Респондентам предлагалась специально разработанная анкета, направленная на изучение представлений студентов об организации учебного процесса и степени удовлетворенности различными его сторонами с учетом физиологических, социальных и профессиональных факторов. Опросный лист состоял из 12 позиций. На отдельные вопросы было предусмотрено несколько вариантов ответа, что позволило получить не только статистические данные, но и обнаружить эмоционально-личностное отношение к предмету исследования.

В процессе исследования мы исходили из того, что мотивация поступления в университет является важнейшим социально-психологическим фактором, формирующим удовлетворенность студентов технического университета учебной деятельностью. Именно поэтому в первую очередь важно было выяснить их отношение к избранной профессии.

Результаты проведённого исследования показали, что у студентов 3 курса технического университета с момента поступления в УО «БрГТУ» наблюдалась тенденция устойчивого повышения интереса к избранной специальности. Результаты обработки представлены в таблице 1.

Таблица 1. Интерес студентов к выбранной специальности за время учебы

№ п/п	Изменился ли Ваш интерес к выбранной специальности за время учебы?	%
1	Да, изменился в лучшую сторону	25
2	Не изменился	53
3	Да, изменился в худшую сторону	22

Так, четвертая часть респондентов, в вопросе «Изменился ли Ваш интерес к избранной специальности за время учёбы?» выбрали вариант «Да, изменился в лучшую сторону», фактически половина опрошенных (53 %) выбрали вариант «не изменился». Это свидетельствует о достаточно высоком уровне (78 %) профессиональной мотивации у студентов УО «БрГТУ» и является показателем удовлетворённости избранной профессией, что, безусловно, позволит студенту в полном объёме раскрыть свои способности и профессиональные навыки

Для оценки общей удовлетворённости студентов учебным процессом был предложен вопрос «Довольны ли Вы качеством образования, получаемого в университете». Итоги частотного анализа показали, что большая часть респондентов в целом удовлетворены качеством образования (77 %) и тем самым выразили общую удовлетворенность учебной деятельностью. Неудовлетворённость «качеством образования, получаемого в университете», отметила фактически четверть опрошиваемых студентов. Итоги частотного анализа содержатся в таблице 2.

Таблица 2. Удовлетворенность студентов качеством образования, получаемого в университете

№ п/п	Удовлетворены ли Вы качеством образования в УО «БрГТУ»?	%
1	Да	19
2	Скорее да	58
3	Скорее нет	20
4	Нет	3

Следует отметить, что удовлетворённость учебным процессом возникает в том случае, если учебный процесс затрагивает интересы, склонности и индивидуальные способности каждого студента. В этой связи важны показатели оценки собственной профессиональной подготовки студента по избранной специальности, где из общего числа опрошиваемых студентов 15 % ответили «да» (удовлетворены) и 47 % «скорее да» (скорее удовлетворены).

Не менее существенны и дополнительные мотивы студентов. Так ответы на вопрос: «Как Вы считаете, насколько знания, полученные в УО «БрГТУ», будут затребованы в Вашей трудовой деятельности?», свидетельствуют о том, что значительная часть студентов технического университета (44 %) уверены в том, что их профессиональные знания и навыки, найдут применение в хозяйственном комплексе страны. Третья часть опрошенных выразили неуверенность, что их профессиональные компетенции являются актуальными в данное время, при этом каждый пятый студент пока не сформировал своего мнения по данному вопросу. Это свидетельствует о том, что, студенты радикально подходят к оценке практической значимости образовательного процесса и его роли в их профессиональном становлении. Результаты обработки представлены в таблице 3.

Важным параметром в оценке удовлетворённости студентов учебной деятельностью качеством образовательных услуг, является их мнение об уровне материально-технических и бытовых условий. Прежде всего, обращает на себя внимание тот факт, что участвовавшие в опросе студенты продемонстрировали удовлетворённость созданными в вузе условиями для обучения. Большинство студентов (70 %), удовлетворяет состояние аудиторного фонда и данный показатель, безусловно, следует считать значительным. Однако, по-прежнему, в сравнении с ра-

нее проводившимися исследованиями, почти треть опрошенных студентов считают, что «необходимы дополнительные усилия по совершенствованию аудиторного фонда учебного заведения» [8].

Таблица 3. Удовлетворенность студентов, в востребованности в будущей трудовой деятельности получаемых в университет знаний

№ п/п	Как Вы считаете, насколько знания, полученные в УО «БрГТУ», будут затребованы в Вашей трудовой деятельности?	%
1	Будут затребованы	9
2	Скорее будут затребованы	35
3	Скорее не будут затребованы	28
4	Не будут затребованы	7
5	Пока затрудняюсь ответить	21

Степень соответствия состояния аудиторного фонда ожиданиям студентов, измерялась с учётом уровня обеспечения лабораторных работ компьютерным и информационно-коммуникативным оснащением. Были получены следующие результаты опроса: 70 % выразили удовлетворенность по данному аспекту учебной деятельности. Неудовлетворённость уровнем обеспечения выразили 30 % студентов-третьекурсников. Такие значительные расхождения во мнениях студентов, во многом коррелируют с теми значениями, которые были выявлены предыдущими исследованиями, в которых изучалось мнение иных категорий респондентов – магистрантов и выпускников дневной формы обучения технического университета. Таким образом, оценку по данному вопросу, можно принять как наиболее объективную и достоверную.

Свидетельством удовлетворённости студентов учебной деятельностью является положительная оценка профессионализма и компетентности преподавателей, так как взаимопонимание формирует уверенность и развивает у студента профессиональные умения и навыки с учётом их индивидуальных особенностей. Уважение к каждому студенту и постоянная забота поощряют инициативу и улучшают психологический климат в студенческом коллективе. В вопросе «Удовлетворены ли вы «профессионализмом и компетентностью преподавателей», четверть респондентов выбрали вариант ответа «Да». Фактически половина студентов технического университета ответили «скорее да». Данный разброс результатов ответов косвенно подтверждают и ответы на вопрос, в котором квалифицированное большинство, а это 87 % опрошенных студентов выразили свою удовлетворённость во взаимоотношениях с преподавателями: третья часть выбрала вариант ответа «да» и фактически половина опрошенных ответила – «скорее да». Такая сбалансированность исследуемых аспектов сотрудничества студентов с преподавателями свидетельствует о высоком профессионализме профессорско-преподавательского состава технического университета. Всё это убедительно доказывает, что руководство УО «БрГТУ» способно «сформировать необходимую профессиональную направленность с учётом индивидуально-психологических особенностей студентов вуза», что подтверждают данные ранее проводимых исследований [9].

Не менее существенны результаты, которые позволили оценить удовлетворённость студентов процессом организации жизнедеятельности в техническом университете. Анализ материалов свидетельствует о том, что в студенческих группах, прежде всего, преобладает «доброжелательность» и «взаимная симпатия». Четверо из пяти опрашиваемых студентов оценивают свои взаимоотношения как «положительные и доверительные» и полностью удовлетворены атмосферой, созданной в университете, и прежде всего, «благодаря возможности творческого самовыражения и развития». При этом значительная часть (73 %) респондентов подчеркнули свою удовлетворённость «спортивно-оздоровительной базой» университета, а квалифицированное большинство (89 %) удовлетворены в целом «качеством работы университетской столовой».

Таким образом, проведенное исследование позволяет сделать следующие выводы:

Во-первых, учебная деятельность студентов технического университета характеризуется положительным эмоционально-оценочным отношением. Наибольшую удовлетворённость вызывает интерес студентов к избранной специальности, а также взаимодействие с профессорско-преподавательским составом.

Во-вторых, студенты, удовлетворённые взаимодействием с однокурсниками, профессорско-преподавательским составом и руководством вуза, демонстрируют положительную мотивацию в приобретении знаний. Это позволяет предположить, что сформировавшиеся, в процессе обучения компетенции в перспективе будут затребованы в их трудовой деятельности.

В-третьих, исследуемые характеристики учебной деятельности являются показателями социально-психологической зрелости студентов с высоким уровнем мотивации и эмоциональной устойчивостью, что позволяет им достичь поставленных целей.

Результаты данного исследования могут послужить основой для дальнейшей разработки и изучению динамики удовлетворённости студентов учебной деятельностью, и представляет интерес специалистам, работающим в системе менеджмента качества образовательных услуг. Собранный фактический материал позволяет выработать общую стратегию развития университета по совершенствованию деятельности его подразделений.

1. Kane, D. Cappuccini-Ansfield G. Student satisfaction surveys : The value in taking an historical perspective / D. Kane, J. Williams // Quality in Higher education. – 2008. – Vol. 14, iss. 2. – P. 135–155.

2. Мещеряков, Б. Г. Удовлетворенность / Б. Г. Мещеряков, В. П. Зинченко // Большой психологический словарь / под ред. Б. Г. Мещерякова. – СПб. : Прайм-Еврознак, 2005. – 673 с.

3. Merriam-Webster dictionary [Electronic resource]. – Режимдоступа : <https://www.merriam-webster.com/dictionary/satisfaction>. – Датадоступа : 23.05.2020.

4. Ребер, Артур. Большой толковый психологический словарь : в 2 т. / Артур Ребер (Penguin) ; пер. с англ. – М.: Вече, АСТ, 2000. – Т. 2 (П–Я) : пер. с англ. – М.: Вече.– 560 с.

5. Cambridge Dictionary [Electronic resource]. – Режимдоступа : <https://dictionary.cambridge.org/ru/>. – Датадоступа : 23.05.2020.

6. Ильин, Е. П. Мотивация и мотивы / Е. П. Ильин. – Серия «Мастера психологии» – СПб. : Питер, 2002. – 512 с.

7. Мищенко, Л. В. К проблеме диагностики отношения студентов к учебной деятельности / Л. В. Мищенко // Вестник практической психологии образования. – 2007. – № 3. – С.122–128.

8. Данилов, Ю. Д. Результаты мониторинга удовлетворенности студентов образовательными услугами УО «БрГТУ» за 2015/2016 учебный год / Ю. Д. Данилов, О. П. Бурко, Е. Г. Кудрицкая // Вестник БрГТУ. – 2016. – № 6 (102) : Гуманитарные науки. – С.78–82.

9. Бурко, О. П. Организация мониторинга удовлетворенности качеством образовательных услуг в Брестском государственном техническом университете / О. П. Бурко, Ю. Д. Данилов, Е. Г. Кудрицкая // Вестник БрГТУ. –2018. – № 3 (111). – С.81–84.

Kudritskaya E. G. Satisfaction of Technical University Students with Learning Activities

The article deals with the problem of satisfaction of technical university students with learning activities. Based on the results of an empirical study, the author conducted an analysis of the problem, aimed at studying the ideas of students of a technical university about the organization of the educational process, the degree of satisfaction with its various aspects in conjunction with the emotional - motivational component. The relationship of student satisfaction with the quality of educational services in a higher education institution is substantiated.

The collected factual material allows us to develop a general strategy of the development of the university to improve the activities of its departments and is of interest to specialists working in the quality management system of educational services.

Keywords: *satisfaction with learning activities; students of a technical university; the quality of education; the degree of satisfaction.*

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ КОМПЬЮТЕРНЫХ ТЕХНОЛОГИЙ ПРИ ОБУЧЕНИИ ИНОСТРАННЫМ ЯЗЫКАМ В НЕЯЗЫКОВОМ ВУЗЕ: ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ

В статье рассмотрены некоторые проблемы и направления модернизации и оптимизации курса обучения ИЯ в неязыковом вузе на базе компьютерных технологий.

Ключевые слова: *иностранный язык, неязыковой вуз, модернизация и оптимизация обучения, компьютерные технологии.*

Как известно, потребность в специалистах с высшим образованием, способных осуществлять свою профессиональную деятельность на иностранном языке (ИЯ), постоянно растет во всем мире как следствие глобализации социально-экономической жизни, снятия торгово-экономических барьеров между странами и возникновения мирового рынка высококвалифицированного труда. Являясь частью мировой экономической системы, Республика Беларусь не может не ощущать этой потребности, а именно потребности в том, чтобы владение ИЯ действительно являлось важной частью приобретаемых студентами неязыковых вузов профессиональных компетенций.

На протяжении долгого времени овладение различными видами чтения, усвоение профессиональной лексики и грамматических особенностей специальных текстов постулировалось как основная цель обучения ИЯ в вузах неязыкового профиля. В настоящее время, как известно, ориентация на обучение чтению литературы по специальности сменилось направленностью на формирование иноязычных устно-речевых коммуникативных умений на уровне, обеспечивающем активное участие обучаемых в презентациях, конференциях, семинарах, рабочих столах и беседах в рамках их будущей профессиональной деятельности [1].

Однако задаваемые практическими потребностями рынка труда высокие требования к иноязычным устно-речевым навыкам выпускников неязыковых вузов не соответствуют в полной мере их фактическому уровню знаний, равно как и применяемому способу их оценки, а именно самим, как правило, преподавателем ИЯ и по принятым на кафедре тем или иным критериям, а не по результатам независимого внешнего контроля и по уровням владения в соответствии с общеевропейской классификацией.

В результате, одной из базовых проблем в обучении ИЯ в неязыковом вузе в настоящее время, на наш взгляд, является наличие противоречия между потребностью в подготовке неязыковыми вузами дипломированных специалистов с достаточно высоким уровнем владения ИЯ (уровни В1 – В2 по классификации Совета Европы), с одной стороны, и отсутствием общепринятой и действенной системы иноязычной подготовки таких специалистов в паре с объективной оценкой её качества в русле европейских подходов, с другой стороны.

Указанная выше проблема усугубляется ещё и рядом парадоксов, присутствующих в сегодняшней системе обучения ИЯ в неязыковых вузах. С одной стороны, уменьшение в целом количества учебных часов, которые предусмотрены типовыми учебными программами на аудиторные занятия по ИЯ, а, с другой стороны, программные требования к уровню владения ИЯ студентами по окончании вузовского курса непрерывно повышаются, а задачи, предписываемые программой для решения педагогами в рамках такого курса, все более усложняются.

В настоящее время в эти задачи входит, в частности, не только взаимосвязанное практическое обучение всевозможным видам иноязычной речевой деятельности, включая навыки делового общения (при том, что единые требования по соотношению этих видов речевой деятельности на сегодняшний день, как извест-

но, отсутствуют), но и, кроме того, задачи познавательного, развивающего и даже воспитательного характера.

Как известно, изучение ИЯ в неязыковых вузах республики осуществляется вне зависимости от формы обучения. Однако при сопоставимом общем количестве учебных часов, отводимых программами на ИЯ, доля аудиторных практических занятий в общем количестве учебных часов на заочных формах обучения в разы меньше, чем на дневной форме обучения. При официальной равноценности дипломов, которые получают студенты дневной и заочной форм обучения, это означает либо то, что цели и задачи курса ИЯ в неязыковом вузе могут быть успешно решены при гораздо меньшем количестве аудиторных занятий в группах дневной формы обучения, либо то, что ценность владения ИЯ в составе профессиональных компетенций сегодняшнего выпускника неязыкового вуза котируется, хотя и неофициально, не слишком высоко.

Современный студент, в первую очередь дневной формы обучения, как показывают наши опросы, конечно же не прочь знать хотя бы один, а то и пару, иностранных языков на достаточно высоком уровне. Но, с другой стороны, студент не совсем согласен на тот объем временных и физических затрат, которые требуются от него для формирования иноязычной коммуникативной компетенции в рамках традиционного вузовского курса ИЯ. Следует обратить внимание и на тот факт, что данные затраты отнюдь не гарантируют ему по завершении 100 % успех и существенные материальные или финансовые дивиденды в ближайшем будущем. Налицо конфликт интересов, разрешение которого, увы, чаще всего происходит, в конечном счете, не в пользу ИЯ, что отчасти понятно, поскольку для траты свободного времени, если таковое имеется у молодого человека, сегодня есть масса других, конкурирующих между собой соблазнов.

Отчасти становится понятным, почему повышение мотивационной составляющей в обучении ИЯ в неязыковом вузе в значительной мере видится на путях дифференциации и индивидуализации процесса обучения, осуществление которых в полной мере сегодня возможно, на наш взгляд, лишь при условии максимально полного использования дидактических возможностей, предоставляемых в распоряжение преподавателей и обучаемых компьютеризацией процесса обучения [2].

Использование современных компьютерных технологий (КТ) при обучении ИЯ в учреждениях образования – это реальность и объективная необходимость, уже хотя бы потому, что классическая учебная книга и связанные с ней общепринятые формы учебной работы сегодня, во многих отношениях, неумолимо морально устаревают и отходят на второй план. Очевидно, что для современного студента гораздо более привычным и стимулирующим является обучение с планшетом или смартфоном, чем с традиционным учебником.

Тем не менее, в целом, сегодня можно говорить лишь о фрагментарной, в силу целого ряда обстоятельств, компьютеризации учебного процесса и потому, в лучшем случае, лишь о некотором условном симбиозе КТ и традиционных форм, методов и средств обучения ИЯ в неязыковых вузах республики.

Применение КТ, как показывает и наша практика, даже в качестве дополнения к традиционным методам обучения ИЯ, делает практические занятия намного богаче по содержанию, повышая степень учебной активности студентов и эффективность использования учебного времени.

Грамотное внедрение КТ в практику обучения ИЯ дает возможность в значительной мере индивидуализировать процесс обучения в рамках существующих групповых форм обучения. Это становится возможным благодаря доступности к фактически неограниченному числу упражнений и заданий, градуированных по уровню языковых и речевых трудностей и с практически мгновенной, при необходимости, индивидуализированной проверкой правильности их выполнения. Кроме того, существует возможность постоянного автоматизированного мони-

торинга результатов учебной деятельности, что в свою очередь мотивирует студентов, повышая тем самым эффективность занятий по ИЯ. Использование компьютерных программ и функций, таких как, например, распознавание голоса, интерактивные мультимедийные упражнения и т. п., с помощью которых обучаемые могут самостоятельно совершенствовать свои иноязычные знания и умения, не может также не сказываться положительным образом на учебной активности обучаемых и ее конечных результатах.

Однако реальная степень задействования КТ в обучении иностранному языку в настоящее время, как уже указывалось выше, невелика и не отражает даже в малой мере их дидактического потенциала. В настоящее время компьютеры не только могут анализировать иноязычную текстовую информацию (предъявляемую в письменном или устном виде) по тому или иному заданному параметру или их некой совокупности и использоваться в этой функции для различных видов контроля или статистической обработки информации, но и практически мгновенно переводить с языка на язык тексты практически любого жанра и любой степени сложности с относительно высокой точностью. Благодаря КТ можно озвучивать иноязычные печатные тексты с качеством произношения на уровне носителя языка, в том числе с различной степенью скорости произношения и различными голосами (мужчины, женщины, ребенка и т. д.); понимать человеческую речь (как носителя языка, так и с тем или иным уровнем иноязычного акцента) и реагировать на нее соответствующими, в том числе и речевыми, действиями; достаточно адекватно описывать предъявляемые им картинки и даже понимать имплицитно содержащуюся в речевых сообщениях информацию [3].

Весь этот, и не только, постоянно расширяющийся дидактический потенциал, находящийся, образно говоря, «на кончиках пальцев» пользователя, естественным образом делает стремительно устаревающими не только традиционные средства, методы и формы обучения, но и ту роль и то место, которые ИЯ занимал и всё ещё занимает как учебная дисциплина в системе вузовского образования.

Однако следует отметить, что внедрение и эффективное использование указанного дидактического потенциала КТ в настоящее время зависит не столько от уровня компьютерной грамотности преподавателей ИЯ в области КТ, финансового благополучия или материально-технического обеспечения учебного заведения, сколько, как ни странно, от ответа на всё те же извечные вопросы дидактики, а именно: *чему учить, для чего учить и как учить?*

Только честный и до конца продуманный ответ на эти вопросы, как нам представляется, даст возможность максимально эффективно использовать дидактический потенциал КТ и тем самым модернизировать и оптимизировать систему иноязычной подготовки студентов в неязыковом вузе. Опыт ряда зарубежных стран, например, убедительно свидетельствует, что кардинальное изменение лишь только одних способов и критериев контроля и оценки качества получаемого иноязычного образования уже само по себе оказывается действенным инструментом повышения эффективности обучения ИЯ. Так известный скачок в качестве обучения ИЯ в странах центральной Европы, Японии и Китае произошёл именно после широкого внедрения КТ в учебный процесс в паре с введением внешнего уровневого стандартизированного экзамена по ИЯ.

Становится очевидным, что роль и значимость КТ в обучении ИЯ будет со временем только прирастать в направлении углубления и расширения их использования как в самой учебной деятельности, так и в ее организации и администрировании. Особенная роль в последнем случае принадлежит, в частности, так называемым «онлайновым образовательным платформам». Внедрение в учебный процесс указанных платформ предоставляет учебным заведениям возможность не только автоматизировать выполнение целого ряда административных процедур, осуществлявшихся ранее вручную и требовавших больших временных затрат, но и осуществлять

постоянный мониторинг посещаемости студентами учебных занятий и их текущей успеваемости, оперативную и беспристрастную оценку знаний, навыков и умений студентов по результатам текущего контроля за качеством подготовки к практическим занятиям, успешности выполнения тестовых заданий и т. д. как в отношении каждого студента в отдельности, так и учебной группы в целом.

Внедрение КТ в практику обучения ИЯ позволяет преобразовать традиционную учебную аудиторию в интерактивную среду обучения, которая мотивирует студента к участию в учебной работе в гораздо большей степени по сравнению со средой, в которой преподаватель просто объясняет что-то с мелом в руке. Несомненно, что в этом случае основными источниками иноязычной информации должны стать интернет-сайты, профессиональные форумы и чаты, электронные версии конференций и презентаций, видеоматериалы и т. д. [4], а в качестве средств обучения – мультимедийные компьютерные программы и интернет-технологии, что позволяет, в частности, не только в значительной мере индивидуализировать и автоматизировать процесс обучения, но и отвязать его от осуществления исключительно в традиционной учебной аудитории.

Всё сказанное выше и будет определять, по нашему мнению, в ближайшие годы основное направление в совершенствовании обучения ИЯ в вузе. Данное направление предусматривает максимально возможное внедрение в учебный процесс дидактического потенциала КТ и поиск наиболее оптимальных путей его использования в сочетании с традиционными формами и методами обучения, которые пока еще остаются доминирующими на сегодняшний день при обучении различным видам иноязычной речевой деятельности в неязыковых вузах РФ.

Существующие программные приложения позволяют педагогам уже сегодня разрабатывать в автоматизированном режиме высококачественные тесты с возможностью получения статистических отчетов в режиме реального времени об успешности их выполнения как каждым студентом в отдельности, так и учебной группой в целом, а также о типичных ошибках или других каких-либо параметрах критически необходимых для осуществления оперативной обратной связи и оценки результатов обучения.

Как уже отмечалось выше, обучение навыкам и умениям непосредственного иноязычного общения (говорению и пониманию речи на слух), тем более профессионально-ориентированному, является, с одной стороны, основной и ведущей целью обучения в настоящее время, а с другой – самым труднодостижимым программным требованием в силу сложного механизма их формирования и высокой время- и трудозатратностью самого процесса. Несмотря на то, что наш анализ литературы [5, 6, 7] выявил различные точки зрения как на само понятие оптимизации, так и ее критерии, любые пути ее достижения в настоящее время не представляются возможными для практически всех без исключения исследователей без задействования в той или иной мере КТ. Именно в этом направлении использование дидактического потенциала КТ с целью модернизации и оптимизации всего учебного процесса представляется наиболее продуктивным, хотя и требует, несомненно, пересмотра, и/или по крайней мере адаптации, как традиционных средств и методов, так и форм обучения и контроля.

По мнению большинства специалистов, занимающихся проблемами методологии преподавания ИЯ на дневных отделениях неязыковых вузов, существующие традиционные подходы не соответствуют в полной мере социально-экономическим потребностям общества, а используемые методы и средства обучения ещё далеки от использования в полной мере всего дидактического потенциала современных КТ.

Одной из центральных задач, в связи с этим становится модернизация и оптимизация курса обучения ИЯ в неязыковом вузе, а одним из путей их достижения – внедрение в учебный процесс инновационных образовательных технологий на базе КТ. Данные технологии могут и должны стать источником новых форм, методов и под-

ходов к процессу обучения ИЯ, действенным инструментом повышения уровня приобретаемых в вузе иноязычных коммуникативных компетенций [7, 8, 9, 10].

Мультимедийные обучающие программы в сочетании с интернет-ресурсами дают возможность проводить обучение на основе аутентичных современных образцов языкового общения на изучаемом ИЯ, создать атмосферу реальной коммуникации и сделать усвоение иноязычного языкового и речевого материала, обеспечивая его многократное и разноплановое повторение, более плодотворным и прочным.

Немаловажным является также и тот факт, что внедрение КТ в практику обучения ИЯ позволяет перевести студентов из разряда пассивных объектов обучения, коими они преимущественно являются в рамках традиционных форм обучения, в разряд активных, деятельных субъектов и существенно повысить их мотивацию к учебной деятельности благодаря инновационным формам работы и возможности участия в учебном процессе вне зависимости от исходного уровня знаний, умений и интересов и даже местонахождения, а также возможности непрерывного мониторинга их текущей учебной деятельности и объективной оценки конечных учебных достижений в соответствии с общеевропейской классификацией.

1. *Никитина, О. С.* Обучение профессионально-ориентированному деловому иноязычному общению в техническом ВУЗе / *О. С. Никитина, О. В. Ноздрина* // Инженерное образование. – 2006. – Режим доступа : <http://www.techno.edu.ru:8001>. Дата доступа : 01.11.2019.

2. *Ahmadi, Mohammad Reza.* The Use of Technology in English Language Learning: A Literature Review. *International Journal of Research in English Education (IJREE)*, 2018, 3(2): p.p.115–125. – Режим доступа : <https://www.youtube.com/watch?v=xx310zM3tLs> Дата доступа : 01.11.2019

3. *Howard, Jeremy.* The wonderful and terrifying implications of computers that can learn. – Режим доступа : <https://tedsummaries.com/2014/12/22/jeremy-howard-the-wonderful-and-terrifying-implications-of-computers-that-can-learn/> Дата доступа : 01.11.2019.

4. *Кондратьев, Д. К.* Методы оптимизации учебного процесса при обучении иностранным языкам в ГРГМУ / *Д. К. Кондратьев, Л. Н. Гущина* // Журнал Гродненского государственного медицинского университета. – 2006. – № 1. – С. 111–113.

5. Оптимизация процесса обучения иноязычному устно-речевому общению на финском языке в условиях дополнительного образования. – Режим доступа : <https://vk.com/@learnfi-optimizaciya-processa-obucheniya-inoazychnomu-ustno-rechevo>. Дата доступа : 15.11.2019.

6. *Шейхет, А. И.* Оптимизация процесса обучения иноязычному устно-речевому общению учащихся основной школы в условиях дополнительного образования: на материале финского языка: автореферат дис. ... кандидата педагогических наук. – СПб., 2015. – 24 с.

7. *Цолина, М. В.* Оптимизация процесса обучения иноязычному профессионально ориентированному общению курсантов высших военных медицинских учебных заведений при условии психосберегающих технологий / *М. В. Цолина* // Научный форум : Инновационная наука: сб. ст. по материалам VII междунар. науч.-практ. конф. – № 6(7). – М. : Изд. «МЦНО», 2017. – С. 14–18.

8. *Швецова, Н. А.* Оптимизация процесса обучения профессионально-ориентированному иностранному языку в ведомственных вузах ФСИН России / *Н. А. Швецова* // *Russian Journal of Education and Psychology*. – 2018. – Volume 9. – Number 9. – Режим доступа : <http://ej.soc-journal.ru>. Дата доступа : 10.10.2019.

9. *Ярмашевич, М. А., Писчасова, Ю. М.* Оптимизация профессионально ориентированного языкового обучения студентов технических вузов. – Режим доступа : <http://do.gendocs.ru/docs/index-169388.html> . – Дата доступа : 20.12.2019.

10. *Булатова, Ю.* Использование ИКТ для оптимизации процесса обучения иностранным языкам. – Режим доступа : <http://shakhty-edu.ru> – Дата доступа : 01.12.19.

Abukhouskaya A. Computer-assisted Foreign Language Teaching: Problems and Perspectives

The article discusses some of the problems and forms of modernization and optimization of the foreign language training course in a non-linguistic university based on computer technologies.

Key words: *Foreign languages, non-linguistic university, modernization and optimization of education, computer technologies.*

РОЛЬ И МЕСТО УЧЕБНИКА КАК СРЕДСТВА ОБУЧЕНИЯ ИНОСТРАННЫМ ЯЗЫКАМ В НЕЯЗЫКОВОМ ВУЗЕ

Наличие высококачественной учебной литературы было и остается одним из главных предпосылок успешной подготовки высококвалифицированных специалистов в высшей школе. В статье рассмотрены некоторые из базовых требований, которым должен удовлетворять современный учебник иностранного языка для студентов неязыковых специальностей вузов дневной формы обучения.

Ключевые слова: *высшее образование, учебные материалы, учебник по иностранному языку, дидактические требования*

Наличие высококачественной учебной литературы было и остается одним из главнейших предпосылок успешной подготовки высококвалифицированных специалистов в высшей школе. При этом центральную организующую и связующую роль в этом процессе всегда играл и продолжает играть учебник – как выдержавший проверку временем инструмент массового образования [1].

В течение долгого времени учебник иностранного языка (ИЯ) как в общеобразовательной средней школе, так и в неязыковом вузе, представлял, по сути, сборник учебных иноязычных текстов с теми или иными видами упражнений по различным аспектам соответствующего ИЯ, предназначенными для развития у обучаемых соответствующих языковых и/или речевых навыков и умений под руководством педагога. Научно-технический и экономический прогресс, внедрение в учебный процесс информационных технологий, совершенствование методики преподавания ИЯ и изменение целей и задач обучения ИЯ привели к тому, что современный учебник ИЯ стал представлять собой целый учебно-методический комплекс, который, помимо книги для учащихся, содержит, как правило, еще и книгу для учителя, а также ряд других дидактических материалов, таких как аудио и видео курсы, раздаточный материал, тесты [2], а с недавних пор – ещё и электронную версию входящих в комплекс печатных материалов. В условиях расширяющейся компьютеризации, дифференциации и индивидуализации процесса обучения, требования, традиционно предъявлявшиеся к вузовской учебной литературе, претерпевают дальнейшие существенные изменения, ибо только в этом случае учебник может претендовать на ту ключевую роль, которую этот вид учебной книги всегда выполнял в учебном процессе при изучении практически любой учебной дисциплины, ИЯ в том числе. В свете доминирующих в настоящее время методических установок на дифференциацию и индивидуализацию обучения, а также на самообразование, современный учебник ИЯ призван обеспечивать не только выработку у учащихся соответствующих, определяемых учебной программой, языковых и речевых навыков и умений под руководством педагога при минимальных затратах учебного времени и усилий, но и предоставлять учащемуся необходимые средства и учебные материалы для эффективной независимой самостоятельной работы с целью овладения ИЯ на более высоком уровне. Учебная книга при таких подходах из автономного пассивного носителя информации в виде некоторой суммы знаний, именуемой учебным материалом, подлежащим усвоению обучаемым, при очной форме обучения в значительной мере в аудитории под руководством преподавателя, превращается в интерактивную дидактическую систему, ведущее средство не только обучения, но и самообучения [3]. Очевидно, что наличие такого рода учебных книг, с одной стороны, и умение работать с ними, с другой, – это не только необходимое условие формирования студента как высококвалифицированного специалиста, но и важнейшая предпосылка его дальнейшего профессионального роста и самообразования.

Вопрос научно-методических требований, которым должен удовлетворять современный учебник для обучения ИЯ, является, в последние годы в особенности, предметом многочисленных теоретических исследований, рассмотрения и обсуждения на конференциях и семинарах [4, 5, 6]. Каковы же дидактические требования, которым должен отвечать современный учебник ИЯ для неязыковых специальностей вузов вообще, имея в виду в первую очередь очную форму обучения, в том виде как она существует сейчас, и в какой мере используемые при обучении ИЯ в БрГТУ учебные книги – учебники и учебные пособия – соответствует этим требованиям в частности? Несмотря на интенсивное внедрение в учебный процесс средств вычислительной техники и мультимедийных средств, ведущая роль среди других средств обучения ИЯ студентов неязыковых специальностей в системе высшего образования в ближайшее время, мы в этом абсолютно уверены, будет по-прежнему принадлежать учебной книге. Неоспоримым является тот факт, что структура и содержание любой подготавливаемой к изданию учебной книги, должны определяться в первую очередь местом и ролью, которые отведены последней в системе средств обучения конкретной специальности, целями и задачами обучения ИЯ в рамках данной специальности. Отводимое на достижение целей и задач учебное время, исходный уровень иноязычной подготовки, уровень специальных знаний у обучаемых, форма и степень объективности итогового контроля – это те важные критерии, которые необходимо учитывать при составлении «идеального учебника». Кроме того, в современных условиях чрезвычайно важно, чтобы учебная книга не только содействовала эффективной организации учебной работы студентов непосредственно в аудитории под руководством педагога, но и обеспечивала плодотворное самостоятельное внеаудиторное освоение ИЯ как средства коммуникации. Исходя из вышесказанного, изложение материала целесообразно осуществлять не только с учётом педагогических и психологических закономерностей усвоения знаний, но и с обязательной опорой на технические средства обучения, средства вычислительной техники, которые способны обеспечить мгновенный доступ к справочной и другой необходимой литературе. Необходимо также предоставить студенту средства для самоконтроля и самопроверки степени усвоения ИЯ и мотивировать его к дальнейшей активной творческой учебной работе посредством поддержания интереса к знаниям и процессу их приобретения.

Иными словами, в условиях отсутствия естественной иноязычной среды, которая так важна при овладении иностранным языком, как содержательная сторона учебной книги, так и виды учебной работы, выполняемые на её основе, должны всячески обеспечивать и поддерживать мотивационную составляющую процесса обучения. Мотивационной составляющей в данном случае является осознание практической и теоретической значимости изучаемого материала, необходимости в формируемых навыках и умениях, приобретаемых знаниях, их соответствие наклонностям и стремлениям студентов, а также наличие возможностей практического использования приобретаемых знаний, навыков и умений и т. д. В связи с этим важно, чтобы в учебник были введены различные методы стимулирования мотивации изучения ИЯ, поскольку одного осознания «надобности» ИЯ, как показывает практика, далеко не всегда оказывается достаточно для достижения желаемых результатов. В этом отношении дидактический потенциал информационных и телекоммуникационных технологий воистину огромен, что делает в настоящее время задачу органической связи с ними издаваемой учебной литературы одной из самых актуальных задач. При этом, естественно, речь не идёт о банальном замещении традиционной формы существования учебной книги её «электронным» аналогом. Комплексное, взаимодополняющее и методически обоснованное их совместное использование в деле обучения ИЯ является в настоящее время скорее настоятельным требованием, чем теоретической посылкой, особенно в части тех аспектов учебного процесса, которые могут быть легко формализованы и переданы для осуществления и

контроля ЭВМ. Последнее особенно справедливо применительно дистанционных и заочных форм обучения, а также тех языковых явлений и речевых навыков, и умений, которые могут быть вынесены и выносятся для самостоятельной работы.

Однако в условиях всеобщей компьютеризации обучения чрезмерная, без особой надобности и доказанной эффективности, увлеченность компьютеризацией обучения ИЯ может привести к ряду негативных кумулятивных эффектов, в частности к эффекту пресыщения, с одной стороны, и необходимости нормирования, по санитарным требованиям, количества времени, отводимого для студентов работы «за компьютером» по дисциплине ИЯ.

Объём подготавливаемых к изданию учебной книги должен быть соразмерен с её планируемой ролью и местом в учебном процессе, соответствовать времени, отводимому на изучение данного курса согласно учебному плану, физическим возможностям, обучаемым усвоить учебный материал за отводимое на этого учебное время. Необходимо также помнить, что на самостоятельную работу в целом студент может затрачивать без нарушения требований по режиму дня в среднем около 4-х часов в день, в то время как при всей признаваемой важности для дипломированного специалиста знания ИЯ, официальный статус ИЯ среди учебных дисциплин неязыкового вуза как общеобразовательной дисциплины невелик. В связи с этим, при подготовке учебников и учебных пособий по ИЯ особое значение должно быть уделено обучению мнемоническим приемам запоминания информации, а также иллюстрации и анимации как важным дидактическим средствам в запоминании и тем самым обеспечении успешного овладения ИЯ. Кроме того, качественные иллюстрации как таковые делают учебник более привлекательным и приятным для учащегося, что повышает интерес к его содержанию, способствует более быстрому и прочному запоминанию учебного материала, мотивирует процесс обучения в целом.

Сказанное, как нам представляется, составляет те базовые требования, без выполнения которых задача создания современной учебной книги не может быть в полной мере решена, а учебные цели при построении учебного процесса на её основе, не будут, как следствие, в полной мере достигнуты. Анализ содержания как централизованно изданных в последнее время учебников и учебных пособий, так и кафедральных учебно-методических разработок, предназначенных для обучения английскому/немецкому языку студентов технического вуза очной формы обучения [7, 8, 9] показывает, что при их подготовке к изданию, к сожалению, нередко использовались устаревшие подходы, что резко снижает, как показывает практика, их дидактическую ценность как средств обучения в целом и эффективность самостоятельной работы студентов на их основе в частности, не позволяя в достаточной мере ни мотивировать, ни дифференцировать (не говоря уже об индивидуализации) процесс обучения. Особо следует выделить следующие присущие им, в частности, недостатки:

1. Игнорирование принципа преемственности – чрезмерное, как правило, завышение фактического исходного уровня владения учащимися ИЯ и уровня их общелингвистической подготовки в целом при разработке учебников и учебных пособий;

2. Игнорирование междисциплинарных связей (значительное опережение, изучаемого на ИЯ материала, с материалом, излагаемом на родном языке соответствующих параллельно читаемых курсов по специальным дисциплинам);

3. Несоответствие используемых типов или видов учебных упражнений и заданий целям задачам обучения, отсутствие их должной дидактической сбалансированности как в рамках отдельных уроков, так и учебника в целом;

4. Подготовка и издание учебных материалов без предварительного определения их роли и места в рамках существующего или создаваемого УМК дисциплины;

5. Несоответствие объёма учебного материала, подлежащего усвоению бюджету времени, отводимого в рамках учебной программы, как для аудиторной, так и самостоятельной работы студента по ИЯ;

6. Недостаточная связь текстового материала учебников и используемых речевых ситуаций с реальным жизненным опытом учащихся, с одной стороны, а также с фактическими источниками информации на ИЯ и ситуациями общения, с которыми придется столкнуться будущему специалисту, с другой стороны;

7. Недостаточный учёт требований педагогики и психологии высшей школы в изложении и оформлении учебного материала;

8. Несоответствие методологической основы учебника или учебного пособия современной методологии науки и техники, подъязык которой является целью изучения;

9. Скудность использования иллюстраций, или даже их абсолютное отсутствие, как средства повышения информативности учебного материала;

10. Практическое отсутствие каких-либо логических схем, схематических изображений и других аналогичных средств наглядности в качестве так называемых «опорных сигналов», значительно повышающих, как известно, эффективность запоминания учебного материала и самостоятельной работы с ним в целом;

11. Недостаточное внимание к художественному оформлению учебных книг, их полиграфическому исполнению.

12. Отсутствие, как правило, электронных вариантов централизованно изданных учебников, что делает невозможным или значительно затрудняет их соответствующую адаптацию.

На сегодняшний день учебная книга, – учебник и учебное пособие, – по-прежнему остается незаменимым средством обучения ИЯ студентов неязыкового вуза как в случае аудиторной, так и внеаудиторной работы. Добротный учебник, при его наличии и использовании в учебном процессе, служит, как правило, основным, базовым источником знаний и средством формирования языковых и речевых навыков и умений по ИЯ, а с помощью учебных пособий, при необходимости, решаются вспомогательные и/или специфические задачи, обусловленные конкретными задачами или особенностями учебно-воспитательного процесса.

Конкретные рекомендации, которых следует придерживаться при составлении учебных разработок любого ранга, можно получить, переформулировав указанные нами выше пункты касательно недостатков, присущих ряду изданных за последнее время и используемых в настоящее время в учебном процессе учебников и учебных пособий. Кроме того, приступая к созданию учебной книги, необходимо четко определить характер и качество предполагаемых для формирования с помощью создаваемой разработки навыков и умений, а также реальный объем знаний, навыков и умений которые может и должен, за данное учебное время и при данном уровне общелингвистической, иноязычной и специальной подготовки, а также в данных условиях обучения, «присвоить» студент в течение всего курса в целом, равно как и в рамках каждой лексико-грамматической темы в отдельности; дидактически осмыслить лексико-грамматический материал курса с целью, в частности, компьютеризации формализуемых аспектов учебного процесса, построения курса, по возможности, на интерактивной основе с привлечением информационных технологий.

В настоящее время современным учебник ИЯ может быть назван, пожалуй, лишь в том случае, если обучение на его основе осуществляется с широким спектром использования как современных информационных технологий, так и дидактических ресурсов Интернета. Однако, в любом случае успех обучения на основе такой учебной книги будет обуславливаться не только качеством используемого текстового материала, разнообразием видов учебной работы, средств обучения и других дидактических ресурсов, предлагаемых для использования автором учебной книги, но и уровнем научно-методической организации обучения ИЯ в вузе в целом, вдумчивым и творческим отношением к своей работе каждого конкретного педагога, владеющего разнообразными образовательными технологиями и интерактивными методами, осознающего целесообразность и необходимость их реализации в процессе обучения [10].

1. Буга, П. Г. Создание учебных книг для вузов / П. Г. Буга. – М. : Изд-во Моск. ун-та, 1987. – 80 с.
2. Гарагуля, С. И. Английский язык для студентов строительных специальностей: учебное пособие / С. И. Гарагуля. – Изд. 2-е, испр. – Ростов н/Д : Феникс, 2013. – 347, [1] с. – (Высшее образование).
3. Теремова, Р. М. Учебник по русскому языку как иностранному нового поколения: опыт и перспективы / Р. М. Теремова. [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <https://gigabaza.ru/doc/135482.html>. – Дата доступа : 06.01.2020.
4. Зайнутдинова, Л. Х. Создание и применение электронных учебников (на примере общетехнических дисциплин) / Л. Х. Зайнутдинова. – Астрахань : Изд-во ЦНЭП, 1999. – 364 с.
5. Карандина, С. И. Актуальные проблемы организации обучения английскому языку с применением ИТ / С. И. Карандина. [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://www.ict.edu.ru>. – Дата доступа : 08.01.2020.
6. Явич, М. П. Электронный учебник, его преимущества и недостатки / М. П. Явич // Современные научные исследования и инновации. – 2012. – № 10. [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://web.snauka.ru/issues/2018/10/16884>. – Дата доступа : 04.01.2020.
7. Листвин, Д. А. Полный курс немецкого языка / Д. А. Листвин. – М. : Изд-тво АСТ, 2017. – 510 [2] с.: ил. – (Полный курс).
8. Зыблева, Д. В. Немецкий язык. Профессиональная лексика для инженеров = Deutsch. Fachlexik für Ingenieure: учеб. пособие / Д. В. Зыблева. – Минск : Вышэйшая школа, 2015. – 269 с.
9. Паремская, Д. А. Немецкий язык: читаем, понимаем, говорим / Д. А. Паремская, С. В. Паремская. – Минск : Вышэйшая школа, 2017. – 415 с.: ил.
10. Интерактивное взаимодействие в обучении учащихся. Программно-методический комплекс для слушателей целевых курсов повышения квалификации [Электронный ресурс] / Андарало А. И. [и др.]. – Минск, 2009. – 77 с. – Режим доступа : <https://www.belstu.by/Portals/0/userfiles/15/POSOBIE-polnoe-INTERAKTIVNIE.doc>. – Дата доступа : 01.02.2020.

Abukhouskaya A. The Role and Place of Textbooks in Teaching Foreign Languages at a Non-linguistic University

The availability of high-quality teaching materials has always been, and to this day still remains, one of the most important prerequisites for successful preparation of well-qualified specialists at higher education institutions. The article deals with some of the basic requirements that should be met by a modern foreign language textbook designed for full-time non-language university students.

Key words: *higher education, teaching materials, foreign language textbook, didactic requirements*

УДК 81'42:82-96=161.3

Писарук Г. В.

ЛИНГВОСТИЛИСТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ РЕЛИГИОЗНО-ФИЛОСОФСКОГО ТЕКСТА С. МАЖУКО ПАСТЫРЬ ДЕТЕЙ И ДЕРЕВЬЕВ»

В статье представлен лингвостилистический анализ религиозно-философского текста «Пастырь детей и деревьев», автором которого является священнослужитель христианской церкви Савва Мажуко. Исследуются содержательно-смысловый и композиционный аспекты текста, анализируются языковые средства лексического и синтаксического уровней. Сделан вывод о том, что яркую публицистичность тексту придают открытость суждений автора, призывность, обилие изобразительно-выразительных языковых средств.

Текст Саввы Мажуко, архимандрита Свято-Никольского монастыря в Гомеле, публициста, постоянного автора интернет-портала «Православие и мир», взят из книги «Апельсиновые святые. Записки православного оптимиста» [1].

Публицистичность стиля избранного нами для анализа религиозно-философского текста С. Мажуко – «Пастырь детей и деревьев» (предложения в нём мы пронумеровали для удобства в работе) – проявляется в первую очередь целевой установкой: автор стремится убедить читателя в том, что мир природы, созданный Богом для людей, является прекрасным, **22 самым чудесным из сотворенных миров**, но не самостоятельным: всё в этом мире тянется к человеку, мечтает о его внимании, и человек может ответить на это желание. Знать деревья по именам, по мнению С. Мажуко, который есть **9 сын города, слабо посвященный в тайны цветов и соцветий**, – это счастье для человека, однако быть пастырем деревьев – искусство, подвластное далеко не каждому, поскольку **13 нам, шумным и слишком главным, не интересны их язык и тихая неторопливая жизнь**. Так можно сформулировать содержание содержательно-концептуальной информации текста.

Название текста – «Пастырь детей и деревьев» – очень ёмкое. Пастырь – ‘руководитель кого-либо в духовной жизни, наставник’ [2]. Пастырь является исполнителем воли Божьей, которая заключается в налаживании в человеке гармоничных отношений с самим собой, с окружающим миром и с Богом. У пастырей высокое призвание – воспитывать души людей, поэтому даже вне исследуемого текста совершенно объяснимо выражение «пастырь детей», а смысл выражения «пастырь детей и деревьев» раскрывается только содержанием текста.

Текст можно разделить на четыре подтемы. В первой части говорится о священном мире растений (представлены названия необычных цветов). Во второй части повествуется о чудесных страницах книг Виктора Астафьева, на которых часто встречаются целые родословия растений. Из третьей части мы узнаем об авторе, об его отношении к деревьям и растениям. И в четвертой, заключительной части, говорится об утре Воскресения Христова.

Текст вызывает интерес содержательно сложной, на наш взгляд, и необычайно разнообразной лексикой. Основу анализируемого текста составляют конкретные существительные (**1 деревья, 2 цветы, 3 томик, 5 луг, 6 рука, 12 город, 20 глаза**), однако в тексте много и абстрактных существительных (**1 счастье, 5 магия, 5 прекрасное, 21 чудо, 22 ласка, 25 восторг, 25 восклицание**). Среди прилагательных много слов с эмоционально-оценочным значением (**3, 9 волшебный, 5 капризный, 7, 21 благородный**). На фоне общеупотребительной автор активно использует разностилевую лексику: книжные единицы, имеющие торжественную, риторическую или поэтическую окраску (**2 благородно и чарующе, 2 священный мир, 5 благоговейно, 5 поминая, 6 воскрешали, 12 безмолвие, 26 благоговейное и благословенное касание**), разговорные слова (**14 молчуны, 18 мордочка, 2 прозвище, 5 капризный, 14 кустики, травинка**), есть вкрапления и лексики официально-делового стиля (**8 реестр, гностический толедот**). Собственно, религиозной лексики в тексте немного: **2 священный мир, 5 благоговейный, 10 пасхальное утро, монастырский двор, 20 пастыри, 26 благословляющий, 28 Воскресение Христово, христианская Пасха, 29 Евангелия, 30 евангельские события, 32 апостолы**.

Тезис текста, который по своим функционально-смысловым параметрам представляет собой рассуждение, прописан в начале – в первом предложении **1 Какое это, должно быть, счастье – знать деревья по именам!** Разворачивая доказательства этой мысли, С. Мажуко утверждает, что у цветов и деревьев есть имена, которые им дал человек **2 Священный мир растений поименован, назван, озвучен...**, и имена цветов и деревьев звучат в томике Вергилия как **3 свежайший ароматный напиток** – низкорослые тамариски, цветы колокассий с акинфом, аммом ассирийский. Автор вспоминает и Гомера, который, будучи слепым, в своих произведениях **5 благоговейно поминал луг асфodelий или волшебное растение моли**.

Чарующее, по мнению автора, звучание названий представителей священного мира растений – в одном абзаце (втором). На фоне общеупотребительной лексики здесь представлены названия шести растений, неизвестных, на наш взгляд, среднестатистическому читателю: *3 тамариск, 3 колокассия, 3 акинф, 3 аммом, 5 асфодель, 5 моли*. Интересно, что автор называет эти цветы *невиданными (4 А для меня это еще и невиданные цветы...)* в значении «которые никогда не видел», поскольку далее говорит, что *4 ...только слышал их чудесные голоса...* Между тем названия этих *невиданных* растений могут вызвать у читателя предположение, что эти растения странны, необычны и таинственны. Автор не рассказывает читателю о них, тем самым сохраняя некую тайну и вызывая к ним интерес. Информация о названных растениях была найдена в Википедии [2] и библейской энциклопедии Брокгауза [3].

Упомянутые в публицистическом тексте фитонимы формируют культурологическую глубину текста, давая внимательному читателю ориентиры в пространстве и времени, чтобы сделать вывод: растительный мир разнообразен, но един; где бы какое растение ни обитало, время не влияет на него, если ещё великий Гомер описывал те растения, которыми мы можем восхищаться сегодня.

Кроме упоминаний о Гомере – одном из величайших поэтов древнегреческой античности, Вергилии – известном поэте Августовского века (золотого века древнеримской культуры), В. П. Астафьеве – известном советском и российском писателе XX в., в тексте цитируются русский поэт-символист начала XX в. М. А. Волошин и один из самых влиятельных поэтов-модернистов XX века Р. М. Рильке. Называя эти имена, автор не сомневается, что читателю они известны, поэтому и не поясняет, кто есть кто. Персоналии в тексте использованы в роли риторического топа «свидетельство» – доказывают, что не один автор очарован священным миром растений – цветов и деревьев.

Так, в третьем абзаце С. Мажуко утверждает, что у В. Астафьева, одного из немногих писателей, кого при жизни признали классиком, *8 Некоторые страницы ... напоминают реестры сакральных имен, гностические толедоты, целые родословия растений*. Использование в тексте публицистического стиля слова с официально-деловой окраской *реестр* («список, письменный перечень, опись; книга для записи дел и бумаг в канцелярии» [2]), малоупотребительного сегодня слова *толедот* («происхождение, родословие или житие»; «история рода, обращенная к его началам») и образное выражение *родословия (растений)* ставят В. Астафьева в один ряд с Вергилием и Гомером в их отношении к миру растений. Автор удивляется такому трепетному чувству поэтов античности и прозаика современности и даже завидует, поскольку он – *9 сын города, слабо посвященный в тайны цветов и соцветий*

В христианстве считается, что наречение имени всегда основывается на знакомстве с природой нарекаемых существей, а сам процесс и факт наречения является показателем власти того, кто даёт имя (см. Библия, Быт. 2:19–20), поэтому для С. Мажуко знать растения и деревья, которые для него *19 прекрасные и мудрые создания*, по именам – это больше, чем знать, как называется то или иное дерево или цветок, это значит, понять, как они живут, и взять их под свою опеку. Жизнь природы открывается людям *13 через прикосновение и запах*. В доказательство этой мысли С. Мажуко вспоминает эпизод из своей жизни – ощущения во время светлого пасхального утра на монастырском дворе.

Для этого в текст-рассуждение вводится описание (пр. 10-12), которое оформляется с помощью обилия прилагательных с оценочным значением (*12 мягкий утренний свет, необычная тишина, свежая нота, новая свежесть, неповтори-*

мый запах лопнувших почек и др.), глаголов несовершенного вида изъявительного наклонения в прошедшем и будущем времени (*10 стоял, 11 ждёт*), глаголов в форме прошедшего результативного времени (*11 затаилось*), глаголов в форме инфинитива совершенного вида (*11 выбежать, разлиться*), сложного предложения с разными видами связи, в котором предикативные части представляют собой назывные предложения и двусоставное неполное с пропущенным сказуемым (*12 Мягкий утренний свет, необычная для города тишина и в этом безмолвии вдруг свежая нота – аромат новой свежести, неповторимый запах лопнувших почек.*)

Описание буквально «взрывается» коротким восклицательным простым нераспространённым предложением – *13 Деревья проснулись!* Деревья-молчуны проснулись – и начали разговаривать ароматами, утверждает С. Мажуко. Здесь он цитирует Максимилиана Волошина: *15 «О, запах цветов, доходящий до крика!»* Тем самым автор ставит М. Волошина в один ряд понимающими цветы и деревья *7 благородными людьми* Вергилием, Гомером и В. Астафьевым.

Текст имеет ярко выраженную субъективную модальность. Субъектность текста подчеркивается употреблением личных и притяжательных местоимений (*4, 9, 10, 17, 18 я, 16, 17, 18, 22 мне, 21 мы, 21, 22, 25 наше*). Свою позицию в тексте автор выражает предельно откровенно уже с первого предложения, что и требуется в публицистике: *1 Какое это, должно быть, счастье – знать деревья по именам!* Далее пишет, что, когда читал Вергилия, звучание имен невиданных растений было свежайшим ароматным напитком, и он полюбил их заочно (пр. *4*). А в детстве ему нравилось обнимать деревья, прикасаться к ним щекой, гладить (пр. *16, 17*) и не нравилось рвать цветы (пр. *18*). Наконец, вершина оценочности С. Мажуко в предложениях, где он говорит, что *19 Деревья и цветы – прекрасные и мудрые создания, лишённые зрения и слуха. 20 Их глаза и уши – у нас, пастырей деревьев, пастухов цветов и растений.*

Всё в мире взаимосвязано: природа создана для Человека, чтобы пробудить истинное призвание людей. Неслучайно деревья и цветы лишены зрения и слуха, ведь древняя роль Человека – быть их глазами и ушами. Поэтому пастыри являются своеобразными проводниками между миром природы и миром людей, поскольку далеко не каждый человек может «услышать» деревья и цветы. Деревья и цветы лишены зрения и слуха, а роль Человека – быть их глазами и ушами. Это чувство *21 даёт о себе знать, неожиданно просыпаясь в детях и просто хороших людях, искренне и бескорыстно восхищающихся чудом живого, многообразием и многоликостью этого прекрасного мира.* Более того, пишет автор: люди созданы для служения деревьям, цветам, растениям, зверям. *22 Иногда мне кажется, что кошка сотворена такой «удобной» именно для человеческой руки, но и рука наша предназначена для ласки и заботы не только о людях, но и о кошках, о деревьях, о нашем славном мире, самом чудесном из сотворенных миров. 23 Человеческие руки сделаны под деревья и кошек, деревья и кошки приходятся впору нашим рукам.*

Мир сотворён для нас Богом, утверждает автор, он *21 сочинен как раз нам под руку, впору нашим рукам и лицам,* в нём – гармония: кошка для нас, а наши руки – и для кошек, и для деревьев. И природа ждёт нашего прикосновения, подобно детям на утреннике. Так в текст вводятся дети, и в итоге в одном смысловом ряду оказываются деревья, цветы, звери и дети.

В одном из предложений С. Мажуко пишет, что человека *34 зовёт земля, ждущая внимательных и чутких рук, любящих глаз, радетельного присмотра.* Так в текст вплетается важная христианская истина, о которой писал апостол Павел в Послании к Римлянам (здесь и далее сохранена орфография и пунктуация Синодального канонического издания Библии. – П.Г.): «...тварь с надеждою ожидает откровения сынов Божиих, – Потому что тварь покорилась суеде не добровольно, но по воле покорившего (её), – в надежде, Что и сама тварь освобождена будет от рабства тлению в сво-

боду детей Божиих. Ибо знаем, что вся тварь совокупно стенает и мучится донныне». Читатель-христианин, знакомый с текстом Священного Писания, несомненно, обратит внимание на эту аллюзию, а читатель, не знакомый с Библией, вероятно, воспримет эти слова как художественный образ, что не меняет результата: автор внушает читателям мысль о необходимости заботиться о земле.

Да, утверждает автор текста, люди должны быть пастырями деревьев, но не только пастырями: *21 Мы – их дриады и наяды, это наше древнее и благородное служение, которое дает о себе знать, неожиданно просыпаясь в детях и просто хороших людях, искренне и бескорыстно восхищающихся чудом живого, многообразием и многоликостью этого прекрасного мира, сочиненного как раз нам под руку, в пору нашим рукам и лицам.*

Автор вводит в текст названия мифологических божеств, с каждым из них связан древнегреческий миф. Дриады (дриады) в древнегреческой мифологии – это лесные нимфы, покровительницы деревьев. Считалось, что дриады неотделимы от дерева, с которым связаны, и умирают, когда умрет дерево. Наяды – это нимфы водных источников, покровительницы определённого водного объекта, его душа и воплощение. Будучи связанными с реками, ручьями и озерами, они умирали, если их водный объект пересыхал. Слова *дриады* и *наяды* автор вводит для того, чтобы, мысленно перенося читателя в сакральный мир, точнее объяснить функцию современного человека в отношении природы.

Строки Р. М. Рильке *27 «Почти все вещи ждут прикосновенья. // За каждым поворотом нас маня, // Когда-то неприметное мгновение // Вдруг властно вскрикнет: вспомни про меня»* являются сильным аргументом в системе доказательств этой точки зрения автора.

Последние абзацы текста автор посвящает описанию событий первой христианской Пасхи, когда воскрес Иисус Христос. Здесь автор открыто отсылает читателей к евангельским главам, не называя их (знающий Евангелие легко найдёт эти места – это Лк. 24:13–53; Ин. 24–29; 21:1–25), и с любовью описывает то, что происходило в этот день: *32 Веселый и уютный костер на песчаном берегу и хлеб с медом и печеная рыба для детей-учеников, и сами дети-апостолы – Петр бросается в воду, чтобы скорее увидать Учителя, Фома трогает ранки, совсем как ребенок, зачарованный ранением или ссадиной.*

Эти последние главы евангелий автор текста называет *29 утешительными свидетельствами*. Слово *утешаться* употребляется в значении ‘успокаиваться’ [2], т. е. автора успокаивают воспоминания, вселяя в него надежду на возрождение души человеческой. Он называет Иисуса Христа в этих абзацах *31 победителем смерти, 32 Учителем, 33 Воскресшим Богом, 37 Вечным Пастырем, смиренным пастушком, Пастырем людей и деревьев*. Здесь опять ненавязчиво С. Мажуко провозглашает важнейшую христианскую истину – воскресший Иисус Христос расставит всё по своим местам: Его воскресение *35 будит в нас пастырей и заботливых старших братьев, и хлопотливых сестреноч, которых зовет земля, ждущая внимательных и чутких рук, любящих глаз, радельного присмотра*; это Он, *37 Пастырь людей и деревьев, вернул отцов детям, братьям сестер, деревья детям*.

Только дочитав текст до конца, становится понятным, почему текст называется «Пастырь детей и деревьев», а не, например, «Пастырь людей и деревьев». В пр. *32* автор говорит о детях-учениках и детях-апостолах, называя взрослых учеников Иисуса Христа детьми, следовательно, и любой из нас сегодня, будучи учеником Иисуса Христа, является для Него ребёнком. Так в конце текста для вдумчивого читателя название текста – «Пастырь детей и деревьев» становится говорящим: этот текст не только о правильном отношении людей к окружающему миру, а – главное! – об Иисусе Христе, который делает возможным такое отношение людей ко всему – к цветам, деревьям, кошкам.

Текст-рассуждение С. Мажуко как тип речи формируется не только содержательно и композиционно, но и специальными синтаксическими средствами. В данном тексте использованы разные типы предложений: простые, сложные и их виды. Простые предложения помогают сделать текст точным и логичным, но в то же время благодаря им речь наполнена живостью и экспрессией (*1 ...счастье – знать деревья по именам! 16 ... мне нравилось обнимать деревья*). Сложные же предложения позволяют автору более точно выразить свою мысль. В анализируемом тексте представлены сложносочиненные предложения, с помощью которых автор обосновывает, объясняет собственные размышления и доводы (*2 священный мир растений поименован, назван, озвучен, и прозвища деревьев, имена цветов звучат благородно и чарующе*). С помощью бессоюзных предложений создается динамичная, напряженная картина (*7 эти благородные люди знали, о чем пишут: благозвучные цветы и сладкогласные деревья росли рядом, отбрасывая тень на рукопись нескончаемой поэмы*). Сложноподчиненные предложения помогают текст сделать эмоциональным, законченным, выразительным (*3 когда из томика Вергилия вдруг «прорастают» низкорослые тамариски, ... кажется, что пьешь свежайший ароматный напиток... 9 если бы я был охотником, ..., я бы рассказал много историй...*). Для большей выразительности речи используются восклицательные (*1 Какое это, должно быть, счастье – знать деревья по именам! 13 Деревья проснулись! 15 «О, запах цветов, доходящий до крика!»*), и вопросительные (*24 И знаете, что?*) предложения.

Таким образом, религиозно-философское рассуждение известного белорусского публициста С. Мажуко, адресованное широкому кругу читателей – верующим и неверующим, имеет цель – убедить людей в необходимости быть пастырями деревьев – любить природу, заботиться о ней, отвечая на её желание. В ярком и выразительном тексте С. Мажуко, почти не содержащем религиозной лексики, происходит пересечение культур – светской и христианской: в тексте логично пересекаются светские морально-нравственные требования к человеку и глубокие христианские истины, которые тем не менее в тексте не выпячиваются, лишь обозначаются. С. Мажуко умело оформляет содержательный аспект текста (он знает, когда рассказать житейскую историю, а когда – сказать важные слова и отослать читателя к Священному Писанию), грамотно выстраивает композицию текста (логично сочетает разные типы речи, разные коммуникативные регистры), великолепно владеет языковыми средствами всех уровней. Языку С. Мажуко присуща яркая публицистичность – открытость суждений, призывность, обилие изобразительно-выразительных средств, что, несомненно, привлекает читателей.

1. Мажуко, С. Апельсиновые святые. Записки православного оптимиста / С. Мажуко. – [Интернет-источник]. – Режим доступа : <https://www.litmir.me/br/?b=554431&p=1> – Дата доступа : 01.04.2020.

2. Википедия : свободная энциклопедия [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <https://ru.wikipedia.org/wiki/>. – Дата доступа : 08.12.2019.

3. Рункер, Ф. Библейская энциклопедия Брокгауза / Ф. Рункер, Г. Майер, У. Вендель. – Вупперталь : ChristlicheVerlagsbuchhandlungPaderborn, 1960. – 1226 с.

Pisaruk G. V. Linguistic and stylistic features of the religious and philosophical text S. Mazhuko "Shepherd of children and trees"

The article presents a linguistic-stylistic analysis of the religious and philosophical text "Shepherd of Children and Trees", the author of which is the clergyman of the Christian church Savva Mazhuko. The content-semantic and compositional aspects of the text are investigated, the language means of the lexical and syntactic levels are analyzed. It is concluded that the openness of the author's judgments, invocativeness, and an abundance of expressive-linguistic means give a bright publicity to the text.

ОБЩЕСТВЕННОЕ МНЕНИЕ О ПЕРСПЕКТИВАХ ТРУДОУСТРОЙСТВА В СТРАНЕ БЕЛОРУСОВ, ПОЛУЧИВШИХ ВЫСШЕЕ ОБРАЗОВАНИЕ ЗА ГРАНИЦЕЙ

В данной статье с помощью социологического инструментария исследуются проблемы возвращения в страну молодых белорусов, окончивших зарубежные университеты. Социологическое исследование показало, что граждане Беларуси позитивно относятся к перспективе получения высшего образования белорусскими студентами за границей. Подобное отношение распространяется и на повышение своей профессиональной квалификации за рубежом белорусскими специалистами. Среди очевидных плюсов «для Беларуси» обучения за границей называются возможность подготовки специалистов мирового уровня и доступ к новейшим западным технологиям и практикам. Одновременно большинство респондентов уверены в том, что после окончания учебы в страну вернется совсем небольшое количество обучающихся за границей, в то время как реформирование белорусского общества требует использования самых современных знаний и компетентностей. Большинство опрошенных указывают также на необходимость создания специальной государственной программы по стимулированию возвращения в Беларусь выпускников зарубежных университетов.

Ключевые слова: высшее образование, трудоустройство, интеллектуальный и культурный потенциал, современные знания и компетентности, «утечка мозгов».

Постановка проблемы. Настоящее и будущее любой страны существенным образом зависит от качества ее культурного, интеллектуального и образовательного потенциала. Его значение возрастает в условиях, когда конкретное государство находится в стадии социально-экономической модернизации, в которой пребывает и современная Беларусь. Исторический опыт ряда государств (Китай, Сингапур, Южная Корея), успешно прошедших этот этап, свидетельствует, что они делали ставку на приобщение талантливых молодых людей к новейшему мировому знанию, что невозможно без получения качественного образования в ведущих университетах мира.

Известно, что тысячи молодых белорусов учились и учатся в университетах различных государств. В этих условиях через привлечение в страну белорусов, их выпускников, можно позитивно воздействовать на успешность общественных реформ в РБ.

Существует несколько подходов к разрешению этой проблемы. Во-первых, это уровень общегосударственный, на котором наблюдается отрицание наличия остроты подобной проблемы. Так, министр образования РБ И. Карпенко отмечает, что к числу задач министерства не относится стремление к тому, «чтобы люди вернулись», а только удержание тех, кто обучается в белорусских университетах. По его убеждению, в этой сфере нет значимой проблемы, так как большинство уехавших на учебу за границу возвращаются домой [1]. Он уверен, что белорусская высшая школа в состоянии предоставить качественные образовательные услуги [2, с. 4–5].

Во-вторых, белорусские социологи предлагают ряд мер по реэмиграции белорусских высококвалифицированных специалистов, включая и выпускников зарубежных университетов, подчеркивая, что «именно интеллектуальный компонент наиболее характерен для внешней трудовой миграции белорусского населения» [3, с. 37–38]. Эти меры должно инициировать белорусское государство, которое пока не видит в них целесообразности.

В-третьих, ряд белорусских исследователей указывают на сложность решения проблемы возвращения, поскольку обучающиеся за границей при выборе страны проживания и места работы в своем большинстве руководствуются таким рационально-прагматическим мотивом, как уровень заработной платы, который выше «на Западе» и даже в России [4, с. 10–11].

Задача исследования. Определение совокупности представлений граждан Беларуси относительно необходимости и перспектив возвращения в страну белорусов – выпускников зарубежных университетов. Полученная социологическая эмпирия может выступить инструментом принятия эффективных государственных решений в этой области.

Методология исследования. Группой социологов по квотной выборке был проведен общенациональный социологический опрос, в ходе которого были опрошены граждане Беларуси, проживающих в различных регионах и представляющие основные социально-демографические группы. Исследование было проведено в январе-марте 2019 года.

Оценка факта обучения молодых белорусов в зарубежных университетах.

Наши респонденты оценивают студенчество молодых белорусов в университетах других стран достаточно рационально. Так, в представлении 45,1 % из них, в этом явлении есть свои и плюсы, и минусы. Положительно оценивают миграцию в образовательных целях 40,0 %.

Анализ ответов на *открытые* вопросы по этой проблематике позволил выстроить следующую иерархию факторов, мотивирующих учёбу белорусов за границей: а) получение качественного образования и престижного диплома, что позволит его обладателям стать хорошими специалистами; б) обучение по тем специальностям, которые отсутствуют в Беларуси; в) хорошее знание иностранного языка; г) самореализация молодого человека, его знакомство к другой культурой и приобретение важного социального опыта; д) корректировка для местной публики ограниченной либо искаженной информацией о Беларуси; е) развитие международных связей, поскольку в процессе обучения, наряду с компетенциями, студенты приобретают и профессиональные связи; ж) нежелание по тем или иным причинам жить в Беларуси.

Что же касается отрицательных сторон для индивида и страны, проистекающих из обучения в зарубежных университетах, то среди них в иерархическом порядке выделяются следующие компоненты: а) устойчивая «утечка мозгов»; б) болезненный разрыв для индивида со своей культурой и традициями; в) уменьшение коммуникаций с друзьями и родственниками; г) существенные финансовые издержки; д) проблемы с последующим трудоустройством; е) низкое качество заграничного обучения.

Перспективы возвращения в РБ студентов, получивших высшее образование за границей.

Большинство респондентов убеждены в том, что существуют минимальные шансы на то, что эта группа молодых людей обретет рабочие места в своей стране. По убеждению 35,6 % опрошенных, вернуться в РБ после окончания университетов немногие, а 22,8 % полагают, что сделают это только единицы. Только 5,7 % респондентов настроены оптимистически относительно перспектив их возвращения. Правда, 35,0 % опрошенных отмечают, что многое будет определяться содержанием общественных изменений в Беларуси (табл. 1).

Таблица 1 – Оценка вероятности возвращения в страну белорусов, получивших университетские дипломы за границей, в %

Варианты ответа	%
Вернутся немногие	35,6
Все будет зависеть от экономических и социально-политических изменений в Беларуси	35,0
Вернутся только единицы	22,8
Вернутся многие	5,7
Затрудняюсь ответить/ нет ответа	0,8

Что же может и должно сделать белорусское государство для того, чтобы помочь этой группе молодых людей трудоустроиться в собственной стране?

Социологический опрос показывает, что лидирующие позиции по этому параметру занимают личностно-статусные ориентации: свыше двух третей белорусов (67,3 %) убеждены, что вернуть «домой» выпускников можно только повысив уровень доходов населения, 58,6 % респондентов подчеркивают важность гарантии хороших рабочих мест, а 17,0 % опрошенных указывают на значимость фактора ясных перспектив развития страны и их собственной карьеры. Только 10,5 % участников опроса предлагают изменить политическую систему и еще 8,9 % – построить рыночную экономику западного образца, т. е. трансформировать Беларусь на новых принципах и стратегиях.

Трудовая интеграция «выпускников» в экономическое пространство Беларуси требует обладания не только определенными компетенциями, но и диплома, соответствующего требованиям белорусского законодательства. По этой причине 16,9 % опрошенных отметили важность признания диплома в РБ, полученного за границей. С точки зрения 12,1 % респондентов, наличие государственной поддержки студентам, обучающимся за границей, также значительно повышает их готовность вернуться. Минимальными являются надежды на чувство патриотизма, присущее этой группе (табл. 2).

Таблица 2 – Распределение ответов на вопрос: «**Что необходимо сделать в нашей стране, что бы вернулись домой белорусы – выпускники зарубежных университетов?**» (возможны три ответа), в %

Варианты ответа	%
Повысить уровень доходов, заработной платы населения	67,3
Их должны ждать хорошие и гарантированные рабочие места	58,6
Они должны увидеть ясные перспективы развития страны и собственной карьеры	17,0
Обязательное признание диплома, полученного за границей	16,8
Оказывать государственную поддержку студентам, обучающимся за границей	12,1
Изменить политическую систему	10,5
Построить рыночную экономику западного образца	8,9
Пробуждать в них дух патриотизма	6,5
Поздно, ничего уже не сделаешь	1,4
Затрудняюсь ответить/ нет ответа	1,8

Мотивы выбора для учебы зарубежных университетов.

Социологический опрос показывает, что молодые люди уезжают за границу на учёбу, побуждаемые, чаще всего, прагматическими и утилитарными соображениями – за лучшей жизнью в её преимущественно материальном и статусном измерении. Поэтому свыше двух третей опрошенных (68,1 %) полагают, что главным мотивом подобного отъезда является стремление иметь престижный диплом, который является ключом к социальному успеху.

29,5 % респондентов убеждены, что учеба за границей является инструментом реализации более важной цели – остаться там навсегда в силу привлекательности западного жизненного ареала. По мнению 29,3 % опрошенных, сам процесс учебы за границей предоставляет возможность получить удовольствия от проживания в комфортных и интересных странах. 21,0 % белорусов убеждены, что молодые люди могут осуществить «за кордоном» эксперименты с образом жизни, а 16,2 % думают, что они заодно нацелены на устройство своей личной жизни.

Обращает на себя внимание тот факт, что совсем небольшое число респондентов (15,8 %) предполагают, что обучение за границей может быть связано с желанием белоруса, получив университетский диплом, однажды вернуться в свою «родную гавань» (табл. 3).

Таблица 3 – Распределение ответов на вопрос: «**Как Вы думаете, почему многие молодые белорусы уехали учиться за границу?**» (возможны три ответа), в %

Варианты ответа	%
Иметь перспективный, престижный диплом, признанный во всем мире	68,1
Чтобы остаться там навсегда	29,5
Пожить в комфортных и интересных странах	29,3
Провести эксперименты с образом жизни	21,0
В зарубежные университеты легче поступить	19,2
Устроить личную жизнь	16,2
Получить хорошую профессию и вернуться в Беларусь	15,8
Просто не нравится жить в Беларуси	11,7
Другое	1,4
Затрудняюсь ответить/ нет ответа	3,6

Проблема возвращения «своих» студентов после окончания иностранных университетов не является чисто белорусской проблемой. Нагляден и позитивен опыт постмаоистского Китая, который выступает для РБ известным образцом для подражания при реформировании белорусского общества: стимулирование и поддержка учебы талантливых молодых китайцев в лучших университетах мира.

Подавляющее большинство белорусов (76,4 %) осознают важность следования в этом отношении по «китайскому пути». Отрицают его необходимость только 6,5 %. 9,9 % опрошенных выступают его сторонниками, но только «по отдельным специальностям», поскольку очевидно, что в системе подготовки специалистов в РБ по отдельным направлениям существуют «зоны уязвимости».

Перспективы трудоустройства в Беларуси выпускников зарубежных университетов.

По мнению 60,1 % опрошенных, в современной Беларуси в наибольшей степени из числа обладателей иностранных дипломов могут быть востребованы медики, поскольку в РБ, существуют серьезные проблемы в сфере здравоохранения.

Известно, что различного рода технические устройства, производимые в Беларуси, в своем большинстве уступают место зарубежным аналогам. Не случайно, почти половина белорусов (47,7 %) отметили важность возвращения в страну специалистов с инженерной квалификацией.

XXI век – это век высоких информационных технологий. Поэтому неудивительно, что 39,6 % респондентов указали на то, что страна нуждается в специалистах в этой сфере, получивших образование за границей.

Определенная часть граждан РБ воспринимают ситуацию с выпускниками зарубежных университетов в более широком социальном контексте – в рамках необходимости реформирования белорусского общества, особенно, в области экономики. В представлении 31,1 % из них, стране недостает хороших экономистов, по мнению 28,3 % – финансистов, а 16,0 % – управленцев в различных социальных сферах.

В аутсайдерах востребованности, согласно социологическому опросу, находятся работники сельского хозяйства и гуманитарии.

Проблема создания специальной государственной программы по стимулированию возвращения в Беларусь выпускников зарубежных университетов.

Учитывая этатистский характер белорусского общества, очевидно, что безусловный приоритет за созданием условий по возвращению белорусских студентов, обучающихся за границей, принадлежит государству.

По убеждению почти 60,0 % респондентов, властвующая элита РБ заинтересована в той или иной степени в возвращении к «родным истокам» выпускников зарубежных вузов.

20,0 % опрошенных настаивают на том, что руководство Беларуси проявляет равнодушие к теме возвращения студентов по той причине, что ему либо «все равно», или же оно об этом пока «не думало».

И только 10,6 % граждан страны полагают, что белорусское государство по тем или иным причинам лишено интереса к проблеме возвращения «наших» на Родину (табл. 4).

Таблица 4 – Оценка степени заинтересованности в возвращении выпускников зарубежных вузов, в %

Варианты ответа	%
Очень заинтересовано	30,1
Заинтересовано	29,3
Ему все равно	10,7
Оно об этом пока не думало	9,3
Не заинтересовано	6,7
Абсолютно не заинтересовано	4,0
Затрудняюсь ответить/ нет ответа	9,9

Если представить себе пока ещё иллюзорную ситуацию, что правительство РБ осознало бы огромное значение получения молодыми белорусами высшего образования в рейтинговых университетах мира, то естественным образом возник бы вопрос о необходимости создания специальной государственной программы по стимулированию их возвращения в Беларусь.

Большинство респондентов (60,0 %) полагают, что подобная программа стране необходима. Только 10,3 % опрошенных негативно относятся к подобному варианту. 20,8 % белорусов осознают ее необходимость, но только относительно отдельных специальностей.

С этой точкой зрения не согласен, к примеру, профессор Arizona State University Юрий Церлюкевич, утверждая, что белорусам нет смысла посылать немотивированных людей за госсчет, а лучше приглашать на работу мотивированных белорусов, самостоятельно сделавших карьеру на западе. Правда, возникает вопрос: на каких условиях это можно сделать? [5].

В случае принятия решения о разработке подобной программы, сразу же возникает вопрос о некоторой совокупности действий, которые следует совершить в ее рамках.

Респонденты в своем большинстве (79,0 %) полагают, что студенты «на выходе» из университета руководствуются прагматичными соображениями: ориентированы на получение достойной, т. е. высокооплачиваемой работы, которая гарантирует высокие стандарты потребления, что должно выступить задачей для государственных структур.

Выпускники зарубежных университетов, тем более, престижных, – это не только хорошие профессионалы, но и амбициозные персоны, для которых карьера является важной сферой самореализации. Поэтому, по мнению 42,0 % опрошенных, позитивные карьерные перспективы в Беларуси могут побудить некоторую часть выпускников подумать о возвращении.

27,9 % респондентов рассматривают плату за обучение в университете существенным стимулом для реэмиграции, поскольку, как правило, ее предоставление сопровождается обязательствами по своеобразной «отработке» на Родине.

В белорусских обстоятельствах традиционно значим фактор жилья. Осознавая эту реальность, 19,2 % белорусов убеждены, что предоставление льготных банковских кредитов на жилье в состоянии простимулировать выбор рабочего места выпускниками в нужном (белорусском) направлении.

В современном мире для эффективного трудоустройства необходимо использовать новейшие информационные технологии. Поэтому 9,7 % опрошенных убеждены о целесообразности создания сервиса, предоставляющего информацию о работе по специальности в Беларуси, а 8,7 % – создание сервиса о всех выпускниках зарубежных вузов и их профессиональной подготовке (табл. 5).

Таблица 5 – Оценка различных форм стимулирования возвращения в Беларусь выпускников зарубежных университетов в рамках специальной государственной программы, в %

Варианты ответа	%
Представление гарантированных и достойных рабочих мест	79,0
Поддержка карьерного роста	42,0
Оплата обучения	27,9
Представление льготных банковских кредитов на жилье	19,2
Создание сервиса, предоставляющего информацию о работе по специальности в Беларуси	9,7
Создание сервиса о всех выпускниках зарубежных вузов и их профессиональной подготовке	8,7
Другое	1,2
Затрудняюсь ответить/ нет ответа	6,9

На основании проведённого социологического анализа можно сделать следующие выводы. Во-первых, респонденты достаточно высоко оценивают существующую в Беларуси систему высшего образования, предполагая, правда, что по многим специальностям более высокие образовательные параметры представлены в зарубежных университетах.

Во-вторых, основным барьером для получения качественного образования в РБ выступают ограниченные связи белорусских университетов с их западными партнёрами.

В-третьих, респонденты в целом позитивно оценивают факт получения высшего образования за границей, однако высказывают обеспокоенность тем, что молодые и перспективные специалисты покидают страну и происходит «утечка мозгов».

В-четвертых, обучение за границей включает в себе очевидные выгоды для белорусского социума, который потенциально может получить: а) специалистов мирового уровня; б) доступ к новейшим западным технологиям; г) профессионалов с хорошим знанием иностранных языков; д) понимание новых профессиональных и этических стандартов трудовой деятельности.

В-пятых, социологический опрос показывает, что в реальности люди уезжают за границу, в том числе и на учёбу, побуждаемые, чаще всего, прагматическими и утилитарными соображениями – за лучшей жизнью в её преимущественно материальном измерении.

В-шестых, по мнению большинства опрошенных, в наибольшей степени заинтересованы в возвращении «наших студентов» медицинские учреждения, промышленные предприятия, сектор малого и среднего бизнеса, а также научные и аналитические центры.

В-седьмых, отмечается, что потенциально значительная часть выпускников зарубежных университетов может вернуться на родину и предложить белорусскому обществу эффективные модели общественных реформ.

В-восьмых, большинство опрошенных граждан РБ настаивают на создании специальной государственной программы по стимулированию возвращения в Беларусь выпускников зарубежных университетов.

1. «Мы мусім сысці ад публічнай крытыкі настаўніка ў інтэрнэце». Вялікая гутарка з міністрам адукацыі Ігарам Карпенка [Электронны ресурс]. – Режим доступа : <https://nn.by/?=1r&i=242914>. – Дата доступа : 29.12.2019.

2. Карпенко, И. В. Образование как фундамент ИТ-страны / И. В. Карпенко // Беларуская думка. – 2019. – № 6. – С. 3–11.

3. Соколова, Г. Н. Особенности адаптации и возможности реэмиграции белорусских трудовых мигрантов (на примере Германии) / Г. Н. Соколова, А. И. Амбражевич // Социология. – 2016. – № 4. – С. 28–38.

4. Кириенко, В. В. Студенчество российско-украинско-белорусского приграничья в процессах трудовой миграции: намерения и реальность / В. В. Кириенко, В. В. Клейман // Менталитет славян и интеграционные процессы : история, современность, перспективы. Сб. науч. ст. – Гомель : ГГУ, 2019. – С. 9–15.

5. Американский профессор из Беларуси: «Учить за границей за счет бюджета – дорого и бесполезно» [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://www.beroc.by/media/uchit-za-granicej-za-schet-byudgeta-dorogo-i-bespolezno/>. – Дата доступа : 09.01.2020.

Lysiuk A.I., Sokolovskaja M.G. Civic opinion on employment prospects in the country for Belarusians, who obtained higher education abroad

In this article, using sociological tools, the problem of return to the country of young Belarusians who have graduated from foreign universities is studied. The sociological survey has shown that experts have positive stance towards the phenomenon of getting higher education abroad by Belarusians. This positive attitude extends to advance vocational training abroad by Belarusian specialists. Among the obvious advantages “for Belarus” of studying abroad are the possibility to obtain world-class specialists and access to the latest Western technologies and practices. At the same time, most of the respondents are confident that after graduation, a very small number of them will return to the country while reforming the Belarusian society requires usage of the most modern knowledge and competencies. The problem of their return “home” is mostly related to the possibility of providing them with guaranteed and decent jobs, as well as with support of their career growth.

Key words: Higher education, employment, intellectual and cultural potential, modern knowledge and competencies, brain drain.

УДК 347.77.028

Ипатова О. В.

**ПАТЕНТОВАНИЕ ИЗОБРЕТЕНИЙ В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ И
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ**

Патентование изобретений в Республике Беларусь и Российской Федерации имеет как общие черты, так и различия. Схожесть процедур патентования объясняется схожим патентным законодательством, что в свою очередь обусловлено участием обоих государств в международных конвенциях – Парижской конвенции по охране промышленной собственности, Договоре о патентной кооперации (РСТ). Системный анализ норм действующего патентного законодательства Республики Беларусь и Российской Федерации позволяет сформулировать конкретные задачи, требующие решения при разработке дополнений и изменений в патентное законодательство Республики Беларусь, в числе которых можно назвать оптимизацию процедуры выдачи патента на изобретение.

С важностью роли интеллектуальной собственности в постиндустриальном обществе связано развитие патентного права и увеличение числа патентов и, в первую очередь, патентов на изобретения, т. к. научно-технический прогресс строится на новых технических решениях, имеющих прорывной, революционный характер. Такие решения на языке права называются изобретениями.

Патентное право является консервативным правовым институтом с устоявшимися представлениями о системе охраняемых объектов, процедурах, применяемых при выдаче патентов, о действии патента и т. п. Активное развитие системы международного патентования в рамках Договора о патентной кооперации (РСТ), а также региональных патентных систем, подталкивает государства мира к гармонизации национальных патентных законодательств.

Права на изобретения возникают и защищаются патентами – документом, выдаваемым государственным патентным органом. Патент действует только на территории выдавшего его государства. Чтобы получить охрану изобретения на территории нескольких государств, необходимо пройти процедуру патентования в каждой стране (при выборе национальной процедуры патентования или процедуры РСТ (национальная фаза)). Процедура патентования каждой страны имеет свои особенности.

Целью данного исследования является сравнительный анализ процедуры патентования изобретений в Республике Беларусь и Российской Федерации, в результате которого будут выявлены особенности патентования в каждой из указанных стран.

Правовое регулирование получения патента в Республики Беларусь основано на нормах Гражданского кодекса Республики Беларусь 1998 г., Закона Республики Беларусь «О патентах на изобретение, полезную модель, промышленный образец» 2002 г. (далее – Закон), Положения о порядке составления заявки на выдачу патента на изобретение, проведения по ней экспертизы и принятия решения по результатам экспертизы (утверждено постановлением Совета Министров Республики Беларусь от 2 февраля 2011 г. № 119) (далее – Положение о заявке, Положения о секретных изобретениях и полезных моделях (утверждено постановлением Совета Министров Республики Беларусь от 2 июля 2003 г. № 900), Налогового кодекса Республики Беларусь 2009 г. (далее – НК) и др.

В Российской Федерации правовое регулирование получения патента основано на нормах Гражданского Кодекса Российской Федерации (Часть 4) (далее – ГК РФ) 2006 г., Положения о патентных пошлинах (утверждено постановлением Правительства РФ от 10 декабря 2008 № 941 (далее – Положение о патентных пошлинах), пакет нормативных документов, утверждённых Приказом Минэкономразвития России от 25 мая 2016 г. № 316 (Правила составления, подачи и рассмотрения документов, являющихся основанием для совершения юридически значимых действий по государственной регистрации изобретений, и их форм (далее – Правила), Порядок проведения информационного поиска при проведении экспертизы по существу по заявке на выдачу патента на изобретение и представления отчёта о нём (далее – Порядок проведения поиска), Порядок и условия проведения информационного поиска по заявке на выдачу патента на изобретение по ходатайству заявителя или третьих лиц и предоставления сведений о его результатах (далее – Порядок проведения поиска по ходатайству) и др.) и др.

Вопросами патентного права занимались ряд отечественных и зарубежных учёных: Д. Бейнбридж, Э. П. Гаврилов, Л. К. Герасимова, В. И. Еременко, Г. А. Ключарёв, В. И. Кудашев, А. Кур, С. С. Лосев, Ю. В. Нечепуренко, С. А. Судариков и др.

В Республике Беларусь и Российской Федерации изобретением признается техническое решение, являющееся новым, имеющее изобретательский уровень и промышленно применимое. Изобретение признается новым, если оно не является частью уровня техники, который определяется по общедоступным в Республике Беларусь и зарубежных странах сведениям до даты приоритета изобретения (ст. 2 Закона, ст. 1350 ГК РФ).

Приоритет изобретения – это дата, определяющая первенство заявителя и дающая ему преимущество в получении патента перед другими лицами, заявившими аналогичное решение позднее. Можно выделить три вида приоритета: по дате

заявки, выставочный и конвенционный. Суть конвенционного приоритета состоит в том, что любой заявитель, подавший заявку на получение патента в одном из государств, участвующих в Парижской конвенции по охране промышленной собственности 1883 г., вправе в течение 12 месяцев подать заявки в любых других государствах-участниках Конвенции с сохранением в качестве даты приоритета даты подачи самой первой заявки (ст. 16 Закона о патентах, п. 3 ст. 1381 ГК РФ). Выставочный приоритет определяется по дате выставки экспоната, содержащего изобретения. Статья 11 Конвенции требует от стран-участниц предоставления временной охраны патентоспособных изобретений для продуктов, экспонируемых на официальных или официально признанных международных выставках, организованных на территории одной из этих стран, стимулируя тем самым демонстрацию новинок. Ни в российском, ни белорусском законодательстве не предусмотрен конвенционный приоритет. Однако приоритет норм международных договоров, ратифицированных и подписанных государством (Республика Беларусь и РФ участвуют в Парижской конвенции) предопределяет сохранение выставочного приоритета в течение 12 месяцев.

Рассмотрим этапы процедуры патентования в Республике Беларусь и Российской Федерации. Патентным органом Республики Беларусь является Национальный центр интеллектуальной собственности (НЦИС), в Российской Федерации – Федеральный институт промышленной собственности (ФИПС). Заявка на изобретение в Республике Беларусь и РФ содержит одинаковый пакет документов (ст. 13 Закона, ст. 1375 ГК РФ): заявление о выдаче патента на изобретение; описание изобретения, раскрывающее его с полнотой, достаточной для осуществления изобретения; формула изобретения, которая должна выражать его сущность, быть ясной, точной и полностью основываться на описании; чертежи, если они необходимы для понимания сущности изобретения; реферат. В обоих государствах экспертиза заявки на изобретения включает предварительную экспертизу (в РФ она называется «формальная») и патентную экспертизу (в РФ она называется «экспертиза по существу») (ст. 19, 21 Закона; стст. 1384, 1386 ГК РФ). При подаче заявки на изобретение либо в течение трёх лет с даты подачи заявки на изобретение заявитель или любое заинтересованное лицо подают ходатайство о проведении патентной экспертизы (экспертизы по существу) заявки на изобретение (п. 1 ст. 21 Закона; п. 1 ст. 1386 ГК РФ). В случае не поступления в указанный срок ходатайства о проведении экспертизы принимается решение об отказе в выдаче патента. Сведения о заявке на изобретение, прошедшей предварительную (формальную) экспертизу, по результатам которой принято положительное решение, публикуются в официальном бюллетене по истечении 18 месяцев с даты подачи такой заявки или, если испрашен приоритет, с даты наиболее раннего приоритета (п. 1 ст. 20 Закона, п. 1 ст. 1385 ГК РФ).

По ходатайству заявителя патентный орган может опубликовать сведения о заявке на изобретение ранее 18 месяцев (в РФ ходатайство должно быть подано до истечения 12 месяцев с даты подачи заявки (ч. 3 ст. 1385 ГК РФ)). После публикации сведений о заявке на изобретение любое лицо вправе ознакомиться с её материалами, находящимися в патентном органе. Сведения о заявке на изобретение не публикуются, если до истечения срока публикации она отозвана (в РФ – до истечения не 18, а 15 месяцев (ч. 4 ст. 1385 ГК РФ)), либо принято решение о выдаче патента и произведена регистрация изобретения, либо принято решение об отказе в выдаче патента, возможности обжалования которого исчерпаны.

При проведении патентной экспертизы заявки на изобретение в Республике Беларусь осуществляются проверка формулы изобретения на чёткость, ясность и полноту раскрытия; проверка соответствия условиям патентоспособности заявленного изоб-

ретения; установление приоритета изобретения; проведение информационного поиска в отношении изобретения для определения уровня техники (п. 330 Положения о заявке). Представляется, что информационный поиск – это не самостоятельная процедура патентной экспертизы, а часть такой процедуры как проверка соответствия условиям патентоспособности изобретения, т.к. без поиска невозможно установить ни новизну, ни изобретательский уровень изобретения.

Экспертиза заявки на изобретение по существу в РФ включает (п. 2 ст. 1386 ГК РФ): информационный поиск в отношении заявленного изобретения для определения уровня техники, с учётом которого будет осуществляться проверка патентоспособности изобретения; проверку соответствия, заявленного изобретения требованиям и условиям патентоспособности; проверку достаточности раскрытия сущности заявленного изобретения в документах заявки для осуществления изобретения специалистом в данной области техники.

В РФ информационный поиск осуществляется в рамках экспертизы по существу или по ходатайству заявителя или третьего лица. Причём ходатайство о проведении информационного поиска может быть подано до принятия решения по результатам экспертизы заявки по существу (п. 12 Правил).

В РФ в случае представления заявителем ходатайства о проведении экспертизы заявки по существу при подаче заявки, по которой не испрашивается приоритет изобретения более ранний, чем дата подачи заявки, информационный поиск проводится до истечения 7 месяцев со дня начала экспертизы заявки по существу (п. 3 Порядка проведения поиска, п. 3 ст. 1386 ГК РФ). Если испрашивается приоритет изобретения более ранний, чем дата подачи заявки, или в случае, когда ходатайство о проведении экспертизы заявки по существу подано после подачи заявки, информационный поиск проводится до истечения 24 месяцев со дня начала экспертизы заявки по существу (п. 4 Порядка проведения поиска). Как видим, в зависимости от того, когда подаётся ходатайство об экспертизе по существу, разница в сроках проведения информационного поиска велика – в 3 раза (если брать максимальные сроки). Поэтому если, заявитель заинтересован в скорейшем получении патента, имеет смысл подавать вместе с заявкой ходатайство о проведении экспертизы по существу.

По заявке на изобретение, сведения о которой уже опубликованы Роспатентом, Роспатент в официальном бюллетене публикует отчёт об информационном поиске, проведённом в рамках экспертизы заявки на изобретение по существу или по ходатайству заявителя или третьих лиц (п. 5 ст. 1386 ГК РФ). То есть условия публикации отчёта – опубликованная заявка.

Если на дату завершения подготовки отчёта об информационном поиске сведения о заявке опубликованы, к уведомлению о результатах информационного поиска прикладывается отчёт об информационном поиске. Если сведения о заявке не опубликованы, в уведомлении о результатах информационного поиска, направляемом третьему лицу, подавшему ходатайство, сообщается, что отчёт об информационном поиске будет направлен после публикации сведений о заявке или сведений о патенте в зависимости от того, какое из указанных действий будет выполнено ранее. Если в последнем случае речь идёт о заявителе, а не о третьем лице, то отчёт прикладывается к уведомлению (абз. 2 п. 9 Порядка проведения поиска по ходатайству).

Возможность проведения информационного поиска в РФ по ходатайству вне процедуры экспертизы по существу позволяет заявителю оценить свои шансы на получение патента и отозвать свою заявку после получения отчёта. Интересным представляется и тот факт, что ходатайство о проведение информационного поиска может предъявить и третье лицо, однако отчёт о поиске оно получит только после публикации сведений о заявке или о патенте.

Если в результате проведённой экспертизы установлено, что заявленное изобретение соответствует условиям патентоспособности, принимается решение о выдаче патента с указанием установленного приоритета в противном случае – об отказе (п. 5 ст. 21 Закона о патентах; ч. 2 п. 1 ст. 1387ГК РФ).

На основании решения о выдаче патента и при условии представления документа, подтверждающего уплату патентной пошлины, патентный орган (в Республике Беларусь – в течение 1 месяца с даты его представления) производит регистрацию изобретения в Государственном реестре изобретений (ст. 28 Закона, п. 1 ст. 1393 ГК РФ). В РФ выдача патента осуществляется одновременно сразу после регистрации изобретения в Реестре. ФИПС публикует в официальном бюллетене сведения о выдаче патента на изобретение (п. 1 ст. 1394 ГК РФ). В Республике Беларусь выдача патента патентообладателю производится в течение 5 дней со дня публикации НЦИС в официальном бюллетене сведений о патенте на изобретение (ст. 30 Закона), публикация же осуществляется в течение 3 месяцев после регистрации изобретения в Государственном реестре изобретений (ст. 29 Закона). То есть в Беларуси существует следующая очередность: регистрация – публикация – выдача патента, в РФ: регистрация – выдача патента – публикация.

При наличии нескольких лиц, имеющих право на получение патента, им выдается один патент с указанием всех патентообладателей (ч. 2 ст. 30, абз. 2 п. 1 ст. 1393 ГК РФ).

Заявленному изобретению с даты публикации сведений о заявке на изобретение до даты публикации сведений о патенте в обоих государствах предоставляется временная правовая охрана в объёме опубликованной формулы изобретения. Физическое или юридическое лицо, использующее заявленное изобретение в период действия его временной правовой охраны, выплачивает патентообладателю после получения патента на изобретение денежную компенсацию. Размер и порядок выплаты такой компенсации определяются соглашением сторон, а в случае спора – в судебном порядке (ст. 22 Закона; ст. 1392 ГК РФ).

Подача и проведение предварительной экспертизы заявки на выдачу патента на изобретение в Республике Беларусь составляет 5 базовых величин (далее – БВ) (п. 1 Приложения 23 к НК). За проведение патентной экспертизы заявки на выдачу патента на изобретение в отношении одного изобретения, содержащего до десяти (включительно) зависимых пунктов формулы, составляет 24 БВ (п. 6 Приложения 23 к НК). Публикация сведений о заявке на выдачу патента на изобретение, прошедшей предварительную экспертизу с положительным результатом, до истечения 18 месяцев с даты поступления заявки – 5 БВ (п. 5 Приложения 23 к НК). Регистрация изобретения в Государственном реестре изобретений и выдача патента на изобретение – 10 БВ (п. 12 Приложения 23 к НК). Поддержание в силе патента на изобретение начинается с 3-го года: 3-й и 4-й года – по 5 БВ, 5-й и 6-й год – по 7 БВ, 19-й и 20-й годы – по 24 БВ (п. 13 Приложения 23 к НК).

От подачи заявки до получения патента, в среднем, проходит 18 месяцев [1].

В Российской Федерации регистрация заявки на выдачу патента на изобретение и принятие решения по результатам формальной экспертизы составляет 3 300 рублей (п. 1.1 Приложения № 1 к Положению о патентных пошлинах (далее – Приложение № 1)). Рассмотрение ходатайства о проведении информационного поиска по заявке на изобретение и принятие решения по результатам его рассмотрения, предоставление результатов поиска до истечения 7 месяцев со дня удовлетворения ходатайства – 9 500 рублей (п. 1.8 Приложения № 1).

Принятие решения по результатам экспертизы заявки на изобретение по существу в случае подачи ходатайства о проведении экспертизы по существу при подаче заявки на изобретение и направления отчёта об информационном поиске до истечения 7 месяцев со дня удовлетворения ходатайства – 12 500 руб., а если до истечения 12 ме-

саяцев 4 700 руб. (п. 1.9 Приложения № 1). Рассмотрение ходатайства о досрочной публикации сведений о заявке на изобретение и принятие решения по результатам его рассмотрения, публикация сведений – 800 руб. (п. 1.5 Приложения № 1). Регистрация изобретения, публикация сведений о выдаче патента составляет 3 000 руб. (п. 1.18 Приложения № 1). Выдача патента на изобретение составляет 1 500 руб. (п. 1.19 Приложения № 1). Годовые пошлины за поддержание в силе патента на изобретение, начиная с 3-го года: за 3-й и 4-й – 1 700 руб., за 5-й и 6-й – 2 500, 19-й и 20-й годы – по 16 200 руб. (п. 1.21 Приложения № 1).

Стоит отметить, что размеры патентных пошлин в России одни из самых низких в мире. Для поощрения российских производителей, стремящихся освоить зарубежные рынки, предусмотрена компенсация расходов на зарубежное патентование Российским экспортным центром (РЭЦ). АО «РЭЦ» осуществляет функции агента Правительства РФ по вопросу о предоставлении субсидий российским производителям на финансирование части затрат, связанных с регистрацией на внешних рынках объектов интеллектуальной собственности, на основании постановления Правительства РФ от 15 декабря 2016 г. № 1368 (ред. от 06.12.2019). В соответствии с программой РЭЦ может быть выдана субсидия на 100 % компенсацию расходов на получение патента и поддержание его в силе в течение первых 3 лет и до 70 % расходов на подготовку документов для получения патента за рубежом. Расходы пока компенсируют только юридическим лицам, но вне зависимости от категории. При условии правильно оформленной заявки субсидию предоставят как корпорации, так и индивидуальному предпринимателю.

Если заявитель является единственным автором изобретения, то можно получить патент на изобретение, не уплачивая пошлины. Для этого до принятия решения о выдаче патента нужно подать заявление о бесплатном отчуждении патента в пользу любого лица, которое захочет внедрять данное изобретение. Пошлины, согласно статье 1366 ГК РФ, будет обязан уплатить то лицо, кому был уступлен патент.

Сравнивая сроки, установленные в патентных ведомствах других стран, можно отметить, что патенты в России выдают быстрее, чем в США, Европе или Китае. В третьем квартале 2018 года сроки экспертизы по существу заявки на выдачу патента на изобретение в Роспатенте в среднем составляли чуть более 8 месяцев [2]. Но здесь стоит иметь в виду ещё срок формальной экспертизы – проверку правильности оформления документов и факта уплаты пошлин, и сроки, предусмотренные на уплату пошлин, которые зависят только от заявителя. Многие зависят и от технической сложности изобретения, поскольку экспертам необходимо проанализировать мировой массив патентной и научно-технической информации и сравнить его с разработкой. Сократить сроки получения патента в России можно, во-первых, за счёт подачи заявки в электронном виде, а, во-вторых, воспользовавшись услугами по проведению тематического патентного поиска и получению предварительного заключения о патентоспособности (этим занимается, к примеру, ФИПС). Данные действия позволяют сократить срок получения патента до 2 месяцев.

Срок действия патента на изобретение в Республике Беларусь и Российской Федерации исчисляется не с даты получения патента, а с даты подачи заявки на выдачу патента на изобретение в патентный орган и при условии соблюдения требований, установленных законодательством, составляет 20 лет (п. 3 ст. 1 Закона о патентах, п. 4 ст. 1381 ГК РФ). Срок действия патента в РФ также исчисляется с даты подачи заявки на выдачу патента или в случае выделения заявки с даты подачи первоначальной заявки, для изобретений составляет 20 лет. Указанный срок продлевается на время, прошедшее с даты подачи заявки на выдачу патента на изобретение до дня получения первого разрешения на применение продукта, за вычетом пяти лет, но не более чем на 5 лет. Заявление о продлении срока пода-

ётся патентообладателем в период действия патента до истечения 6 месяцев со дня получения первого разрешения на применение продукта или с даты выдачи патента в зависимости от того, какой из этих сроков истекает позднее. Порядок выдачи и действия дополнительного патента на изобретение и продления срока действия патента на изобретение устанавливается ФИПС (ст. 1363 ГК РФ).

Патентование изобретений в Республике Беларусь и Российской Федерации имеет как общие черты, так и различия. Схожесть процедур патентования обусловлена схожим патентным законодательством, что объясняется участием обоих государств в международных конвенциях – Парижской конвенции по охране промышленной собственности 1883 г., Договоре о патентной кооперации (РСТ) 1970 г. По самому содержанию процедуры патентования значительных отличий нет. К этапам патентования относятся: предварительная (формальная) экспертиза, публикация заявки (без уплаты пошлины в обоих государствах, за исключением досрочной публикации заявки), патентная (по существу) экспертиза, регистрация изобретения в реестре изобретений, публикация сведений о выдаче патента/сведения о патенте на изобретение (в РФ/Республике Беларусь), выдача патента. В Российской Федерации есть дополнительная процедура патентного органа – проведение патентного поиска по ходатайству вне экспертизы заявки по существу (которое можно подать до принятия решения по результатам экспертизы заявки по существу), что позволяет заявителю оценить свои риски и отозвать заявку, не уплачивая пошлины за последующие действия. Отчёт публикуется только после опубликования заявки, что также даёт возможность отозвать заявку.

Отличия касаются по срокам и стоимости процедур патентования. По финансовым затратам получение патента на изобретение намного (как минимум в 2,5 раза) дешевле в России, что делает привлекательным получение патента иностранными заявителями. Сроки получения патента на изобретение в Беларуси более чем в 2 раза больше по сравнению с сроками получения патента в России. Также в РФ создана и функционирует система поощрения в виде компенсации расходов российских субъектов хозяйствования на зарубежное патентование.

Системный анализ норм действующего патентного законодательства Республики Беларусь и Российской Федерации позволяет сформулировать конкретные задачи, требующие решения при разработке дополнений и изменений в патентное законодательство Республики Беларусь, в числе которых можно назвать оптимизацию процедур выдачи патентов.

1. Горячко, М. Ш. Вопросы и ответы [Электронный ресурс] / М. Ш. Горячко. – Режим доступа : <https://www.gnr.by/faq.html>. – Дата доступа : 14.03.2020.

2. Десять мифов о патентовании в России // Экономика сегодня. – 04.12.2018 [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <https://rueconomics.ru/365010-desyat-mifov-o-patentovanii-v-rossii>. – Дата доступа : 14.03.2020.

Ipatova O.V. Patenting of inventions in the Republic of Belarus and the Russian Federation

Patenting of inventions in the Republic of Belarus and the Russian Federation has both common features and differences. The similarity of patenting procedures is explained by a similar patent law, which in turn is due to the participation of both states in international conventions - the Paris Convention for the Protection of Industrial Property, the Patent Cooperation Treaty (PCT). A systematic analysis of the norms of the current patent legislation of the Republic of Belarus and the Russian Federation allows us to formulate specific tasks that need to be addressed when developing additions and changes to the patent legislation of the Republic of Belarus, including optimizing the procedure for issuing a patent for an invention.

ЭЛЕКТРОННОЕ ПРАВИТЕЛЬСТВО КАК ПРИОРИТЕТНОЕ НАПРАВЛЕНИЕ РАЗВИТИЯ ИНФОРМАЦИОННОГО ОБЩЕСТВА В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ

В настоящее время информационно-коммуникационные технологии оказывают огромное влияние на развитие современного общества, происходит дигитализация всех сфер общества, в том числе и сферы государственного управления. Электронное правительство является инструментом повышения эффективности и демократизации государственного управления, которое рассматривается как платформа для оказания услуг населению (административных процедур и др.). Необходимыми шагами для преодоления инерции информатизации, а, следовательно, и для осуществления эффективных проектов станет разработка целостной концепции электронного правительства, определяющей цели, задачи, принципы, способы, направления и перспективу дальнейшего развития электронного правительства Республики Беларусь, с акцентом на оказании услуг гражданам; разработка нормативной базы; формирование открытого ресурса для расширения экспертной сети; организация публичного контроля как эффективного мониторинга на основе международных методик, учитывающих качественные характеристики электронного правительства.

Движение к информационному обществу – это путь в будущее человеческой цивилизации. В конце XX – начале XXI вв. информационно-коммуникационные технологии стали оказывать сильное влияние на развитие общества. Наше время – это время колоссального роста информационных потоков. В связи с развитием рыночных отношений предъявляются высокие требования к информации, а именно: своевременность, достоверность и полнота. Информационные потребности в настоящее время продолжают расти. Удовлетворить их запросы позволяет единое информационное пространство, которое обеспечивает доступ к корпоративным базам данных и соответствующим документам.

Система государственного управления и самоуправления, использующая информационно-коммуникационные технологии (ИКТ), является частью информационного пространства. Такую систему называют «электронное правительство». Электронное правительство представляет собой систему государственного управления, которая основана на электронных средствах обработки, передачи и распространения информации. Использование такой системы способствует упрощению и ускорению оказания электронных услуг, оказываемых государством населению, в том числе и в реальном времени.

Начиная с 2010 г., когда была утверждена Государственная программа информатизации Республики Беларусь на 2003–2005 гг. и на перспективу до 2010 г. «Электронная Беларусь» [1], развитие информационного общества является одним из основных факторов обеспечения конкурентоспособности и инновационного развития национальной экономики, совершенствования системы государственного управления, повышения зрелости гражданского общества. Госпрограмма «Электронная Беларусь» была принята в целях реализации Концепции государственной политики в области информатизации, одобренной Указом Президента Республики Беларусь от 6 апреля 1999 г. № 195 «О некоторых вопросах информатизации в Республике Беларусь» [2].

Курс на дальнейшую информатизацию был закреплён в нижеследующих программных документах.

Программа социально-экономического развития Республики Беларусь на 2016–2020 гг. [3] была разработана на основе Национальной стратегии устойчи-

вого социально-экономического развития Республики Беларусь на период до 2030 г., одобренной Президиумом Совета Министров Республики Беларусь (протокол от 2 мая 2017 г. № 10) [4]. Данная стратегия определяет принципы государственной политики Республики Беларусь в сфере информатизации и основные направления развития информационного общества с учётом совокупности факторов, влияющих на его прогресс. Принятая основе данной стратегии Программа социально-экономического развития Республики Беларусь на 2016–2020 гг. в качестве приоритетных направлений обозначила развитие информационного общества и широкое внедрение ИКТ (что понимается как информатизация). Реализация этих приоритетов является ключевой составляющей стратегии инновационного развития страны, а ИКТ – инструментом, который обеспечит развитие высокотехнологичного сектора экономики, создаст условия для перехода к цифровой экономике, совершенствования институциональной и формирования благоприятной бизнес-среды. Развитие электронного правительства позволит повысить эффективность государственного управления, упростить взаимодействие государства, бизнеса и граждан, сделать это взаимодействие более удобным и уменьшить издержки на осуществление административных процедур.

Развитие информатизации в Республике Беларусь в течение 2011–2015 гг. осуществлялось в соответствии со «специальной» стратегией – Стратегией развития информационного общества на период до 2015 г., утвержденной Постановлением Совета Министров Республики Беларусь от 9 августа 2010 г. № 1174 (далее – Стратегия информатизации–15) [5], и разработанными для её выполнения Национальной программой ускоренного развития услуг в сфере информационно-коммуникационных технологий на 2011–2015 гг. (далее – Национальная программа–2015) [6], отраслевыми и региональными программами информатизации. Национальная программа–2015 включала в себя 9 подпрограмм, среди которых – подпрограмма «Электронное правительство» [7, глава 10].

Стратегия развития информатизации в Республике Беларусь на следующий период – 2016 – 2022 гг. (далее – Стратегия информатизации–2022) [8] определила одним из основных направлений информатизации развитие эффективной и прозрачной системы государственного управления [8, раздел 2]. Реализация Стратегии информатизации–2022 должна привести к следующим ожидаемым результатам:

- развитие эффективной и прозрачной системы государственного управления: позиция в рейтинге по индексу готовности к электронному правительству – вхождение в группу развитых стран (в соответствии с классификацией ООН (что уже достигнуто в 2018 г.); доля административных процедур и других государственных услуг, оказываемых в электронном виде – не менее 75 %; доля электронного документооборота между государственными органами в общем объёме документооборота – 95 %;

- обеспечение быстрых, удобных и безопасных коммуникаций между государством, бизнесом, гражданами: количество наборов, открытых данных государственных органов и организаций – не менее 100; позиция Республики Беларусь в рейтинге по индексу электронного участия (по методике ООН) – 50;

- развитие национальной информационно-коммуникационной инфраструктуры: количество интернет-пользователей на 100 жителей – 65,0; количество абонентов и пользователей стационарного (постоянного) широкополосного доступа в сеть Интернет на 100 человек населения – 36,5; количество абонентов и пользователей беспроводного широкополосного доступа в сеть Интернет на 100 человек населения – 85,0;

- внедрение ИКТ в реальном секторе экономики: удельный вес инновационно-активных организаций в общем количестве организаций – 25 %;

- информатизация системы здравоохранения: доля медицинской документации, представленной в электронном виде – 100 %; доля организаций здравоохранения, подключенных к единой корпоративной сети организаций здравоохранения – 100 %; доля населения, обеспеченного электронными медицинскими картами – 100 %;

- информатизация системы образования: доля открытых электронных образовательных ресурсов – 80 %;

- развитие национального электронного контента: доля СМИ, доступных посредством сети Интернет – 100 %, доля библиотечных фондов в электронной форме в общем объеме библиотечных фондов публичных библиотек – не менее 30 %;

- развитие собственной отрасли информационных технологий: доля валовой добавленной стоимости сектора ИКТ в ВВП – 3,8–4 %.

Для достижения показателей, обозначенных Стратегией информатизации-2022, была разработана Государственная программа развития цифровой экономики и информационного общества на 2016–2020 гг. (далее – Госпрограмма цифровизации–2020) [9]. Она содержит в себе концепцию «цифровой трансформации» белорусской экономики и ставит целью перевести в цифровую форму существующие процессы в здравоохранении, в осуществлении государственных закупок, в образовании и иных сферах.

Республика Беларусь по оценке Международного союза электросвязи и ООН относится к группе стран с высокой динамикой развития ИКТ и очень высоким уровнем развития электронного правительства. По индексу развития информационно-коммуникационных технологий (ICT Development Index) в 2017 году Республика Беларусь заняла среди 176 стран мира 32 место [10]. По результатам последнего исследования ООН (2018 г.) по определению индекса развития электронного правительства (e-Government Development Index, EGDI) Республика Беларусь переместилась с 49 места (2016 год) на 38 среди 193 стран [10]. Беларусь впервые в своей истории переместилась в группу стран (топ-40) с очень высоким индексом развития электронного правительства (Very-High-EGDI). По оценке составителей рейтинга [11], это может быть связано с реализацией Национальной стратегии устойчивого развития на период до 2030 г. [11], включающей несколько инициатив, связанных с развитием ИКТ в различных секторах экономики. Например, Стратегия информатизации–2022 была принята в 2015 г. с целью усилить роль ИКТ в работе электронного правительства. Ещё одна отмеченная ООН инициатива – Госпрограмма цифровизации–2020, которая обеспечила эффективное внедрение цифровых инструментов во многие сферы жизнедеятельности.

Все 40 стран из группы с «очень высоким» показателем EGDI, кроме двух – Беларуси и Казахстана, являются странами с высоким уровнем дохода. Беларусь и Казахстан являются странами с уровнем дохода выше среднего. Как показывают предыдущие исследования ООН (в 2012, 2014 и 2016 гг.), доход на душу населения, показывающий экономический потенциал страны, имеет сильное влияние на развитие национального электронного правительства [11].

Математически индекс развития электронного правительства ООН (EGDI) рассчитывается как среднее арифметическое трёх композитных подиндексов (максимальное значение каждого – 1): индекса информационно-коммуникационной инфраструктуры (в него входят пять показателей, характеризующих развитие фиксированной и сотовой связи, а также проникновение интернета); индекса человеческого капитала (четыре показателя – грамотность населения, вовлечённость в образование, ожидаемая и средняя продолжительность обучения) (индекс Беларусь – 0,8681) и индекса онлайн-услуг (рассчитывается по результатам обследования официальных веб-

сайтов). Динамика места в общем рейтинге определяется динамикой относительного положения страны в этих трёх группах показателей. Сводный индекс (EGDI) Беларуси в рейтинге составил 0,7641. Наиболее высоко оценен индекс человеческого капитала Беларуси – 0,8681. Уровень развития онлайн-сервисов – 0,7361, индекс ИКТ-инфраструктуры – 0,6881 [12].

ООН также отдельно рассчитывает индекс электронного участия (E-participation), результаты которого не влияют на показатель развития электронного правительства. Беларусь значительно продвинулась и в этом рейтинге – с 76-го на 33-е место в 2018 г. Этот показатель отражает развитие сервисов активной коммуникации между гражданами и государством [11].

Целый ряд государственных информационных систем и инфраструктурных решений был определён в Беларуси к 2012 г., что обеспечило возможность автоматизированной электронной согласованности всех участников информационного обмена – государственного аппарата, населения и бизнеса. В целом картина информатизации в Беларуси выглядит следующим образом. Практически создан базовый комплекс электронного правительства, в который входят такие компоненты как: общегосударственная автоматизированная информационная система (далее – ОАИС), система межведомственного электронного документооборота государственных органов Республики Беларусь (СМДО), Государственная система управления открытыми ключами проверки электронной цифровой подписи (далее – ГосСУОК), единое расчетное информационное пространство (ЕРИП), Автоматизированная информационная система исполнения денежных обязательств (АИС ИДО) и другие.

Задачей ОАИС является интеграция всех государственных информационных ресурсов и систем, оказание электронных услуг на основе сведений из них для всех категорий потребителей. СМДО реализует возможности обмена электронными документами между различными инстанциями. ГосСУОК представляет собой систему взаимосвязанных и аккредитованных в ней организаций, которые оказывают услуги для распространения открытых ключей электронной цифровой подписи. За функционирование АИС ИДО отвечает ОАО «Белорусский межбанковский расчётный центр». АИС начала действовать с 1 января 2020 г. в соответствии с Указом Президента Республики Беларусь «О совершенствовании безналичных расчётов» от 16 октября 2018 г. № 414 [13]. Данная система позволяет осуществлять оперативное информирование уполномоченных органов, банков и иных заинтересованных лиц в целях организации исполнения денежных обязательств, исключить случаи многократного списания одной и той же суммы со всех счетов должников. Национальный центр электронных услуг (НЦЭУ) определён оператором этих межведомственных отношений [14].

К нормативно правовым актам, которые обеспечивают работу электронного правительства в Республике Беларусь и реализуют цели вышеуказанных программных документов, относятся: Закон Республики Беларусь от 10 ноября 2008 г. № 455-З «Об информации, информатизации и защите информации» (далее – Закон об информации) [15], постановление Совета Министров Республики Беларусь «О некоторых мерах по реализации Закона Республики Беларусь «Об информации, информатизации и защите информации» и о признании утратившими силу некоторых постановлений Совета Министров Республики Беларусь от 26 мая 2009 г. № 673 [16], постановление Министерства связи и информатизации Республики Беларусь «О некоторых вопросах государственной регистрации информационных ресурсов и информационных систем и о признании утратившим силу постановлений Совета Министров связи и информатизации Республики Беларусь от 28 ноября 2007 г. № 51» от 5 августа 2007 г. № 32 [17], постановле-

ние Министерства связи и информатизации Республики Беларусь «О внесении изменений в постановление Министерства связи и информатизации Республики Беларусь от 5 августа 2009 г. № 32» от 20 декабря 2010 г. № 27 [18], Директива Президента Республики Беларусь «О дебиюрократизации государственного аппарата и повышении качества обеспечения жизнедеятельности населения» от 27 декабря 2006 г. № 2 [19], постановление Совета Министров Республики Беларусь «Об административных процедурах, подлежащих осуществлению в электронной форме» от 14 июля 2017 г. № 529 (утратило силу) [20] и др.

Создание и использование государственных информационных ресурсов и информационных систем – один из ключевых элементов общегосударственной автоматизированной информационной системы (ОАИС), предоставляющей электронные услуги из государственных информационных ресурсов, интегрированных с ней на едином портале электронных услуг portal.gov.by. Сбор, накопление и обработка информации об основных элементах научно-технических, социально-экономических и политических процессов в обществе являются интеллектуальным богатством страны. ОАИС предусматривает создание единого информационного пространства, в котором будет физически обеспечен доступ из любого компьютера к любому зарегистрированному ИП или ИС. Когда будет обеспечен сравнимый с Интернет-оперативностью доступ к собранным в нём сведениям об ИП и ИС, а также прямо к самим ИП и ИС, тогда и будет достигнута цель создаваемого в Республике Беларусь единого информационного пространства.

Частью инфраструктуры электронного правительства является Государственный регистр информационных ресурсов (ИР) и информационных систем (ИС) Республики Беларусь (далее – Регистр ИП и ИС), который включает не только государственные, но и частные ИС и ИП. Создание Регистра ИП и ИС способствует тому, что в настоящее время ведётся регистрация всех информационных ресурсов, содержащих полезные сведения для юридических и физических лиц. Целью регистрации является сам сбор информационных ресурсов нашей страны, их обработка и систематизация. На данный момент в Регистре зарегистрировано 22 388 ИП [21] и 334 ИС [22]. Для сравнения на конец 2019 г. в Регистре было зарегистрировано 20 322 ИП (в 2019 г. – 3 644) и 304 ИС (в 2019 г. – 27) [21, 22].

Закон об информации даёт определение основных понятий в области информационных отношений. Так, информационный ресурс – это организованная совокупность документированной информации, которая включает базы данных, другие совокупности взаимосвязанной информации в ИС [15, ч. 19. ст. 1]. А информационная система – совокупность банков данных, информационных технологий (процессов, методов осуществления поиска, получения, передачи, сбора, обработки, накопления, хранения, распространения и (или) предоставления информации, а также пользования информацией и защиты информации) и комплекса (комплексов) программно-технических средств [15, ч. 14 ст. 1]. Информационная система служит для хранения, поиска, обработки информации. Своевременное обеспечение надлежащей информацией является приоритетной задачей информационной системы. Результат функционирования информационных систем – информационная продукция: документы, информационные массивы, базы данных и информационные услуги. Информационная услуга – деятельность по осуществлению поиска, получения, передачи, сбора, обработки, накопления, хранения, распространения и (или) предоставления информации, а также защиты информации [15, ч. 16 ст. 1].

Создание Регистра ИП и ИС предусмотрено Законом об информации предусматривает [15, стст. 24, 26]. Научно-инженерное республиканское унитарное

предприятие «Институт прикладных программных систем» (НИРУП «ИППС») Министерства связи Республики Беларусь является оператором государственного регистра. Положение о порядке государственной регистрации информационных ресурсов и ведение государственного регистра информационных ресурсов [23], а также Положение о ведении государственного регистра информационных систем, утверждённое Постановлением Совета Министров Республики Беларусь № 673 от 26 мая 2009 г. определяют порядок регистрации [24].

К условиям государственной регистрации информационных ресурсов относятся: соответствие ИР фактическим и формальным признакам информационных ресурсов и отсутствие аналогичных зарегистрированных и эксплуатируемых информационных ресурсов. Для оценки соответствия условиям заявляемого информационного ресурса НИРУП «ИППС» создаётся экспертная комиссия. Задача экспертной комиссии – в месячный срок рассмотреть заявки на регистрацию ИР со дня их поступления и дать экспертное заключение [25, п. 24]. Государственный информационный ресурс готов к постоянному использованию с даты выдачи заявителю регистрационного свидетельства. Актуализацию регистра проводят в ходе проверок, определяющих соответствие информации об информированных ресурсах в регистре их реальному состоянию.

Государственный регистр информационных систем был создан 23 декабря 2009 г. [26]. В данном регистре зарегистрированы «Общегосударственная автоматизированная информационная система» (ОАИС), владельцем которой является Министерство связи и информатизации Республики Беларусь; «Автоматизированная информационная система оценки земель Республики Беларусь» и «Автоматизированная система ведения единого реестра административно-территориальных и территориальных единиц Республики Беларусь» (владелец – Госкомимущество Республики Беларусь), «Автоматизированная система пограничного контроля «Беркут-Б» (владелец – Государственный пограничный комитет Республики Беларусь), Автоматизированная информационная система исполнения денежных обязательств (АИС ИДО) (за функционирование отвечает ОАО «Белорусский межбанковский расчётный центр») и др.

Итак, государственная регистрация ИС и ИР координирует работу по созданию и использованию республиканских и региональных информационных систем, т.к. позволяет получить информацию о работающих в стране государственных ИС и ИР. Негосударственные ИР и ИС регистрируются на добровольной основе. Также положительными моментами регистрации являются продвижение ИР или ИС на просторах Интернета и защита авторских прав и исключительных прав на объекты интеллектуальной собственности, а также права собственности на объекты недвижимости.

Одной из ключевых проблем создания единого информационного пространства в Республике Беларусь является формирование и использование ИР и ИС. Важным стратегическим решением, которое требует от руководства субъекта хозяйствования учёта многих технических, экономических, организационных и социально-психологических особенностей, является разработка и создание системы управления ИС и ИР.

Число ранее созданных информационных систем исчисляется сотнями. В то же время данные государственной регистрации показывают, что информационных систем, оказывающих электронные услуги, в т.ч. в рамках административных процедур, крайне незначительное количество. Предшествующий период ИС разрабатывались в основном в интересах автоматизации труда сотрудников государственных органов и организаций. Задача оказания услуг гражданам и юридическим лицам просто не ставилась. В настоящее время становится актуальной противоположная задача – массовое оказание электронных услуг государственными информационными системами

(е-правительство). Но, как свидетельствует регистрационный процесс, цифрового контента (информационных ресурсов) для этого пока недостаточно [27].

Информационные системы и ресурсы должны постоянно совершенствоваться, расширяться. Они должны использовать единые каналы связи, системы защиты информации, идентификации, которые можно применять на всех уровнях государственного управления. Они должны быть доступными не только бизнесу, но и гражданам.

К настоящему времени выработано общее представление об электронном правительстве как о программе трансформации государственного управления (с использованием ИКТ), сформировался ряд общепринятых принципов стратегического планирования в данной сфере.

Термин «электронное правительство» вошёл в политический дискурс в 90-х гг. XX в. В основе проектов электронного правительства лежали модель взаимодействия государства, бизнеса и клиента (гражданина) в электронном пространстве, и концепция «межсетевого государственного сектора» [28], а также концепция хорошего (качественного) государственного управления (good governance). Последняя включает такие принципы, как верховенство права, равенство, ориентация на консенсус, участие граждан в процессе принятия государственных решений, оперативность (административные процессы в разумное время обеспечивают вовлечение и дают возможность участия всех заинтересованных лиц), и эффективность (органы власти «производят» результаты, которые удовлетворяют общественные ожидания и, в то же время, наилучшим образом используют ресурсы, находящиеся в их распоряжении, заботясь о воспроизводстве этих ресурсов); прозрачность и подотчётность [29].

Несмотря на продолжающиеся дискуссии о сущности и взаимосвязях понятий «электронное правительство» и «электронное управление», в политической практике они часто используются как взаимозаменяемые, поскольку включают общие основные компоненты: более эффективная деятельность правительства, оказание услуг гражданам и совершенствование демократического процесса на основе использования информационно-коммуникационных технологий. При этом проекты электронного правительства, как правило, рассматриваются в качестве составной части системных трансформаций государственного управления, включающих административную реформу, реформу госслужбы и переориентацию государства на обслуживание граждан и бизнеса [30]. А основными качественными характеристиками электронного правительства становятся доступность и индивидуализированность услуг, оказываемых государством гражданам, организациям, предприятиям; подотчётность и прозрачность деятельности правительственных органов; информирование и результативное участие граждан в политическом процессе; расширение возможностей представительных учреждений; свободный обмен информацией.

Стратегической целью дальнейшего развития информатизации в Республике Беларусь является совершенствование условий, содействующих трансформации сфер человеческой деятельности под воздействием ИКТ, включая формирование цифровой экономики, развитие информационного общества и совершенствование электронного правительства Республики Беларусь. В 2016–2022 гг. в вопросе развития информатизации Республика Беларусь ставит одной из своих задач развитие эффективной и прозрачной системы государственного управления посредством внедрения передовых ИКТ во все сферы человеческой жизнедеятельности [8, ч. 2 раздела 2].

В Республике Беларусь успешно идет процесс внедрения технологий информационного общества в сферу функционирования властных структур. Однако технократический подход, ориентация на нужды государства, определяющие специфику политики информатизации в Беларуси, вступают в серьёзные противоречия с концепциями максимизации трансформационного эффекта проектов электронного правительства.

Так, Стратегия информатизации–2022 г. [8], сменившая Стратегию информатизации-2015 [5] и подпрограмму «Электронное правительство» Национальной программы ускоренного развития услуг в сфере информационно-коммуникационных технологий на 2011–2015 гг. [6], во многом сохраняет «государствоцентричный» подход. Так, при решении данных задач следует руководствоваться принципом определяющей роли государства в формировании политики информатизации и стимулировании применения ИКТ во всех сферах жизнедеятельности современного общества [8, ч. 2 раздела 2]. Успешное управление же развитием информатизации в Республике Беларусь основывается на принципах централизации управления процессами формирования, реализации и сопровождения программ в области информатизации [8, раздел 4.1]. А одним из основных факторов, замедляющим развитие информатизации в стране, опять же в Стратегии информатизации–2022 названа инертность государственных органов и организаций при решении вопросов информатизации. Следует отметить слабое использование возможностей государственно-частного партнёрства, в том числе в области обучения и исследований, а также недостаточный уровень инвестиций в ИКТ со стороны бизнеса [8, раздел 1]. Поэтому одними из принципов Стратегии информатизации–2022 являются: открытость государственного управления, свобода доступа к информации и знаниям; развитие государственно-частного партнёрства в сфере информатизации [8, ч. 3 раздела 2], а именно в сфере разработки и эксплуатации подсистем электронного правительства, а также создание условий для формирования института частных операторов электронных услуг, предоставляемых на основе данных, формируемых в результате деятельности государственных органов, в том числе открытых данных [8, подраздел 3.1 раздела 3].

В этой ситуации необходимыми шагами для преодоления инерции информатизации, а, следовательно, и для осуществления эффективных проектов станет разработка целостной концепции электронного правительства (в Стратегии цифровизации–22 обозначены лишь концептуальные основы цифровизации, самостоятельная концепция электронного правительства в республике не разработана) с акцентом на оказании услуг гражданам, обеспечение нормативной базы, формирование открытого ресурса для расширения экспертной сети, организация публичного контроля как эффективного мониторинга на основе международных методик, учитывающих качественные характеристики электронного правительства.

1. Государственная программа информатизации Республики Беларусь на 2003–2005 годы и на перспективу до 2010 года «Электронная Беларусь», [Электронный ресурс] : утв. постановлением Совета Министров Респ. Беларусь, 27 дек. 2002 г., № 1819 : в ред. от 2 авг. 2010 г. № 1149 // Эталон-Беларусь / Нац. цент правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2020.

2. О некоторых вопросах информатизации в Республике Беларусь [Электронный ресурс] : Указ Президента Республики Беларусь, 6 апреля 1999 г., № 195 : в ред. от 4 авг. 2006 г. № 502 // Эталон-Беларусь / Нац. цент правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2020.

3. Программа социально-экономического развития Республики Беларусь на 2016–2020 годы, [Электронный ресурс] : утв. Указом Президента Респ. Беларусь, 15 декабря 2016 г., № 466 : в ред. от 7 авг. 2019 г. № 301 // Эталон-Беларусь / Нац. цент правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2020.

4. Национальная стратегия устойчивого социально-экономического развития Республики Беларусь на период до 2030 года [Электронный ресурс] : одобрена Президиумом Совета Министров Республики Беларусь, протокол от 2 мая 2017 г. № 10 // Эталон-Беларусь / Нац. цент правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2020.

5. Стратегия развития информационного общества в Республике Беларусь на период до 2015 года [Электронный ресурс] : утв. постановлением Совета Министров Республики Беларусь от 9 августа 2010 г. № 1174 // Эталон-Беларусь / Нац. цент правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2020.

6. Национальная программа ускоренного развития услуг в сфере информационно-коммуникационных технологий на 2011-2015 годы [Электронный ресурс] : утв. постановлением Совета Министров Респ. Беларусь, 28 марта 2011 г. № 384 : в ред. от 2 июня 2015 г. № 492 // Эталон-Беларусь / Нац. цент правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2020.
7. Национальной программой ускоренного развития услуг в сфере информационно-коммуникационных технологий на 2011-2015 годы [Электронный ресурс] : утв. постановлением Совета Министров Респ. Беларусь, 28 марта 2011 г., № 384 : в ред. от 12 июня 2015 г. № 492 // Эталон-Беларусь / Нац. цент правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2020.
8. Стратегия развития информатизации в Республике Беларусь 2016-2022 годы [Электронный ресурс] : одобрена Президиумом Совета Министров Республики Беларусь (протокол от 3 ноября 2015 г. № 26). – Режим доступа : <http://e-gov.by/zakony-i-dokumenty/strategiya-razvitiya-informatizacii-v-respublike-belarus-na-2016-2022-gody>. – Дата доступа : 16.05.2020.
9. Государственная программа развития цифровой экономики и информационного общества на 2016-2020 годы [Электронный ресурс] : утв. постановлением Совета Министров Респ. Беларусь, 23 марта 2016 г., № 235 : в ред. от 14 февр. 2020 г. № 86 // Эталон-Беларусь / Нац. цент правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2020.
10. Электронное правительство Республике Беларусь / НЦЭУ [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <https://nces.by/e-government/>. – Дата доступа : 30.04.2020.
11. United Nations E-Government Survey 2018 [Electronic resource]. – Access mode : <https://www.un.org/development/desa/publications/2018-un-e-government-survey.html>. – Access date : 04.05.2020.
12. Measuring the information society report 2018 [Electronic resource]. – Access mode : <https://www.itu.int/en/ITU-D/Statistics/Pages/publications/misr2018.aspx> – Access date : 04.05.2020.
13. О совершенствовании безналичных расчётов годы [Электронный ресурс] : Указ Президента Респ. Беларусь, 16 октября 2018 г., № 414 // Эталон-Беларусь / Нац. цент правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2020.
14. Национальный центр электронных услуг [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <https://nces.by/>. – Дата доступа : 24.05.2020.
15. Об информации, информатизации и защите информации [Электронный ресурс] : Закон Респ. Беларусь, 10 ноября 2008 г., № 455-3: в ред. от 11 мая 2016 г. № 362-3 // Эталон-Беларусь / Нац. цент правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2020.
16. О некоторых мерах по реализации Закона Республики Беларусь «Об информации, информатизации и защите информации» и о признании утратившими силу некоторых постановлений Совета Министров Республики Беларусь [Электронный ресурс] : постановление Совета Министров Респ. Беларусь, 26 мая 2009 г., № 673 : в ред. от 9 апр. 2014 г. № 335 // Эталон-Беларусь / Нац. цент правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2020.
17. О некоторых вопросах государственной регистрации информационных ресурсов и информационных систем и о признании утратившим силу постановлений Совета Министерства связи и информатизации Республики Беларусь, 28 нояб. 2007 г., № 51 [Электронный ресурс] : постановление Министерства связи и информатизации Респ. Беларусь, 5 авг 2007 г., № 32 // Эталон-Беларусь / Нац. цент правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2020.
18. О внесении изменений в постановление Министерства связи и информатизации Республики Беларусь от 5 авг. 2009 г. № 32 [Электронный ресурс] : постановление Министерства связи и информатизации Респ. Беларусь, 20 дек. 2010 г., № 27 // Эталон-Беларусь / Нац. цент правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2020.
19. О деbüroкратизации государственного аппарата и повышении качества обеспечения жизнедеятельности населения [Электронный ресурс] : Директива Президента Респ. Беларусь, 27 дек. 2006 г., № 2 // Эталон-Беларусь / Нац. цент правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2020.
20. Об административных процедурах, подлежащих осуществлению в электронной форме [Электронный ресурс] : постановление Совета Министров Респ. Беларусь, 14 июля 2017 г., № 529 // Эталон-Беларусь / Нац. цент правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2020.

21. Государственный регистр информационных ресурсов [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://xn--c1akxf.xn--90ais/app/registerIR>. – Дата доступа : 12.05.2020.
22. Государственный регистр информационных систем [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://xn--c1akxf.xn--90ais/app/registerIS>. – Дата доступа : 12.05.2020.
24. Положение о порядке государственной регистрации информационных ресурсов и ведение государственного регистра информационных ресурсов [Электронный ресурс] : утв. пост. Совета Министров Респ. Беларусь, 26 мая 2009 г., № 673 // Эталон-Беларусь / Нац. цент правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2020.
25. Положение о порядке государственной регистрации информационных систем, использования государственных информационных систем и ведения Государственного регистра информационных систем [Электронный ресурс] : утв. постановлением Совета Министров Респ. Беларусь, 26 мая 2009 г., № 673 // Эталон-Беларусь / Нац. цент правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2020.
26. Создан госрегистр информационных систем Беларуси [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://electroname.com/story/4646>. – Дата доступа : 12.05.2020.
27. Шавров, С. А. Проблемы и перспективы Государственного регистра информационных систем / С. А. Шавров, Т. Л. Милаенкова [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://electroname.com/story/7863>. – Дата доступа : 12.05.2020.
28. Heeks, R. Reinventing government in the information age: international practice in IT-enabled public sector reform / R. Heeks. – 2nd ed. – New York : Routledge, 2002. – 412 p.
29. UN Development Programme (UNDP). (1997) Governance for sustainable human development, A UNDP policy paper. Geneva [Electronic resource]. – Access mode : <http://www.pogar.org/publications/other/undp/governance/undppolicydoc97-e.pdf>. – Access date : 16.05.2020.
30. Кулик, А. Создание «Электронного правительства»: в чем ключевые факторы успеха? / А. Кулик [Электронный ресурс]. – 21.01.2011. – Режим доступа : <http://ehronika.wordpress.com/2011/01/21/создание-«электронного-правительства»/>. – Дата доступа : 16.05.2020.

Mukha A. A. E-Government as a Priority Direction for the Development of the Information Society in the Republic of Belarus

Currently information and communication technologies have a huge impact on the development of modern society. Digitalization of all spheres of society including public administration is taking place. E-government is a tool to improve the efficiency and democratization of public administration which is considered as a platform for providing services to the public (administrative procedures, etc.). The necessary steps to overcome the inertia of informatization, and consequently to implement effective projects will be the development of a holistic concept of e-government which will determine the goals, the objectives, the principles, the methods, the directions and the perspective for the further development of e-government of the Republic of Belarus with an emphasis on providing services to citizens ; development of a legal framework; formation of an open resource for expanding the expert network; organization of public control as an effective monitoring based on international methods that take into account the qualitative characteristics of e-government.

УДК 342.733

Птичкина С. А.

**ПРАВОВЫЕ ОСНОВЫ РЕГУЛИРОВАНИЯ ОБРАЗОВАНИЯ
В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ**

В статье дана общая характеристика основных нормативных актов, на основании которых в стране осуществляется правовое регулирование педагогической деятельности. Сделаны акценты на проблемах необходимости дальнейшего совершенствования законодательства в соответствии с меняющимся статусом педагога в современном обществе, формированием нового типа обучающихся, что требует внедрения новых образовательных технологий, освоения новых моделей образования.

С момента обретения Республикой Беларусь независимости было принято более шестидесяти нормативных актов, относящихся к сфере образования: Закон «Об образовании» в 1991 г., Закон «О профессионально-техническом образовании» в 2003 г., Закон «О специальном образовании» в 2004 г., Закон «Об общем среднем образовании» в 2006 г., Закон «О высшем образовании» в 2007 г. Однако для более эффективного обеспечения инновационного развития страны, для формирования общего образовательного пространства Союзного государства Беларуси и России, вхождения в европейское пространство высшего образования законодательство требовало дальнейшего совершенствования. С 01.09.2011 г. основной документ в сфере образования – Кодекс Республики Беларусь об образовании (далее Кодекс). Необходимость его создания была закреплена в Программе экономического развития страны на 2006–2010 гг., одобренной III Всебелорусским собранием [1]. Кодекс об образовании был принят 13.01.2011 г. под № 243-3. На основе предшествующих Кодексу нормативных актов была построена и функционировала образовательная система страны. В Кодексе систематизированы и упорядочены действующие нормы права, разработаны новые нормы для регулирования отдельных уровней образования, сохранена преемственность в правовом регулировании образовательной деятельности. Изменения и дополнения вносились в Кодекс в 2012 г. Законом Республики Беларусь от 26.05.2012 г. № 376-3 (НРПА РБ, 2012 г., № 62 2/1928), в 2014 г. Законом Республики Беларусь от 04.01.2014 г. № 126-3 (Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь 17.01.2014, 2/2124), в 2016 г. Законом Республики Беларусь от 18.07.2016 г. № 404-3 (Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь 21.07.2016, 2/2402), в 2019 г. Законами Республики Беларусь от 18.07.2019 г. № 219-3 (Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь от 27.07.2019, 2/2658) и от 23.07.2019 г. № 231-3 (Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь, 30.07.2019, 2/2669).

Кодекс об образовании является достаточно объёмным документом. Положения Кодекса определяют работу всех учебных заведений страны, касаются жизни всех граждан Республики Беларусь, т. к. доступность и бесплатность общего среднего образования и профессионально-технического образования гарантирована ст. 49 Конституции Республики Беларусь.

Кодекс состоит из Общей и Особенной частей, включает 17 разделов, 63 главы, 295 статей. Статья 1 определяет основные термины Кодекса, такие как «образование», «образовательный процесс», «образовательная программа», «учреждение образования», «обучающийся» и другие [2, с. 10]. Так, в соответствии с Кодексом образование – это «обучение и воспитание в интересах личности, общества и государства, направленные на усвоение знаний, умений, навыков, формирование гармоничной, разносторонне развитой личности обучающегося» [2, с. 10].

Ст. 3 первой главы Кодекса устанавливает государственные гарантии граждан в отношении образования. Так, право на бесплатное дошкольное, общее среднее и профессионально-техническое образование имеют все граждане Республики Беларусь, постоянно проживающие в стране иностранцы и другие категории граждан, указанные в данной статье [2, с. 11].

Первая глава Кодекса определяет основы государственной политики в области образования и другие фундаментальные положения.

Глава вторая посвящена законодательной базе системы образования Беларуси.

Глава третья – организации системы образования в Республике Беларусь. Так в ст. 12 перечислены элементы основного образования, 13 и 14 статьи посвящены дополнительному и специальному образованию для лиц с особенностями развития, 16 статья – некоторым аспектам формирования образовательных программ, статья 17 устанавливает формы получения образования, признанные в Республике Беларусь.

Второй раздел Кодекса начинается с четвёртой главы, которая содержит описание субъектов образовательных отношений. Это перечисление видов учреждений образования, их особенности, нюансы открытия, управления и т. д.

5 глава – права и обязанности обучающихся, их социальная защита. Данная глава затрагивает вопросы охраны здоровья, организации питания, выплаты стипендий, обеспечения жильём, и т.п.

Шестая глава содержит информацию о правах и обязанностях педагогических работников и других сотрудников учреждений образования.

Четвёртый раздел Кодекса посвящен контролю обеспечения качества образования, управлению и международному сотрудничеству в сфере образования.

Пятый раздел – это дисциплинарная ответственность обучающихся. Меры дисциплинарных взысканий перечислены в ст. 128. Там же указаны ограничения на отчисление некоторых групп обучающихся: не достигших 16 лет, не получившие базового образования и др. [2, с. 145].

В шестом разделе речь идет о порядке финансированию образования. Следующие разделы с 7 по 16 посвящены различным видам образования, предусмотренным в Республике Беларусь – дошкольное, общее среднее, профессионально-техническое, среднее специальное, высшее, послевузовское и др.

Дальнейшее совершенствование положений Кодекса продолжается. Так, 12.02.2020 г. на сайте Министерства образования Республики Беларусь были опубликованы (в качестве проекта документа) Примерные этические правила педагогических работников [3].

Современное образование характеризуется рядом глобальных вызовов: меняющийся статус и роль преподавателя, меняющиеся социальные запросы, формирование нового типа обучающихся. В связи с этим перед научно-педагогическим сообществом ставятся задачи обеспечения глобальной конкурентоспособности белорусского образования, воспитания гармонично развитой социально-ответственной личности, внедрения на всех уровнях образования новых образовательных технологий, новых методов обучения, освоения компетентностной модели образования. Решение таких задач непосредственно зависит от профессиональных и личностных качеств преподавателя, его системы ценностей, убеждений, воспитательных компетенций. Одним из способов решений данных задач, возможно, должно стать создание Этического Кодекса, который бы обосновал и регламентировал основные принципы взаимодействия преподавателя с другими субъектами образовательных отношений.

Анализ нормативной литературы разных стран позволяет выделить следующие требования к педагогам. Скандинавия: равенство, индивидуальный подход, доверие, уважение к ученику, отсутствие давления и принуждения [4, с. 105]. Англия: вера в себя, терпение, сострадание к студентам, гордость за достижения студента, готовность помочь студенту [4, с. 67]. США: способность формировать дисциплину, вера в лучшие возможности ученика [4, с. 23]. Индия: страсть к преподаванию, первоклассное владение предметом, способность к эффективному взаимодействию с обучающимся [5]. Япония: глубокая любовь к обучающемуся, уважение его человеческих прав [6, с. 32]. Одна из немногих стран, где принят Этический кодекс педагога, это Филиппины. В соответствии с этим нормативным актом филиппинский преподаватель – это богопослушный гражданин, аполитичный, способный выстраивать гармоничные отношения в обществе [7].

Как акты внутреннего пользования подобные кодексы приняты в целом ряде высших учебных заведений Российской Федерации (например, в МГУ им. Ломоносова) [8]. Единого Этического кодекса педагога в России не существует. Но 20.08.2019 г. было доведено до сведения всех учебных заведений письмо Мини-

стерства просвещения РФ «О примерном положении о нормах профессиональной этики педагогических работников», указывающее, что в учебных учреждениях может быть создан локальный нормативный акт, не противоречащий законодательству, и комиссия по урегулированию споров, в которую могут объединяться педагоги, обучающиеся и родители обучающихся [9].

В целом можно выделить следующие черты подобного рода документов: во-первых, способность к эмпатии, во-вторых, доверие и способность к сотрудничеству, в-третьих, знание предмета, творческий подход к образованию. Первостепенное значение придаётся уважению. Неуважение педагогом обучающегося недопустимо. Равно как и уважение обучающихся к педагогам является обязанностью обучающихся. Так, ст. 32 Кодекса закрепляет норму о том, что обучающиеся должны уважать честь и достоинство других участников образовательного процесса [2, с. 93]. Уважение – это понятие этическое. Но при этом близкое к юриспруденции. Так как именно право определяет, содержится ли в поступке педагога или обучающегося состав правонарушения, квалифицируемого законом как оскорбление. Что касается защиты чести и достоинства педагогов во время исполнения ими служебных обязанностей, то на уровне заместителя Главы Администрации Президента Республики Беларусь (при посещении Чуприс О.И. Волковысского колледжа ГрГУ им. Я. Купалы) была высказана возможность введения в КоАП Республики Беларусь нормы, предусматривающей административную ответственность за оскорбление учителя при исполнении им служебных обязанностей [10]. Привлечение к административной ответственности за оскорбление педагога в соответствии с действующим КоАП Республики Беларусь возможно так сказать на общих основаниях, без учета профессиональной принадлежности.

На основании изложенного выше нельзя не отметить, что положения выдвинутого на обсуждение проекта Этического Кодекса педагога, уже законодательно закреплены в других нормативных актах. Так, ст. 27 Закона Республики Беларусь «О правах ребёнка» содержит норму о том, что дисциплина и порядок в учебно-воспитательных учреждениях поддерживается методами, которые основываются на чувствах взаимного уважения и справедливости и исключают унижение [11, с. 9]. А статья 53 Кодекса закрепляет обязанность педагогических работников уважать честь и достоинство обучающихся и других участников педагогического процесса [2, с. 125]. В Уставе каждого учреждения образования, в Правилах внутреннего распорядка для учащихся и Правилах трудового распорядка для работников уже закреплен тот режим организации деятельности, те этические принципы, благодаря которым поддерживается дисциплина и порядок в учреждении.

Правовое регулирование получения образования на разных уровнях обеспечивается в Республике Беларусь в первую очередь Кодексом об образовании. Данный нормативный акт, с учетом внесенных в него изменений, подробно регламентирует образовательную деятельность в стране. Эффективность закрепленных в нём норм достаточно высока, что доказала практика применения Кодекса в течение почти десяти лет. Насколько необходимо внедрение в образовательный процесс такого документа, как Этический кодекс педагога еще предстоит решить. Широкое обсуждение его содержания проходило с момента опубликования на сайте Министерства образования 12.02.2020 г. по 01 марта 2020 г. Для практического применения этого документа необходимо решить вопросы, связанные с видами ответственности за нарушение его положений, порядком фиксации этих нарушений, порядком ознакомления с данным документом, необходимостью введения этических норм для обучающихся и другие. Педагогическая общественность в разных странах, как было указано выше, обращалась уже к вопросам этического регулирования отношений между субъектами в процессе осуществления преподавательской деятельности. Однако такого нормативного акта как Кодекс об образовании в большинстве этих стран нет.

Нельзя отрицать, что функция педагога не только преподавание предмета, но и воспитание, поэтому личность преподавателя влияет на обучающегося. Именно по этой причине и требования к этой личности особые. Это не только знание предмета, но и моральные ценности, психологическое состояние, внутренние этические ограничения личности педагога, которые имеют такое же значение, как и уровень профессиональных знаний.

1. Программа экономического развития страны на 2006–2010 годы [Электронный ресурс] – Режим доступа : bseu.by80806.>handle/edoc/5145. – Дата доступа : 01.02.2020.

2. Кодекс Республики Беларусь об образовании. – Минск : Амалфея, 2016. – 504 с.

3. Примерные этические правила педагогических работников [Электронный ресурс] – Режим доступа : edu.gov.by>proecty/eticheski... – Дата доступа : 13.02.2020.

4. *Фёдоров, А. А.* Портрет педагога. Основа моделирования образовательных программ / Под ред. *А. А. Фёдорова, Г. А. Панутковой*. – Н. Новгород : Мининский университет, 2017. – 202 с.

5. *Kingdon, G. G.* Teacher characteristics and student performance in India : A pupil fixed effects approach, Global Poverty Research Group (G PRG) [Электронный ресурс] – Режим доступа : <https://academik.oup.com> – Дата доступа : 25.01.2020.

6. *Джурицкий, А. Н.* Чему и как учат школьников в Японии / *А. Н. Джурицкий*. – М. : Рос. пед. агентство, 2001. – 54 с.

7. Code of ethics for professional teachers of Philippines URL [Электронный ресурс] – Режим доступа : <http://teacherscodes.iiep.unesco.org/teacher-codes/Asia/Philippines.pdf> – Дата доступа : 13.02.2020.

8. Этический кодекс МГУ имени М. В. Ломоносова [Электронный ресурс] – Режим доступа : phys.msu.ru – Дата доступа : 01.02.2020.

9. Письмо Министерства Просвещения России, Профсоюза работников народного образования и науки РФ от 20.08.2019 № ИП-941/06/484 «О примерном положении о нормах профессиональной этики педагогических работников» [Электронный ресурс] – Режим доступа : Consulinfnt.ru – Дата доступа : 25.01.2020.

10. «Наш час» [Электронный ресурс] – Режим доступа : volcovysknews/by – Дата доступа : 20.02.2020.

11. О правах ребенка : Закон Республики Беларусь от 19 ноября 1993 г. с изм. и доп. – Минск : Амалфея, 2015. – 20 с.

Ptichkina S. A. Legal framework for the regulation of education in the Republic of Belarus

The article gives a general description of the basic regulatory acts, on the basis of which the legal regulation of pedagogical activity is carried out in the country. Emphasis are basoed on the problems of the need to further improve legislation in accordance with the changing status of a teacher in modern society, the formation of a new type of students, which requires the introduction of new educational technologies, the development of new models of education.

УДК 81'42

Венскович М. С., Венскович С. В., Шнудейко Л. Н.

СТРУКТУРНЫЕ КОМПОНЕНТЫ ЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ ТЕОРИИ ВЫСКАЗЫВАНИЯ

В статье рассматривается возможность разработки лингвистической теории высказывания с учетом различных аспектов и в соответствии с его функциональным назначением, прослеживается роль субъективного и объективного факторов в процессе формирования смысла высказывания, анализируется влияние контекстных условий на достижение однозначности понимания смыслового содержания высказывания в коммуникативном акте.

История науки о языке показывает, что практически на всем протяжении своего развития лингвистика оперировала в основном такими понятиями как «морфема», «слово», «словосочетание» и «предложение», которые рассматривались как основные

единицы языка. Бурное развитие структурной лингвистики породило в свою очередь их моделирование, но не помогло выйти за рамки относительно статического рассмотрения языковых единиц и не стимулировало переход к динамическому исследованию языка. И только лингвистические исследования последнего времени начинают постепенно компенсировать этот пробел, уделяя все больше внимания анализу существенных характеристик языка с точки зрения динамики его применения.

Изучение закономерностей функционирования единиц языка основывалось на том, что языковые единицы более низкого уровня входили составной частью в единицы более высокого уровня, в чем и проявлялось их функциональное назначение. Предложение, как высшая единица языка, вбирало в себя все другие языковые единицы и его формально-содержательная организация определялась лексической и синтаксической сочетаемостью конститuentов и исследование структуры предложения концентрировалось преимущественно на анализе его субъектно-предикатной организации, которая составляла основу для классификации предложений.

Когда стало ясно, что такой подход к изучению предложения не может окончательно прояснить механизм функционирования языка, интересы лингвистики были направлены на исследование предложения в процессе человеческого общения, где, как известно, проявляется важнейшая функция языка. В речевой коммуникации предложение включается в линейный континуум других предложений, а его лексические компоненты получают конкретизацию, смысл предложения соотносится с определенным отрезком объективной действительности и находится в тесной связи со смыслом других предложений, а в коммуникативный акт включаются и внеязыковые компоненты процесса общения.

Поворот лингвистики к изучению предложения с позиции его речевой функции и необходимости анализа закономерностей функционирования в процессе коммуникации способствовал выявлению тех характерных черт, которые отличают предложение в динамике речевого общения от статической модели структуры предложения. Другими словами, рассмотрение предложения в процессе речевой коммуникации дало основание многим исследователям языка говорить не о предложении, а о высказывании, так как, видимо, данное понятие более адекватно выражает речевую форму человеческого общения [1; 2; 3].

Создание лингвистической теории высказывания может включать в себя рассмотрение высказывания в нескольких аспектах в соответствии с его функциональным назначением. Высказывание, репрезентирующее одну из сложных единиц языка, состоит из лексических элементов номинативного характера, организованных по синтаксическому и семантическому коду. В связи с этим представляется, что рассмотрение высказывания в номинативном аспекте может быть исходным пунктом в разработке лингвистической теории высказывания [4].

Следует отметить, что лексические проблемы номинации в большей степени подвергались лингвистическому исследованию, а вопросы синтаксической номинации, хотя и затрагивались, но их разработка не получила широкого развития. В этой связи несомненный интерес представляют, на наш взгляд, вопросы перехода синтаксической номинации в предикативную, с одной стороны, и возможность выделения дискурсивной номинации – с другой, между которыми находится не менее важная и интересная область – область пропозиции и пропозитивных отношений. Необходим также ответ на вопрос, когда и на каком уровне языкового функционирования можно говорить о референции высказывания – на уровне номинативного или коммуникативного аспектов.

Референциальное значение высказывания наиболее ярко прослеживается, вероятно, лишь при рассмотрении высказывания в его основной функции – коммуникативной, так как в круг лингвистических интересов включаются также участники коммуникативного акта и всевозможные составляющие ситуации общения,

влияющие на формирование семантики высказывания. В результате такого подхода исследование высказывания перемещается от сугубо семантического к семантико – прагматическому [5].

Формирование сообщения говорящим, его интенция в акте коммуникации должны учитывать, вероятно, не столько истинностное значение высказывания, сколько обеспечивать взаимопонимание участников общения. Иначе говоря, цель коммуникативного акта, его эффект, может быть достигнут при определенном взаимодействии лексико-грамматического состава языка (интралингвистического) и всех сопровождающих процесс общения прагматических обстоятельств или шире – экстралингвистических. Наиболее полное взаимопонимание достигается при условии соответствия операционного кода говорящего операционному коду слушающего (отправителя и адресата), при помощи которого последний декодирует информацию субъекта коммуникации.

В семантико-синтаксической организации конкретного высказывания находят выражение связи и отношения между предметами и явлениями того фрагмента объективной реальности, который получил мыслительное отражение в сознании субъекта общения. Объективные свойства фрагмента предметно-материального мира, получившие преломление в процессе активной мыслительной деятельности субъекта, получают не спорадическое языковое выражение, а образуют основу для семантико-синтаксической организации самого высказывания, т. е. они являются объективным фактором в семантике высказывания. «Волонтаризм» субъекта проявляется, вероятно, лишь в том, какую синтаксическую структуру он использует в каждом конкретном случае из находящегося в его языковом сознании потенциального набора типов структур для оформления своей коммуникативной интенции.

Роль субъективного и объективного факторов в процессе порождения высказывания проявляется по-разному, однако детерминирующим для оформления семантики всякого конкретного высказывания является в любом случае наличие объективного фактора – преломленное через сознание субъекта отражение объективной реальности в том или ином объеме [6].

Семантико-прагматический подход к высказыванию при включении его в конкретные условия общения требует, видимо, анализа не только семантики входящих, а высказывание других единиц языка, компетенции коммуникантов, ситуации общения и т. п., в этом случае необходим учет всех условий, обеспечивающих процесс общения, иначе говоря, учет контекста коммуникации. Представляется, что контекстные условия сопровождают высказывание с момента его возникновения и призваны способствовать формированию семантической однозначности высказывания, установлению взаимопонимания между коммуникантами, а в конечном итоге – адекватному познанию мира.

Взаимодействие высказывания и контекста происходит в коммуникации скорее всего симультанно, так как контекстные условия, сопровождающие конкретное коммуникативное содержание, и само содержание высказывания являются зависимыми от того фрагмента объективной действительности, которая отображается в структуре высказывания.

Контекстные условия функционирования семантики высказывания могут формироваться либо особенностями лексико-грамматической сочетаемости лингвистических единиц в системе языка, либо непосредственно условиями ситуации, в которой осуществляется конкретный коммуникативный акт. В первом случае говорят о лингвистическом контексте, а в другом – об экстралингвистическом контексте, хотя условность такого разделения очевидна в силу их тесного взаимодействия в каждом конкретном речевом акте. Тем не менее, как лингвистический, так и экстралингвистический контексты в процессе коммуникации обеспе-

чивают высказыванию референциальную однозначность путем снятия его полисемантической, с одной стороны, и служат связующим звеном с содержанием предшествующих и последующих высказываний – с другой.

Высказывание есть та ступень, которая ведет к тексту, служит «строительным элементом» текста, в котором линейный континуум высказываний соотносится с более сложным денотатом, чем простая сумма денотатов составляющих текст высказываний. Понятие денотата текста тесно переплетается с понятием самого текста в том смысле, что текст может представлять собой некоторую микроструктуру (соединение двух высказываний), денотатом которой может быть некоторое микрособытие, или же макроструктуру (рассказ, повесть, роман и т.п.), где репрезентируется событие в самом широком осмыслении и оно же, видимо, составляет денотат (референцию) данного типа текста. Однако указание на сложность денотата текста не проясняет его структуру, остов которой следует искать, вероятно, в иерархической структуре смысла текста, связующими доминантами которого являются смыслы, а, следовательно, денотаты высказываний.

Обращенность смысла текста к смыслу высказывания, квалифицируемая не последовательной сочетаемостью высказываний в тексте, а их сложной иерархической зависимостью, направленной на достижение связности и цельности всего текста, может определяться, с одной стороны, замыслом (интенцией) отправителя информации и целью коммуникации, а с другой, детерминируется теми объективными реалиями, которые получают мыслительное отражение как у создателя текста, так и у его адресата. В тексте происходит, таким образом, тесное взаимодействие лингвистического, логического и прагматического аспектов, формирующих смысловую завершенность текста.

Современный уровень лингвистических исследований, акцентировавший внимание на семантической стороне языковых единиц и их реальном функционировании (коммуникации), а также количество имеющихся разрозненных исследований по смыслу высказывания, настоятельно выдвигают задачу теоретического осмысления достигнутого в данной области языкознания и создания лингвистической теории высказывания, в основу которой может быть положено, по нашему мнению, решение и систематизирование изложенных здесь проблем.

1. Романкевич, М. Н. Интенсификация высказывания посредством фразеологических единиц с компонентом – зоонимом / М. Н. Романкевич // Вестник МЛГУ. – 2018. – № 6. – С. 143.

2. Басовец, И. М. Критерии определения степени деавторизации высказывания (на материале англоязычных публицистических текстов) / И. М. Басовец // Вестник МГЛУ. – 2018. – № 1. – С. 43.

3. Клименко, А. П. Реализация образа мира при порождении высказывания / А. П. Клименко, О. Ф. Курилович // Вестник МГЛУ. – Серия 1. – Филология. – 2017. – № 1. – С. 21.

4. Языковая номинация. Общие вопросы. – М.: Наука, 1977. 365 с.

5. Колшанский, Г. В. Паралингвистика / Г. В. Колшанский. – М., 1974.

6. Колшанский, Г. В. Соотношение субъективных и объективных факторов в языке / Г. В. Колшанский. – М., 1975.

Venskovich M. S., Venskovich S. V., Shpudeiko L. N. Structural components of the linguistic theory of utterances

The article considers the possibility of developing a linguistic theory of utterances taking into account various aspects and according to their functional purpose. It depicts the role of subjective and objective factors in the formation of utterance meaning, and analyzes the way in which context contributes to unambiguous understanding of the semantic content of an utterance in a communicative act.

ИССЛЕДОВАНИЕ ПРОБЛЕМАТИКИ ДИНАМИКИ НАЦИОНАЛЬНОГО ТИПА КУЛЬТУРЫ БЕЛАРУСИ

Динамика национального типа культуры Беларуси предстаёт как объективная необходимость адаптации общества и культуры, при этом культурная адаптация выступает как перманентный процесс, в ходе которого происходит дифференциация, усложнение национального типа культуры вследствие возникновения новых феноменов внутри культуры.

Динамика национального типа культуры проявляется в культурных процессах. Поэтому более тщательному исследованию динамики подвергаются отдельные значимые для национального типа культуры сегменты: национальная философия как фактор культурной динамики; массовые формы культуры как адаптационный механизм динамических изменений; роль образования в динамике доминантных ценностей национального типа культуры. Такой подход требует соединения отраслевых исследований белорусской национальной культуры. В статье представлен анализ работ отечественных ученых, исследующих динамику институализированных сфер белорусской национальной культуры с различных методологических позиций.

Исследование проблематики динамики национальной культуры Беларуси является актуальным, поскольку динамизм социокультурных процессов происходил, происходит и будет происходить. Динамика национального типа культуры Беларуси предстаёт как объективная необходимость адаптации общества и культуры. Процессы динамики объединяют в себе потенциал и направленность развития национального типа культуры Беларуси как сложного системного образования, при этом культурная адаптация выступает как перманентный процесс, в ходе которого происходит дифференциация, усложнение национального типа культуры вследствие возникновения новых феноменов внутри культуры.

В изучении динамики культуры существует широкий аналитический диапазон, что позволяет говорить о многообразии научных позиций в понимании характера ее процессов и механизмов, обозначающих развитие новых тенденций в культуре, символическую нагрузку феноменов культуры, утративших свою социальную активность. Мы придерживаемся точки зрения, высказанной А. Я. Флиером о том, что динамика культуры анализирует развитие определенных тенденций, которые изначально присутствуют в культуре как потенции, а в ходе истории реализуются в фактических культурных процессах. Поэтому динамика культуры означает системную совокупность тенденций культурной изменчивости, в которых выявляется определенный вектор направленности таких изменений [1, с. 14]. Г. А. Аванесова определяет динамику культуры как изменения внутри культуры, для которых характерна целостность, наличие упорядоченных тенденций, а также направленный характер, силу выраженности, условия и механизмы процессов адаптации культуры к новым условиям [2, с. 175–176].

Динамика национального типа культуры Беларуси есть процесс изменений культурной жизни белорусского общества под влиянием внешних и внутренних факторов исторического развития и существования. Поэтому исследование динамики национального типа культуры Беларуси – это изучение процесса порождения новых социокультурных явлений (феноменов), трансформаций уже имеющихся феноменов, а также переоценка происходящих изменений.

Национальный тип культуры Беларуси выступает как сложное системное образование, а поэтому процессы его динамики объединяют в себе потенциал и направленность развития, силу выраженности процессов, а также формы взаимодействия с внешней средой. Характеризуя процессы изменчивости внутри куль-

туры, динамика национального типа культуры отражает закономерности адаптации культуры к новым условиям, факторы, условия и механизмы, реализующие эти изменения. При этом культурная адаптация выступает как перманентный процесс, в ходе которого происходит дифференциация, усложнение национального типа культуры вследствие возникновения новых феноменов внутри культуры. Поэтому исследование динамики национального типа культуры Беларуси позволяет представить национальную культуру как целостную, саморазвивающуюся систему, полнее выявить существенные, имманентные исследуемому феномену процессы изменений, особенности их генезиса, протекания и развития в диахронном и синхронном режиме.

Национальный тип культуры представляет собой сложную многоуровневую систему, основанную на взаимодействии идеального и материального, единичного и всеобщего, объективного и субъективного. Поэтому одним из возможных методов познания, позволяющих комплексно подойти к изучению объекта и рассмотрения его как неотъемлемой части целой системы, является моделирование. Разработанная модель национально-культурного типа предполагает синтез отраслевых исследований белорусской национальной культуры, что будет способствовать комплексному изучению объекта, так как наполняет обозначенную теоретическую модель конкретным содержанием, отражающим специфику (уникальность) национального типа культуры. А типологический анализ универсалий национального типа культуры позволяет определить содержание и особенности трансформаций, происходящих в современной белорусской культуре, маркировать их, что необходимо для моделирования дальнейшего собственного культурного развития и сохранения национально-культурной идентичности. Такой подход позволяет глубже понять специфику динамики национального типа культуры Беларуси как системы многоуровневой самоорганизации.

Динамика национального типа культуры прежде всего проявляется в культурных процессах. Поэтому более тщательному исследованию динамики подвергаются отдельные значимые для национального типа культуры сегменты: национальная философия как фактор культурной динамики; массовые формы культуры как адаптационный механизм динамических изменений; роль образования в динамике доминантных ценностей национального типа культуры. Такой подход требует соединения отраслевых исследований белорусской национальной культуры.

Комплексному культурологическому анализу динамики национального типа культуры Беларуси способствует анализ работ отечественных учёных, исследующих динамику институализированных сфер белорусской национальной культуры с различных методологических позиций. Так, историко-культурологический анализ генезиса, строения и принципов функционирования культуры применительно к конкретно-историческим ситуациям, проблемы преемственности культуры, межкультурных контактов, динамики культуры нашли отражение в работах И. В. Кончевского (Абдираловича), Т. И. Адуло, В. М. Конона, А. А. Мальдиса, И. Е. Ширшова.

Исследование белорусской культуры как целостной сверхсложной системы взаимодействующих явлений и процессов в их динамике отражено в работах Ю. П. Бондаря, А. И. Смолика. Для работ белорусских учёных В. А. Бобкова, И. Я. Левяша, В. В. Познякова, М. Р. Жбанкова, С. А. Лаптенка характерна широта предметной сферы, междисциплинарность, постановка и решение множества актуальных проблем исследования национальной культуры как фундаментального, так и практического уровня. Обобщенное проблемное поле междисциплинарных исследований культуры позволяет рассматривать строение и функционирование её в связи с социальными структурами и институтами применительно к конкретно-историческим ситуациям.

Большое влияние на исследование динамики национального типа культуры оказывают работы, анализирующие культурные процессы, составляющие основу духовной жизни человека и белорусского общества. Особую роль в формировании (конструировании) национальной культуры играет философия как часть культуры, где складываются национальные традиции, выражающие и поддерживающие её ценностный строй культуры, что существенно проясняет специфику национальной культуры, её содержание. В советский период сформировалась белорусская историко-философская школа, которая в лице лучших ее представителей доказала, что, будучи самосознанием культуры, философия способна осмыслить и закрепить особенности национального наследия, т. е. стать мощным фактором самоидентификации народа. Перемены в общественной жизни к. XX века актуализировали проблемы осознания и утверждения своей национально-культурной идентичности. В условиях нового этапа национального возрождения закономерно наблюдался рост интереса к культуре, общественно-философской мысли первого белорусского Возрождения. Наибольшее внимание исследователей: В. В. Агиевича, А. А. Бирало, И. А. Бортника, Г. Я. Галенченко, Э. К. Дорошевича, А. С. Майхровича, С. А. Подокшина и др. было обращено на анализ предпосылок и особенностей ренессансно-гуманистической философии, специфике социально-этических, общественно-политических и эстетических воззрений, осмыслению религиозно-культурного бытия, вопросам развития национального самосознания, религиозного свободомыслия и свободы совести.

Огромный вклад в понимание уникальности и своеобразия отечественной культуры внесли труды учёных Л. Я. Гаранина, В. М. Конана, Л. М. Лыча, А. И. Мальдиса, И. А. Марзалюка, В. Н. Смеховича, позволяющие формировать целостное представление о сложных процессах и изменениях, происходящих в белорусской национальной культуре. Они направлены на формирование важных качеств национального самосознания: не столько сформировать способность бережно инвентаризировать достижения национальной культуры, сколько постоянно чувствовать ответственность за нее как за живой, развивающийся процесс.

Именно через национальную философию в ясной теоретической форме осознается и выражается основа национального единства в виде так называемой «национальной идеи».

В своих работах ведущие белорусские учёные: В. А. Бобков, Л. В. Вонсович, Л. М. Лыч, В. А. Мельник, А. Г. Слука, Я. С. Яскевич рассматривают белорусскую национальную идею в динамике с разных позиций: исторических, философских, геополитических, идеологических, культурологических. Национальная идея определяется как ядро деятельности, потенциал развития страны, генератор конституции и основополагающих доктрин государственного развития. В исследованиях отмечается, что национальная идея белорусов имеет посреднический характер, т. к. находясь на стыке цивилизаций, белорусская культура впитала в себя особенности как православно-славянской, так и католическо-протестантской цивилизаций, что привело к сочетанию в белорусском менталитете восточного мистицизма и западного рационализма. При этом сохраняется баланс религиозного и светского наполнения национальной идеи. Поэтому, общенациональная идеология рассматривается в качестве необходимого условия, как для сохранения, приумножения национальной культуры, так и для модернизации общества в целом.

Исходным пунктом для оценки динамики социальных явлений выступает идеология, как своеобразный инструмент социального ориентирования и прогнозирования для общности, конструирующий в своих рамках модель развития. Становление идеологической мысли Республики Беларусь связано с именами таких белорусских учёных, как С. Н. Князев, С. В. Решетников, Г. А. Василевич, Л. Е. Земляков, Л. В. Лойко, Е. В. Матусевич. Авторы подчёркивают, что актуальность формирования идеологии белорусского государства связана в первую очередь с реформационными изме-

нениями в структуре и направленности общественного развития в современном белорусском обществе. Исследования Е. М. Бабосова, Б. М. Лепешко, В. А. Мельника, А. П. Мельникова актуализировали проблему научного обоснования идеологических приоритетов в динамике развития белорусского общества, его общезначимых идеалов и ценностей, осмысления духовно-культурных оснований белорусской государственности, осознания и утверждения своей национально-культурной идентичности. Работы аргументировано доказывают, что белорусское государство последовательно реализует собственный идеологический проект, осознанно концептуально оформленный. Данный проект отражает динамику символической и институциональной преемственности; подчеркивается отсутствие активной «культурно-империалистической» (захватнической) или «мессианской» идеи, лежащей в основе национального самосознания в менталитете белорусов.

Почвой, на которой формируется национальная идеология, выступает ментальность белорусов. Результаты изучения ментальных основ отечественной культуры позволили выделить универсальное и уникальное, что ей присуще. Исследования А. Г. Злотникова, Ю. В. Чернявской, П. Г. Игнатовича, Е. М. Бабосова, И. Е. Ширшова, А. М. Мельникова, связанные с динамикой функционирования ментальных стереотипов и культурных ценностей, обосновали зависимость специфики национальной культуры от ментальных характеристик этноса. Е. М. Бабосов [3], Э. К. Дорошевич [4], выявляя специфику национального менталитета, отмечают роль геополитических факторов в его формировании, а также значимость исторического пути, пройденного народом. А. Г. Злотников [5], рассматривая менталитет в качестве социального механизма, предлагает исследовательский подход, акцентирующий внимание на влиянии совокупности факторов (исторических, социально-экономических, конфессиональных) на специфику белорусского менталитета. И. В. Бусько [6] отмечает устойчивость черт, свойственных коллективному сознанию традиционных сообществ, в сознании и мышлении современного белоруса.

Национальная культура находит выражение в национальном характере и национальной психологии. Необходимость междисциплинарных исследований конструирования белорусской идентичности как основы консолидации граждан нового государства возникла в постперестроечный период в связи с обретением Беларусью своей государственности. В отечественной гуманитарной мысли формируется особое направление исследований культуры с привлечением социологических методов. Рассматривая идентичность как социокультурный феномен, основой которого выступает этническая ментальность, исследователи Л. Вансович, Н. Н. Глоба, В. В. Кириенко, А. Ф. Рогалев фиксируют диалектическую взаимосвязь человека, истории, культуры, выявляют сущность национального характера через выделение ценностей, разделяемых белорусским народом на протяжении веков. Национальный характер воспринимается как уникальный ресурс, определяющий процессы динамики национального типа культуры. В исследованиях отмечается, что культура и менталитет современных белорусов занимают срединное положение между социокультурными традициями Запада как носителя технократической культуры и Востока как носителя коллективистской духовной культуры, т. е. как фактор динамики культуры отмечается такая специфическая черта белорусской культуры как межцивилизационное пограничье (феномен «положительной маргинальности»).

В. В. Кириенко применил метод моделирования менталитета, позволяющий наглядно представить его как в статике, так и в динамике. Учёный отметил, что укорененный в национальной культуре менталитет «... является “скрепом”, удерживающим этнос от распада в сложных, в том числе и кризисных социальных условиях, обеспечивает его внутреннюю целостность... во времени и... пространстве...» [7, с. 8].

В своём диссертационном исследовании «Этнокультурная самоидентификация белорусского народа» Ю. В. Чернявская [8] выдвигает положение о возрас-

тающей роли культурной самоидентификации в современности, особенно в условиях полиэтнических наций. Роль и место структур ментальности в динамике социокультурных процессов в своем диссертационном исследовании разрабатывает И. В. Бусько, утверждая, что ментальность современного белоруса и в настоящее время сохраняет черты, свойственные коллективному сознанию традиционных обществ, устойчивые эгалитаристские стереотипы социальной справедливости, ...особые надежды, в рамках патерналистских установок ментальности возлагаемые на общественные институты – государство и власть [6, с. 14].

В своих работах О. В. Батраева [9], И. И. Бугрова [10], И. Д. Расолько [11] постановкой вопроса об определении специфики измерения белорусской идентичности: национальной, религиозной, этнической или социокультурной, полагает, что доминирующее значение в идентификации белорусов принадлежит ее социокультурному измерению. О. В. Батраева [9] утверждает, что анализ именно социокультурных особенностей развития белорусов позволяет обозначить основные измерения белорусской идентичности, что будет способствовать определению динамики белорусской культуры.

Ряд исследований [12; 13; 14] обращает внимание на тот факт, что самоидентификация белорусов в первую очередь базируется не на языке, а на государственной принадлежности, подтверждая тезис о том, что *национальный характер, исходя из социокультурной ситуации, со временем подвержен изменениям (динамике)*, которые выступают как совокупность действий, сознательно предпринимаемых государственными институтами для формирования самосознания нации. Это подтверждает тезис о том, что национальная идентичность артикулируется сознательными усилиями национальной интеллигенции, выступающей субъектом и творцом национальной культуры, концентрированно выражающим самосознание нации через её национальную идею и идеологию.

Задача определения ценностных ориентиров и мировоззренческих оснований предопределила нацеленность прикладных социологических исследований, направленных на решение конкретных задач социокультурной практики и культурной политики, на поиск эффективных методологических решений, интегративных подходов. Нацеленность работ учёных белорусской социологической школы Л. В. Вансовича, Г. М. Грибова, С. В. Лапиной на проведение опережающей социокультурной диагностики происходящих процессов определяется сложностью такого объекта познания, как национальная культура. Объектом пристального научного внимания стала система ценностей белорусской культуры, что дает возможность артикулировать динамику белорусской национальной культуры, поскольку динамика ценностей напрямую коррелируется с динамикой национального типа культуры и способствует определению его специфики. Специфика динамики развития национального типа культуры зависит не только от ценностно-содержательной картины мира, но и от структурно-иерархического «выстраивания» идеалов, мотивов, ориентаций индивида, организующих его поведение в социокультурном пространстве. Исследования ученых доказывают, что в ценностном сознании субъекта-носителя белорусской национальной культуры доминируют традиционные (базовые) ценности (здоровье, семья, работа, образование, религиозная вера и т. д.). Под действием глобальных факторов, активно влияющих на трансформацию базовых традиционных ценностей, белорусский национальный тип культуры сохраняет доминанту исторически выработанного семантического ядра, базовые ценности национального типа культуры Беларуси сохраняют свою значимость.

Исследование динамики национального типа культуры Беларуси невозможно без культурологического анализа работ сферы белорусского образования как социального института, «ответственного» за сохранение и действенность ядра национального типа культуры. Национальная система образования, существуя как институция, явля-

ется воплощением «механизма» динамики культуры, целенаправленным и контролируемым процессом сохранения и передачи базовых ценностей культуры, обеспечивающих воспроизводство социокультурной модели. Изучение образования с позиций его смыслового и функционального значения в сфере культуры и общественной жизни осуществлялось В. А. Салеевым, Г. А. Бартошевич, И. И. Калачевой и др. Концепции исследования культурно-педагогического наследия этноса, диалога культур, представлены в работах В. М. Конана, И. И. Крука, В. С. Болбаса и др.

В работах А. А. Грымаць, З. И. Ермаковой и В. М. Шабеки, И. И. Кирчука, Г. П. Орловой и др. феномен этнокультурного образования выделен как самостоятельная научная проблема, интегрирующая в себе проблемы изучения этнокультуры и её интерпретации в процессе образования. Традиции и опыт народной педагогики рассматриваются как основа этнокультурного воспитания, что базируется на позитивном восприятии своего исторического прошлого, раскрытии глубинных смыслов общественной жизни через осмысление своих национальных корней и возрождение лучших народных традиций.

На современном этапе общественного развития, когда социум подвергается трансформации, именно национальная культура, находящаяся в постоянной динамизации форм, поставила перед исследователями проблему культурных изменений.

Основу исследований динамики национального типа культуры Беларуси составляет разнообразная палитра исследования культурных процессов, позволяющая сформировать целостное представление о сложных процессах и изменениях, происходящих в национальной культуре. Следуя необходимости постижения динамики национальной культуры как сложнейшей системы в единстве и взаимозависимости структурных компонентов, работы белорусских ученых выражают современное видение социокультурных процессов, связанных с изменениями в культуре. Проанализированные исследования показывают, что динамические изменения в жизни нации переплетаются с социально-экономическими и политическими процессами, происходящими в мире. Их сочетание и взаимодействие обуславливает своеобразие исторической судьбы народа и страны. Для работ характерна широта предметной сферы, междисциплинарность, постановка и решение множества актуальных проблем исследования национальной культуры как фундаментального, так и практического уровня.

Социодинамические процессы национального типа культуры Беларуси отражают повышение уровня сложности, развитости, системно-иерархической структурированности, полифункциональности исторически определенной системы локальной культуры в целом или отдельных её элементов. Немаловажную роль в выявлении механизмов функционирования культуры, её закономерностей играет концентрация внимания на институциональных формах социальной регуляции (политические, социальные организации, роль и место правящей элиты, функциональная направленность искусства, формирование семиотической сферы и т. д.). Это в первую очередь связано с тем, что социальные институты, «ответственные» за сохранение и действенность ядра национального типа культуры являются воплощением «механизма» динамики культуры и в качестве содержательных форм национального типа культуры, существуют как процессы.

Движущими силами (детерминантами) процесса динамики национального типа культуры Беларуси являются закономерные динамические процессы институций культуры, свидетельствующие о разрешении внутренних противоречий, направленности развития и степени адаптации. Динамика культурных процессов в институциях характеризуется порождением новых культурных явлений под влиянием внешних и внутренних факторов исторического развития и существования белорусского общества, способствует социальному и историческому самовоспроизводству культурных систем и форм. Продуцирование и широкое воспроизведение национальных культурных форм, существующих в виде социальных институций, ведёт, в конечном счёте, к

повышению уровня сложности национального типа культуры. Особый модус динамики национального типа культуры Беларуси связан с позиционированием белорусской культуры как принципиально пограничной. В этих условиях, на наш взгляд, можно определить философию социодинамики национального типа культуры как диалектику культурных инноваций, опирающихся на фундаментальные ценности культуры. Такой подход будет способствовать выработке продуманной, научно обоснованной политики регулирования культурного развития общества.

1. Флиер, А. Я. Избранные работы по теории культуры / А. Я. Флиер. – М. : Согласие : Артём, 2014. – 558 с.
2. Культурология. XX век. Энциклопедия. Т. 1. / Главный редактор С. Я. Левит. – СПб. : Университетская книга; ООО «Алетейя», 1998 – 447 с.
3. Бабосов, Е. М. Структурная архитектоника белорусской модели этнокультурного развития / Е. М. Бабосов // Этнічная, моўная і культурная разнастайнасць у сучасным грамадстве : зб. навук. прац удзельнікаў Міжнар. навук.-практ. канф. (Магілёў, 29–30 мая 2014 г.). Магілёў, 2014. – С. 13–18.
4. Дарашэвіч, Э. Тэорыя фальклору : вучэб.-метадыч. дапам. / Э. Дарашэвіч ; М-ва культуры Рэсп. Беларусь. Бел. дзярж. ун-т культуры і мастацтваў. – Мінск : БДУКМ, 2016. – 78 с.
5. Злотников, А. Г. «Памяркоўны» характер этнических отношений в Беларуси / А. Г. Злотников // Менталітэт славян і інтэграцыйныя працэсы : гісторыя, сучаснасць, перспектывы : матэрыялы Х Міжнароднай навуковай канферэнцыі, Гомель, 25–26 мая 2017 г. / Гомел. гос. тэхн. ун-т [і др.] ; пад агул. рэд. В. В. Кірыенка. – Гомель, 2017. – С. 94–97.
6. Бусько, И. В. Роль и место структур ментальности в динамике социокультурных процессов/ автореферат диссертации на соиск. учен. степени канд. философских наук. – Гродно, «Гродненский гос. ун-т им. Янки Купалы», 2003.
7. Кірыенка, В. В. Беларуская ментальнасць: істочкі, сучаснасць, перспектывы / В. В. Кірыенка / Гомель : ГГТУ ім. П. О. Сухого, 2009. – 319 с.
8. Чернявская, Ю. В. Этнокультурная самоидентификация белорусского народа // Ю. В. Чернявская / Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата культурологии. Минск, 2002.
9. Батраева, О. В. Социокультурные основания белорусской идентичности / О. В. Батраева // Веснік БДУ. – Сер. 3. – 2010. – № 1. – С. 47–51.
10. Бугрова, И. И. Идентичность Беларуси: из опыта «понимающей» политологии / И. И. Бугрова // ВЕСТОР. – 1997. – № 3. – С. 3–10.
11. Рассолько, И. Д. Беларуская ідэнтычнасць у прыгранічных рэгіёнах Польшы і Літвы / И. Д. Рассолько / Автореф. дисерт. на соиск. уч. степени канд. социологических наук по спец. 22.00.01 – Теория, методология и история социологии / БГУ. – Минск, 2015.
12. Чернявская, Ю. Б. Пять парадоксов национального самосознания белорусов / [Электронный ресурс] / Ю. Б. Чернявская. – Режим доступа : <http://index.org.ru/journal/15/15-chern.html>. – Дата доступа : 20.05.2020.
13. Рамза, Т. Трасянка : нацыянальна-працэдэнтны феномен ці «ключавое слова тэкущага моманта»? / Т. Рамза // Беларуская думка. – 2010. – № 7. – С. 112–116.
14. Лепешко, Б. М. Крystalізацыя нацыянальнай ідэі / Б. М. Лепешко. – Брэст : ОАО «Брэстская тыпаграфія», 2010. – 404 с.

Medichenko L. E. Study of the Problem of Dynamics of the National Type of Culture of Belarus

The dynamics of the national type of culture of Belarus is an objective need to adapt society and culture, cultural adaptation acts as a permanent process that differentiates and complicates the national type of culture there are new phenomena in the national culture.

The dynamics of the national type of culture is manifested in cultural processes. Therefore, a more thorough study of the dynamics of the individual segments significant for the national type of culture is exposed: national philosophy as a factor in cultural dynamics; mass forms of culture as an adaptive mechanism of dynamic changes; the role of education in the dynamics of dominant values of the national type of culture. This approach requires a combination of industry studies of the Belarusian national culture. The article presents an analysis of the work of Belarusian scientists studying the dynamics of institutionalized spheres of the Belarusian national culture from various methodological positions.

ОТ ПОСТИЖЕНИЯ ПРИРОДЫ СОЗНАНИЯ К НОВОЙ КАРТИНЕ МИРА

Между формами общественного сознания в познании реальности сформировалось чёткое разделение труда. Наука занималась изучением материи, которая воспринимается первой сигнальной системой: пятью чувствами человека и осмысливалась с помощью второй сигнальной системы: рационального логического мышления – разума. Наука базировалась на логичном представлении о независимости материи от сознания, на производности сознания от материи, на исключительной возможности рационального постижения вселенной. Сферу информации-сознания изучали мифология, религия, эзотерика, мистика, опираясь на не поддающиеся логике иррациональные интуицию, подсознание, веру. В настоящее время физика, благодаря открытию пятого информационного взаимодействия, понимаемого в качестве праматерии, прасосновы всего сущего, приступила к изучению феномена сознания. Это даёт основания говорить о формировании принципиально новой научно-теистической картины мира. Эта картина видит в мироздании материю и информацию. Помимо вещественного физического мира есть иная реальность с иной формой бытия – мир высшей реальности, или тонкий мир. Материальный вещественный мир конечен в пространстве и времени, изменяем. Тонкий мир бесконечен, вечен, неизменен. В нём нет пространства, времени, движения, эволюции, рождения, смерти. Физический и информационный миры составляют единый универсум, представляющий собой открытую систему.

Мифическое и религиозное мировоззрение давали человеку методологию, т. е. способ организации имеющихся знаний в соответствующие картины мира. В настоящее время человек, вооруженный информационно-компьютерными технологиями, абсолютно незащищен перед огромными потоками информации, которые ему трудно понять. Наука предлагает разные философские направления, картины мира, методологии, методики, при этом всегда критикует, опровергает, сомневается. Постмодернизм вообще выказывает полное разочарование в метатеориях, объяснительных схемах и логичных нарративах. Правы мудрецы, горько сетующие: о мудрость, потерянная в знании, о знание, потерянное в информации! Время осознанной неопределенности! Текущая современность! Калейдоскопические знания! Как заметил А. Эйнштейн, «совершенные средства при неясных целях – характерный признак нашего времени» [1, с. 81]. Такое состояние в бурном потоке многообразной информации массовой культуры правомерно называют «демократия шума».

Оказавшись в ситуации всеобъемлющего системного кризиса, надежно прикрываемой «сильными мира сего» «демократией шума», важно не пройти мимо серьезных научных открытий и достижений. А они, несомненно, есть, в том числе и философско-методологического плана, выходящие на формирование новой картины мира. Цель автора данной статьи заключается в представлении именно таких, имеющих важное методологическое значение результатов естественных и гуманитарных наук.

«Материя – информация – мера» – так новая философия предлагает отвечать на извечный вопрос: что есть мироздание. Что представляет из себя феномен информации, всеобщего сознания, общественного сознания, коллективного разума и соответственно сознания и подсознания человека? Сегодня ответить на этот вопрос можно не только на основе мифологии, религии, эзотерики, но и с помощью науки. Физика, ранее занимавшаяся исключительно исследованием естественной материи, в настоящее время выходит на признание и изучение невещественного тонкого мира информации. Объективная физика признавала наличие четырёх форм материи-вещества: в виде твёрдых тел, жидкости, газа-воздуха, огня-плазмы и разнообразных природных полей, являющихся по своей сущности взаимодействиями. Общеизвестны четыре фун-

даментальных взаимодействия, благодаря которым обеспечивается целостность и организованность мироздания и всех его материальных проявлений.

В XVIII в. было открыто гравитационное взаимодействие, которому подчиняется всё сущее. Благодаря ему оформилась ньютоновская классическая механическая картина мира.

В XIX в. было открыто электромагнитное взаимодействие, действующее между заряженными частицами. В XX в. были установлены сильные и слабые ядерные взаимодействия, существующие на микроуровне между элементарными частицами, составляющими атом и его ядро. Оказалось, что самым мощным является сильное ядерное взаимодействие. Например, между двумя протонами оно в 10 в 38-й степени сильнее, чем гравитационное [2, с. 57].

С учётом данных взаимодействий, благодаря теории относительности А. Эйнштейна стала складываться неклассическая относительная картина мира. Так, учёные углубили представления о мироздании, даже создали несколько картин мира, но пока оставалась нерешенной задача построения, по словам М. Планка, «единой и неизменной картины мира – цели, к которой стремится естествознание» [2, с. 57]. Между имевшимися картинами мира не было единства, отсутствовала некая субстанция, которая лежит в основе всего и всё объединяет. Эта субстанция скорее всего могла бы разрешить и ещё одну важнейшую задачу – объяснить феномен сознания, поскольку четыре взаимодействия не смогли этого сделать. Человечество уже давно было в поисках этой пятой сущности – «квинтэссенции». Как говорил Аристотель, в мире нет ни малейшего места, где бы не было «ничего». В эпоху античности возникло понятие эфира в качестве пятой стихии после земли, воды, воздуха и огня, которая пронизывает собой всё и лежит в основе всего. Завещанное античностью понятие эфира продержалось в период средневековья, но было повержено в эпоху становления современной науки. Экспериментальная наука нового времени не смогла уловить эфир никакими приборами и никакими экспериментами. Даже великий И. Ньютон то отрицал, то признавал эфир, утверждая, что эфир – это и есть Бог. В 1920-е гг. А. Эйнштейн после общей и специальной теории относительности вновь вернулся к концепции эфира. Он утверждал: «Мы не можем в теоретической физике обойтись без эфира, т. е. континуума, наделенного физическими свойствами». Но что это такое? Каковы его физические свойства? А. Эйнштейн наметил программу создания Единой Теории Поля (ЕТП), над которой работал последние годы своей жизни. И лишь в конце XX в. российским физикам удалось объединить теорию Эйнштейна, геометрию искривленного пространства Римана–Эйнштейна, квантовую теорию «моря Дирака», идеи Картана о связи физических величин с кручением пространства, концепцию спина-вращения и другие математические и физические научные достижения, создав на их основе научную концепцию физического вакуума, которая вполне может стать фундаментом не только новой, но и единой картины мира. Вернуться к понятию эфира современная наука, конечно же, не может. По словам одного из разработчиков концепции А. Е. Акимова, «физический вакуум – универсальная среда, пронизывающая все пространство, которую во времена Ньютона называли эфиром и наделяли другими свойствами» [2, с. 60]. Ему вторит его коллега Г. И. Шипов: «Наши современные представления об источнике всех частиц и полей связываются с физическим вакуумом – основным состоянием любого вида материи. С моей точки зрения, проблема единой теории поля получила свое решение в теории физического вакуума» [2, с. 96].

Что же представляет из себя физический вакуум, каковы его фундаментальные физические свойства? А. Е. Акимов считает: «Для нас сейчас физический вакуум – это то, что остается в пространстве, когда из него удаляют весь воздух и все до по-

следней элементарные частицы. В результате получается не пустота, а своеобразная материя – Прародитель всего во Вселенной, рождающий элементарные частицы, из которых потом формируются атомы и молекулы» [2, с. 105]. Вакуум – это не абсолютная пустота, которой в природе не может быть, вакуум – это особая скрытая материя и скрытая энергия, единый носитель полей, по определению И. Л. Герловина, «фундаментальное поле». Это поле было названо спиновое или торсионное (от англ. spin – вращение, torsion – скрученность), а также поле инерции. Ещё И. Ньютон поставил задачу увязать геометрию пространства событий и механику движения тел. Отреагировал на неё английский математик В. Клиффорд, предположив, что в физическом мире не происходит ничего, кроме изменения кривизны пространства, материя представляет собой сгустки пространства, своеобразные холмы кривизны на фоне плоского пространства [2, с. 97]. Математик Э. Картан соединил квантовую теорию с кручением пространства. Физик Р. Пенроуз показал, что в основу геометрии могут быть положены, помимо поступательных и вращательных координаты, и именно они определяют свойства пространства и времени. Американские физики Дж. Уленбек и С. Гаудсмит сформулировали концепцию спина, в рамках которой к таким фундаментальным характеристикам элементарных частиц, как масса и заряд, добавили ещё и спин – вращение. Было доказано, что все элементарные частицы вращаются, что электрон, по сути дела, есть вращающийся волчок. Советский физик Г. И. Шипов в 1980-е гг. ввёл новые представления о структуре времени и пространства, признав их не только искривленными, как ранее, но и закрученными, описав это соответствующими уравнениями [2, с. 98–99].

По сути дела, в физике произошло следующее. Классическая ньютоновская картина мира видела мироздание в трехмерном пространстве Ньютона (длина–ширина–высота), надёжно описываемом геометрией Евклида. Мироздание как бы помещалось в абсолютные и неизменные координаты пространства-времени. Неклассическая картина мира Эйнштейна работает уже в четырехмерном пространстве, к классическим координатам которого добавляется время. Это уже субъективное пространство–время, причём искривлённое, описываемое геометрией Римана.

И наконец сегодня есть все основания говорить о пространстве–времени Шипова, которое не только искривлено, как в теории Эйнштейна, но и закручено. Кручение пространства описывается геометрией Римана–Картана [с. 101]. Физический вакуум – это есть закрученное пространство-время, названное торсионным полем. Любое физическое поле порождается взаимодействием. Какое же взаимодействие порождает торсионное поле? Ясно, что не четыре известных и хорошо изученных. Торсионное поле порождается пятым взаимодействием, той пятой сущностью, «квинтэссенцией», которую на протяжении длительного времени искала наука, основанная на рациональном левополушарном мышлении человека, и вот наконец вплотную подошла к своему открытию. Однако нерациональные правополушарные формы общественного сознания: мифология, религия, эзотерика не то, чтобы давно открыли эту сущность, они просто верили в неё изначально. Пятое фундаментальное взаимодействие – информационное. Торсионное поле является физическим носителем сознания, или информации в тонком мире [2, с. 119].

Таким образом, в основе всего, что есть в природе, прародителем, праматерией, «квинтэссенцией» является физический вакуум, проявляющийся в торсионных полях кручения информации–сознания. Сознание – не производное материи, не определяется материей, что было аксиомой материалистической философии и науки. Сознание само материально, поскольку вызывает взаимодействие и поле. Сознание и материя – неразрывные сущности. Сознание объединяет все поля и взаимодействия, лежит в их основе. Сознание определяет собой тонкий мир ду-

ши, духов, абсолюта, космического вселенского разума. В понимании этого наука и религия подошли друг к другу, поистине встретились. Когда-то в начале XX в. А. Эйнштейн говорил, что «наука без религии неполноценна, а религия без науки слепа» [2, с. 18]. В конце XX в. Г. И. Шипов уверенно утверждает: «Я знаю, что Бог есть, я вижу Его за своими уравнениями. Существование Тонких Миров – реальность, встающая передо мной в ходе научных исследований» [2, с.111].

В настоящее время выстраивается единая научно-теистическая картина мира. Ю. И. Кулаков подытожил ряд её базовых принципов. Мироздание, как объективно существующий мир, не исчерпывается миром эмпирической материальной действительности – вещественным миром, воспринимаемым нашими органами чувств. Помимо вещественного физического мира есть иная реальность с иной формой бытия – мир высшей реальности, или тонкий мир. Тонкий мир бесконечен, вечен, неизменен. В нём нет пространства, времени, движения, эволюции, рождения, смерти. Физический мир является вторичным, производным, «тенью» мира высшей реальности. Физический мир является частью тонкого мира, а вместе они составляют универсум, представляющий собой открытую систему. По отношению к универсуму есть некоторое внешнее всеобъемлющее Первоначало – трансцендентный, трансрациональный, непостижимый Абсолют / Бог, доступный через откровения лишь мистическому знанию [3, с. 5].

Единство научно-теистической картины мира подтверждается тем непреложным фактом, что уже названа единая праоснова и тонкого мира высшей реальности, и вещественного физического мира – торсионные поля. Только действуют они по-разному. Вещественный мир – это мир низкочастотных вибраций, а тонкоматериальный мир – это мир высокочастотных вибраций. С открытием пятого фундаментального взаимодействия современная физика вплотную подошла к научному обоснованию важнейшего положения эзотерики: развитие всего сущего подчинено закону эволюции и происходит за счёт непрерывного перехода из одного мира в другой путём повышения или понижения частоты вибраций [2, с. 58].

Современная физика приблизилась к обоснованию и математическому описанию уровней реальности мироздания, которые вполне соотносятся с семью уровнями сущего в эзотерическом знании. Итак, первый уровень – Абсолютное «Ничто» (Божественная монада), второй уровень – первичные торсионные поля кручения (поле сознания Вселенной), третий уровень – физический вакуум (эфир), четвёртый уровень – плазма (огонь), пятый уровень – газ (воздух), шестой уровень – жидкость (вода) и седьмой уровень – твёрдое тело (земля) [2, с. 113].

Первый уровень реальности – это геометрическое пространство, Абсолютное «Ничто», Великая Пустота. Философы Востока, начиная с глубокой древности утверждали, что все материальные объекты возникают из великой пустоты, где постоянно совершаются акты творения реальности. Математики В. Клиффорд и Э. Картан полагают, что в мире нет ничего, кроме пространства с его кривизной и кручением. Кривизна и кручение приводят к двум состояниям пространства: упорядоченному и неупорядоченному. Упорядоченное состояние предполагает существование первичного сознания или сверхсознания, способного осознать Абсолютное «Ничто» и сделать его упорядоченным, т. е. выступать в роли активного начала.

Активное сверхсознание закручивает пространство, рождая в нем первичные торсионные поля, что свидетельствует о воплощении реальности во втором уровне – поле сознания Вселенной. Это поле представляет собой элементарные пространственно-временные вихри правого и левого вращений, не переносящие энергии, но переносящие информацию. Геометрия пространства на этом уровне представляет собой десятимерное многообразие (четыре трансляционные координаты и шесть угловых), причём его кривизна оказывается равной нулю, а кру-

чение отлично от нуля. Вихри порождают как правые, так и левые торсионные поля, в совокупности составляющие информационное поле, пронизывающее пространство. Торсионные поля обладают сложной структурой, что позволяет им быть носителями значительных объемов информации. Российские физики полагают, что через торсионные возмущения возможно высвободить энергию вакуумных флуктуаций, проще говоря, в физическом вакууме «упрятаны» скрытая материя и скрытая энергия, равные чуть ли не половине тех, что реализованы в виде Вселенной. Сегодня многие учёные: и физики, и психологи, и философы, не говоря уже об эзотериках, йогах, экстрасенсах убеждены, что описанное поле сознания Вселенной содержит в себе информацию о всей реальности. Правое полушарие человеческого мозга может напрямую взаимодействовать с этим полем и черпать из него информацию, т. е. подсознание человека является некой частью, особым воплощением, мерой этого поля. Поле сознания Вселенной не есть постоянная неизменная величина, в ходе эволюции оно заполняется информацией, точно также как заполняется информацией сознание человека при его жизни. Поле сознания Вселенной, сконцентрированное и локализованное вокруг Земли, составляет энергоинформационное поле Земли. Возможно, к его пониманию подошёл В. И. Вернадский, сформулировав понятие ноосферы, включающей в себя коллективное сознание всего человечества. Пытаясь математически описать энергоинформационное поле Земли, учёные выходят на образ закрученной спирали. Это не что иное как масштабное воплощение торсионного поля. Попутно заметим, насколько широко распространён образ спирали в философии (развитие в виде спирали). Это далеко не случайно, так как отражает множественность самых разнообразных известных вращений в физическом вещественном мире.

Учёные охарактеризовали три основных свойства первичных торсионных полей, отличающих их от известных физических полей. Это: 1) способность торсионных полей переносить информацию без переноса энергии, 2) передавать информацию со скоростью, превышающей скорость света, 3) распространяться и в будущее, и в прошлое. Два верхних вышеназванных уровня реальности, представляющих собой сознание, и отчасти физический вакуум, являются объектом исследования субъективной физики. Изучать их и изобрести технологии для применения, конечно же, можно на основе науки, однако полностью их постичь возможно только психикой. И хотя учёные говорят о переносе информации на этих двух уровнях реальности без энергии, существует понятие психической энергии, которую предстоит изучать и осваивать [2, с. 113–116]. Нижеследующие уровни уже материальной реальности можно исследовать с помощью человеческих чувств и технических приборов. Поэтому они являются объектом исследования объективной физики, которая много сделала для их понимания и осмысления. Сейчас эта картина может быть существенно дополнена с учётом знаний о торсионных полях.

Освоение верхних уровней реальности: сверхсознания Абсолютного «Ничто», поля сознания Вселенной, энергоинформационного поля Земли представляется возможным только на основе психики. Современная наука вышла на понимание того, что человек является особой энергоинформационной системой, и подобно, любой живой системе, функционирует по законам Вселенной. Энергетический поток, идущий снизу от Земли, поставляет человеку энергию для его материальных силовых взаимодействий с окружающим миром. Энергия, идущая из космоса, помогает «Божественной силе познания», сознанию. Физическое тело человека обеспечивает существование и работу мозга, который напрямую связан с сознанием – носителем тонких энергоинформационных структур. Энергетическими центрами человека являются чакры. От каждой чакры спереди и сзади отходят

своего рода воронки, по которым энергия вращается по часовой стрелке (правое вращение). Все пронизано торсионными полями и из них состоит. Каждый из уровней энергии, будь то земной или космической имеет семь слоев, отличающихся друг от друга вибрациями, от низких до высоких, каждая из которых отвечает за свой орган, часть тела. Чакр, тоже к слову сказать, семь. Как и в целом уровней мироздания. Именно это число лежит в основе гармонии: семь нот в музыке, семь цветов радуги в цветовом спектре, семь дней недели и т. д. С семью уровнями мироздания коррелирует и общее устройство человека как энергоинформационной системы. Вот уж поистине, как говорил Сократ: «Познай себя, и ты познаешь мир». Физическое тело человека имеет в своем составе все четыре известных вида материи: твердые субстанции, жидкость, газ, плазма (элементарные частицы). Физическое тело как в коконе находится в эфирном теле, облегающим его как скафандр и отвечающим за физическое состояние человека. Второй кокон – это астральное тело, отвечающее за эмоциональное состояние. И наконец, третий кокон, максимально отстоящий от физического тела, и напрямую соприкасающийся с энергоинформационным полем Вселенной – это ментальное тело. Его часто и называют душой. Именно ментальное тело характеризует уровень интеллектуальности и духовности. По словам И. П. Неумывакина, «все эти биоэнергетические образования дышат, светятся и составляют сущность человека, окружают его защитными энергетическими оболочками, которые, как матрешки, входят одна в другую в виде кокона и работают, как хорошо настроенные музыкальные инструменты... Как правило, у духовных людей кокон ментального тела окрашен в желтоватые, голубовато-зеленые тона, у злых, завистливых людей – в коричнево-серые. С накоплением жизненного опыта этот кокон увеличивается в объёме. Центр находится в области сердца» [4, с. 44–45]. Эфирное, астральное и ментальное тела составляют биополе человека, его психическую духовную сущность. И. П. Неумывакин полагает: «И так как все люди связаны между собой психической энергией, энергией Духа, обладающей громадной материальной силой, то в зависимости от настроения мы все вместе представляем собой Коллективный Разум Земли, который составной частью входит в Коллективный Разум Вселенной» [4, с. 97]. Основоположнику космической медицины И. П. Неумывакину вторят философы, развивающие понятие коллективного разума. По словам А. А. Ивина, «коллективный разум – это мышление обширных, исторически устойчивых человеческих сообществ. Коллективное мышление составляет фундамент всей социальной жизни. Без результатов творчества коллективного разума общественная жизнь была бы невозможна» [5, с. 19].

Неслучайно талантливый провидец будущего, известный советский писатель-фантаст И. А. Ефремов изображал людей далекого, но светлого позитивного будущего, как людей здоровых, красивых, с высокоорганизованной развитой психикой. В романе «Час быка» учитель угадывает, что могло бы больше всего заинтересовать его учеников, но при этом остаться непонятным: «...Пожалуй, психология людей в трудные эпохи перехода от низших общественных форм к высшим, когда вера в благородство и честность человека, в его светлое будущее разьедалась нагромождением лжи, бессмысленной жестокости и страха. Сомнения обезоруживали борцов за преобразование мира или делали людей равнодушными ко всему, ленивыми циниками. Как понять чудовищные массовые психозы в конце ЭРМ – Эры Разобщенного Мира, приводивших к уничтожению культуры и избиению лучших? Молодые люди ЭВР – Эры Встретившихся Рук – безмерно далеки от всего, что связано с истерически напряженной нервозностью и страхами прошлых времен...» [6, с. 8]. Ещё один герой романа, характеризуя трудный и сложный путь к Эре Встретившихся Рук, подчёркивает, что «осилить его мог лишь коллективный разум планеты. Не организованное

свыше мнение неосведомленной толпы, а обдумывание сообща и признание правоты на основе понимания и правдивой информации. При великом множестве людей на Земле все это стало возможным лишь после изобретения компьютеров – счётных машин. С помощью этих же машин мы осуществили тщательную сортировку людей. Подлинная борьба за здоровье потомства и чистоту восприятия началась, когда мы поставили учителей и врачей выше всех других профессий на Земле. Ввели диалектическое воспитание. С одной стороны, строго дисциплинированное, коллективное, с другой – мягко индивидуальное. Люди поняли, что нельзя ни на ступеньку спускаться с уже достигнутого уровня воспитания, знания, здоровья, что бы ни случилось. Только вверх, дальше, вперед, ценой даже серьёзных материальных ограничений» [6, с. 225–226].

На основании вышеизложенного видно, что современное естествознание наконец обратилось к изучению феномена информации, сознания, психической энергии, т. е. тонкого невещественного мира, который ранее был объектом исследования мифологии, религии, эзотерики. И вот только теперь в содружестве всех форм общественного сознания рождается новая информационная картина мира, которую ряд авторов называют научно-теистической. В этой картине мира человек не вынимается из природы в роли её беспристрастного объективного наблюдателя, как это было прежде в научной механической картине мира, а вновь помещается внутрь мироздания, состоящего из материи и информации с единой праосновой. Такая методология может направить гуманитарные науки на изучение подлинной психики человека и её совершенствование. Социальным системам и всему человечеству эта методология может дать новые ориентиры развития, связанные не только с улучшением техники и общественных отношений, как это было на протяжении всей предшествующей истории, но цель духовно-осознанного развития самого Человека.

1. *Кара-Мурза, С. Г.* Манипуляция сознанием / *С. Г. Кара-Мурза*. – М. : Эксмо, 2010. – 864 с.

2. *Тихоплав, Т. С.* Физика веры / *Т. С. Тихоплав, В. Ю. Тихоплав*. – СПб. : ИД «Весь», 2002. – 256 с.

3. *Кулаков, Ю. И.* Синтез науки и религии / *Ю. И. Кулаков* // Сознание и физическая реальность. – 1997. – Т. 2. – № 2. – С. 1–14.

4. *Неумывакин, И. П.* Человек и законы его жизни. Мифы и реальность / *И. П. Неумывакин*. – СПб. : Изд-во «ДИЛЯ», 2015. – 416 с.

5. *Ивин, А. А.* Коллективный разум и социальные образцы как продукт его творчества / *А. А. Ивин* // Философские исследования. Сборник научных трудов. Вып. 5. – Минск : Беларуская навука, 2018. – С. 19–28.

6. *Ефремов, И.* Час быка: роман / *И. Ефремов*. – СПб. : Азбука, Азбука-Аттикус, 2017. – 509 с.

Semenova L. N. From understanding the nature of consciousness to a new picture of the world

There is accurate division of labour between the forms of social consciousness in the study of reality. The science learned substance with the help of the first signal system – five senses and the second signal system – rational logic thinking. The mythology, religion, esoteric, mysticism based on irrational intuition, underconsciousness, and belief studied the sphere of information-consciousness. At the present time physics begin to investigate the phenomenon of consciousness on the base of the opening of the fifth informational interaction, which is understood as foundation of the world. So we can confirm that the principally new science-religion pattern world is formulated.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Венскович Михаил Станиславович, канд. филолог. наук, доцент кафедры иностранных языков УО «Брестский государственный технический университет», mail: veresok23@gmail.com

Венскович Светлана Васильевна, канд. филолог. наук, доцент кафедры иностранных языков УО «Брестский государственный технический университет»

Восович Сергей Михайлович, канд. ист. наук, доцент, доцент кафедры гуманитарных наук УО «Брестский государственный технический университет», e-mail: svosovich@list.ru

Грибова Светлана Владимировна, канд. ист. наук, доцент, заместитель декана машиностроительного факультета, кафедры гуманитарных наук УО «Брестский государственный технический университет», e-mail: sveta_gribova@mail.ru

Данилов Юрий Дмитриевич, старший преподаватель кафедры гуманитарных наук УО «Брестский государственный технический университет», e-mail: ydd213@gmail.com

Ипатова Ольга Валерьевна, старший преподаватель кафедры гуманитарных наук УО «Брестский государственный технический университет», e-mail: ipatowa.olga2013@yandex.by

Карпович Олег Валерьевич, специалист по учебному процессу УО «Брестский государственный технический университет», e-mail: oleg3080@bk.ru

Косов Александр Петрович, канд. ист. наук, доцент, заведующий аспирантурой, доцент кафедры всеобщей истории и мировой культуры Витебского государственного университета имени П. М. Машерова, alekos1979@mail.ru

Кудрицкая Елена Григорьевна, магистр психологических наук, старший преподаватель кафедры гуманитарных наук УО «Брестский государственный технический университет»; e-mail: helenkudrizkaya@mail.ru

Кузьмич Валентина Николаевна, канд. ист. наук, доцент, доцент кафедры гуманитарных наук УО «Брестский государственный технический университет», e-mail: kuzmich.brest@rambler.ru

Лисовская Татьяна Витальевна, канд. ист. наук, доцент, доцент, заведующий кафедрой гуманитарных наук УО «Брестский государственный технический университет», e-mail: Lisovski_rb@tut.by

Лысюк Анатолий Иванович, докт. полит. наук, канд. философ. наук, доцент, кафедра политологии и социологии УО «Брестского государственного университета им. А. С. Пушкина», e-mail: ailysiuk@list.ru

Малыхина Людмила Юрьевна, канд. ист. наук, доцент, доцент кафедры гуманитарных наук УО «Брестский государственный технический университет», e-mail: lectriss@gmail.com

Медиченко Лариса Евгеньевна, методист учебно-методического центра управленческой деятельности в образовании ГУО «Брестский областной институт развития образования», e-mail: medich@list.ru

Мощук Анатолий Васильевич, канд. ист. наук, доцент, ректор ГУО «Брестский областной институт развития образования», e-mail: hoshchuki@yandex.by

Муха Анна Александровна, студентка I курса экономического факультета УО «Брестский государственный технический университет». Научный руководитель – *Ипатова О. В.*, старший преподаватель кафедры гуманитарных наук

Наумова Виталия Иосифовна, старший преподаватель кафедры гуманитарных наук УО «Брестский государственный технический университет», e-mail: vitaliya27@rambler.ru

Обуховская Оксана Анатольевна, старший преподаватель кафедры иностранных языков УО «Брестский государственный технический университет», e-mail: o.obuhovskaya@mail.ru

Писарук Галина Васильевна, канд. пед. наук, доцент, доцент кафедры общего и русского языкознания филологического факультета УО «Брестский государственный университет им. А. С. Пушкина», e-mail: drusema@tut.by

Птичкина Светлана Алексеевна, кафедры гуманитарных наук УО «Брестский государственный старший преподаватель технический университет», e-mail: s.ptichkina02@gmail.com

Рябцевич Валентин Наумович, доцент кафедры археологии, этнографии и вспомогательных исторических дисциплин Белорусского ордена Трудового Красного Знамени государственного университета им. В. И. Ленина

Семенова Людмила Николаевна, докт. ист. наук, профессор, профессор кафедры истории белорусской государственности Белорусского Национального Технического Университета (Минск), e-mail: ludmila.semenova@bntu.by

Синчук Иван Иванович, научный консультант издательства «Беларуская энциклапедыя», e-mail: sintchouk@tut.by

Соколовская Мария Григорьевна, старший преподаватель кафедры политологии и социологии УО «Брестский государственный университет имени А. С. Пушкина», e-mail: llogos@list.ru

Стрелец Михаил Васильевич, докт. ист. наук, профессор, профессор кафедры гуманитарных наук УО «Брестский государственный технический университет», e-mail: mstrelez@mail.ru

Сурта Елена Николаевна, канд. ист. наук, доцент кафедры всеобщей истории и методики преподавания истории УО «Белорусский государственный педагогический университет им. М. Танка», e-mail: hsurta@yahoo.de

Сушко Виктория Владимировна, канд. ист. наук, доцент, доцент кафедры гуманитарных наук, начальник управления воспитательной работы с молодёжью УО «Брестский государственный технический университет», e-mail: ex.roljanova.s@mail.ru

Хавкин Борис Львович, докт. ист. наук, профессор Российского государственного гуманитарного университета (Москва), e-mail: novistor@mail.ru

Хвальков Евгений Александрович, PhD, доцент, департамент истории, Национальный Исследовательский Университет Высшей Школы Экономики (Санкт-Петербург), e-mail: ekhvalkov@hse.ru

Чжоу Лэчжэн, аспирант кафедры международных отношений УО «Белорусский государственный университет» (Минск). Научный руководитель: профессор кафедры международных отношений БГУ, докт. ист. наук В. Е. Снапковский, e-mail: zhoulezheng@hotmail.com

Шпудейко Людмила Николаевна, магистр педагогических наук, старший преподаватель кафедры иностранных языков УО «Брестский государственный технический университет», e-mail: ludmilashp@mail.ru

ОГЛАВЛЕНИЕ

<i>От редакции</i>	3
Рябцевич В. Н. Рецензия на работу А. Щелокова «Денежные знаки советской власти. Определитель-каталог». 6,5 + 4,5 л. машинопись (подготовил к печати Синчук И. И.)	4

ПОЛИТОЛОГИЯ

Данилов Ю. Д. Геополитический подход в изучении истории	16
Ипатов О. В., Стрелец М. В. Союзное государство России и Беларуси в интерьере интеграционных реалий современного мира	20
Косов А. П. Латиноамериканская политика США в период президентства Дж. Буша-мл.	26
Чжоу Лэчжэн. XIX съезд КПК о целях и задачах внешней политики КНР	35

ИСТОРИЯ

Восович С. М. Православные братства Бельского уезда на рубеже XIX – XX вв.	40
Грибова С. В. Татарско-мусульманские захоронения на территории польско-белорусского пограничья на примере мизаров Люблинского воеводства	45
Карпович О. В. Действия повстанческого отряда Титуса Пусловского на Полесье летом 1831 года	50
Кузьмич В. Н. Взаимодействие пограничных служб с местным населением на белорусском участке советско-польской границы в межвоенный период	56
Лисовская Т. В. Протестантизм на белорусских землях в XVI–XIX вв.: общие черты	60
Малыхина Л. Ю. Конфессиональная политика во Второй Речи Посполитой в области правового регулирования	64
Мошук А. В. Проблемы изучения истории деятельности польского Бунда в межвоенный период в польской историографии	74
Наумова В. И. Этапы большого пути. к столетию образования БГТ-1	78
Синчук И. И. Дюйм, линия – и точка	85
Сурта Е. Н. Концепт социально-исторической антропологии как метод исторического исследования в медиевистике	90
Сушко В. В. Религиозная деятельность христиан веры евангельской и евангельских христиан-баптистов в контексте Всесоюзного совета евангельских христиан-баптистов (на примере Брестского региона в период 1945–1965 гг.)	96
Хавкин Б. Л. Польский и германский планы депортации евреев на Мадагаскар	101
Хвалькоў Я. А. Звесткі рускіх летапісаў і крыніц усходняга паходжання аб набегам на рускія землі і аб палітычнай сітуацыі ў Залатой Ардзе	107

ПЕДАГОГИКА

Кудрицкая Е. Г. Удовлетворенность студентов технического университета учебной деятельностью	121
Обуховская О. А. Использование компьютерных технологий при обучении иностранным языкам в неязыковом вузе: проблемы и перспективы	126
Обуховская О. А. Роль и место учебника как средства обучения иностранным языкам в неязыковом вузе	131
Писрук Г. В. Лингвостилистические особенности религиозно-философского текста С. Мажуко «Пастырь детей и деревьев»	135

СОЦИОЛОГИЯ

<i>Лысюк А. И., Соколовская М. Г.</i> Общественное мнение о перспективах трудоустройства в стране белорусов, получивших высшее образование за границей	141
--	-----

ПРАВО

<i>Ипатова О. В.</i> Патентование изобретений в Республике Беларусь и Российской Федерации	147
<i>Муха А. А.</i> Электронное правительство как приоритетное направление развития информационного общества в Республике Беларусь	154
<i>Птичкина С. А.</i> Правовые основы регулирования образования в Республике Беларусь	163

ФИЛОЛОГИЯ

<i>Венкович М. С., Венкович С. В., Шпудейко Л. Н.</i> Структурные компоненты лингвистической теории высказывания	167
--	-----

ФИЛОСОФИЯ

<i>Медиченко Л. Е.</i> Исследование проблематики динамики национального типа культуры Беларуси	171
<i>Семенова Л. Н.</i> От постижения природы сознания к новой картине мира	178
<i>Сведения об авторах</i>	185

CONTENTS

<i>From the editors</i>	3
Ryabtsevich V. N. Review of the Work of A. Schelokov «Banknotes of Soviet Power. Directory Qualifier». 6,5 + 4,5 s. Typescript (Sintchouk I. I.)	4

POLITOLOGY

Danilov Y. D. Geopolitical Approach to the Historical Studies.....	16
Ipatova O. V., Strelets M. V. Uunion State of Russia and Belarus in the interior of integration reality of the modern world	20
Kosov A. P. US Latin American Policy during the Presidency of George W. Bush	26
Zhou Lezheng. XIX CCP Congress on the Goals and Tasks of the PRC Foreign Policy	35

HISTORY

Vosovich S. M. Orthodox brotherhoods of Belsky county at the turn of the XIX–XX centuries	40
Gribova S. V. Tatar-Muslim Burials on the Territory of the Polish-Belarusian Borderland on the Example of Misars of the Lublin Voivodeship.....	45
Karpovich O. V. Actions of Titus Puslovsky's Rebel Group on Polesie in 1831.....	50
Kuzmich V. N. Interaction of Border Services with the Local Population on the Belarusian Section of the Soviet-Polish Border During the Interwar Period	56
Lisouskaya T. V. Protestantism on Belarusian lands in the 16th–19th centuries: common features	60
Malykhina L. JU. Конфессиональная политика во Второй Речи Посполитой в области правового регулирования.....	64
Moshchuk A. V. Problems of studying the history of the Polish Bund in the interwar period in Polish historiography	74
Naumova V. I. Timeline of achievement. Mark the centenary of the foundation of the BST-1	78
Sintchouk I. I. Inch, Line and Point in the Russian Empire XVIII – XIX centuries	85
Surta E. N. Concept of socio-historical anthropology as a method of historical research in the medieval studies.....	90
Sushko V. V. Religious activity of Evangelical Christians and Evangelical Baptists in the context of the all-Union Council of Evangelical Baptists (on the example of the Brest region in the period 1945–1965)	96
Khavkin B. L. Polish and German Plans to Deport Jews to Madagascar	101
Khvalkov E. A. The source data of the Russian chronicles and sources of eastern origin about the raids to the Russian lands and on the political situation in the Golden Horde	107

PEDAGOGY

Kudritskaya E. G. Satisfaction of Technical University Students with Learning Activities	121
Abukhouskaya A. A. Computer-assisted Foreign Language Teaching: Problems and Perspectives	126
Abukhouskaya A. A. The Role and Place of Textbooks in Teaching Foreign Languages at a Non-linguistic University	131
Pisaruk G. V. Linguistic and stylistic features of the religious and philosophical text S. Mazhuko “Shepherd of children and trees”	135

SOCIOLOGY

<i>Lysiuk A. I., Sokolovskaya M. G.</i> Civic opinion on employment prospects in the country for Belarusians, who obtained higher education abroad	141
--	-----

LAW

<i>Ipatova O. V.</i> Patenting of inventions in the Republic of Belarus and the Russian Federation	147
<i>Mukha A. A.</i> E-Government as a Priority Direction for the Development of the Information Society in the Republic of Belarus	154
<i>Ptichcina S. A.</i> Legal framework for the regulation of education in the Republic of Belarus	163

PHILOLOGY

<i>Venskovich M. S., Venskovich S. V., Shpudeiko L. N.</i> Structural components of the linguistic theory of utterances.....	167
--	-----

PHILOSOPHY

<i>Medichenko L. E.</i> Study of the Problem of Dynamics of the National Type of Culture of Belarus	171
<i>Semenova L. N.</i> From understanding the nature of consciousness to a new picture of the world	178
<i>Information about authors</i>	185

Научное издание

УЧЁНЫЕ ЗАПИСКИ

**Брестского государственного технического университета:
гуманитарные науки**

Сборник научных трудов

Выпуск II

SCIENTIFIC PROCEEDING

**Of Brest State Technical University:
The Humanities Sciences**

Collection of Scientific Works

Issue II

Текст печатается в авторской редакции, орфографии и пунктуации

Ответственный за выпуск: Малыгина Л. Ю.

Редактор: Боровикова Е. В.

Технический редактор: Боровикова Е. А.

Корректор: Чагайда Ю. Н.

Издательство БрГТУ.

Свидетельство о государственной регистрации
издателя, изготовителя, распространителя печатных
изданий № 1/235 от 24.03.2014 г., № 3/1569

от 16.10.2017 г. Подписано в печать 27.08.2020 г.

Гарнитура «Times New Roman». Формат 60×84¹/₁₆.

Бумага «Performer». Уч. изд. л. 11,16. Усл. печ. л. 12,0.

Заказ № 747. Тираж 40 экз. Отпечатано на ризографе

Учреждения образования «Брестский
государственный технический университет».

224017, г. Брест, ул. Московская, 267.

ISBN 978-985-493-505-8

